

БОРИС РЯБУХИН

КРЫМСКАЯ «ВЕНЕРА»

РОМАН

литера
М
2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рябухин Борис
Крымская «Венера»: роман –
Рязань: Литера М, 2017 – 512 с.

Только три человека – руководители разведки крымских партизан Иван Федосеевич Федченко, Эдуард Янович Сизас и Иван Христофорович Давыдкин знали, что их разведчица «Венера» служит в СД (служба для особых поручений) у карателей.

Была у этой опасной скрытной работы в тылу врага и обратная сторона. Люди незаслуженно обвиняли ее в связи с оккупантами.

И была в ее жизни и еще более скорбная, чем война, страница. По своей несправедливости превосходящая для нее всю остальную боль. Ее славное имя хранит Мемориал «Жертвы политического террора в СССР» – Софья Петровна Загоркова.

ISBN 978-5-906

© Рябухин Б.К., 2017
© Оформление. Литера М, 2017

ОТ АВТОРА

Материалы о Крымских партизанах мне передала семья моего астраханского однокурсника, когда я работал в «Литературной газете», с просьбой «довести» их до издания. И своему другу я обещал написать о главной героине этой книги – крымской «Мате Хари».

Софья Петровна Загоркова – отважная советская разведчица «Венера». Она – из племени переселившихся в Крым, по разрешению Екатерины Великой, болгар, бежавших от Османского ига в Россию.

Серый ватник, серые брюки, заправленные в кирзовые сапоги, кожаная шапка-ушанка не могли скрыть ее обаяние и женственность. Несмотря на одежду, девушка, с большим открытым лбом, карими глазами, излучающими доброту и нежность, была воспринята ими как богиня Венера.

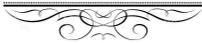
Она родилась в немецком селе, неподалеку от Керчи. Отец ее батрачил у немцев, в Гражданскую войну был в партизанах, а в начале Отечественной войны погиб в рядах Красной Армии. Оккупанты предложили ей работу переводчицы, потому что она хорошо знала немецкий язык. Но Софья хотела стать партизанкой и мстить за отца. Руководители крымских партизан внедрили ее в карательные органы фашистов.

Сложна и секретна работа разведчика, особенно в тылу врага. Люди незаслуженно обвиняли в связи с врагом этих честных самоотверженных людей. Вот и Софью Загоркову земляки видели в войну улыбающейся, ничем не озабоченной, но не знали, что скрыты за этой улыбкой нечеловеческие усилия, чтобы не допустить ошибки ни в одном взгляде, ни в одном слове, ни в одном жесте. Ей еще аукнется это.

Война кончилась великим салютом Победы над фашистской Германией. Но этот праздник Софья Петровна встретила неизлечимо больной. Сказались годы невероятного напряжения духовных и физических сил.

ГЛАВА 1

По рассказам бабушки Калины маленькая Соня знала историю родного края. В предгорьях одной восточной области Крыма, на крутых холмах, у подножья которых журчит Кучук-Карасу (Малая черная речка), располагалось в давние времена ее родное небольшое село Ивановка. Основано оно было безземельными болгарскими чабанами из села Кишлав, из тех болгар, которые переселились сюда из захваченной турками Болгарии после неудавшегося восстания, сурово подавленного башибузуками. От жестокости башибузуков болгары с семьями бежали на север, в Россию. Они кочевали с нехитрым скарбом на телегах, с гуртами скота и с отарами овец. Много пришлось в пути претерпеть невзгод и лишений, но, встретив русских воинов, они получили и сочувствие, и помощь...

«Сердобольная» императрица Екатерина Вторая велела оказать переселенцам-болгарам царскую милость и поселить их в этих местах, где природа напоминала им родную сторону. Но болгары оставались долгое время безземельными. Долго – это два поколения ушло в тяжелых трудах, нищете и строгой экономии. Наконец, они скопили денег и приобрели землю у местных жителей и помещиков. В большинстве своем переселившиеся болгары были чабанами. Они пасли свои отары овец и оседали там, где пустовали пастбища, оставленные выселенными в Приазовье греками и армянами, или бежавшими в Турцию татарами. Эти земли были неухоженными и только числились за помещиками. Долина Малой черной речки, названная так после пребывания императрицы в Крыму, была еще не заселена, и представляла непаханую целину. Верстах в двух-трех от Феодосийского шоссе, вниз по течению этой речки, вросли в землю десятка два низких домиков татарской деревушки Катыши. За деревней речка делала поворот влево к обрывистым крутым холмам, вдоль которых

она бежала еще верст шесть-семь, и возле сужавшейся долины поворачивала направо, к подножью лесистых гор. Между горами и скалами – справа и холмами и речкой – слева образовалась обширная ровная долина, поросшая по краям вербами и осокорями, а кое-где и дикими яблонями, и грушами.

Дальше, вниз по течению речки Кучук-Курасу, горы с обеих сторон близко сходились, образовав ущелье Пролом. Речка, минувя Пролом, вышла на холмистую равнину степного Крыма. В этом месте её пересекла старая Екатерининская дорога.

Основатель этого, родного Соне села Кабурчака – дед Иван Добрев, по прозвищу Ангел, сколько не блуждал со своей отарой овец по горному и степному Крыму, нигде не находил на свободных землях такого прекрасного и удобного места для поселения. Узнав от Катышинских татар, что этими пустующими землями владел богатый мурза, не захотевший присягать на верность России и бежавший в Турцию, Иван Ангел решил здесь обосноваться. Тогда единственным жителем обширной округи был мусульманский отшельник, имени которого никто не знал, и жители Катышей называли его Вакуфом, что означало – святой.

Отправился Иван Ангел к Вакуфу на переговоры. А жил Вакуф в землянке, у подножия горы, где начинался огромный луг. Здесь пробился из-под земли источник с первозданно чистой водой, вытекающий на луг в болотце, вокруг которого росли кобластые осокори и вербы.

После первых же слов переговоров, Ивану стало ясно, что Вакуф ни каких прав на местную землю не имеет. И, откровенно говоря, ему недолго осталось жить – так он был хил и немощен.

Однако Иван Ангел, будучи человеком уважительным и дальновидным, спросил у Вакуфа: можно ли ему построить землянку на холме с противоположной стороны луга. Вакуф

ответил, что Иван волен селиться там, где ему заблагорассудится, а вся земля принадлежит Аллаху. Иван Ангел написал бумагу арабской вязью по-татарски и дал Вакуфу подписать ее. Вакуф прочитал, удивился, что бумага правильно и грамотно написана (Вакуф был ученым и в молодости посетил Мекку), и подписал ее. В благодарность за это Иван Ангел на мусульманский праздник Курбан-Байрам привел отшельнику барашка, и приготовил преотличную каурму¹. Остатки барашка повесил на вербе, чтобы Вакуф мог потом приготовить из него все, что ему захочется.

И позже Иван Ангел нередко навещался к Вакуфу, принося каждый раз гостинец: то брынзу, то молодую баранину, то муку. Богомолец приношения болгарина принимал и каждый раз шептал свои молитвы.

Вскоре Иван построил на крутом бугре землянку, а вокруг нее из плетня соорудил кошару, и теперь не возвращался в Кишлав², а зимовал в своей землянке. Через два или три года он соорудил домик, сплетенный из прутьев, обмазанных глиной, смешанной с навозом. Домик был построен на болгарский манер: два крошечных подслеповатых оконца смотрели на внешнюю сторону, во двор выходила открытая веранда, к которой примыкал небольшой полисадник, где были посажены абрикосы и вишни, а между деревьями стояли сапетки (улья для пчел в виде корзин, обмазанных глиной). Из дома на веранду выходили низкие двери и маленькое оконце. Дом внутри был разделен на две комнаты. В прихожей сооружен большой очаг, и на нем можно было бы свободно зажарить на вертеле трехгодовалого барана или годовалого теленка. Из

¹ Каурма – восточное блюдо в виде жареной баранины со специями. Каурма часто используется для приготовления других блюд, в том числе плова.

² Кишлав – село в Карасубазарском (Белогорском) районе Республики Крым.

очага отапливалась прямоугольная внизу и круглая наверху татарская печь, сложенная из обожженного кирпича. Прихожая и отапливаемая комнаты были примерно одинаковой величины. В прихожей жили большую часть года, там готовили пищу, там же ели, сидя за низким столиком. Свой дом Иван Ангел покрыл черепицей.

Вскоре в благоустроенное гнездо приехала и жена Ивана – с четырьмя детьми: двумя мальчиками и двумя девочками.

Через два года умер Вакуф. Иван Ангел, хоть и был православным, но похоронил его по-мусульмански: сидящим лицом к востоку...

Прошло еще около пяти лет, и вокруг избушки Ивана Добрева раскинулся небольшой поселок выходцев из Кишлава. Слева поселились Загорковы – три брата: старший – Василий, средний – Федор и младший – Константин.

Потом вдоль нависшего над речкой бугра вытянулась улица домов, сложенных из калыба или сделанных из плетня, обмазанного глиной. У первых поселенцев повыврастали дети, и отцы начали их выделять и строить им дома на улице, параллельной улице первых поселенцев. Так возникла улица Московская, на которой дома выходили один к другому фасадами. Посредине деревни образовалась площадь – Мягдань, к которой примыкали с правой стороны церковь и школа.

Здание церкви совсем было не похоже на церковные здания, это был обычный болгарский крестьянский дом, у которого удалена внутренняя стена, а в глубине устроен алтарь. Вход же перенесен в торец. Сбоку стояла сложенная из бревен колокольня, на которой были подвешены колокола. В великие христианские праздники разрешалось трезвонить в колокола всем, кому только хотелось. Здание школы было построено значительно позже, перед самой Российско-японской войной, а, возможно, и после неё.

На Мягдани по воскресеньям и праздникам, но не во время постов, устраивались хороводы и танцы. На Пасху и Троицу молодые парни строили качели и колесо, на которых катали девушек.

Против школы, на другой стороне Московской улицы располагалось сельское правление, а с установлением советской власти обосновался сельсовет. Здесь же собирались сходы крестьян, проходившие иной раз весьма бурно, в особенности, когда дела касались дележа земли, луга и сада, в то время разделенных на пайки и общественное владение.

И село называли Кабурчак.

С начала нового столетия Кабурчак расширился еще больше – начали выделяться в самостоятельные хозяйства сыновья и внуки Речной и Московской улиц. Так в селе появилась еще одна улица – Степная. Зады этой улицы выходили в поле. Жили на ней молодые потомки жителей первых двух улиц и более поздние переселенцы из Кишлага и Чаи (Желябовки). В северной части села, на отдельно стоящем бугре – Сандале – возник еще ряд домов, построенных перпендикулярно улицам. А за ними расположилось небольшое, но многолюдное и шумное поселение цыган.

Цыгане-мужчины занимались кузнечным делом. Они ковали все, что было нужно крестьянам на селе, начиная от гвоздей и кончая ковкой лошадей и починкой плугов, сеялок косилок и другого инвентаря. Одним словом, цыгане, жившие в Кабурчаке, были полезными помощниками крестьян.

Цыганки-женщины большей частью занимались гаданьем и попрошайничеством, но некоторые из них принимали участие и в домашних делах болгарских женщин: стирали белье, помогали во время молотбы, но не долго. Были они дружны с болгарскими, редко воровали у них, но в своих просьбах бывали весьма настойчивы...

В голодный год, последовавший после засухи 1921 года, сильно сократилось цыганское население Кабурчака.

В южной части села, тоже на бугре, но слева от дороги в Катыши, ведущей к Феодосийскому шоссе, располагалось кладбище, обнесенное невысокой стеной из дикого камня.

Огромная долина речки Кучук-Карасу, которую Иван Ангел застал здесь пустынной целиной в середине прошлого столетия, жители Кабурчака разделили на две почти ровные части: северную, где был разбит общественный сад, и индивидуальные пайки крестьян, и южную – луг, каждую весну заливавшийся водой. В течение лета здесь крестьяне дважды косили сено. И, наконец, прямо против села, на противоположной стороне долины речки Кучук-Карасу, возвышалась поросшая лесом складка Крымских гор с двумя живописными скалами, царившими над долиной и селом Кабурчак. Местные жители называли эти скалы Тупой и Острой, и видны были эти скалы издалека – сразу после переезда через реку Карасевку по дороге из Карасубазара.

Скалы эти природой были фигурно разукрашены выступами, карнизами, выемками, глубокими складками из выветрившихся пород мелового песчаника. Вершины скал поросли густым лесом, а осыпи, из упавших со скал камней спереди и с боков, представлялись Соне похожими на застывшие огромные сказочные чудовища. Это впечатление особенно усиливалось, когда жители приближались в пасмурный день к Кабурчаку по Карасубазарской дороге, и панорама гор сразу раскрывалась перед глазами.

ГЛАВА 2

Из рассказов отца, Петра Загоркова, Соня что-то знала о революционной истории родного Крыма.

К Февральской революции 1917 года жители Кабурчака отнеслись скорее с сожалением, чем с радостью. Были еще

сильны у стариков верноподданнические традиции, внедренные в среде болгар в течение более чем ста лет духовенством и представителями царской власти. Однако молодежь охотнее восприняла дух свободы, проникавший в деревню из Симферополя, Карасубазара и, главным образом, из писем фронтовиков.

Уже в октябре-ноябре 1917 года подавляющая часть жителей Кабурчака была за большевиков. К концу 1917 года в Крыму установилась Советская власть. Возвратились с фронта с оружием в руках и солдаты еще царской армии. Жизнь стала налаживаться. Но к весне 1918 года появились в Крыму немецкие оккупанты. Когда эти немцы ушли – остались после них трупы казненных большевиков и опустошенные закрома крестьян. А на смену немцам появлялись меняющиеся контрреволюционные правительства татарских националистов, деникинцев, врангелевцев.

Частые реквизиции хлеба, лошадей, скота, а затем мобилизация молодежи в белую армию вызывали массовое дезертирство мобилизованных в лес, крестьяне укрывали в горах лошадей и скот, стали рыть в укромных местах ямы и прятать от властей зерно.

Вскоре до жителей Кабурчака дошли слухи, что где-то в районе села Сартана Кокасанского лесничества и у горы Берлюк стали появляться партизаны, смело нападающие на гарнизоны белых солдат, расположенные в близлежащих селах. Через некоторое время дошли и подробности о партизанах. Принесли эти новости как-то ночью в Кабурчак два участника партизанского отряда, и к утру исчезли из деревни... Возглавлял партизанский отряд бывший матрос-большевик Алексей Васильевич Мокроусов, а в его отряде узнали кабурчаццы о своих знакомых и соплеменниках.

В лесу, на вершинах скал Тупой и Острой, и дальше от них на юг и восток скрывались от солдат белой армии многие

жители Кабурчака. Лес этот назывался Азаматским. Скрываться в нем было трудно: лес негустой, на окраинах переходил в кустарник, без единого источника воды.

Среди обитателей Азаматского леса был Сонин будущий отец Петя Загорков – студент Симферопольского университета, сын одного из первых поселенцев Кабурчака, а также бывший прапорщик царской армии, и многие молодые парни, которых мобилизовали в белую армию, но не сумели довести до фронта.

Все эти люди жили по три-четыре человека в землянках, вырытых на полянах по заднюю сторону Тупой скалы. Активной борьбы с беляками эти люди не вели. Ночью спускались они из леса к источнику ключевой воды на стыке луга и сада. Там жители Кабурчака в свое время поставили часовню на месте, где когда-то жил татарский отшельник Вакуф.

Солдаты и офицеры белой армии ночью здесь не появлялись, и скрывающиеся от них люди спускались в темноте с горы из леса, находили возле часовни помимо ключевой воды, и пищу, которую днем приносили сюда их родственники. Жители Кабурчака своевременно сообщали партизанам о готовящихся белыми солдатами облавах, и тогда «лесники» уходили на несколько дней в соседний Джемрикский лес. Переждав время, когда белые цепи заканчивали прочесывать Азаматский лес, скрывающиеся кабурчакцы в него возвращались. Так продолжалось несколько раз, пока беляки не усилили охрану Кабурчака, и стало опасным скрываться в его окрестностях.

После того, как два партизана из отряда Мокроусова посетили Кабурчак, жители села из Азаматского леса двинулись на юг, в горы, на соединение со своим отрядом. При этом особенно активную роль сыграл Петр Загорков. Это он стал убеждать своих товарищей, что с беляками нужно вести активную борьбу, а не отсиживаться в лесу, когда другие борются с врагами. И вскоре ему удалось сколотить группу из двенадцати хорошо вооруженных земляков. Их командиром стал

Каражов. Он воевал на Румынском фронте, уклонился от мобилизации белых войск и скрывался в лесу. Комиссаром группы выбрали Петра Загоркова. Несмотря на свою молодость, он имел опыт политической борьбы в Симферопольском университете. За участие в студенческой большевистской организации, он был арестован контрразведкой белых, но совершил дерзкий побег из-под ареста.

Петр Васильевич Загорков был единственным сыном одного из первых поселенцев Кабурчака – Василия Загоркова. Василий был сирмахом (бедняк по-болгарски), гнул спину на богатых. Двадцать лет служил у армянина-помещика, имевшего в четырех верстах от Карасубазара прекрасное имение с садом и мельницей. После двадцати лет этой работы сумел Василий Загорков присоединиться к своим братьям в Кабурчаке, и зажить самостоятельной крестьянской жизнью. Накопленных денег хватило, чтобы внести свой пай в Кабурчакскую общину и построить колыбяный дом.

Было у Василия три дочери и один сын: Мария, Софья, Анна и Пётр. Старших дочерей – Марию и Софью он выдал замуж за женихов из других сел, а младшую Анну или, как домашние её называли, Цону, и сына Петра решил Василий сделать образованными людьми. Анну устроил в Карасубазарскую женскую прогимназию, ставшую впоследствии гимназией, а сына, когда он подрос, определил в Симферопольскую мужскую гимназию. Анна по окончании гимназии стала сельской учительницей в одном из сел Феодосийского уезда. Сына же хотел видеть дед Василий большим человеком, а каким – он и сам не знал, но стремился, чтобы Петр получил высшее образование, избавился, наконец, от тяжелого крестьянского труда.

После окончания гимназии Петр Загорков поступил в открывшийся к тому времени Симферопольский университет. Здесь, по прошествии почти года спокойного учения, насту-

пили бурные послефевральские дни. Поток студентов, облаченных в серые тужурки и форменные фуражки, при первом революционном толчке распался на многочисленные группы по числу существовавших политических партий. Особенно обострилась борьба в университете после свершившейся Октябрьской социалистической революции. Несколько раз в Крыму менялись правительства, и каждый раз борьба становилась ожесточеннее...

Петр Загорков поддерживал в университете немногочисленную группу большевиков, выполняя ее задания. Но во время одного из конспиративных заседаний группы он был схвачен вместе с двумя товарищами белогвардейской контрразведкой. Петру Загоркову с сотоварищами грозил расстрел, но им удалось случайно спастись. После допроса в контрразведке группу арестованных граждан, и среди них Петра Загоркова с товарищами, отправили под конвоем в тюрьму.

Был час ночи, небо заволокло тучами. Арестованных вели по узкой улочке. И вдруг им на пути встретилась отара овец, которых гнали на бойню. Отара заполонила всю улицу, и, несмотря на крики и угрозы конвойных, овцы металась в разные стороны, усиливая сумятицу и неразбериху. Когда, наконец, овец прогнали, белые конвоиры не досчитались трех студентов и двух задержанных контрразведкой гражданских лиц. Поиски арестованных ни на соседних улицах, ни в ближних дворах не дали результатов.

Только через двое суток Пётр пробрался в Кабурчак. Но отца в живых уже не застал: он умер от холеры за несколько дней до прихода Петра. Эта свирепствующая в 1920 году страшная эпидемия унесла многих жителей Кабурчака, в том числе и основателя села – деда Ивана Добрева – соседа Загорковых.

Перед смертью дед Василий всё сетовал, что не удастся ему увидеть своего сына ученым...

Гарнизон белогвардейцев, стоявший в Кабурчаке, не заметил исчезновения партизан. Еще долгое время несли караулы на окраине села и не раз прочесывали лес, но их никто больше не беспокоил.

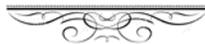
В партизанский отряд Мокроусова кабурчаковцев приняли с радостью.

Партизанское движение отряда быстро росло от влившихся в него людей из сел, расположенных вблизи лесов восточного Крыма, недовольных действиями белогвардейцев.

В ночь на 1 сентября 1920 года партизаны Мокроусова напали на отряд белогвардейцев, охранявший Бешуйские угольные копи. Охрана была разгромлена, а угольные копи взорваны. Враги лишились последней топливной базы на занятой ими территории, и теперь, чтобы перевозить войска по железной дороге, им пришлось заготавливать дрова для паровозных топков.

В бою с белогвардейцами в Бешуе Петр Загорков был ранен в левую руку, но из боя не вышел и до конца оставался в строю. В дальнейшем он участвовал в других операциях партизан, и вернулся домой в Кабурчак только после полной ликвидации белой армии в Крыму.

ГЛАВА 3

– А когда закончилась Гражданская война, – рассказывал маленькой Соне Петр Васильевич, – я продолжать учебу в университете не смог – не было средств. В городе было голодно, а в деревне мать осталась одна, сестры вышли замуж, и за нехитрым хозяйством требовалось мне ухаживать...

Но недолго пробыл в Кабурчаке Петр Загорков.

Однажды, когда ему пришлось поехать по своим делам в село Андреевку, или, как его называли иначе Чаи (позднее

его переименовали в Желябовку), там познакомился с местной красавицей, молодой вдовой Кицей Майборода, и... влюбился в нее. Пробыл Петр Васильевич в Андреевке недолго, но оставил там свое сердце. Покорила его молодая вдова своей красотой и обходительностью окончательно и бесповоротно.

Приезд Петра Васильевича в Кабурчак совпал с пребыванием там его сестры Цоны (Анны). Рассказал он сестре о своей любви к Кице и просил помочь ему, так как знал, что мать – баба Калина – уже подобрала для него невесту.

Цона поведала матери о любви Петра к Кице, но на бабу Калину уговоры не подействовали. Она принадлежала к числу тех старых людей, которые считают, что их дети, в каком бы возрасте не находились, должны выполнять волю родителей. Когда приехал Петр Васильевич домой, баба Калина заявила ему:

– Жениться будешь на той, которую я тебе выбрала. А Кицу забудь. Это все блуд! Нечего тебе жену с чужим ребенком брать.

Петр Васильевич молча выслушал мать и, не сказав ни слова, вышел из дому. В ту ночь он дома не ночевал – ушел в ночное с парнями. Надеялся, что мать станет беспокоиться о нем, и смягчит свое решение. Но когда рано утром пришел домой, мать встретила его у калитки и заявила ему, что решение ее окончательно, и дня через два она будет посылать сватов к Тричевым.

– Мама, не надо этого делать. Не люблю я Раду, и все равно на ней не женюсь, – тихо протестовал Петр, пропуская ее вперед в дом. – Ты ведь помнишь, когда был жив отец, он всегда говорил: «Хочу, чтобы дети сами женились, по любви, и выбирали себе того, кого захотят».

– А разве плохо, что я вышла замуж за твоего отца не по любви, а по желанию родителей? Я потом его полюбила... И вообще, я не хочу, чтобы в моем доме был чужой ребенок! Зачем мне еще чужих детей нянчить?

Дело приняло дурной оборот. А Петр Васильевич, не смотря на свою любовь к матери, уступить ей не хотел. Улыбающееся милое лицо Кицы стояло перед ним и манило его, стоило ему только закрыть глаза.

– Мама, Кицу я люблю и женюсь на ней, – твердо отрезал Петр. – Я ей уже дал слово. Ведь не ты женишься, а я. Зачем мне Рада, когда я люблю Кицу?

– Раду я знаю, – ответила ему мать. – Рада добрая и работающая девушка. А Кица кто? Чужая вдова с ребенком! Барыня! Она и дома ничего не будет делать – только книжки читать. Как же! Гимназию кончила, грамотная. А дома всё само делаться будет? Как хочешь, а мое решение таково: посылай сватов к Раде, а не хочешь по-моему, – можешь уходить к своей Кице.

Баба Калина повернулась спиной к сыну и вышла из дома во двор.

Прошло несколько дней. Больше мать с сыном не заговаривала о женитьбе. Только суровым голосом приказывала выполнить то одно, то другое из домашних дел.

Петр потихоньку стал укладывать в чемодан свои вещи и книги: готовился незаметно к отъезду в Андреевку. Однако по дому старался сделать все так, чтобы потом матери было полегче. Обмолотил у дяди Фёдора хлеб, которого в этом неурожайном году созрело мало, и ссыпал зерно в амбар. Во дворе навел порядок. Почистил хлев, где стояла корова. Лошадей в хозяйстве не было. Взял у дяди Фёдора волов и на арбе привез с луга и из сада сено, что было заготовлено еще летом и весной. Сложил его во дворе в высокую скирду. Мать, видя усердие сына, считала, что он смирился с её решением.

Каково же было её удивление, когда однажды в субботу, а было это во второй половине августа, после окончания всех полевых работ, Петр Васильевич заявил ей:

– Завтра мы с тобою, мама, попрощаемся! Завтра утром уезжаю я в Чаи. Приготовил тебе всё, что нужно по хозяйству,

теперь тебе не скоро здесь будет нужен мужчина. А я Кицу люблю и без нее жить не могу. Поеду жить с ней.

Завопила тут баба Калина, аж слезы брызнули из глаз.

– Чтоб ты её не нашел и не увидел на этом свете! Будь она проклята, эта женщина! И откуда она взялась на нашу голову?

Потом, немного успокоившись, баба Калина отвернулась от сына и сказала, как бы на прощание:

– Все равно придешь ко мне, где бы ты ни был, и где бы ты ни жил!

Пророческими оказались слова бабы Калины. Куда бы ни забрасывала судьба Петра Васильевича – всё равно возвращался он снова домой, в Кабурчак, под заботливое крыло властной бабы Калины.

Уехал Петр Васильевич в Андреевку. Свадьбу справили небогатую: неурожайный был год. Но разговоров в Андреевке было много: как это так, родственники жениха на свадьбу не приехали? Были на свадьбе только родственники невесты и приглашенные сельчане. Такое на болгарских свадьбах случалось редко. Поговорили, посудачили, но скоро забыли.

Прошло несколько месяцев совместной счастливой, но скромной, даже по тому времени, жизни молодых. Петр Васильевич и Кица жили очень дружно, хотя на первых порах им приходилось довольно тяжело и даже голодно.

После неурожая 1921 года наступило тяжелое время – голодная зима и весна 1922 года. К весне все запасы у них были съедены, и Петру Васильевичу нужно было или становиться крестьянином и начинать обрабатывать землю, или уезжать в город и искать там работу.

И вот тут помог случай.

Когда Петр Васильевич раздумывал, как быть, к нему пришла соседка – дальняя родственница – Тина. Поговорила она с Кицей о своих домашних женских делах, а, когда вошел

в комнату Петр Васильевич, поздоровалась с ним и сказала, что пришла специально к нему.

– К нам в село приехал из Симферополя какой-то грамотный человек, который хочет, как я его поняла, организовать лавку под названием кооператив. Человек этот ищет в нашем селе себе помощника, но чтобы он был из болгар. Однако к кому бы он ни обращался, все относятся к этой затее с сомнением, и приезжему не доверяют. Зайди, – сказала Тина, – и поговори с ним, узнай, что он хочет в нашем селе организовать. Что-то мы его не понимаем.

И Петр Васильевич понял, что это, видимо, то, чего ему нужно. И чуть ли ни бегом поспешил в дом, где остановился приезжий.

ГЛАВА 4

Петр Васильевич рассказывал Соне и о том, как стал одним из лучших кооператоров Крыма, и она представляла, как он тогда бежал навстречу своей судьбе.

Войдя к соседу во двор, Петр увидел, как незнакомый человек на веранде дома оживленно разговаривал с семнадцатилетней хозяйской дочкой – Гичкой. Это был кряжистый мужчина среднего роста, с улыбающимся красным лицом, узкими карими глазами, белесыми бровями и круглым, облупившемся на солнце носом. Увидев подходившего к веранде Петра, незнакомец, как будто умывая лицо, смахнул рукой улыбку – и сразу стал серьезным.

Гичка сидела на полу веранды и прядла из шерсти нитки – лану или, как называют в ткачестве, – уток. Она так радостно вскочила на ноги, что веретено полетело в сторону, пряслица покатило по полу. И сама она, казалось, была готова пуститься в пляс. Была она в то время разбитная, разговорчивая

девушка, много знавшая, что делается в селе – в противоположность своим родителям, молчаливым и отсталым болгарам, еле связывающим русские фразы.

– Знакомьтесь, Иван Кузьмич, это дядя Петя – студент, – представила она соседа Загоркова. – При белых партизанил в горах, а теперь не то – крестьянин, не то интеллигент, – застенялась она. – Недавно женился, красавицу в жены взял. Наверно, он согласится стать вашим помощником, Иван Кузьмич. Лучшего вам здесь и не найти.

Петр Васильевич улыбнулся и протянул руку Ивану Кузьмичу. Очень быстро они разговорились. Иван Кузьмич сказал, что он приехал из Симферополя, и, в качестве представителя Центросоюза, намерен здесь, в Андреевке, теперь уже переименованной в Желябовку, организовать потребительский кооператив.

Загорков заинтересованно кивал головой.

– Подучиться придется немного, – сказал он.

– Я это предусмотрел, – ответил Иван Кузьмич.

Оказалось, чтобы познакомить будущего помощника с задачами кооператива и организацией торговли на селе, Иван Кузьмич привез с собой литературу. Полистав несколько страниц, Петр Васильевич с радостью принял предложение Ивана Кузьмича создавать кооператив и унес с собой стопку книжек и брошюр.

Дома Петр почти всю ночь просидел за столом, изучая эти книжки, и только с улыбкой отмахивался, когда Кица звала его спать.

Утром Петр Васильевич встретился снова с Иваном Кузьмичом, который уж умылся и успел позавтракать, и они собрались вместе пойти в сельсовет.

Гичка тоже одобряла решение Петра Васильевича, провозжая кооператоров до ворот.

– Вот вам, Иван Кузьмич, настоящий помощник в вашем деле, – тарыхтела она. – И как это я раньше не подумала о

Пете? Мы с мамой перебрали всех жителей села и никак не могли выбрать, кого бы предложить вам в помощники. А тут – он сам пришел.

В сельсовете они встретили секретаря – заспанного мужчину лет тридцати пяти, с непричесанными черными волосами и помятым, неумытым лицом.

Так он торопился на рабочее место, узнав от «сарафанного радио» о визите незнакомого гостя.

Петр Васильевич, как местный житель, представил ему кооператора, назвав его представителем ЦИК Крымской республики, ответственным за организацию кооперации на селе. Кооператор хотел было возразить, но тот придержал его за рукав и сказал:

– Нам хотелось бы поговорить с гражданами Желябовки по поводу организации потребительского кооператива, чтобы и у нас на селе была лавка, в которой можно было бы все купить.

– Да вы присядьте, – подвинул к ним стулья секретарь.

Гости сели. Воцарилось неловкое молчание. Видно было, что руководитель не мог понять, что от него хотят.

Наконец, Петр Васильевич объяснил ему по-болгарски, что приезжий человек хочет организовать кооперативную лавку в селе и что для этого нужно созвать сходку. Секретарь понял, кивнул головой, вскочил из-за стола и вышел.

Отсутствовал он довольно долго, и Петр Васильевич с кооператором, наговорившись вдоволь, стали подумывать уже – не ушел ли секретарь отсыпаться домой?

Кооператор придерживал нетерпеливого Петра Васильевича, доверительно сказав тихо о том, что дело стоящее. Здесь нужен грамотный помощник, который после организации кооператива, смог бы возглавить это дело, являясь одновременно и председателем сельского кооператива, и завмагом, и бухгалтером. Так оно потом и вышло.

Прошло минут сорок – и, наконец, в сельсовет явился секретарь. На этот раз он был умыт, причесан и одет в белую рубаху, поверх которой, не смотря на жару, была надета черная безрукавка, расшитая по краям цветными нитками и застегнутая на все пуговицы. Теперь секретарь был официален и вежлив. Он сел на стул за своим столом и пригласил посетительницу сесть к столу поближе.

– Ну, теперь рассказывайте, не торопясь, и подробнее о вашем деле, – попросил он незнакомца.

Иван Кузьмич стал по возможности обстоятельнее излагать, а Петр Васильевич переводил ему на болгарский язык, преимущество кооперативной лавки на селе, необходимость борьбы с частниками и спекулянтами, которые в последнее время наводнили не только Желябовку, но и другие села.

Секретарь сельсовета, слушая Ивана Кузьмича, утвердительно кивал головой и отдельными фразами выражал свое с ним согласие.

Секретарь внимательно выслушал обоих и, к их удивлению, вдруг сказал:

– Мы с председателем сельсовета еще раньше обсуждали этот вопрос и хотели сегодня вечером, когда люди будут посвободнее, собрать сход. Мне председатель поручил поговорить с вами и, кроме того, мне хотелось выяснить у вас кое-что по организации этого дела.

Конечно, руководству надо было показать, что это они – авторы инициативы. Петр Васильевич и Иван Кузьмич не стали спорить, лишь переглянулись, удивляясь, что секретарь сельсовета не так уж прост, как казалось вначале, но решили, что для их дела будет лучше, если и секретарь сельсовета будет на сходе их поддерживать.

После того, как Иван Кузьмич рассказал всё, что касалось самой организации кооператива, они втроем наметили состав правления.

Вечером на сходе крестьян села Желябовки было принято решение организовать кооператив, куда вступила большая часть жителей села. Председателем правления кооператива выбрали Петра Васильевича Загаркова.

А через месяц, при большой помощи Ивана Кузьмича, была открыта в Желябовке кооперативная лавка. Петр Васильевич Загорков с энтузиазмом принялся за организацию торговли на селе.

И вскоре лавка стала ломиться от товаров. Целыми днями шла в ней оживленная торговля: керосином, спичками, чаем, конской сбруей, мылом, медным и железным купоросом и другими товарами, нужными в хозяйстве. Причем кооперативная лавка не только продавала, но и покупала у крестьян различные сельскохозяйственные продукты: яйца, масло, сало, брынзу, фасоль, горох и другое, нужное сельским жителям – и они шли в кооперативную лавку покупать эти продукты. Петр Васильевич уже запросил помощи, и ему правление кооператива выделило сразу двух помощников – одного продавца, другого – счетовода.

Всякий, кто проезжал через Желябовку, обязательно останавливался возле кооперативной лавки. Слава о Желябовском кооперативе разнеслась по всему полуострову. И Петр Васильевич Загорков считался одним из лучших кооператоров Крыма.

ГЛАВА 5

Соня тосковала о матери, как любой подранок. И в такие минуты вспоминала рассказы о своем рождении. Но девочку не отпускало тайное угрызение совести – потому что ей казалось, что ее рождение было причиной ранней смерти матери.

В тот памятный год домашние дела Петра Загоркова шли неблестяще. Кица оказалась болезненной женщиной. Нередко Петр, придя домой, заставал жену в постели. Кица трудно переносила свою вторую беременность, а ее маленькая дочка от первого брака еще не могла ей быть помощницей. Однажды, а это было уже в начале 1924 года, Петр Васильевич после поездки в Карасубазар за товарами заглянул в Кабурчак. Баба Калина очень обрадовалась приезду сына, не знала, куда посадить его и чем угостить. А у Петра Васильевича было другое на уме. Ему не терпелось сказать матери, что Кица беременна от него и скоро должна разрешиться от бремени. Но при этом он переживал, что жена все время болеет, и дом остается без хозяйки. Боялся, что мать станет его упрекать за прошлое непослушание с женитьбой. Но Калина заметила – материнское сердце не обманешь, – не смотря на радость встречи, нет-нет да темная туча набегает на лицо сына.

– Скажи, Петре, что тебя тревожит все время? Почему ты то радуешься, то печалишься? Что ты скрываешь от меня, Петре? Может быть, я оказалась права, и Кица не такая уж хорошая жена, как ты считал вначале?

– Не, дорогая мама. Кица хорошая жена и любит она меня. Но скоро она должна родить ребенка, а все время болеет.

– Так что же ты мне раньше это не сказал? Как же можно в ее положении находиться дома одной? Вдруг что случиться, ей и помочь-то будет некому!

– Как это некому? Ведь с ней все время маленькая Оксана. Коли Кица почувствует себя плохо, она пошлет ее за мной или к соседям.

– Нет, Петре, так не годится. Ты должен привезти ее сюда, ко мне. Пусть она поживет здесь, а ты постарайся освободиться от службы в Желябовке и переехать куда-нибудь сюда, поближе. Может быть, ты устроишься в Карасубазаре или где-нибудь в совхозе – в Мариано, в Мушашо, или в Ак-Кае?

– Хорошо, мамо, подумаю! А пока привезу-ка я к тебе Кицу. Пусть поживет у тебя, – с облегчением на сердце воспринял Петр, что мать оттаяла в отношении к Кице.

Но привезти ему жену в Кабурчак в то время не удалось. Когда Петр Васильевич вернулся в Желябовку, Кица уже родила девочку. Дома у них, оказалось, суетилась сестра Кицы. Ей помогала еще их пожилая соседка. Кица лежала в постели бледная, но радостная. Возле нее под боком лежал маленький, запеленатый в суровую бязь, комочек, жадно чмокал губами и посапывал носом.

Такой и видела себя Соня, слушая рассказ отца.

– Дай хоть взглянуть на ребенка, – тихо сказал Петр, опускаясь на колени возле кровати Кицы. – А я собрался отвезти тебя к помощнице – маме, но ты поспешила. Она нас простила и хотела, чтобы ты у нее пожила.

– Ну вот, мы и насытились, теперь можно и папе показаться, – сказала, промолчав, Кица и повернула ребенка к отцу.

Петр Васильевич увидел красноватое личико с подслеповатыми глазами, маленьким чмокающим ротиком и носишком кнопкой.

– Неужели это мой ребенок? Неужели я – уже взрослый человек, отец семейства и глава семьи? – с гордостью вспоминал Петр Васильевич.

«Неужели это я была такой малюсенькой?» – вторила ему мыслями Соня.

И вот только после того, как Кица разрешилась девочкой, и смогла ходить, Петр Васильевич привез ее вместе с детьми в Кабурчак. Это было осенью 1924 года. И Кабурчак стал малой родиной Сони Загорковой.

ГЛАВА 6

В Кабурчаке в это время стояли нежаркие золотые дни, какие бывают только в Крыму. Хлеба давно убрали, в саду заканчивалась уборка богатого урожая фруктов. Наступила пора, когда по воскресеньям на мягдане³ – сельской площади парни и девушки водили хороводы, а во многих семьях справляли шумные свадьбы, и буйное веселье разливалось по всему саду. Год выдался урожайным, лица крестьян разгладились и сияли довольством, можно было отдохнуть и повеселиться.

– Но в доме бабы Калины Загорковой было тихо, – рассказывал Соне отец. – Ты родилась маленькой, хиленькой, и даже писка твоего не было слышно.

Кица после родов большей частью лежала в постели, бледная и обессиленная. И престарелая баба Тупович, которую звали тоже Калина, суетилась возле нее, бормоча что-то себе под нос, или покрикивала на свою племянницу бабу Калину Загоркову.

Поили Кицу своими снадобьями. По врачам не ходили.

Две недели не вставала Кица с постели, осунулась и еще больше побледнела, появился у нее сухой кашель. Наконец, к приезду мужа она пересилила себя, поднялась с постели и начала передвигаться по дому.

А дочке еще не выбрали имени. Когда говорили о ней, называли ее просто ребенком. Бабушке хотелось, чтобы внучку называли ее именем – Акилиной (отсюда и Калина), но Кица не хотела. Ей нравилось имя Женя.

А когда Петр Васильевич приехал из Желябовки, посмотрел на свою дочку, и она ему показалась очень похожей на его старшую сестру Софью.

³ Мягдан – майдан, центральная площадь.

– Зачем гадать, как называть девочку? Вы посмотрите на нее – она же вылитая Соня, – взмолился Петр Васильевич, и подбросил дочку слегка вверх, чем вызвал недовольство матери и бабушки.

Посмотрели они на ребенка и, действительно, показалось им, что девочка похожа на тетку, которая тоже приехала в Кабурчак из Желябовки.

Тетка просияла от такой чести и захотела быть крестной, хотя по болгарским обычаям близкие родственники не могли быть крестными.

Баба Калина Туповичка сбегала к местному священнику – отцу Андрею узнать, может ли у племянницы родная тетка быть крестной, и, получив положительный ответ от священника, радостная вернулась в дом Загорковых.

Однако Петр Васильевич запротестовал и крестить дочку не захотел.

– Что это вы выдумали крестить девочку? Ведь я нахожусь на такой работе, что каждый будет на меня пальцем указывать и упрекать, если не хуже.

– Хорошо, хорошо, Петя, – согласилась Кица, – не будем крестить дочку. Пусть будет по-твоему.

Баба Калина и сестра Софья промолчали, а баба Туповичка тайно от Петра перекрестилась.

Петр Васильевич побыл с неделю в Кабурчаке, и собрался взять с собой Кицу и детей, но мать не отдала их.

– Петре, пусть поправится Кица, а затем ты их заберешь, – уговаривала она сына. – Здесь мы ее подкормим немножко, да и Соня окрепнет, тогда и возьмешь их к себе в Желябовку.

Петр согласился с мнением матери, и решил ехать один. А сестра Софья еще осталась погостить у матери. Как только Петр Васильевич выехал из села, так обе бабки Калины сразу побежали к священнику договариваться о крещении. Предложили родственнику Николаю Попову быть крестным, и он согласился.

Быстро окрестили новорожденную и принесли ее домой. То ли воду для купели в церкви не нагрели, то ли дорогой ее простудили, но чуть не умер ребенок от простуды. Спасибо, фельдшерица, невестка соседа, помогла какими-то порошками, и девочка начала поправляться. Кица тоже почувствовала себя лучше. И в следующий свой приезд в Кабурчак Петр Васильевич забрал в Желябовку свою семью.

Прошло с тех пор два года. Кица продолжала болеть, здоровье ее непрестанно ухудшалось, и Петр Васильевич решил показать ее врачу в Карасубазаре. Поехали они туда, пришли на прием к доктору. Оказалось, что у Кицы туберкулез.

Петру Васильевичу больше откладывать переезд в Кабурчак было нельзя. Нужно было подумать о жене. И снова он попросил помощи у матери. Она приняла семью Петра с распростертыми объятьями. Девочки выглядели хорошо, особенно Соня. А за Кицей требовался хороший уход. Петр Васильевич уволился из Желябовского кооператива и переехал в Кабурчак, где ему по наследству достался дом от умершего дяди Кости.

В Кабурчаке вначале Кице стало легче. Звонкий ее голос раздавался в доме Загорковых. Иногда в село приезжала сестра Петра Васильевича с детьми, и в обоих домах становилось шумно и весело. Баба Калина радовалась счастью детей и внуков. Хорошие урожаи хлебов обеспечили в семье Загорковых изобилие. Простая и обильная деревенская пища содействовала улучшению здоровья Кицы.

Это был 1926 год. К Петру Васильевичу, как водится, часто приходили крестьяне с гостинцами, посоветоваться с умным человеком, как лучше жить. И он, хотя и не был силен в политических вопросах, но газеты читал, старался людям помочь, и с ним интересно было поговорить.

И вот на одном из сельских сходов Петр Васильевич выступил с предложением создать в Кабурчаке потребительский

кооператив и открыть лавку. Долго и жарко обсуждали крестьяне, как лучше создать кооператив, и надо ли вообще его создавать. Но голоса разделились, большинства у сторонников кооператива не набралось, богатые помешали. Тогда решили так: кто хочет вступить – пусть вступает, а остальные вступят потом, когда увидят, что от лавки будет прок. Кроме того, решили просить Райпотребсоюз выделить оборотные средства для первой закупки товаров для села.

Расходились со схода крестьяне, жарко обсуждая решение. Зажиточные крестьяне считали, что в селе лавка не нужна. Можно один или два раза в месяц съездить в город и купить все необходимое.

Однако Петр Васильевич развернул деятельность, добился помощи от Райпотребсоюза (РайПО), купили в городе товаров и открыли лавку в центре села – в доме Николая Попова, расположенном на мягдани. Были в лавке все необходимые товары для сельских жителей.

Бойко вначале пошла торговля в Кабурчакском кооперативе: все граждане, а не только члены кооператива, приходили за покупками в лавку, даже местный священник – отец Андрей перестал ездить в город. Возле лавки всегда на крыльце сидели человек шесть-семь крестьян, они покуривали и вели беседы о видах на урожай в поле и в саду, о деревенских новостях. Иногда читали газеты, которые привозил Петр Васильевич, и просили у него разъяснения.

Кабурчак в то время был культурно-отсталым селом, еще господствовали дикие нравы и пережитки, было сильно влияние стариков, заставляющих молодежь придерживаться старинных обычаев, ходить в церковь и поститься, носить национальную одежду, в которую одевались их предки – переселенцы из Болгарии. В селе в то время не было даже избычигальни, и единственными грамотными людьми были учи-

тель, поп и секретарь сельсовета. И вот прибавился теперь лавочник кооперативной лавки – отец Сони, и это ей потом было приятно вспомнить.

Влияние города проникало тогда в село очень медленно и нерешительно. Но все равно отец ее был проводником этого влияния городских устоев в Кабурчак.

И все же через несколько лет пустили по селу слух, что если в лавке можно купить все, не будучи пайщиком кооператива, то и взносы можно не вносить и даже их забирать. Так что старики все же победили – паевые взносы в кооператив перестали вносить. И полезное дело Загоркова лопнуло.

ГЛАВА 7

В доме Загорковых тоже стало неблагополучно...

Петр и Кица жили через дом от бабы Калины. Вначале жили дружно и хорошо. Это была приятная пара, которой любовались многие сельчане.

Но в это время у бабы Калины поселилась назначенная в Кабурчакскую школу учительница Дора Константиновна Попова, молодая, красивая и незамужняя женщина. Она очень понравилась бабе Калине, и захотелось матери, чтобы сын оставил свою жену и женился на этой женщине. Уж очень она была обходительна с бабой Калиной, и вежлива, и участлива к ней, когда бабе Калине нездоровилось. И на Петю она стала поглядывать...

Только и разговоров было у бабы Калины с Дорой, какой Петя хороший, добрый да ласковый. А, по доброте своей, подобрал вдову с «чужим привеском». Так называла баба Калина неродную дочь Петра – Оксану. «Эх, – сетовала она вслух, – тебя не было, Дора, женился бы он на тебе!». Льстивые слова падали на благодатную почву. Постепенно, и в самом деле,

Петр Васильевич стал нравиться Доре. Она уж не встречала его, как квартирантка, безразлично, а вскакивала при его появлении, чем бы ни была занята, и старалась ему оказать всяческое внимание. Баба Калина это видела и, в свою очередь, расхваливала Дору: уж какая она хозяйка, и какая домовитая да бережливая, какая красивая, и к тому же девушка, не какая-то вдова с ребенком от другого мужа.

Петр Васильевич отмахивался от матери, но, когда произошла неудача с потребительской лавкой в Кабурчаке, которая постепенно начала скудеть, стал он принимать и ухаживания от Доры.

Паевые взносы не росли, а уменьшались, товаров в лавке становилось с каждым днем все меньше и меньше.оборотные средства, что были выделены РайПО, были постепенно израсходованы. И наступил момент, когда Петр Васильевич даже себе не начислил жалованья. Лавку пришлось закрыть с убытком, и потребительский кооператив в Кабурчаке ликвидировать...

Поступил он после этого работать в Казубазарское районное отделение госбанка бухгалтером. А там всю неделю находился в городе, и только в субботу приезжал в Кабурчак. Нередко появлялся домой и выпившим. Желающих отблагодарить начальство хватало. А как начиналась ссора с женой – он уходил к матери. Вот тогда-то, по-видимому, и зачастили домашние раздоры. Дома Петр Васильевич поругается с женой, а в доме у матери его пожалеют и приглубят. Мать, вместо того, чтобы примирить сына с невесткой, только разжигала страсти. Петр Васильевич в доме матери находил и ласку, и выпивку, и красивую девушку. И хотя Дора значительно уступала Кице по красоте, но приласканный мужчина начал отдавать ей предпочтение. И, в конце концов, в доме матери и произошло у Петра сближение с Дорой, да такое, что дело окончилось разводом с Кицей и разделом имущества.

Кице с детьми присудили дом и делянку сада, а Петру Васильевичу всё остальное, то есть движимое имущество, которое тут же описали за долги, а затем продали с молотка.

Кица осталась с двумя девочками без средств к существованию. Соня еще не понимала беды, и спрашивала у матери, когда придет папа, но папа не приходил.

Благодаря помощи друзей своего первого мужа, Кица с детьми переехала в Бахче-Эли, где они помогли ей устроиться бухгалтером в колхоз и поселиться квартиранткой в частном доме.

Было это зимой 1930 года. Жили они очень трудно, и голодно, и холодно. Соня помнит лишь то, что все время хотела есть, но терпела. А Кица простудилась и заболела. К осени она изменилась до неузнаваемости – сохла, кашляла с кровью, и вообще вскоре наступило время, когда ей стало невозможно выходить на работу. Она написала письмо в Желябовку своей сестре, и та приехала забрать ее с детьми к себе. Ехали они в Желябовку через Кабурчак, и Кице захотелось зайти на свою, по решению суда, делянку сада и снять с деревьев яблоки. Да и просто хотелось есть.

Только сошли они вниз с бугра к берегу, чтобы перейти в сад по бревну, переброшенному через речку, как баба Калина, услышав от соседей о приезде Кицы, вышла на бугор на задах ее двора, и начала слать проклятья бывшей жене своего сына.

– Да ня стигнешь и да няхи найдешь! (Чтоб ты не дошла и их не нашла!) – кричала баба Калина, не стесняясь детей и чередуя эти выкрики с проклятьями.

Соня от обиды заплакала.

Вспоминая этот случай через много лет, Соня поняла, что в этой семейной трагедии виновата была, если не прямо, так косвенно, ее любимая баба Калина.

Кица долго не прожила после этого путешествия, и умерла в канун нового 1931 года. И оставила сиротами двух

детей: Оксану и Соню. Оксане исполнилось десять лет, а Соне – шесть.

Старшую девочку Оксану взяли родственники Кицы на воспитание, а за Соней в Желябовку приехала баба Калина и увезла ее к себе в Кабурчак. Так с шести лет Соня жила все время у бабушки, и не было у сироты роднее и любимее человека, чем вырастившая ее бабушка Калина.

Потом, когда приезжала к Соне погостить Оксана, баба Калина – или, раскаившись, поняла совершенную ею несправедливость по отношению к Кице и ее детям, или от копившейся ненависти к Доре – стала относиться к Оксане очень хорошо, вспоминала добром Кицу и, обнимая обеих девочек, восклицала: «Горките деца»! (Бедные дети!).

А Петр Васильевич Загорков в то время уехал в Сибирь или в Казахстан, на золотые прииски. Правда, работал он там не старателем или золотоискателем, а бухгалтером, и проработав без особого успеха несколько лет, снова вернулся в Крым.

Возвратившись в 1936 году из Сибири, он жил в Бахчисарае, где работал бухгалтером в РайПО. Это был уже зрелый мужчина с первой сединой в волосах, по-прежнему с красивым, несколько возмужавшим лицом, с серыми глазами и пшеничными усами. Однако по характеру он оставался прежним: увлекающимся и наивным, честным и безвольным, добрым и рассеянным, непоседливым и застенчивым.

При этих качествах его характера Дора Константиновна возымела над ним великую власть. Она сумела быстро испортить отношения с матерью и сестрами Петра, и не спешила брать Соню к себе в дом. Своих детей у нее не было, да она и не хотела их иметь.

Однажды, приехав в Кабурчак, Петр Васильевич обмолвился матери, что собирается переехать из Бахчисарая в Севастополь.

– Все, мама, хватит, наездился! Поселюсь в Севастополе и, наверно, больше никуда.

Соне он очень понравился, как мужчина. За это время Соня выросла хорошей девочкой-подростком. Она жила у бабы Калины и училась уже в седьмом классе.

Разговор отца с бабой Калиной насторожил ее, и она осталась в комнате.

– Там мне предлагают место бухгалтера в одной воинской части, и Дора сможет учительствовать. Севастополь – не Бахчисарай! – продолжал отец.

– А как же Соня? – спросила баба Калина.

– А Соня пусть побудет у тебя. Надо же ей семилетку окончить!

Баба Калина горестно покачала головой, но ничего сыну не ответила. Было ей больно за Соню, и она поняла, что Петр Васильевич больше слушает жену, чем собственное сердце.

Отдыхал Петр Васильевич в Кабурчаке несколько дней.

Соня льнула к отцу – хотелось ей родительской ласки, да и он к ней привык, и жалко было ему с ней расставаться. Он пообещал, что возьмет ее к себе в Севастополь, но не сдержал слова.

Когда Соня окончила семилетку в Кабурчаке, баба Калина забеспокоилась, куда определить Сонечку учиться.

Написала письмо летом 1938 года своей дочери Анне в Керчь, где та была учительницей в средней школе имени Короленко. И Анна Васильевна немедленно ей ответила, что Соня может приехать к ней жить и учиться.

Анна Васильевна жила с сыном Жорой в небольшой квартирке во дворе школы имени Короленко. Соня приехала в Керчь в начале сентября 1938 года, и ее зачислили в восьмой класс. Училась она хорошо, но особенно любила языки: русский и немецкий.

Учительница немецкого языка Евгения Эдуардовна Новоселова очень ее любила и даже предложила Соне заниматься немецким языком индивидуально. Соня с удовольствием начала заниматься с ней языком, быстро овладела устной речью и стала лучшей ученицей в своем классе.

Восхищаясь способностями Сони, Евгения Эдуардовна говорила:

– Ты, Сонечка, обладаешь несомненным лингвистическим талантом. За три месяца овладела разговорной речью, говоришь, как настоящая немка, и у тебя намечается берлинский акцент. Я рада, что тебе смогла передать не только свои знания, но и выговор. Я ведь окончила женскую гимназию в Берлине, а замуж вышла здесь в Крыму за русского.

Соня, потупясь от смущения, молчала. Но похвала учительницы доставляла ей большое удовольствие. После этого одобрения, приходя из школы домой, Соня начинала отвечать на вопросы тети Ани по-немецки. Тетя Аня до революции училась в Карасубазарской женской гимназии, изучала и немецкий, и французский языки. Но сейчас, будучи учительницей русского языка и литературы, она почти ничего не понимала из того, что проходила двадцать пять лет тому назад. Соня весело смеялась над ошибками тети Ани. Она хотела вовлечь в свои игры по языку и Жору – сына Анны Васильевны, но тот был старшеклассником, игры и проказы Сони его уже не интересовали: у него были другие заботы и увлечения.

В чулане квартиры Анны Васильевны Соня нашла расстроенную гитару. На ней никто не играл, она запылчилась, и у нее не хватало струн. Соня отнесла ее к подружкам, умевшим играть, и те натянули новые струны и настроили гитару. Через некоторое время Соня научилась играть, и пела песенки несильным, но приятным голоском, аккомпанируя себе на гитаре.

На следующий год опять что-то помешало воссоединению отца с дочерью и, к своей радости, Соня осталась второй

год жить у тети в Керчи. Ей не хотелось жить с мачехой, которую она успела хорошо узнать.

Но когда в 1940 году Петр Васильевич переехал в Старый Крым и опять устроился работать в кооперации, наступило время решать Сонин вопрос, где и с кем ей жить.

Петр Васильевич приехал в Керчь к сестре, привез подарки ей, дочери и племяннику. Как-никак, а жила его дочь у тети два года, и наступило время проявить заботу о собственной дочери и ему. Поговорили с сестрой, посудили, как быть, решили, что Соня, по окончании девятого класса в Керчи, поедет жить к отцу в Старый Крым, где и будет оканчивать школу.

А то что за судьба у Сони? Мало того, что она почти полная сирота, у нее еще нет и родного дома.

При обсуждении этого вопроса Соня сидела за столом и поглядывала то на отца, то на тетю Аню. Она думала про себя, что в Керчи ей было бы с тетей лучше, чем у отца. Все-таки здесь и школа отличная, и мачехи нет. Однако свое мнение Соня не высказала, хотя могла бы – ведь ей уже исполнилось пятнадцать лет, и она была бойкой и развитой девушкой. Но Соню можно понять. Отца она редко видела, мать плохо помнила, и самым близким для нее человеком была бабушка из Кабурчака. От отца Соня отвыкла, хотя он в свои короткие наезды всегда относился к ней ласково, привозил ей подарки, был внимателен и добр, рассказывал о себе в молодости. И вот сейчас, сидя за столом, Соня думала, что будет с ней, если отец заберет ее к себе. Как к ней отнесется мачеха: будет ли она для нее второй матерью, или не сможет с Соней ужиться...

А взрослые решили, что Соня останется до конца учебного года у тети, а потом переедет к отцу. И это будущее страшило Соню.

Счастливые два года прожила Соня Загорков в Керчи у тети Ани. Она с удовольствием посещала пионерские сборы и активно участвовала в художественной самодеятельности учеников школы имени Короленко. Ее приняли в комсомол и выбрали помощником вожатой пионерского отряда, на что она с радостью согласилась. Её называли «умницей», учителя по русскому языку и литературе и немецкому языку. Она подружилась с девчонками и мальчишками школы. Ей жалко было расставаться с тетей Аней, Жорой, своими друзьями по классу и любимой учительницей Евгенией Эдуардовной Новоселовой. Перед отъездом Сони к отцу, когда в классе узнали, что она переезжает в другой город, ребята провожали ее с грустью. Евгения Эдуардовна обняла ее и со слезами сказала:

– Зачем, ребята, кривить душой? Соня была моей любимой ученицей, скажу вам просто. Пусть меня упрекнут, что это непедагогично, но я со своими чувствами ничего не могу поделать. За эти два года я искренне её полюбила. Пусть, Сонечка, не пропадут те знания, которые мы, учителя, хотели вложить в твою буйную головку. В молодости все проходит быстро, но мне хочется, чтобы плохое отлетало от тебя, а хорошее всегда окружало и сопровождало в жизни. Будь здорова и счастлива, Соня! – И Евгения Эдуардовна нежно обняла и поцеловала Соню. Ученики окружили Соню, пожимали ей руки, целовали ее и провожали до дома. Всем было жаль расставаться с Соней.

Анна Васильевна, Жора и Соня поехали поездом в Феодосию, а оттуда в Старый Крым, к отцу Сони. Встретила их жена Петра Васильевича хорошо. В первые дни, казалось, Дора Константиновна не знала, куда и усадить дорогих гостей. Но после того как Анна Васильевна и Жора уехали к бабушке в Кабурчак, между мачехой и Соней стали возникать недоразумения.

Дора Константиновна видела в Соне ещё девочку, и хотела, чтобы она во всем ее слушалась. Между тем как Соне уже минуло шестнадцать лет, и она превратилась в девушку, имевшую свои суждения и взгляды на многие вещи. Она не могла иногда согласиться с мнением мачехи, в особенности, сказанном в категоричной форме. Так в доме появились две женщины, мнения которых очень часто расходились, и примирить их оказалось делом весьма нелегким.

Когда страсти в доме Петра Васильевича, казалось, сильно разгорелись, и мачеха, и падчерица не склонны были скоро помириться, Соня вдруг нашла выход.

– Все равно, – заявила она отцу, – в одном доме мне с Дорой Константиновной жить нельзя. Она скупа, ее раздражает все, даже то, что я нахожусь у вас и ем ваш хлеб. На свои наряды она тратит деньги, не считая, а я, папа, посмотри, в чем хожу. Все в синем платьице в белый горошек. Мне сменить-то нечего.

– Что ты, девочка моя! Все приобретем, что тебе нужно, погоди, дай только срок. Я хочу, чтобы ты была всем довольна, – стал уговаривать дочку Петр Васильевич. – Надоумь, как нам быть.

– Я думаю, папа, что лучше устрой меня учиться в Цюрихталь, в десятилетку, и там же к кому-нибудь на квартиру. Это же близко. Я буду к вам по воскресеньям приезжать, или ты – ко мне. Мы часто будем с тобой видеться. А школа там, папа, хорошая, я узнавала, и преподавание там ведется на немецком языке.

– Хорошо, Сонечка, попробую, – ответил Петр Васильевич. – А потянешь?

– Ну, конечно, папочка! – ответила Соня.

Однако, Дора, узнав о желании Сони учиться в Цюрихтале, запротестовала. Как люди посмотрят, что отец родную дочь выставил из дома на учебу в Цюрихталь? Уж лучше отвезти Соню опять в Кабурчак к бабушке, а учиться ее устроить

в Карасубазар, чем в Цюрихталь. Соня посчитала, что в своей ненависти к падчерице мачеха готова была оставить её без среднего образования. Наконец, Дора настояла на том, чтобы Соня поступила в Старо-Крымскую десятилетку. Однако в середине учебного года, до наступления зимних каникул, распри между мачехой и падчерицей дошли до такого предела, что совместное проживание их под одной крышей стало невозможным.

Соня несколько раз жаловалась в письмах бабушке о своем житье-бытье у отца и мачехи, пока бабушка не прислала сыну категорическое письмо с требованием прекратить издевательства над бедным ребенком, и привезти Соню к ней. И Петр Васильевич, верный своей жене, оторвал дочь от учебы и привез ее к бабушке Калине.

Когда же он привез Соню в Кабурчак, баба Калина высказала сыну много обидных, но справедливых слов о его незавидной роли отца, не сумевшего отстоять свою дочь перед мачехой, о том, что он попал «под каблук» своей жены, что она обижает «бедного ребенка», а он о его судьбе не заботится.

– Что мне, мамо, развестись и с этой женой, с которой ты же меня свела? – укорил он мать.

И разговор стал настолько крупным и резким, что Петр Васильевич выбежал из дома и уехал в Старый Крым, даже не сделав попытки устроить дочь учиться в Карасубазарскую десятилетку.

Соня сама поехала в Карасубазар. Сходила в школу. Директора не было на месте, и она постеснялась обратиться со своей просьбой к какому-нибудь другому преподавателю. Она постояла в коридоре школы и увидела, как после звонка на перемену ребята из младших классов с шумом высыпали в коридор и с криками бросились играть во двор. Больно сжалось у нее сердце, глаза набухли слезами, и она, стесняясь своих

слез, вышла из школы и пошла по улице Луначарского в сторону базара, где ее ждали с подводой колхозники из Кабурчака...

Второй раз, а это было через несколько дней после первого посещения школы, Соня застала директора школы в его кабинете. Сидел он за столом с какими-то бумагами и о чем-то думал. Подняв голову, он увидел вошедшую девушку.

– Вам что нужно? – спросил он не особенно приветливо.

Соня путано стала объяснять, что она окончила девятый класс в Керчи, училась в десятом классе в Старом Крыму, но по семейным обстоятельствам вынуждена была уехать, а теперь просит приять ее в десятый класс.

Директор школы был хороший, отзывчивый человек, но вынужден был отказать Соне.

– В середине учебного года в выпускной класс школы принимать учеников нельзя. Лучше вернитесь в Старый Крым и там закончите десятый класс, если у вас не слишком много уроков пропущено. А вот на будущий год в десятый класс я вас приму, – сказал он, давая понять, что разговор окончен, не вникнув в жизненные сложности попавшей в беду ученицы.

Соне не осталось ничего другого, как возвратиться к бабушке в Кабурчак. Так и провела она, не учась, всю зиму и весну в селе. Соня много читала, пробовала сама заниматься по школьным учебникам, но, без поддержки извне, освоить материал десятилетки не смогла. Да и дела по дому ее отвлекали.

Возможно, судьба Сони сложилась бы иначе, если бы Петр Васильевич обратился сам в Карасубазарскую среднюю школу с документами и высокими оценками дочери из школы Старого Крыма, и она бы закончила успешно там десятилетку.

Но безжалостней была грядущая война, которая уже вероломно ломилась в каждую судьбу.

ГЛАВА 9

Первое время в Кабурчаке Соня тосковала по Керчи, по тете Ане, по школе, любимым учителям и школьным друзьям. Соня стала на учет в комсомольской организации Кабурчака. Здесь у нее было много друзей, еще со времени совместной учебы в семилетке. И Соне было стыдно, что многие ее подруги и мальчишки-одноклассники оканчивают десятый класс, учатся в сельскохозяйственном техникуме, а она вынуждена пропустить последний год учебы, да еще неизвестно, сможет ли учиться в будущем году. Временами отчаяние охватывало Соню. Но баба Калина зорко следила за ней и не давала ей тосковать. В будние дни они ходили вместе на колхозные работы. Это зимой было не обременительно и даже весело.

В селе по субботам и воскресениям в клубе, а при хорошей погоде – на мягдане или в саду под большими грушами устраивались танцы. Самыми интересными были, конечно, танцы на мягдане. Они были традицией, которая возникла давно, в незапамятные времена, и молодежь не давала ей угаснуть.

По воскресеньям, часа в три после полудня, на мягдане собирались сначала девушки и пели песни. Чаще всего грустные, например, про Вида – девушку, которая полюбила парня Ивана, но без взаимности. Заболела Вида неизлечимой болезнью от любви. Лежит дома в постели и умирает. Мать у нее спрашивает: «Зачем ты, Вида, лежишь и умираешь?» А Вида отвечает, что погибает она от любви, и, если она умрет, то что бы ее похоронили не на старом кладбище, а на краю поля, на перекрестке больших дорог, куда приходят девушки собирать цветы и пригоняет свое сивое стадо Иван. «Он будет играть на медной свирели, а я буду слушать смех и песни девушек, и игру на свирели моего Ивана».

Эти нехитрые слова всегда трогали Соню до слез, и ей хотелось побежать домой, уткнуться лицом к бабушке в фартук и плакать.

Но парни не давали девушкам долго грустить. Растянув меха гармоники, гармонист начинал играть хоро-веселый болгарский хоровод. И тогда юноши и девушки с веселым гиканьем, притоптывая каблучками, шли, ухватившись за руки, по кругу. Лица сияли счастьем, дыхание учащалось, а круг танцующих то сходил, то расходился, и, казалось, веселью не будет конца.

Потом начинались бальные и современные танцы: вальс, полька, чардаш, падеспань, а последнее время вошли в моду танго и фокстрот. Соня любила потанцевать. Особенно любила танцевать танго и медленный фокстрот. Соня и сама сочиняла песенки и исполняла их на гитаре. Голос у нее был нежный, задушевный, и звенел, как колокольчик.

Баба Калина, восхищаясь Сониными сочинениями, говорила:

– Когда ты уедешь от меня опять в город, милая, то будто солнышко от меня скроется за тучей.

– Не бойся, бабушка, я каждое воскресенье буду бывать у тебя, если буду учиться в Карасубазаре, и мы будем вместе с тобой.

Но баба Калина вздыхала и покачивала головой, добавляя:

– Забудешь меня, Сонечка! Вырастешь и забудешь. Найдешь кого-нибудь, кто тебе понравится, и забудешь меня.

Соня прыгала к ней на колени, крепко обнимала ее и, склонившись к уху бабушки, шептала ей:

– Даже если и найду кого-нибудь, ты для меня всегда будешь главней. – И, будто боясь, что бабушка в этом сомневается, кричала: – Ну, вот увидишь когда-нибудь! Я тебя никогда не предаю!

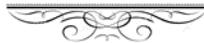
Баба Калина смахивала с глаз набежавшие слезы и недоверчиво покачивала головой:

– Бедная ты моя, перепелочка!

Баба Калина задумывалась о жалкой судьбе внучки, которая родительской ласки в детстве не видела. А девочка сейчас, подпрыгивая по-детски на одной ножке и распевая песенку, выбежала во двор, а оттуда – к подружкам на улицу.

Соня с грустью вспоминала, как она приезжала от тети Ани на зимние каникулы в Кабурчак. Какое веселое для нее было время. Собирались в эти дни и подружки в Кабурчак, учившиеся в разных городах Крыма. На протяжении двух недель, что она бывала зимой в Кабурчаке, для Сони была такая беззаботная жизнь, что теперь, когда она вспоминала об этом, слезы невольно лились из глаз.

ГЛАВА 10

Иногда в Кабурчак на несколько дней приезжал без мацехи отец. Он был полон внимания к Соне, часто беседовал с нею, и поражался, какой она стала развитой.

Однажды вечером он остался с Соней в доме один. Баба Калина ушла к кому-то из соседей. Наступило такое настроение, когда и Соне, и Петру Васильевичу захотелось побеседовать и пооткровенничать.

– Скоро ты, Сонечка, должна окончить школу. Остается еще год с небольшим. Подумала ли ты над тем, куда бы тебе пойти учиться или работать? – спросил у дочери Петр Васильевич.

– Да, папа, думала, – ответила Соня. – Мне очень хочется по окончании школы поступить в пединститут на факультет иностранных языков. Я хочу изучить в совершенстве немецкий язык и преподавать его в школе.

– Что ж, это очень хорошо! Вон, твоя тетя Аня уже в пожилом возрасте окончила пединститут, и преподает русский язык и литературу. Почему бы и тебе не преподавать в школе немецкий язык. Способности, вижу, и желание у тебя есть, а это главное.

– Знаешь, папа, в Керчи, в школе у меня была очень хорошая учительница немецкого языка, Евгения Эдуардовна. Она – настоящий педагог. Всех нас в классе она смогла так заинтересовать немецким языком, что мы у нее на уроках быстро стали разговаривать по-немецки, и научились читать немецкие книги, почти не пользуясь словарем. Вот и мне хочется стать такой учительницей, как Евгения Эдуардовна.

– Молодец, Сонечка! – И Петр Васильевич обнял Соню. – Как была бы рада твоя мама, если бы она была жива и видела сейчас свою дочку!

– Папа, а отчего умерла мама? Почему мне бабушка о ней никогда ничего не рассказывает? А когда приезжала погостить Оксана, бабушка часто нас обнимала, плакала и говорила, что мы – бедные дети.

Петр Васильевич смутился. Но в комнате стояли уже сумерки, надвигался зимний вечер, и смущение на его лице было незаметно. А он дрогнувшим голосом сказал:

– Твоя мама, Сонечка, была прекрасная женщина: красивая, умная, ласковая, но Кица заболела туберкулезом. Полюбили мы друг друга и потом поженились против воли бабушки. Бабушка мне тогда и невесту нашла, но эта невеста мне не нравилась. Потом бабушка хоть и простила нас за нашу любовь, но неприязнь к Кице сохранила. Ты, Сонечка, о маме у нее не спрашивай. Это – трагедия, в которой я во многом виноват. Будто бесхарактерный, – с грустью открылся Соне отец. – Если захочет тебе бабушка о маме рассказать – она расскажет, но, наверно, тогда, когда ты станешь взрослой.

– А я, папа, похожа на маму?

– Похожа, моя милая, похожа, но мне кажется, что в тебе больше проглядывает наш род – Загорковых! Вероятно, ты будешь, если не красивее мамы, то, во всяком случае, милее и обаятельнее.

Соня осталась довольна своим разговором с отцом. Она доверчиво склонилась к его груди. Ей было приятно, что за все время возникло общение друг с другом: отец первый раз разговаривал с ней без посторонних, и не натянуто, как раньше. И даже бабушка в этот миг их не стесняла. Соня тогда была рада еще тому, что отец ее понимает, разделяет ее взгляды и даже пооткровенничал с ней, как с взрослой.

Петр Васильевич не выглядел тогда суровым. Он весело смеялся, слушая рассказы Сони о ее школьных делах, шутил сам, и Соня, в ответ на его шутки, рассыпалась звонким, заразительным смехом.

Баба Калина, вернувшись домой, вошла в темную комнату и удивилась тому, что они сидят возле окна, обнявшись, смеются, и не зажигают света. И в тот вечер отец еще долго говорил со своей дочерью.

Между Петром Васильевичем и Соней установилась родственная близость и полное доверие друг к другу, жаль только, что потом больше не повторилось.

И сейчас, вспоминая все это, Соне было обидно, и она была готова разрыдаться. Лучше бы отец не брал ее из Керчи от тети Ани в Старый Крым. Она бы, по крайней мере, училась бы. Быстро же отец принял сторону мачехи. Даже теперь не пишет ничего...

Но Соня научилась отгонять тоску веселыми воспоминаниями.

И вспомнила, как в ночь под первое января 1939 года они с девочками собирались колядовать – «сурвакать⁴», как

⁴ Если в Новый год вы окажетесь в Болгарии, приготовьтесь к тому, что в праздничную ночь вас будут бить палкой (или сурвакать).

говорили в болгарских селах. Пришли они все девчонки накануне Нового года к бабе Калине в дом с торбами и расшитыми мешочками. Долго не могли угомониться, но баба Калина заставила их лечь спать и пообещала рано разбудить. Перед утром, когда они шумной гурьбой высыпали во двор, было очень темно, и только звездное небо, освещая землю, делало различимыми отдельные предметы. Опрокинутый ковш Большой Медведицы на небе показывал, что до рассвета оставалось еще более трех часов. Во дворе стоял легкий, бодрящий морозец.

На другой стороне села, где-то на Степной улице, уже слышались крики и песни ребят, и залиvistый, злой лай собак. Только на Речной улице было еще тихо. Девочки посоветовались о маршруте возле ворот дома бабы Калины, и пошли вниз по Речной улице.

Колядки были нехитрые, и девочки повторяли их перед каждым домом. Сначала они пели русскую колядку:

*Встаньте, встаньте молодые хозяева,
Отворите золотые ворота,
Так как к вам идут добрые гости,
Добрые гости-колядующие,
Которые вам несут хорошие новости...*

Потом, когда в доме хозяева начинали шевелиться и зажигали лампы, девочки переходили на болгарскую колядку:

*Стани, стани нине,
Младу господине,
Отурите златни врата,
Ча ви идат добри госкя,
Добри госкя-кулядарци,
Ча ви носят добър хаберъ... и т. д.*

И дальше девчата сообщали в песне, что все домашние животные – коровы, лошади и свиньи принесут приплод, и что год будет урожайным.

Хозяйева вставали, открывали двери и гостеприимно приглашали колядующих девочек войти в дом. В доме стоял накрытый стол, и были приготовлены подарки. А колядующие, войдя в дом, осыпали хозяев пшеницей и возглашали:

*Сурва, здрава,
Весела година,
Пак да година.*

Что означало:

*Суровый, здоровый
веселый год,
пусть будет опять такой год.*

Хозяйева угощали и одаривали колядующих конфетами, пряниками, сушеными фруктами, орехами, пирогами и печеньями. Год начинался радостно и весело.

Девушки вышли из первого дома, и пошли дальше вниз по улице. Везде их встречали хорошо и одаривали щедро. Прошедший год был урожайный, в колхозе богато выдали всем на трудодни.

Вскоре торбы, которые взяли с собой, заметно потяжелели. И вот, когда они прошли уж Речную улицу и, не доходя Сандала, повернули на Московскую, на них в темноте напали трое взрослых парней, охочих поживиться подарками за счет слабых. Такие «любители» встречались в деревне. Обычно на крики ребятни выбегали взрослые, и удавалось поймать хулиганов, их били нещадно. А иногда, для острастки другим, с осуждением их водили по селу. Но на этот раз место, где напали на девчонок, было пустынное, и им оставалось либо отдать подарки, либо сопротивляться парням.

Как только один хулиган схватил сумку Сони, она не растерялась и со всего маху ударила его в лицо. Парень от неожиданности выпустил сумку, а Соня, не давая ему опомниться, ударила его в лицо еще раз и закричала:

– Девочки, не отдавайте подарки, бейте в лицо! Посмотрим, какие они смельчаки.

Первый парень, после удара Сони, прижал руку к носу. Сквозь пальцы потекла кровь. А подружки набросились на двух других парней, и они, не ожидая решительного отпора, побежали от девчонок. Удары сумками сыпались на их спины. Наконец, девушки оставили их и возвратились к тому парню, который, присев на корточки, прижал поданный Соней платок к носу, пытаясь остановить обильно лившуюся кровь. Войдя в первый попавшийся дом, девушки попросили у хозяев воду и, сменив гнев на милость, стали помогать потерпевшему парню. Когда хозяева вынесли зажженную лампу, девушки узнали в потерпевшем своего хорошего знакомого, Костю Кихаева, вообще-то парня тихого и скромного.

Наконец, кровь из носа удалось остановить, и девушки стали хвалить Соню и ругать парня.

– И как это вы набралась смелости нападать на нас, – говорили они Косте, – когда у нас такой предводитель, как Соня?

– Вот на танцах расскажем, что вы хотели у нас отобрать подарки, вам наши парни еще не так зададут!

– Не надо, девочки, – он больше не будет, – заступилась за Костю Зина Попова.

– Пусть прощения просит, – заявила Лена Деребеева, – тогда не расскажем.

– Кто еще был с тобой? – спросила Соня. – Говори!

– Попов и Шишманов ...

– Так вот, предупреди их, чтобы они на танцах в клубе извинились перед нами, а то при всех вас осраим.

Девочки решили пройти до школы, а там, на мягдане, разойтись по домам. Теперь они никого не боялись, так как знали, что сообща они могут любому дать решительный отпор...

А нынче, под Новый год, Соня уже не может пойти петь веселые колядки – выросла, не тот возраст. Ей ведь пошел семнадцатый год. Многие ее подруги не приехали в Кабурчак, остались в городе.

Баба Калина понимала грусть своей внучки, но что она могла сделать?

– Давай, Сонечка, будем готовиться встречать колядарцев, и нам будет веселей!

Соня с радостью согласилась помогать бабушке печь печенья, сладкие сухарики и крендели. Вспомнили они про свои орехи, которые собирали наверху Тупой скалы в августе. Достала баба Калина и сухофрукты, и свежие яблоки. Не забыла она наменять и серебряных монет: помнила, что парни постарше предпочитают, чтобы им подносили поздравляемые хозяева рюмку вина и деньги, а не сдобу и сухофрукты.

Подготовились к празднику.

ГЛАВА 11

На Пролетарской улице в Карасубазаре еще с конца двадцатых годов жила племянница бабы Калины – Василиса Иосифовна Шеретова. Она лет пять назад, как овдовела, и жила в Карасубазаре одна в небольшом собственном доме. В Кабурчак Василиса Иосифовна приезжала часто, с родственниками связи не теряла, и все надеялась, что они ей подберут какого-нибудь вдовца, так как была она еще не стара, ей едва

минуло сорок лет. Временами ей одной было весьма тоскливо. Летом она дом закрывала и уходила на сезонные работы сортировщицей фруктов в совхоз Мариано, но чаще – в Юрьевку, где ее многие знали, и совхоз к дому поближе.

И вот после Нового года, приехала Василиса Иосифовна в Кабурчак, и наведалась к бабе Калине. Они расцеловались, и Василиса Иосифовна неожиданно увидела Софью:

– А это Петина девочка? Почему же она не у отца? Ну, здравствуй, девочка!

Василиса Иосифовна обняла Соню и, заглядывая ей в глаза, спросила:

– Почему ж ты не учишься? Или уже работаешь?

Баба Калина вынуждена была рассказать племяннице всю неприглядную историю взаимоотношений мачехи и падчерицы.

– Так она сейчас не учится? – всплеснула руками Василиса Иосифовна. – Я ее заберу к себе. Мы в Карасубазаре найдем ей репетитора. Надо хоть в будущем году ей попасть в школу. Бедная девочка! – пожалела Соню Василиса Иосифовна.

И через неделю Соня отправилась жить к Василисе Иосифовне.

Чистый домик и дворик Шеретовой очень понравились Соне. Да к тому же от ее дома было близко попасть всюду. Первые дни Соня весьма осторожно знакомилась с городом. Тетя ее предупредила, что в татарской части города многие узкие улочки оканчиваются тупиками, из которых трудно выбраться. Идешь, идешь по улице – и упираешься в тупик.... Поворачиваешь обратно – и опять тупик. Прямо лабиринт какой-то. Соня ходила по центральной улице – Луначарского, начавшейся почти от электростанции на пригорке, потом улица изгибалась, и выравнивалась лишь там, где находился административный центр города. Шла она там по прямой, и переходила на Симферопольское шоссе. Здесь, в конце улицы,

находился чахлый скверик с братской могилой партизан и коммунаров, погибших во время Гражданской войны. Здесь же была городская почта и телеграф, напротив – одноэтажное здание татарской семилетки – бывшей женской гимназии и трехэтажное здание десятилетки. В нем раньше находился сельхозтехникум. Против двух этих учебных заведений по другую сторону улицы возвышалось серое здание Народного дома, где теперь показывали кинокартины, а иногда давали представления приезжие артисты театра, оперетты или гипнотизеры. Последние пользовались в Карасубазаре неизменным успехом, и Нардом ломился от желающих попасть в него зрителей...

Недалеко от дома Шеретовой жили немцы. Они имели свой, довольно большой, красивый дом и обширный двор, обнесенный высоким забором. К ним часто заезжали многочисленные знакомые из немецких колоний, входивших в Карасубазарский район, да и не только из них, как оказалось впоследствии.

Во времена НЭПа хозяин этого дома содержал лавку, расположенную напротив центрального кооперативного магазина. С внешней стороны лавка Франца Фриденберга не имела ничего примечательного, а над дверью на вывеске крупными русскими буквами черной краской было написано немецкое слово – «хандлюнг» (торговля, лавка) и под ним мелкими буквами сообщалось, что это – магазин Франца Фриденберга.

И не то, что здесь было больше товаров, чем в кооперативе, но все немцы, приезжавшие в город за покупками, предпочитали останавливаться в доме Фриденберга и делать покупки у него в лавке.

Но лавку Фриденбергу в 1929 году пришлось закрыть из-за сильной конкуренции кооператива, высоких налогов, которые ему пришлось платить финотделу, и, главным образом, из-за того, что к концу НЭПа иссякли каналы, по которым поступали в лавку различные промышленные товары.

Франц Фриденберг, ликвидировав лавку, сделался членом артели извозчиков, стал разъезжать по городу на грузовой линейке, запряженной парой крупных гнедых лошадей. Однако, какие-то связи у него с немецкими колонистами, теперь колхозниками, остались. Колхозники-немцы из Аблеша, Цюрихталя, Фриденталя и других немецких сел, приезжая в Карасубазар, не останавливались на общем постоялом дворе или в Доме крестьянина, а ехали к Францу Фриденбергу.

Здесь было все безукоризненно чисто, они всегда получали горячий чай, и могли заказать хозяйке приготовить кушанья такие, какие они захотят. Хозяйка славилась своими кулинарными познаниями. Здесь они всегда могли рассчитывать на помощь в быстром и выгодном сбыте своей продовольственной продукции. У Франца Фриденберга и его супруги Амалии приезжавшие из района немцы по-прежнему встречали привычную обстановку, прекрасное обслуживание и, как говорили, своих людей, говорящих с ними на одном языке. Никто извозчика Франца не преследовал и налогом не облагал. Если бы вдруг у него спросил фининспектор: «Что за люди у вас во дворе», то он, Фриденберг, всегда мог сказать, что к нему приехали гости из села или родственники. Так что упрекнуть его в незаконном обогащении нельзя.

В доме Франца жил на квартире его племянник Отто – ученик Карасубазарской десятилетки. Был он переростком, ему исполнилось уже девятнадцать лет, а он все еще учился в девятом классе. Но Отто очень хотел окончить русскую среднюю школу и получить аттестат зрелости, а семилетку он окончил у себя в селе. Отто был блондином среднего роста, немного коренастым, с ничем непримечательным лицом. Он был очень вежлив в обращении с людьми, и с соучениками, которые в классе все были моложе его, был ровен и приветлив. Учился Отто хорошо, но не был заносчив. И всегда оказывал помощь ребятам, если его просили, но сам никогда не

напрашивался. Вообще, в школе, да и вне школы, Отто старался вести себя скромно и незаметно.

С Соней он познакомился случайно, и потом это знакомство отразилось на всей её судьбе.

А случай был такой.

Как-то, стоя у ворот Фриденберга с одним из постояльцев дяди, Отто, показал на проходившую мимо Соню и сказал по-немецки:

– Видишь, Рули, какая хорошенькая болгарочка стала нашей соседкой? Интересно, зачем она здесь поселилась?

Соня засмеялась, обернулась и ответила ему по-немецки:

– Будьте осторожны, молодой человек, я понимаю ваш язык, и при мне не говорите плохого.

– Вот и прекрасно, – воскликнул Отто, – будем с вами разговаривать по-немецки, а то я здесь стал забывать свой родной язык!

– Мне тоже очень хочется практики в немецкой разговорной речи, – сказала Соня. – Вы у себя дома все-таки говорите по-немецки, а мне с весны прошлого года не с кем поговорить.

– Вы, наверно, жили в каком-то немецком селе? – спросил Отто. – Впрочем, так хорошо, как вы говорите, – здесь в селах не говорят. У вас акцент немцев из Германии.

– Нет, я не жила в немецком селе. А вот немецкому языку я выучилась в школе. Там нас обучала прекрасная учительница, она заставила меня полюбить немецкий язык. И я хочу научиться свободно говорить по-немецки, чтобы читать в подлинниках произведения великих немецких писателей Шиллера и Гете...

Прошло несколько дней. Как-то Соню позвали в райком комсомола помочь техническому секретарю. И при подходе к райкому ей опять встретился Отто. Еще завидев издали Соню, он заулыбался. Отто шел с незнакомым человеком лет сорока-

сорока двух, несшим туго набитый портфель. Когда они поравнялись с Соней, Отто поздоровался с ней по-немецки. Соня ответила на приветствие тоже по-немецки и спросила его:

– Почему вы, Отто, так радостно настроены? Наверно, получили хорошие оценки в школе?

Отто рассмеялся шутке и ответил, что он в таком настроении потому, что приехал из села родственник, его дядя, – и Отто познакомил Соню со своим спутником:

– Это Бруно Фридрихович Опп – учитель из села.

Дядя учтиво поклонился Соне:

– Позвольте пригласить вас бывать в доме сестры. Мы – люди простые и всегда будем рады видеть вас у себя, – сказал Опп.

Соня поблагодарила за любезное приглашение, но сказала, что без тети она никуда не может пойти, так она воспитана. Тогда Бруно Опп пообещал, что сегодня к ним домой придет Отто и пригласит ее и тетю официально сделать визит семье Фриденбергов и Оппов.

Соня улыбнулась в ответ, поклонилась им и поднялась на крыльцо райкома комсомола.

Вечером к Василисе Иосифовне явился Отто с приглашением от родителей посетить вдвоем с Соней по-соседски их дом. Василиса Иосифовна вначале попыталась отказать от приглашения идти в гости к незнакомым людям, но потом согласилась под напором уговоров Отто.

Соня, несомненно, понравилась Отто, и он об этом сказал своему дяде. Но дядя, видевший сегодня Соню, был поражен ее внешностью.

Соня находилась как раз в таком возрасте, когда девочка-подросток превращается в яркую, очень красивую девушку. И школьные товарищи в Керчи, и подруги из Кабурчака не успели даже заметить, как она расцвела внезапно и всех удивила произошедшей в ней переменой. То же круглое, немного наивное лицо, слегка курносый нос, поднятые, как

будто от удивления, черные дугообразные брови, большие карие глаза, часто менявшие свой оттенок от черного до светлого, те же слегка припухлые щеки, небольшой яркий рот и мягкий округлый подбородок. Но все преобразилось. Да и фигура у Сони округлилась, исчезла голенастость и порывистость движений, присущих девочкам. Появилась плавность жестов, лишь походка осталась немного танцующей. Голос у Сони, сохраняя детскость, вместе с тем, стал глубже и красочнее.

Всегда с чужими людьми немного застенчивая, Соня, и сейчас, потупясь, улыбалась, обнаруживая при этом неправильно выросший во рту справа зуб-клычок, который, однако, не портил лица, а придавал ему своеобразное обаяние.

А дядя Отто – Бруно Опп – посоветовал племяннику не очень обольщаться возможностью своего успеха у Сони.

– Эта девушка не по тебе, Отто, – говорил Бруно Опп. – Она и мила, и умна, и вполне заслуживает лучшей партии, чем ты! В конце концов, кто ты есть? Ученик девятого класса, родители у тебя – бывшие колонисты-немцы, причем даже не богатые, а теперь вообще колхозники... Нет, нет, эта девушка, Отто, не для тебя!

Отто слушал дядю и молчал, причем у него возникало неприятное желание отместки за эту критику. «Тоже из себя ничего не представляет, – думал Отто, – кулацкий сын, пробравшийся в партию. Недоучившийся студент, ставший учителем сельской школы. Все равно немцу не особенно доверяют, иначе не сидел бы он в деревне... Тоже мне деятель! Активист!..» – презрительно думал он о дяде.

Тихую беседу дяди и племянника прервал приход приглашенных соседей Василисы Иосифовны и Сони.

В доме Фриденбергов было небольшое семейное торжество. Жене Франца – Амалии – исполнилось сегодня сорок восемь лет. Жили они в городе тихо, незаметно и, подобно многим жителям Карасубазра, ни с кем не общались. Поэтому

приглашение соседей на празднование гебуртстага – дня рождения Амалии было необычно для хозяев, и вызвано просьбой племянника.

Василису Иосифовну и Соню у дверей дома встретила сама хозяйка. Это была худая женщина, у нее плоская грудь и какая-то нескладная фигура. Но на лице ее, носившем следы былой красоты, светилась улыбка. Она весьма любезно пригласила гостей войти в дом и чувствовать себя совершенно свободно.

– Мы – соседи, говорила Амалия, – живем несколько лет рядом и даже незнакомы. Вот и сейчас у вас в доме появилась прелестная девушка, а мы ее не знаем. Знакомьтесь, – представила мужчин хозяйка, – мой муж – Франц, а это мой брат – Бруно, он учитель. А это мой племянник, сын старшей сестры Отто. Вы его, наверно, знаете...

Амалия говорила быстро и не совсем правильно по-русски, но понять ее было можно. Она часто вставляла немецкие слова, а потом, извиняясь, поправлялась. Муж был противоположностью жены. Это был грузный человек выше среднего роста, с полным красным лицом, из которого, казалось, вот-вот брызнет кровь, рыжими усами щеточкой и такими же подстриженными бровями. Небольшие сероватые глазки быстро сновали с одного лица на другое и надолго не останавливались на собеседниках. Бросались в глаза его огромные, поросшие рыжеватыми волосками и осыпанные веснушками руки, и когда он сжимал пальцы в кулак – становилось как-то не по себе...

Уселись за стол. Все было удивительно чисто, кушанья были приготовлены отменно, а вина подобраны с удивительной изысканностью. Было заметно, что хозяева старались блеснуть перед приглашенными.

Скоро за столом разгорелись споры и, конечно, о войне. Как ни странно, но бывший лавочник и его жена не хотели

войны, проклинали Гитлера и фашизм вообще. Считали, что такая жизнь, какая установилась в СССР, лучше всего для народа.

А каких дозволенных слов можно было еще ожидать от людей в стране арестов, да еще от немцев?..

– Зачем мне магазин? – неестественно кричал Франц. – Я сейчас лучше живу, чем когда имел магазин. Зачем мне эта собственность? Я – советский человек. Мне не нужно богатство. Мне всего хватает.

– Ты – предатель своей нации, – не выдержав пьяного лицемерия, сказал по-немецки учитель Бруно, и тут же спохватился, вспомнив, что Соня понимает его. – Я не это хотел сказать, – воскликнул он по-русски, и перешел вообще на партминимум. – Мы – советские граждане – должны поддерживать мероприятия партии и правительства по укреплению обороноспособности страны. Но я не верю в то, что Гитлер будет соблюдать договор о мире с Советами. А если нападет, то что нам, советским немцам, остается делать? Кого поддерживать? Ясно кого... – и он засмеялся. – Будут побеждать Советы, мы их поддержим... – все-таки ему захотелось сказать о своих убеждениях.

– А я, дядя, считал тебя преданным, – съязвил Отто, – а более преданными оказались Франц и Амалия.

– Замолчи, ты – дурак! Если ничего не понимаешь – не лезь не в свои дела! – Бруно встал из-за стола. – Извините нас, уважаемые дамы, но мы, наверно, выпили немного больше нужного. Чем вести такие разговоры, лучше потанцевать...

И Бруно подошел к столику с патефоном, выбрал и поставил пластинку «Тирольский вальс». Звуки музыки заполнили комнату, и хозяйева отодвинули стол в сторону, освобождая место для танцев.

Бруно по-старомодному пригласил Василису Иосифовну, и они закружились в вальсе.

Отто оказался пьянее, чем ожидал. Приподнявшись со стула, чтобы пригласить на танец Соню, он тут же свалился на

пол, и, поднявшись, с трудом ушел в другую комнату на диванчик. Соня, увидев, что парню плохо, намочила водой салфетку и положила ему на лоб. Отто с благодарностью поцеловал ей руку...

Придя домой, встревоженная ненавистью немцев, Соня сразу легла спать. А Василиса Иосифовна долго не могла уснуть. Ей явно не понравился приезжий немец – Бруно. Он, хотя и учитель, и как будто даже коммунист, но разговоры он вел явно антисоветские. И сколько таких немцев только в Крыму?.. Она долго лежала с открытыми глазами, и не заметила, как уснула...

Проснулась Василиса Иосифовна внезапно. Солнце было уже высоко, в комнате жарко. Соня спала тихо. Василиса Иосифовна умылась и вышла во двор. Неясная тревога не оставляла ее. Отворив калитку, она выглянула на улицу. Был тихий воскресный день. Июньское солнце уже изрядно припекло.

И вдруг из висевшего напротив на столбе репродуктора раздались тревожные слова диктора о том, что сейчас будет выступать народный комиссар по иностранным делам товарищ Вячеслав Михайлович Молотов. Потом в репродукторе что-то щелкнуло, и раздалась взволнованная, слегка заикающаяся речь Молотова.

Соня проснулась от чьего-то легкого прикосновения. Возле ее кровати стояла бледная Василиса Иосифовна.

– Соня, вставай – война! Иди скорее, слушай радио – выступает Молотов!

Соня мигом вскочила с кровати. Сна как не бывало. Накинула на себя платье и бегом – на улицу к репродуктору. А там, как будто ворочали что-то тяжелое, и ее сознание обдало страшным жаром: «Война!»

«...Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, – продолжал говорить по радио нарком Молотов,

– Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить *разбойничье* нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору...»

И темнота – Соня упала и потеряла сознание...

Очнулась она, когда Василиса Иосифовна дала ей понюхать нашатырный спирт. А из-под земли, на которой она лежала, слышался голос:

«...Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

ГЛАВА 12

Соня решила, что ей жить у Василисы Иосифовны сейчас нельзя. Война – значит, ей нужно быть у бабушки в Кабурчаке – вдвоем родным легче. А в селе она сможет работать в колхозе...

Вечером Соня уложила свои вещи в чемодан и утром в понедельник решила подойти к райвоенкомату. Туда, слышала от соседней Василисы Иосифовны, должны были приехать колхозники из Кабурчака и привезти уже первых, вызванных повестками военкомата, призывников.

Соню подвез на своей телеге в Кабурчак колхозник Иван Разложко по прозвищу Коломарь. Дорогой он всё спрашивал Соню:

– Ты скажи, Соня, что говорят ученые люди по поводу этой войны? Одолеем мы германцев?

Во время первой мировой войны Иван Разложко служил на Западном фронте, отступал с русскими войсками от самой Варшавы. А в декабре 1917 года ушел со своей частью на фронт в районе Минска. Бал он мужик недалекий, но хотел показать, что знает современные события и читает газеты.

– Не знаю, дядя Иван. Когда у нас было последнее комсомольское собрание, нам об этой войне еще ничего не говорили. Её еще не было.

– Не поверю тебе, Соня, чтоб ты не знала. Ты сколько лет в школе училась? Девять! А я учился всего два года. Значит, ты должна знать больше меня, темного мужика. Чему же вас учили, если ты ничего не знаешь?

– Как же тебе объяснить, дядя Иван? Ну, вот, например, нас учили правильно писать, по-русски, считать, знать историю нашей Родины, уметь говорить и писать по-немецки, разному другому учили...

Отец говорил, что, вроде, у нас с Германией заключен в 1939 году Договор о ненападении...

– Отец у тебя, Соня, грамотный человек... И очень вежливый, – хитро улыбаясь, повернулся к ней Иван Коломарь. – Помню, однажды я пришел к нему по делу. Это было, когда еще он у нас в деревне кооператив организовал. Сидит Петр Васильевич у вас в доме на веранде и читает какие-то бумаги. На перилах и на столе разложены жаровни с разломанными

половинками абрикосов. Это баба Калина разломала абрикосы, чтобы на зиму на компот посушить. Абрикосы у вас на все село славятся – очень уж сладкие и душистые. Сел я на табуретку за стол, где сидел Петр Васильевич, а между ним и мною на столе стоят три жаровни с абрикосами. Вопрос у меня к нему был пустяковый: зачем в кооперативе дают чеки, когда что-нибудь там покупаешь? Ну, он мне ответил – можно бы и уходить. Но попробовал я одну половинку абрикоса, взял с жаровни – попробовать, подсохли аль нет. Прямо, мёд, Сонечка, на язык положил! – Соня рассмеялась. – Я вторую взял – еще больше понравилось. Я – третью, и пошло... Петр Васильевич мне что-то говорит, а я не слушаю, ем абрикосы. Съел одну жаровню, принялся за другую. А он мне объясняет всё, и вдруг остановился и замолчал, когда я третью жаровню положил в стопку. Ну что мне делать, как объяснить ему такое свинство?

В это время баба Калина вышла на веранду, и видит стопку трех пустых жаровен.

– Кто это сожрал абрикосы? – вскрикнула она. – Они ведь почти высохли, почти готовы были!

Петр Васильевич смеется. А я даже покраснел, так мне неудобно стало – провалиться готов.

– Это я, баба Калина! – говорю. – Честное слово, не виноват, не заметил, как сожрал. Заставила меня тогда твоя баба Калина лезть на дерево, рвать абрикосы, а потом ломать их на половинки. Знаешь, Сонечка, на всю жизнь мне памятны те абрикосы.

– Что же с тобой случилось, дядя Иван? – продолжала смеяться Соня. – Ведь не ругал же тебя папа, что ты абрикосы поел?

– Ругать-то он меня не ругал. Очень уж деликатный человек, и баба Калина тоже не ругала, а больше смеялась. Но, видно, я сам себя наказал – целую неделю животом хворал, думал, помру от тех абрикосов. Много-то их нельзя есть сразу – слабят.

Соня замолчала, глядя на уходящую из-под колес дорогу и вспоминая отца. А Иван Коломарь, помолчав, снова обратился к ней:

– Успокой меня, Соня! Побьем или не побьем мы немцев? А? Ведь получше маленько жить-то стали! Не может быть, чтобы мы их не победили.

– Обязательно победим, дядя Иван, – ответила Соня. – Сколько крови прольется, сколько времени пройдет – не знаю. Но победим! – повторила она. – Как раньше Наполеона победили.

– Дай-то Бог, дай-то Бог! – Коломарь перекрестился.

Въехали в деревню поздно, когда в домах уже зажигали лампы. Иван Разложко довез Соню, из уважения, прямо до дома бабы Калины, снял ее вещи и постучал кнутовищем по воротам.

– Эй, хозяйка, встречай гостей!

Баба Калина выскочила из хаты, увидела Соню и, обрадовано, обняла.

– Война ведь, Сонечка!.. – И расплакалась.

Коломарь тронул лошадь, сев на передок.

– Иване, это ты? – спохватилась баба Калина. – Зайди в дом! Есть, что выпить!

– Нет, спасибо, – ответил Коломарь. – Дома бабка меня ждет. А выпьем мы, баба Калина, после победы! Ох, и напьюсь же тогда!..

ГЛАВА 13

Когда Соня была у бабы Калины в дни каникул летом 1940 года, в Кабурчаке мостили и асфальтировали улицы. Кабурчакский колхоз в то время стал богатым – много лет подряд

в его хозяйствах получали большие прибыли. Правление колхоза и сельсовет старались благоустроить свое село. Недалеко от школы, сельского совета и правления колхоза на Московской улице был построен новый клуб. Затем построили свою электростанцию – и всё село было электрифицировано и радиофицировано. Наконец, настало время привести в порядок улицы села.

Председатель колхоза Иван Китков и председатель сельсовета Петр Дилижанов с трудом добились в райисполкоме разрешение за колхозные средства вымостить в селе улицы и асфальтировать дороги.

В это время было закончено асфальтирование старой Екатерининской дороги, проходившей по отрогам гор и соединявшей Карасубазар через деревню Пролом и ряд других деревень со Старым Крымом и Цюрихталем. Возглавлял бригаду дорожников пожилой мастер – Иван Федосеевич Федченко, проживавший в трех-четырёх километрах от Кабурчака в деревне Пролом. Обосновалась бригада дорожников со всей техникой во дворе костоправа Попова по прозвищу Махно. А рядом, в доме тоже Попова, но Николая – двоюродного дяди Сони – жил колхозный инженер электрик Александр Алешин с семьей – женой Лидией и больным сыном Игорем. Он закончил монтаж Кабурчакской колхозной электростанции.

Здесь-то у Сони и состоялись два интересных знакомства с людьми, повлиявшими на всю ее жизнь.

Дочь колхозника Николая Попова Зина была троюродной сестрой Сони и ее близкой подружкой. Они вместе учились в одном классе и сидели за одной партой. Вместе они учили уроки, целыми днями были то дома у Зины, то у Сони. Ходили помогать колхозникам в саду или на огороде, собирали в лесу кизил и орехи. А когда подросли – то ходили вместе и на танцы в клуб или на мягдань.

С тех пор, как у Поповых поселились Алешины, у Сони и Зины завязалась большая дружба с Игорем. Игорь был года на

два старше девочек. Он не мог самостоятельно передвигаться, и его перевозили в кресле на колесах. Он был изуродован и обезображен мышечной астенией, имел туловище семилетнего ребенка, руки и ноги у него были, как плети, двигались лишь руки от локтя и пальцы. Но голова была, как у нормального взрослого человека, и какая голова! Талант! Он самоучкой выучился читать и писать, сочинял стихи, прекрасно рисовал, имел небольшой, но приятный голос, и пел насколько позволял ему объем его неразвитых легких, сочинял романсы и песни, которые исполнял на губной гармошке или сопилке. Игорь был хорошим шахматистом, составлял шахматные задачи и этюды, которые печатались в журналах и газетах, играл заочно с известными шахматистами. Он самостоятельно выучил немецкий язык. Светлый ум и добрый оптимизм отражались в его голубых глазах. И девочки потянулись к Игорю Алешину. Он им помогал готовить уроки, разговаривал с Соней по-немецки. Иной раз он играл на сопилке или губной гармошке, и Соня ему аккомпанировала на гитаре. Бывало, пели дуэтом романсы или песни советских композиторов, услышанные в кино, или сочиненные Игорем. Соня пела и аккомпанировала себе на гитаре. Не испытав родительской любви, чувствуя ласку со стороны родителей Игоря, Соня вошла к Алешиным в семью, как родная. Она даже называла тетю Лиду мамой, а дядю Сашу папой.

Нередко Соня и Зина заходили во двор к соседям Махно, где располагались со своей техникой рабочие-дорожники. Из строителей – особенно мастер Иван Федосеевич Федченко общался и с Соней, и с Игорем. Он заинтересовался тем, как свободно они разговаривали между собой по-немецки, и какой развитой и умный человек Игорь. А Лида и Соня по вечерам иногда выкатывали кресло Игоря во двор к дорожникам. И они там «музицировали».

Иван Федосеевич познакомился и с отцом Сони – Петром Васильевичем. Он встречался с ним в доме бабы Калины,

когда Петр Васильевич прошлым летом приезжал в Кабурчак. За стаканом вина вспоминали они времена Гражданской войны: Петр Васильевич рассказывал ему о своем пребывании в Крымских горах в отряде Мокроусова, а Иван Федосеевич – о боях в Северной Таврии, где он был в дивизии легендарного Жлобы, а потом в Первой конной армии, штурмовавшей Перекоп.

Но, в конце концов, Федченко с рабочими дорожниками закончили асфальтирование улиц Кабурчака, и возвратились к себе в Пролом. Они занимались теперь лишь ремонтом шоссе на дороге Карасубазар-Цюрихаль.

Когда началась Отечественная война, Иван Федосеевич начал скрытно, по заданию чекистов, готовить в лесу тайники с продовольствием и оружием на случай, если война дойдет и до Крыма, и придется в горах создавать партизанские отряды. Подумывал Иван Федосеевич и об организации разведывательно-подпольных групп и советской секретной агентуры.

Однажды, а это было в первых числах октября 1941 года – встретился Федченко с двумя чекистами – Иваном Христофоровичем Давыдкиным и Эдуардом Яновичем Сизасом, которым поручалось свыше возглавить чекистскую работу партизан в Крыму. Они отклонили предложение Федченко быть проводником разведчиков и предложили ему вернуться на прежнее место работы.

ГЛАВА 14

Соня долго не знала о том, чем занимается ее отец.

С первых дней войны Крым стал прифронтовой зоной, и Петр Васильевич Загорков добровольно вступил в Истребительный батальон. Как бывший партизан Гражданской войны, он пользовался среди бойцов Истребительного батальона

большим авторитетом. В конце июля ему, в группе бойцов, удалось изловить в районе села Цюрихталь сброшенных с самолёта трех немецких диверсантов. Они были в гражданской одежде, но имели ручное оружие и средства для взрывов и подкогов. Диверсанты надеялись укрыться среди местных жителей-немцев.

Впоследствии сброс с самолетов диверсантов и шпионов участился, и работа бойцов-истребителей стала весьма напряженной. Днем и ночью приходилось из-за них прочесывать леса, овраги, заросшие долины речек и сады. Иногда, получив извещение о появлении подозрительного самолета, бойцы истребительного батальона окружали и прочесывали весь район возможного выброса диверсантов.

В сентябре 1941 года фронт уже подходил к Перекопу и Сивашу, опасность нависла над Крымом. В городах и населенных пунктах спешно создавали подполье, формировали партизанские отряды, завозили в горы для партизан продовольствие, боеприпасы и вооружение.

Загорков в начале октября был переведен с половиной Истребительного батальона в Симферополь. Он подал рапорт заместителю командира батальона по политчасти с просьбой зачислить его в один из партизанских отрядов 2-го района. Но уже ходили слухи, что из части истребительных батальонов сформируют стрелковый полк и пошлют в Приморскую армию под Перекоп.

В Симферополе Петр Васильевич, наконец, написал довольно большое письмо жене в Старый Крым. А письмо к матери и Соне долго не получалось. Но написал: «Дорогая Сонечка, прости меня, что я, в своей беспокойной жизни, мало уделял тебе внимания и, возможно, был к тебе несправедлив. Может быть, это к лучшему. Ты научилась большей самостоятельности и умеешь оценивать свои действия. Я уверен в тебе, в твоей разумности и твердости. Бабушка воспитала тебя, как свою дочь. Это не смогла бы сделать Дора Константиновна. И

я рад за тебя! Сейчас не время разбираться в прошлом, но если меня убьют – будь, прежде всего, честным человеком, мсти захватчикам, напавшим на нашу Родину. Береги бабушку! Прощай, Сонечка! Папа».

А дела на Крымском полуострове становились с каждым днем все хуже и хуже. Немцы заняли Одессу. Приморской и 51-й Отдельной армии противостояли 11-я немецкая армия фон Манштейна и Румынский горный корпус. Гитлер придавал Крыму большое значение, и потому на его взятие послал отборные войска. На Перекопском перешейке и на Сиваше в районе Чонгарского моста, против Ишуньских укреплений шли ожесточенные бои. Гитлеровцы, несмотря на тяжелые потери, с каждым днем все больше и больше усиливали натиск на советские позиции.

В связи с положением, в районе Перекопа – Сиваша 20 октября 1941 года из половины состава истребительных батальонов был сформирован стрелковый полк. В этот стрелковый полк попал и Петр Загорков. Но помощи этот полк Приморской армии оказать уже не смог – 27 октября фашисты прорвали советскую оборону у Ишуня. Под натиском танковых соединений немцев русские стали спешно отходить в сторону Севастополя и Керчи.

Взвод Петра Загоркова оказался Юго-западной Симферополя и отступал от Бахчисарая к Севастополю. Внезапно позади взвода послышался рев немецких танков, идущих прямо по шоссе. Красноармейцы залегли вдоль кювета шоссе на дороге. Когда танки поравнялись с ними, от взрыва брошенной гранаты первый танк завертелся на месте и остановился, перебитая гусеница развернулась на дороге. Петр Загорков метнул под танк вторую гранату – задняя часть танка блеснула пламенем, и едкий дым ветром понесло на красноармейцев. Из горящей машины выскочили танкисты в темных комбинезонах. Кто-то из лежащих позади Петра Загоркова красноар-

мейцев выстрелил из винтовки в бегущего немецкого танкиста, и немец ничком упал на шоссе. Кто-то из взвода бросил еще одну гранату под второй танк, и машина сразу вспыхнула огнем и зачдила, загородив дорогу. Задние танки остановились, обстреливая из пулеметов залегших в кювете красноармейцев. Два немецких танка свернули с дороги в поле, а четыре остались на шоссе, ведя непрерывный огонь с залегшими бойцами. Огонь немцев прижимал бойцов к земле. Достаточно было одному сержанту приподняться, чтобы перебежать из кювета за насыпь, как он тут же упал с простреленным плечом. Внезапно стрельба немцев прекратилась, и танки, стоявшие на шоссе, начали отходить назад.

Красноармейцы взвода Петра Загоркова стали перебежками тоже отходить от того места, где дымили, догорая, подожженные немецкие танки. Но кратковременная стычка на дороге взвода Загоркова с восемью немецкими танками дала возможность отойти отступавшему стрелковому полку к станции Сюрень, где стрелковые части готовились дать гитлеровцам отпор.

Однако немецкие танки снова пошли в наступление и начали обстреливать редкие цепи красноармейцев за небольшим пригорком неподалеку от шоссе. И вдруг осколками одного из снарядов был ранен в грудь Петр Загорков. Двое бойцов подхватили его под руки и потащили в сторону каких-то построек, стоявших на краю большого фруктового сада и убранного табачного поля. Из сарая, в котором сушился табак, вышла старая гречанка и спросила у красноармейцев, что им нужно, но, увидев раненого, залитого кровью, запричитала:

– Ой, ой, ой!..

Красноармейцы наскоро перевязали своего командира Загоркова, который находился без сознания, оставили его около старой женщины и пообещали прийти за ним вечером.

Женщина, охая, села в растерянности возле раненого на камне, но потом спохватилась и спрятала под большой бунт табака винтовку. Потом она осторожно оттащила его под навес, прикрыла суконным рядном с топчана, и заспешила к мужу – колхозному сторожу. Войдя в сторожку, она прошептала ему, присев на коврик:

– Ой, ой, ой!.. Что нам делать? Двое красноармейцев бросили возле нас раненого и убежали, пообещав придти за ним вечером. А если немцы сюда придут, что будет с нами?

– Покажи, где он, – встал с топчана сторож.

– Идем, идем, посмотришь на него. Винтовку и патроны я спрятала под табак. Совсем он плохой. Хрипит.

– Возьми мою старую куртку и башлык, чтоб накрыть его, и пошли.

Женщина захватила вещи мужа и ведерко с водой и пошла к навесу.

Бой в районе Сюрени затих. Изредка похлопывали винтовочные выстрелы, но танков не видно. В воздухе пахло гарью и сладковатым дымом горелого мяса.

Старик подошел к раненому и откинул рядно. Тот не приходил в сознание. Марлевая повязка промокла на груди, и кровь на марле пузырилась от выходявшего через рану воздуха. На губах застыла кровавая пена, и надувался и лопался кровавый пузырь.

Старик нагнулся к лицу раненого, пригляделся и отпрянул.

– Мара! – прошептал он. – Это же наш бухгалтер из Бахчисарая, Петр Васильевич Загорков. Три года я его не видел, но он не изменился, я сразу его узнал. Хороший это человек. Нужно ему помочь. Надо спрятать его, а то, не дай Аллах, придут сюда немцы – нам несдобровать...

– Надо умыть ему лицо, – сказала Мара. – Может быть, он будет воду пить. – Она поднесла ковшик ко рту раненого,

но вода только булькала во рту и проливалась. Тогда она намочила тряпочку и протерла ему лицо.

Потом они со стариком осторожно перенесли его в глубину навеса, где сложены были мешки для упаковки табака. В этом защищенном месте никто его не мог увидеть. Старуха снова попробовала привести раненого в чувство, но он не приходил в сознание. Тогда она осторожно сняла с него окровавленную гимнастерку и укрыла его сначала полотенцем, а затем и одеждой старика...

Напрасно ждали сторож с женой, что кто-нибудь придет за раненым. Никто не пришел за ним ни вечером, ни утром. Видимо, все погибли. А раненому становилось все хуже. Он уже не хрипел, а едва дышал. Мара отстирала от крови гимнастерку Загоркова и высушила ее. До этого в кармане гимнастерки она нашла маленький жетончик и показала старику Акиму. Он взял у нее, открыл его, увидел фотографию Петра Васильевича, и с трудом прочел, что там было написано. Еще раз убедился, что раненый – его знакомый, бывший бухгалтер Бахчисарайского райпотребсоюза.

Часов в десять утра мимо навесов для сушки табака по шоссе дороге быстро двигались в сторону Севастополя многочисленные немецкие танки, автомашины с солдатами и с грузом, но никто не обратил внимания на навесы табака. Со стороны Севастополя усилилась канонада. Выстрелы множества орудий слились в сплошной рев.

Мара все чаще приседала, повторяя: «Ой, шайтан! Ой, шайтан!» – и затыкала себе уши. Аким сидел, скрестив ноги, у головы Петра Васильевича и прикладывал ему на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Раненый мелко дрожал всем телом, зубы его стучали и скрежетали. Но он не кричал. Вдруг дрожь прекратилась, и Аким увидел смотрящие на него пристально глаза знакомого Петра Васильевича Загоркова.

– Где я? – чуть слышно спросил он.

– Не узнаешь меня, мой мелаш? – спросил в свою очередь у него Аким.

Петр Васильевич слегка кивнул головой. Аким понял, что он хочет что-то сказать, и нагнулся поближе к его лицу. А Загорков зашептал ему по-болгарски:

– Я, наверно, умру, дядя Аким. Передай дочери и жене, что я погиб у станции Сюрень. Возьми у меня в кармане деньги и документы. Деньги – тебе, а бумаги им передай... – Взгляд его опять затуманился, и он закрыл глаза. В уголке его глаза медленно накопилась слеза и скатилась по заросшей щеке, оставляя мокрый след...

Не приходя в себя, Петр Васильевич Загорков умер. На краю сада, под берестом (карагач), дед Аким выкопал могилу. С Марой они обернули тело его простыней и опустили в могилу. Потом Аким обложил холмик небольшими камнями вокруг, и наскоблил по-русски на куске инкерманского камня, поставленного в голове могилы, слова:

«Загорков, хороший человек, умер в 1941 г.».

Через несколько дней Аким поехал в Бахчисарай.

Там все ему было непривычно. Какое-то траурное молчание и опустение города. По улицам ходили немецкие солдаты. Строем вели арестованных, наверно, на расстрел...

Осадив коня, дед Аким остановил свою двуколку возле бывшего Дома крестьянина, и здесь ему повезло. Навстречу шел его старый знакомый, пожилой кабурчакский крестьянин Иван Чебышев. Аким поздоровался с ним и спросил:

– Как ты попал в Бахчисарай?

– Уже месяц как не могу выбраться отсюда, – пожаловался Чебышев. – Приехал по делам колхоза сюда еще в октябре, а теперь хоть пешком иди назад, да и то страшно. Поймают – расстреляют. Не знаю теперь, что делать. Скоро жить не на что будет. Вон, посмотри, – Чебышев показал на стенку, где был прилеплен немецкий приказ, и тяжело вздохнул. – Что ни сделай, расстрел!

Аким рассказал Ивану о гибели Петра Васильевича Загоркова и отдал его деньги и документы для передачи родственникам.

– Дак, в Кабурчаке еще жива мать Петра Васильевича, – сказал Чебышев, – все передам бабе Калине.

– Передай ей все, что от сына осталось, – задумчиво повторил Аким и рассказал последние слова Загоркова.

Деньги Аким себе не взял, хотя об этом ему говорил перед смертью Петр Васильевич. Стыдно ему было их брать – не такой он человек, зачем они ему нужны эти деньги.

А у Чебышева не вышло передать бабе Калине весточку о гибели сына Петра. Как боялся Иван, так и получилось: командировка в Бахчисарай началась при советской власти, а закончилась – при немцах...

ГЛАВА 15

В Карасубазаре события последних дней октября 1941 года разворачивались по иному. Прорвав оборону советских войск 27 октября, фашисты дали знать о себе в Карасубазаре сильнейшей авиационной бомбежкой, хотя город никаких военных объектов не имел. Несколько десятков зданий было разрушено. Возникли пожары. Небо заволочло дымом, но пожары никто не тушил. Население города было предельно напугано, пряталось по подвалам и разбегалось по селам. Партизаны уходили в лес. А ночью пасмурное небо отсвечивало багровыми отблесками непотушенных пожаров. Город казался обезлюдившим.

Из Кабурчака видны были летавшие над городом немецкие самолеты и взрывы авиабомб, а густой, черно-багровый дым тянулся далеко в горы.

Приехавшие из города колхозники Пантелей Шишманов и Василий Разложко рассказывали, что в городе много разрушений. Учреждения не работают и магазины закрыты. На улицах нет никого, кроме спешащих куда-то вооруженных людей.

Целую ночь в Кабурчаке было видно, как в стороне Карасубазара багровели тучи, и только к утру небо там стало бледнее. Однако днем 31 октября налет немецких стервятников повторился. Это был в военном отношении совершенно бессмысленный налет – город, с военной точки зрения, опасности для немцев не представлял, в нем было только мирное население, по преимуществу женщины. Отбомбились самолеты и улетели, а в городе остались дымящиеся развалины домов, которые никто не тушил и завалов не разбирали.

В Кабурчаке, в доме бабы Калины сидели еще две старухи: маленькая, совсем уже древняя, сухонькая, но, вместе с тем, шустрая баба Калина Тупович – тетя бабы Калины Загорковой, и полная, рыжая, еле передвигающаяся с палочкой, баба Палаица Каракова. Несколько в стороне от них, поближе к окну, сидела Соня и держала книгу в руках, но читать она не могла – да и какое могло быть чтение, когда неподалеку гибли люди, да и собственная судьба была под вопросом...

Старухи сидели, и мысли их занимали события вчерашнего и сегодняшнего дней. С часу на час ждали прихода немцев.

Баба Калина Загоркова беспокоилась о судьбе сына и говорила, обращаясь к бабе Калине Тупович:

– Ты, тетя Калина всегда была богомольная, всегда много предсказывала, читала Священное писание, так вот скажи, что с моим Петей, что с ним? Болит у меня за него сердце, прямо ноет, да и только. Что теперь с ним будет? Особенно с Соней, она еще ребенок.

– Я знаю столько же, сколько и ты, – ответила ей Тупович. – Сколько раз пробовала гадать я и на картах, и на колесной мази с постным маслом, и на куриных яйцах с холодной водой, – все равно брехня. Это мне еще наш покойный батюшка отец Андрей говорил.

– Так он же неверующий был, твой отец Андрей, – вскричала баба Палаица. – Ты помнишь, когда он в церкви ругался нехорошими словами и кричал нам, чтобы несли продукты, а не то закроет церковь и не будет служить... А потом, когда закрыли церковь, он же сам всем говорил, что никогда не верил в бога...

– А все-таки отец Андрей был неплохой человек, – помирила их баба Калина Загоркова. – Может быть, он и посоветовал бы нам что-нибудь. В нашем положении что мы будем делать? Ждать, когда эти изверги придут и перестреляют наших детей и внуков. Чует мое сердце, что моего Пети уже нет в живых, – баба Калина заплакал. – Что будет делать этот бедный ребенок? – И она показала на Соню. Соня встала со стула, подошла к бабушке.

– Не плачь, бабушка! За меня не беспокойся. Я никогда тебя не оставлю, потом я у тебя не такая уж маленькая – мне семнадцать лет, и я всегда сумею за себя постоять, и за папу, если он погиб, я сумею отомстить.

– Правильно говоришь, моя девочка, – похвалила ее баба Калина Тупович. – Что в нашем положении делать? Жили мы по-своему, немцев не трогали, а они напали на нас, и столько людей уничтожают. Царствие им небесное, – перекрестилась она.

– Идем, баба Калина, по домам, – обратилась баба Палаица к Тупович. – Будем сидеть и ждать, когда придут враги, нас убьют и заберут наше все имущество.

– Вы-то, бабушки, им, наверно, не нужны, – сказала Соня, – а вот нам, комсомольцам, партийцам, колхозным ак-

тивистам, – надо идти в лес партизанить – немцы нас не пожалеют!.. Для того и идут они сюда, чтобы Советскую власть уничтожить и свой новый порядок установить...

Обе бабушки ушли из дома Загорковых, и еще тоскливее стало на душе у Сони и бабы Калины.

Спать легли рано. В углу, у иконы, тускло светила лампадка. Баба Калина всю ночь ворочалась и затихла только под утро. Соня тоже долго не могла уснуть, но как-то незаметно для себя провалилась в небытие, и проснулась только тогда, когда в ставни пробилась яркие лучи солнца.

Встав с постели, Соня наскоро оделась и побежала вдоль улицы к своей подружке – Зине Поповой. У них в доме давно уже не спали. Мать зажгла огонь в очаге и что-то готовила для всей семьи в большом чугуне.

– Боже мой, – шептала она, – что будем делать? Всех перебьют, проклятые... Нас не жалко – мы пожили, детей жалко! Мы что-то хорошее видели, а вот дети! Что с ними будет?

Отец Зины – пожилой крестьянин сидел на табуретке и, чтобы что-то делать, нехотя ковырял шилом старую, порванную конскую сбрую.

– Перестань, мать, тоску наводить. Довольно причитать!

Соня побыла минут десять у Поповых, но у них было еще тоскливее, чем дома, и ушла.

Дома она застала бабу Калину, перетаскивавшую какие-то мешки и узлы в подпол.

– Нужно убрать все съестное, чтобы хоть на виду не лежало, – объяснила баба Калина. – Помоги, Соня!

Баба Калина и Соня быстро управились с работой. Они оставили на полках только самое необходимое: с полмешка серой муки, банку смальца, кусок сала килограмма полтора, немного разной крупы и печеный хлеб, завернутый в полотенце. Хлеб уже несколько дней как не привозили в Кабурчак

из города, и, хотя колхозники выпекали хлеб дома, некоторые из них и служащие предпочитали не заниматься этим самим, а покупать печеный хлеб в лавке.

Позавтракали, а потом и пообедали. В селе было спокойно. На улице никто не появлялся, и село было, как вымершее, даже куры почему-то не выходили на улицу.

И вдруг часа в три дня по селу прокатился мотоциклетный треск. Въехали немцы на десятке мотоциклов с колясками, с установленными на них пулеметами. На каждом мотоцикле – по три солдата, на некоторых – по два, вооруженных автоматами и винтовками. Немцы промчались по всем улицам, изредка постреливая поверх крыш домов из автоматов, и остановились возле сельсовета. Один из солдат прикладом винтовки ударил в дверь, она была не закрыта – и сразу распахнулась. Войдя в помещение сельсовета и не найдя там никого, немцы вышли на улицу. Напротив сельсовета, из дома, что рядом со школой, появился во дворе хозяин дома Тричев Пантелей. Немецкий лидер увидел его и, махнув рукой, позвал:

– Комм, комм, гер!

Тричев подошел, но что ни старался ему объяснить немец, ничего не мог понять. Только и понял Пантелей Саввич, что от него требует немец позвать кого-то из местной власти, и что спрашивает у него, не коммунист ли он. Немец уже два раза дал ему под бок прикладом, чтоб был понятливее, но это ничего не помогало. И вдруг блестящая мысль пришла Пантелею Саввичу в голову. Он вспомнил, что лишь год назад его дочка окончила семь классов. Он с улицы позвал ее. Когда она подошла к солдатам и отец объяснил ей, в чем дело, девочка с ужасом смотрела на немцев, и только сейчас начала понимать, как пригодились бы ей знания немецкого языка, который им преподавали в классе, и к которому она так пренебрежительно относилась. Но в последнюю минуту она подумала, что ведь Соня Загоркова, внучка бабы Калины с Речной улицы,

хорошо знает немецкий язык. Она сказала об этом отцу, и тот приказал ей, чтобы она сломя голову бежала за Соней и позвала ее сюда, а немцами жестами объяснил, что сейчас придет переводчик.

Через несколько минут возле Пантелея Тричева появились обе девушки.

Подойдя к стоявшим солдатам и, увидев среди них одного с серебряными нашивками на петлицах и более важного по виду, Соня обратилась к нему по-немецки с вопросом: зачем она им нужна. Немец, к которому она обратилась, услышав немецкую речь, обрадовался и потребовал перевести Тричеву следующие вопросы:

– Есть ли в деревне советские военнослужащие, есть ли коммунисты или представители местной власти, кто староста или начальник?

Тричев ответил, что в деревне нет ни военных, ни оружия, что людей из начальства тоже нет, они несколько дней тому назад, как неизвестно куда уехали. Есть бригады садоводческой и полеводческой бригады, ветеринар, учителя и фельдшерница.

Немец засмеялся и сказал, что, может, он, – немец ткнул Тричева в грудь автоматом, – предложит им еще акушерку, – и стоявшие вокруг солдаты загоготали.

– Вот что, фрейлейн, объясните этому олуху, что мы сейчас отсюда уедем, а его оставляем старостой. Как его фамилия? – И, получив ответ, унтер записал себе в планшечку. – Так вот, чтобы он приготовил список коммунистов и активистов, выбрал полиция и писаря. Все жители чтобы находились на местах и продолжали свою работу. Все это теперь, – унтер обвел по сторонам рукой, – достояние Германской империи. Если что пропадет или кто-нибудь украдет, – виновный будет расстрелян и он тоже. – Поймайт, – по-русски сказал он Соне и галантно перед ней раскланялся.

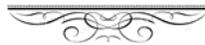

– Я выросла в немецком селе, господин офицер, – соврала она, – я люблю немецкий язык.

– О, хорошо, фрейлейн, я о вас доложу своему полковнику. – Немец снова повернулся к вновь назначенному старосте, погрозил ему пальцем, отдал команду своим солдатам, сел в коляску мотоцикла и уехал. Посредине улицы остался Пантелей Саввич Тричев и обе девушки.

После отъезда немцев Тричев вызвал рассыльных и начал отдавать им приказания. Он только махнул Соне рукой, не поблагодарив ее за оказанную услугу. Весь он как-то надулся и преобразился, преисполненный власти. Вызвал односельчанина Петра Петровича ДЕРЕБЕЕВА и назначил его к своей персоне писарем, а другого ДЕРЕБЕЕВА – Георгия назначил полицаем. Новая власть была оформлена и начала функционировать...

ГЛАВА 16

Прошло несколько дней. В Кабурчаке расположилась рота румынских солдат. Вели они себя относительно спокойно. Первым шагом новой власти был арест шести колхозных активистов: трех братьев Беделевых – Петра, Кирилла и Василия и их двоюродного брата Степана, Дилижанова Петра и Фармакидова Ефима. Позже к ним добавили скрывавшегося в Кабурчаке сына карасубазарского врача Бедрозова. Арестовали всех из-за единственной вины – они были из первых, вступивших в колхоз, а Петр Иванович Беделев, к тому же, в прошлом был председателем Кабурчакского сельского совета.

Арестовал их новый староста Тричев, или как его прозвали на селе – Картофлей, с полицаем Георгием ДЕРЕБЕЕВЫМ.

Прошло еще несколько дней.

И вдруг у дома бабы Калины Загорковой остановилась легковая машина оппель-кадет. Из нее вышел высокий стройный немецкий офицер в очках с молодым человеком в штатском. Подойдя к калитке, офицер стеклом постучал, а молодой человек в штатском крикнул:

– Эй, там, во дворе, есть кто-нибудь дома?

Баба Калина вышла на веранду и спросила:

– Вам кого нужно, молодые господа?

– Вас нужно, бабушка, вас. Собаки во дворе нет?

– Нет, нет, проходите, – упавшим голосом ответила баба Калина.

– Здесь живет мадемуазель Соня Загоркова?

– Здесь. Но только она болеет.

– Надеюсь, не серьезно, – спросил молодой человек и перевел офицеру, что мадемуазель Соня больна.

– У нее уже несколько дней температура, и она лежит в постели, – ответила баба Калина.

Весь этот разговор проходил на веранде. Офицер спросил по-немецки у переводчика:

– Что же старуха нас в дом не пригласит?

Баба Калина как будто поняла вопрос и пригласила их:

– Да вы войдите в дом, молодые люди. Что здесь стоять? Только Соня лежит в постели, и не знаю, сможет ли она с вами разговаривать. – Она открыла двери, ведущие в первую комнату, где находился очаг.

Комната эта была разделена занавеской на две части. В первой части находился очаг и стол, на котором приготавливали пищу, а в летнее время здесь принимали еду. Эта часть комнаты освещалась небольшим оконцем, выходившем во двор к соседям. Слева была дверь в другую комнату, считавшуюся и гостиной, и спальней. В ней справа у печи стояла большая двуспальная кровать, на которой спала обычно баба Калина, она уступала ее гостям, когда они приезжали. Слева

находился небольшой диванчик у окна, выходявшего на веранду. На нем сейчас была разобрана постель и лежала Соня, укрытая домотканым рядом. Горло у нее было повязано полотенцем. У изголовья на табурете, на чистой белой салфетке стоял стакан воды. Посреди комнаты большой стол, покрытый скатертью сурового полотна, был окружен четырьмя черными лакированными венскими стульями. Три окна – два на улицу и одно на веранду – были занавешены белыми полотняными занавесками. В углу подвешен киот с тремя темными иконами и чуть тлеющей лампадкой.

Войдя в дом бабы Калины, Кепке указал кивком переводчику на солдатскую койку:

– Что это?

– Сюда поселили румынского солдата, – сообщил переводчик.

– Перевести в другой дом, – махнул рукой Кепке.

Пропустив офицера и переводчика вперед в комнату, где лежала Соня, баба Калина молча остановилась у двери, не понимая еще цели приезда немцев. Руки у нее дрожали, и она, чтобы скрыть дрожь, спрятала их под фартук. Соня, наоборот, сохраняла спокойствие и выжидающе смотрела на немцев.

Переводчик – а это был Отто, и Соня его сразу узнала, вежливо с ней поздоровался и обратился по-немецки:

– Уважаемая Сонечка, вот нам и пришлось снова встретиться, но теперь цель нашей встречи другая. Начальнику подразделения Айнзацгруппы Д господину Курту Кристману сообщили о вас, что вы владеете немецким языком, и он вам предлагает работу переводчицы. Господин Кепке, которого к вам направил господин Курт Кристман, объяснит вам условия работы и жалованье, которое вы будете там получать, – Отто поклонился Соне и представил ей офицера. Тот, пораженный красотой Сони, несколько смутился, щелкнул каблуками и, сделав галантный поклон, произнес:

– Мой шеф – гауптштурмфюрер СС Курт Кристман получил сведения, что вы прекрасно владеете немецким языком. Поэтому он приглашает вас быть переводчицей в подразделении Айнзацтруппы, – и Кепке с немецкой педантичностью начал перечислять жалование переводчика с всякими добавками, премиями и поощрениями, и продовольственными пайками.

Соня ответила ему, что ей нужно подумать, она сейчас больна и не может даже подняться с постели. Потом у нее нет соответствующей экипировки для службы в этом учреждении, и ей нужно кое-что сделать себе из одежды. А еще нужно подыскать квартиру в городе.

– Я прошу, пусть меня извинит господин офицер, но не ранее чем через десять дней я смогу дать ответ, – попросила Соня и продолжительно откашлялась.

По мере того, как Соня отдаляла свое согласие, Кепке мрачнел, и спросил переводчика:

– И что же мы с вами, господин Отто, будем делать? Что доложим шефу?

– Мне кажется, так и нужно доложить, господин Кепке. Во-первых, фрейлейн Софья больна; а во-вторых, ей, действительно, нужно подготовиться к работе.

– Мы ее можем одеть с головы до ног и можем легко ей предоставить квартиру, – возразил Кепке. – У нас и одежды, и квартир сколько угодно.

– Нет-нет! – воскликнула Соня. – Неужели господин офицер думает, что я надену платье с чужого плеча, или поселюсь на квартире у хозяйки, которую не знаю?

– Да, действительно, я не подумал, фрейлейн Сонья! – ответил Кепке. – Но у нас очень много работы, а время не терпит.

– Я обещаю: после того, как поправлюсь, свой ответ долго не задержу, – и Соня откинулась на подушку, показывая этим, что она очень устала.

Отто показал Кепке, что их визит исчерпан, и что им нужно ехать. Кепке опять щелкнул каблуками и сказал:

– Я поражен, фрейлейн Соня, вашим чистым немецким произношением, и огорчен вашей болезнью.

Оба немца учтиво с Соней попрощались и вышли.

Им встретился входящий солдат-румын. Кепке спросил у него: кто его поселил здесь, но румын его не понял. Не сумел с ним объясниться и Отто. Кепке показал солдату руками, чтобы его в этом доме больше не было. Однако солдат вытянулся, едва не задевая за потолочную балку, и «ел офицера глазами».

– Поедем к его офицерам, – сказал Кепке. – Пусть уберут отсюда этого оболтуса.

Пока шел разговор с румыном, Соня успела вскочить с постели и одеться. Что делать, она не могла решить сама. Она была в смятении. Собиралась уйти в горы к партизанам, чтобы с оружием в руках мстить захватчикам. А теперь дело приняло другой оборот.

Расстроилась и баба Калина. Она сидела за столом и глубоко задумалась, подперев голову рукой. Соня ей говорила раньше, что хочет идти в лес, чтобы встретить там партизан, и вместе с ними сражаться против фашистов. Но Баба Калина ее отговаривала.

– А если ты не встретишь партизан? – спросила баба Калина. – Что тогда делать? Даже если встретишь их, а они могут подумать, что ты специально к ним подослана. А, не дай бог, если попадешь в руки к немцам! Как тогда будешь оправдываться? Нет, внученька, так не годится.

Соня выглянула из комнаты посмотреть, где солдат-румын. Вернулась к бабушке и тихо сказала:

– Спит на кровати, даже сапоги не снял...

– Тише говори, – поднесла палец к губам баба Калина.

– Что делать, бабушка? Я их холеные руки видеть не могу и не хочу, а не то, что с ними работать!

«Вот если бы увидеть Александра Ивановича Алешина, – подумала Соня, – но он уехал в Симферополь и теперь советом не поможет. А с нашими кабурчакцами советоваться не следует – могут выдать».

И она опять обратилась к бабе Калине.

– Бабушка, а если я пойду в Пролом и встречу с тем мастером, что у нас дороги мостил. Он мне не раз говорил, что, если что случится, – приходи – я всегда помогу.

– Не знаю, Соня, какой он человек. Что я могу тебе посоветовать?

– Вроде, хороший человек... Стемнеет, попробую сходить к нему.

Но идти к Ивану Федосеевичу Федченко Соне не пришлось. Он сам появился в доме Поповых к вечеру. А там ему Николай Попов – дальний родственник Сони – рассказал, что к Загорковым приезжала немецкая легковая машина и около часа стояла у их ворот. А вечером от них съехал квартирант-румын. Иван Федосеевич промолчал, но решил поговорить с Соней.

Вышел он из дома Поповых на зады, к речке, как будто направлялся идти к себе на Пролом. Но пошел не в низ, а в сторону калитки Загорковых. Во дворе уже стемнело, и можно было пройти вдоль соседских плетней незаметно. Осторожно отрыл Иван Федосеевич калитку, и, пригнувшись пониже плетня, прошел к дому бабы Калины.

ГЛАВА 17

Федченко тихо постучал в дом бабы Калины. Послышался скрип внутренней двери, и тихий голос Сони:

– Кто там?

– Иван Федосеевич, – ответил гость. – Вот тебя-то мне и надо. А баба Калина где?

– Пошла к Туповичам.

– И хорошо, – вошел Федченко в комнату. – С полчаса времени нам с тобой, наверное, хватит поговорить. Зачем к тебе приезжали немцы? – Он сел на табурет.

– Здравствуйте, Иван Федосеевич. Представляете, мне предложили работать переводчицей в подразделении Айнзатцгруппы Д, – призналась Соня. – А я сейчас болею, и сказала, что дам ответ дней через десять. Иван Федосеевич, но я хочу уйти к партизанам, и хотела к вам идти, чтобы посоветоваться, как быть?

– Ты, доченька, никуда не ходи и никому, даже бабушке, не говори, что решила. Я схожу, куда надо, и через три дня дам тебе ответ, что делать. Недалеко отсюда я буду тебя ждать, пойдем, покажу место.

Они вышли к сараю, где когда-то стояли лошади Загоркова. За углом сарая находились запасы кирпичей из кизяков, для отопления на зиму.

– Квартирант у вас уже не живет? – спросил Иван Федосеевич.

– Сегодня его, по приказу немецкого офицера, перевели в другой дом, – ответила Соня.

– Вот и хорошо! Помог, значит, немец, а то это усложнило бы нам работу. Вот здесь, – Иван Федосеевич показал на сложенные в высокие кучи кирпичи кизяков, – я тебя буду ждать через три дня в это же время. Пораньше нельзя – будет видно еще, а позже румынский караул может помешать. Если до встречи со мной будут еще приезжать немцы, говори, что еще больна, лежи в постели, тяни время. Если через три дня не приду, значит, что-то помешало – но приду на пятый день. Жди. Учти, Соня, я на тебя надеюсь, это дело чрезвычайной важности, и пока меня не увидишь, немцам согласия не давай,

но и не отказывай. Поняла, дочка? Все! Иди в дом. – И Иван Федосеевич исчез за грудой кизяков.

Соня вернулась домой в хорошем настроении. Внутри у нее все бурлило от радости. Ей хотелось и смеяться, и плакать... Она зажгла керосиновую лампу. И тут же вспомнила и побежала закрывать ставни. Проверила, хорошо ли занавешены окна изнутри. Хотя свет от лампы, попав через окно во двор, был тусклый, и его никто бы не увидел. Но сейчас – война, надо строго соблюдать затемнение.

Свет от лампы падал на белоснежные стены и цветастые болгарские домотканые коврики, и комната оживлялась, становилась приветливее и уютнее.

Соне было весело. Она сняла со стены гитару и стала наигрывать, сначала тихо, а затем увлеклась и стала играть громче, и даже подпевать.

Возвращаясь от Туповичей домой, баба Калина удивилась, когда услышала из дома звуки гитары и тихий голосок Сони.

– У всех людей горе, а ты вдруг запела, – рассердилась баба Калина. – Как не стыдно тебе, Соня?

– Не всегда, бабушка, нужно печалиться. Можно и попеть немного, – возразила Соня, но гитару повесила на стену, и нежно прильнула к своей любимой бабе Калине.

– Какая же ты еще ребенок, Сонечка! – погладила ее бабушка.

Соня в этот вечер веселилась, и, глядя на нее, совсем не было похоже, что она недавно тосковала. Теперь она обнимала и целовала бабушку. А та не могла понять, с чего это вдруг у внучки так быстро улучшилось настроение?

ГЛАВА 18

Накануне воны, после окончания монтажных работ и пуска электростанции в Кабурчаке, Александр Иванович Алешин переехал с семьей в Симферополь, где смог устроиться на работу в Крымсельхозэлектро. Переезд как раз совпал с началом Великой Отечественной войны. И сразу в Крыму, как и в стране, наступили сложные дни. Немецкая авиация не раз бомбила крымские города, в особенности Севастополь и Керчь. Началась эвакуация промышленных предприятий, рабочих с семьями и семей военнослужащих на Сиваш. Однако вскоре железнодорожный путь оказался перерезанным фашистами, и поток эвакуированных вынуждены были направить вглубь страны через Керчь.

Александр Иванович Алешин обратился в Симферопольский горком партии с просьбой использовать его как невоеннообязанного специалиста на любой, необходимой для борьбы с фашистами, работе. Но инструктор, к которому он обратился с этой просьбой, предложил ему вернуться в Карасубазар и переждать там опасное время. Эвакуировать его с семьей, при существующем положении, не возможно. Что делать? Александр Иванович и сам увидел это, когда вместе с женой и сестрой жены провожали в эвакуацию семью шурина. Парня отправили на фронт, а его семью еле эвакуировали через Керчь на Восток, когда и дорога, и переправы в Керчи подвергались сильной бомбардировке немецкой авиацией.

Алешины решили уехать в Карасубазар.

Только успели они туда переехать, как и там начались бомбежки. В Карасубазаре секретарь горкома партии с Алешиным говорил, по тому времени, долго, видимо, уговаривал. Предложил ему остаться при немцах в городе и пока затаиться, и, находясь на легальном положении, как инженер-ме-

ханик, внедриться на электростанцию в любом качестве. Работа в подполье опасная. Но хорошо то, что о нем в городе, как о коммунисте, никто не знает. Немцы в этом случае будут относиться к нему, как к своему работнику, и ему будет легче выполнять агентурные поручения или диверсионные задания. Завербовав Алешина, секретарь дал ему и пароль, и отзыв, для связи с партизанами. Как откажешься?

После сообщения из Симферополя о прорыве немцами фронта у Ишуни, в Карасубазаре спешно стал готовиться к выступлению в горы партизанский отряд. Население, перепуганное бомбежками, выезжало или уходило к родственникам и знакомым в окрестные села. В школах прекратились занятия, и родители не выпускали детей на улицы. Незаметно и тихо готовилось подполье. Магазины были закрыты, и начались грабеж и мародерство. По вечерам улицы пустели, от зарева пожаров дома отбрасывали алеющие, зловещие тени. А возле зданий райкома партии и райисполкома задерживали прохожих вооруженные люди.

Алешины в Карасубазаре вначале поселились на квартире у сестры Марии Федоровны, а потом все перешли в пустовавший после отъезда семьи брата дом в тихом, узком Крымском переулке, в стороне от оживленных улиц, на границе местных садов. Рядом в доме жили крымчаки, а в соседнем доме – семья татар.

Но вот в Карасубазар вошли немцы. Прежде всего, гитлеровцы, произвели регистрацию евреев, крымчаков и других «неарийцев», а затем вывезли их за город и отравили газом. И соседний дом расстрелянных крымчаков некоторое время пустовал, а вещи из него были вывезены оккупантами.

Этот дом, где жили крымчаки, состоял из двух половин. Жилая – состояла из двух маленьких удлиненных комнат, в каждой – по одному подслеповатому окну, и не большой, деревянной застекленной веранды. Нежилая половина была по-

луразрушенной или недостроенной, но в ней находился подвал. Эта часть примыкала к соседнему дому. Отсюда участки садов и огородов тянулись до самой речки Карасевки.

После долгих обсуждений и колебаний, Алешины решили самовольно вселиться в пустовавший дом крымчаков. Как раз поселение в этом доме совпало с поступлением Алешина на городскую электростанцию в качестве инженера. Он был уверен, что самоволие с переселением оккупанты простят, так как на электростанции он оказался единственным русским инженером.

Как возможная конспиративная квартира, этот дом представлял большое удобство для подпольной работы. С улицы дом был крайне невзрачен на вид, низкий, не отличавшийся от других домов в переулке. Во двор можно было войти только через узкую калитку между соседним домом и верандой. Заглянуть с улицы во двор невозможно. Переулок окружали высокие стены соседних дворов. Пройти незаметно по переулку нельзя – он просматривался из конца в конец. Только в глубине переулка был узкий переход на соседнюю улицу. Задняя часть двора отделялась от огородов каменной стеной. И во двор можно было пройти, не привлекая внимания, через калиточку, со стороны зарослей вербы на берегу речки Карасевки. А в случае облавы на улицах, можно было через двор незаметно выйти на огороды, и оттуда вдоль речки уйти за пределы города.

Пристройку дома можно было использовать, как сарай, а в погребе можно кого-нибудь спрятать, замаскировав лаз в погреб дровами или сеном.

Одним словом, дом по Крымскому переулку представлял большое удобство для предстоящей конспиративной работы. Только как сообщить руководству подполья? Однако, прошло десять дней со дня переселения семьи Алешиных, как в один из поздних ноябрьских вечеров, в единственное окошечко, выходящее в переулок, раздался четырехкратный стук.

Семья Алешиных, Игорь и Лидия Федоровна, находились в то время в другой комнате, а здесь Александр Иванович сидел у столика как раз возле окна. Услышав стук, он накинул тужурку и вышел во двор. Подошел тихо к калитке и кашлянул. За калиткой тихо произнесли слова пароля. Александр Иванович приоткрыл калитку и увидел мужчину в полупальто, в ушанке, низко надвинутой на лоб. Алешин произнес отзыв на пароль и, пропустив незнакомца впереди себя, велел пройти в глубину двора. На всякий случай Александр Иванович приоткрыл калитку и выглянул на улицу – там было всё спокойно. Пройдя во двор, Алешин огляделся и едва заметил в сумерках незнакомца, который стоял у пристройки, тесно прижавшись к стене. Он протянул руку хозяину и поздоровался:

– Здравствуйте, Александр Иванович. Не ждали, или наоборот, ждали? Теперь вас будут называть «дядей».

– Ждал уже несколько дней и кое-что приготовил, – ответил Алешин. – Чтобы быть коротким, признаюсь: знаю вас в лицо по Кабурчаку. Вы приезжали по делам в школу. Потом видел вас в райкоме и райисполкоме. Понял сразу, что вы – свой. Теперь по делу. Мне стало известно из разговора трех немецких офицеров, что на 20-25 ноября готовится большая карательная операция против партизан. Как понял, из района Ени-Салы, на восток от Ускутской дороги, карателей обещает привести на партизанскую базу какой-то предатель из Ичкинского отряда. Больше пока сведений нет. Еще осваиваюсь на электростанции.

– Хорошо, – подал голос связной. – Общаться с вами буду только я. Есть неопровержимая истина: если знают двое – это тайна, если несколько – уже не тайна. Дома о нашей встрече не должен знать никто. Встретаться будем или поздним вечером, или перед утром. Стук в окошко, как сегодня, – четыре раза. Встреча здесь или вот в этом амбаре. Все! Не буду вас задерживать. Потом подберу для вас тайник, куда будете

класть свои донесения. До свидания, дядя! – Незнакомец растянул губы в улыбке, но глаза сурово отсвечивали при тусклом блеске звезд.

Александр Иванович проводил его до задней стенки двора и открыл калитку:

– Отсюда выходить безопаснее.

Незнакомец кивнул головой и исчез в темноте.

ГЛАВА 19

Прошло три дня с того времени, как побывал у Сони Федченко, он же Сибирский – связной Разведотдела Центрального штаба партизанского движения в Крыму. И вот на горе Берлюк, пасмурным ноябрьским днем Сибирский вошел в землянку Разведотдела. Выглядел он взволнованным и усталым, как показалось его начальнику, Ивану Христофоровичу Давыдкину. Поговорили о текущих делах. Но Давыдкину показалось, что Сибирский хочет сказать еще что-то важное, но опасается присутствующего на встрече Сизаса – заместителя Давыдкина по дальней разведке.

– Говори, Иван Федосеевич, при нем можно. Он – моя правая рука, – махнул именно правой рукой Давыдкин в сторону Сизаса, и рассмеялся.

Но Иван Федосеевич Федченко опять слукавил – стал рассказывать о своем посещении Карасубазара. По его словам, некоторые из интеллигентов-татар в последнее время заходят к немцам в комендатуру. Правда, пока не заметно, чтобы кого-нибудь выдавали немцам. Эта информация для Давыдкина и Сизаса не показалось секретной.

– А что в Кабурчаке? – не выдержал Давыкин. – Колись!
Тогда Федченко перешел к главному сообщению.

– Есть у меня знакомая дивчина, болгарка Соня, прекрасно знает немецкий язык, живет в Кабурчаке, училась в Керчи, но школу не успела окончить. Умница, активистка, комсомолка. Отец ее – бывший партизан Гражданской войны, находился в отряде Мокроусова, сейчас доброволец Красной Армии. Но люди говорят, что он погиб где-то под Одессой, или Перекопом. Недавно, дня три назад, приезжали к этой дивчине домой немцы, и пригласили ее работать переводчицей в подразделении Айнзатцгруппы Д. Но в это время Соня была больна, и отложила ответ до выздоровления. Она, конечно, всполошилась, а вообще – не хочет у них работать, рвется сюда к нам – мстить фашистам за погибшего отца.

– Значит, до нее тоже дошли слухи – что отец погиб? – спросил Давыдкин.

– Да. Она, решив про себя со мной посоветоваться, обещала дать ответ немцам дней через десять, когда поправится. Но боюсь, могут они к ней приехать и раньше, – уж очень срочно им нужен переводчик.

Сибирский от волнения закурил, давая время начальникам обдумать ситуацию. Те долго молчали, и Сибирский, не вытерпев, внес своё предложение:

– Вот бы нам внедрить ее к ним! Всё бы мы заранее знали, что они замышляют против нас, партизан и подпольщиков. – Увидев, как Сизас демонстративно отвернулся от него, Сибирский закричал Давыдкину: – Не хотел я при твоём заместителе, Иван Христофорович, говорить, – вдруг специалист разведки раскритикует... – показал он на Сизаса.

– Ну, тише, тише, Иван Феодосеевич! – осадил его Давыдкин.

Но идея Сибирского поразила Давыдкина. «Да, – подумал он – прекрасно было бы внедрить в логово гитлеровских карателей своего человека. Но к хорошей идее нужен идеальный исполнитель».

– Что представляет собой эта девушка? Может быть, при нажиме на нее немцев, при обнаружении утечки информации, расколется эта твоя «рекомендация», и принесет нашему делу больше вреда, чем пользы, – усомнился Давыдкин.

– Сколько ей лет, твоей девчонке? – спросил недоверчиво Сизас.

– Семнадцать исполнилось в сентябре, – ответил Сибирский. – Да не сомневайтесь, Эдуард Янович, девчонка что надо! Придется привести ее сюда, чтобы вы с ней познакомились и убедились в моем выборе.

– Расскажи подробнее о ней, – потребовал Давыдкин. – Я верю тебе, что она преданный человек, но ведь помимо преданности нужен еще ум, и, учти, незаурядный ум – талант разведчика.

Сибирский убежденно и подробно рассказал о Соне Загорковой. Как он с ней познакомился, как ее ценили в семье Алешиных, как она разговаривала с их больным мальчиком Игорем по-немецки, о ее бабушке Калине, о её отце – бывшем партизане. О том, что и сейчас точно неизвестно, жив ли он или погиб.

– Но если проанализировать ее биографию, считаю я, – возразил Сизас, – то, с точки зрения немцев, она не безупречна. Ее отец – боец Красной Армии, значит, он враг Германии, и Соня – дочь врага.

– Ну, тут надо учесть, – перебил его Давыдкин, – что Соня – болгарка, а гитлеровцы знают о претензиях руководства страны к инородцам. Значит, это несколько смягчает ее биографию.

– Но и это не может служить для нее надежным щитом. Гитлеровцы своих арийцев-коммунистов десятками тысяч посылали на казнь, – парировал Сизас.

– Очень прельщает то обстоятельство, что своим человеком у немецких карателей будет красивая девушка, почти

девочка, прекрасно знающая немецкий язык. Вы сами посмотрите на нее, поговорите с ней и поймете, что такой девушке можно доверять. Она не только красива, но и умна, – горячо убеждал своих начальников Сибирский.

– Иван Федосеевич нам новую «Мати Хари» нашел, – засмеялся Сизас. И встал лоб в лоб с Сибирским, обращаясь к нему: – А ты знаешь, что настоящая Мати Хари погибла именно потому, что была женщиной? Я, как старый разведчик, к женскому полу в этом случае отношусь недоверчиво. Возьмет да и влюбится в какого-нибудь красивого немца, и потом он заставит ее привести к нам карателей!

– Нет, Эдуард Янович, вы несерьезно относитесь к моему предложению, – возразил Сибирский. – Если бы вы увидели эту девушку и поговорили с нею – ваши сомнения рассеялись бы, как дым.

Давыдкин молча размышлял над предложением Федченко. То, что она болгарка – это хорошо. Ведь Болгария теперь считается союзницей Германии, хотя и не воюет против СССР. Но, с другой стороны, Соня – дочь человека, который боролся за установление Советской власти в Крыму, и сейчас боролся против немецкого нашествия на нашу страну.

– Факт пребывания отца Сони в Красной Армии необходимо каким-то образом скрыть от будущих хозяев Сони, – жестко, по-чекистски, предложил он, не задумываясь о том, что девушке придется отказаться от отца, по крайней мере, предать светлую память о любимом отце.

Сибирский опешил от такого поворота дела, но вынужден был без сантиментов согласиться с разведчиками. Только уточнил:

– Это сделать нелегко, так как в Кабурчаке многие знали о пребывании в партизанах Загоркова и о его службе в Красной Армии теперь.

– Нужно тщательно обдумать этот вопрос и найти правдоподобную, но другую легенду, – подхватил Сизас. – Чтобы

биография Сони выглядела вполне правдоподобно и безобидно, и каким-то образом исключить из нее отца-партизана и его борьбу с гитлеровцами.

И все же неумный Эдуард Янович настоял на том, что прежде чем разрабатывать норму поведения будущей разведчицы среди фашистов, нужно сначала встретиться с ней и посмотреть, что она из себя представляет.

– Одной преданности юной разведчицы мало, – доказывал он, – нужны другие данные. Она ведь будет ежедневно, ежечасно общаться с врагами. Выдержат ли у нее нервы? Ведь не для прогулки и пикника фашисты приглашают ее работать – ей придется участвовать в допросах, будут пытки, кровь, и кровь. Может быть, не стоит с ней связываться и доверять ей судьбу многих людей? – говорил Сизас горячо и убедительно: – Советую не особенно ей доверять – всякое может случиться, может, она, даже не желая этого, вынужденно привести в лагерь партизан карателей.

Наконец, Давыдкин, как старший по должности и званию, решил:

– Нужно, конечно, увидеть девушку и поговорить с ней. Я тоже опасюсь, смогут ли выдержать нервы даже у очень умной и преданной девушки. Будет она присутствовать на допросах арестованных, среди которых могут быть близкие и знакомые люди, будет видеть расстрелы земляков, вынужденно будет общаться с надменными и заносчивыми гитлеровскими офицерами, не считающими народ другой национальности за людей. Девушка может не выдержать работы в логове врага – в немецкой полевой жандармерии, основное назначение которой борьба с населением и партизанами.

Для начала дали задание Ивану Федосеевичу: привести Соню к горе Берлюк, для встречи с Давыдкиным и Сизасом.

И Федченко отправился в обратный путь.

ГЛАВА 20

Сибирский обошел стороной село Бахче-Эли и стал пробираться опушкой леса, оставляя в левой стороне деревушку Катыши. Дорога была трудная, приходилось все время идти поперек оврагов – взбираться вверх и опускаться вниз. А Иван Федосеевич в партизанском лагере даже не успел отдохнуть, как следует. Поэтому в пути часто садился отдыхать, курил, и к Кабурчаку подошел только тогда, когда стемнело. Присел на опушке леса под кустом отдохнуть и осмотреться, и отсюда внимательно наблюдал за селом. Кое-где едва различались зажигаемые в домах огоньки. Оккупанты заставляли жителей строго соблюдать светомаскировку. Люди по привычке сначала зажигали лампу, а потом занавешивали плотно окна.

Иван Федосеевич спустился с горы к стыку сада и луга, где когда-то стояла часовенка, а теперь росла купа старых дублистых верб и осокорей. Отсюда к речке пройти безопаснее. Но все равно идти, крадучись, вдоль плетня, разделяющего луг и сад, а затем повернуть под прямым углом вдоль кустов, окаймляющих речку, до колодца, куда даже вечером крестьяне ходили по воду. Оккупанты об этом знали, им часто и самим нужна была вода, но жителей здесь не преследовали и место это не охраняли. Колодец располагался позади дворов Тричева и бабы Калины Загорковой. Отсюда можно было идти, подымаясь наверх к задмам дворов Речной улицы. На пригорке повсюду росли кусты, и, в случае появления опасности, можно было затаиться за кустами.

Но все обошлось благополучно, – никто не появлялся, и Иван Федосеевич, выйдя на зады дворов, смело пошел к дому бабы Калины, открыл калитку и прошел к сложенным кизьякам. Нашел в одном кизячном домике узкое отверстие, протиснулся внутрь и присел на высохшие кизьяки. Ноги гудели от усталости. Иван Федосеевич почувствовал, как он сильно устал

за минувшие два дня. «Домой идти поздно, – размышлял он, – нужно подумать и о ночлеге у кого-нибудь из знакомых. Придет Соня, переговорю с ней, а потом решу...».

Только подумал Иван Федосеевич о Соне, как раздались легкие шаги, и в проеме кизячного домика появилась она.

– Иван Федосеевич? – тихо позвала Соня.

– Здравствуй, Сонечка. Не будем терять время. Я тебе сейчас все расскажу. Но, как ты себя чувствуешь? Поправилась или еще болеешь?

– Получше, но голова кружится, и кашель еще не прошел, – призналась Соня. – Какой ответ вы мне принесли?

– Один ответ – идти работать к немцам, Соня! Дело очень серьезное, моя девочка. От тебя будут зависеть многие жизни, и, если справишься с этой работой, то спасешь многих советских людей. Но будет тяжело, Сонечка. Очень тяжело!

– Не хочу идти работать к немцам. Я их видеть не могу. Смотреть на их надменные рожи, и еще подчиняться им! – расстроилась Соня, понимая, что тогда ее будут считать предательницей. Как она будет смотреть в глаза земляков и подругов-товарищей? – А я хочу, чтобы меня приняли в партизаны, дали мне винтовку, и я буду убивать проклятых немцев, буду мстить за папу и за всех погибших.

– Нет, Сонечка, ты в жандармерии будешь полезнее. Послезавтра вечером мы с тобой пойдем к партизанскому руководству. Идти придется далеко. Выдержишь ли?

– Да выдержу! – отозвалась неохотно Соня.

А Сибирский напирал, не давая девчонке опомниться.

– Одевайся потеплей, лучше ватник надень, сапоги и шапку... О папе ничего нового не слышно? – начал Сибирский подготовку другой легенды о Петре Загоркове.

– Нет, определенного ничего. Ходят слухи в селе, что его убили под Севастополем. А другие говорят, что видели его в Херсоне. Но я не верю – ни тому, ни другому.

– Мне кажется, что лучше, если бы немцы думали, что он в Херсоне, – ухватил направление разговора чекист Сибирский. – А еще лучше – в Болгарии или Румынии. И для твоей работы было бы лучше.

Иван Федосеевич разговаривал с Соней, сидя, и чувствовал, как постепенно отходит усталость от ног. Он поднялся, и, подавая Соне руку, сказал:

– Итак, доченька, послезавтра в это время встретимся, готовься. Постарайся, чтобы бабушка не знала, куда ты идешь. – И, как бы, между прочим, спросил: – Скажи, солдаты стоят у Пиронковых?

– У Ивана – нет. Это я точно знаю, а вот у Степана, кажется, стоят, – ответила Соня.

– Хочу зайти к Ивану, но боюсь, не напороться бы на солдат.

– Вы что, ночевать будете в Кабурчаке? – спохватилась Соня. – Тогда лучше – у нас.

– Нет, Соня, не буду навлекать на тебя опасность, – ласково сказал Иван Федосеевич. – А до Ивана Пиронкова недалеко. В случае чего, скажу, что хотел у него купить муку. А ночной пропуск у меня есть.

ГЛАВА 21

Иван Пиронков перед сном вышел во двор и приблизился к уборной. Дернул за ручку, а дверь оказалась закрытой изнутри. Иван от неожиданности даже выругался. Удивленный тем, что уборная занята, он хотел уйти. Но услышал тихий голос Федченко:

– Это Феодосеевич, тезка.

– Ты как попал сюда? – удивился Иван Пиронков.

– Шел задами и решил к тебе зайти. Да вот живот схватило, – ответил Иван Федосеевич, выходя из уборной и застегивая ремень.

– Что ходишь так поздно? Не боишься? – недовольно спросил Пиронков, быстро заскочив в туалет.

– Ну, как не бояться – боюсь, конечно. Да голод не тетка. Жрать захочешь – куда угодно пойдешь. А пропуск у меня есть.

– Идем в дом – там поговорим, – вышел хозяин из туалета.

В доме Пиронковых посторонних не было. Вся семья собралась ужинать. Жена Пиронкова – Рада хорошо знала Федченко, но сейчас тоже была удивлена его позднему появлению. Но, когда он объяснил, что пришел за мукой, ее удивление прошло. В последнее время в Кабурчак в поисках муки и других продуктов приходило много людей из города, да и из Пролома, откуда был Иван Федосеевич. Она предложила Федченко ужинать, и показала ему на рукомойник и полотенце.

Оба Ивана поговорили о сельских делах и общих знакомых. Потом о том, что слышно об арестованных четырех Беделевых, Фармакидове и Дилижанове.

Иван Федосеевич заговорил и о Петре Васильевиче Загоркове.

– Недавно у нас приехал один человек из Херсона. Он хорошо знал вашего Петра Васильевича Загоркова. Говорит, что видел его там. Жив и здоров, но домой не собирается. Завел там торговлю кожами, и скоро уедет в Румынию, а потом и в Болгарию. Коммерция! Немцы это поощряют.

Рада прислушалась к их разговору, но не поверила словам Федченко, и свое сомнение высказала вслух:

– А я слышала, что он погиб под Бахчисараем, и еще Чебышеву Ивану, будто, что-то передавал. Да Иван, после того, как побывал в Симферопольском гестапо, ничего не сообщает. Так, бормочет что-то, ничего не поймешь. Про татарина

какого-то говорит, что будто бы тот хоронил Петра Загоркова. А другие говорят, что он без вести пропал...

– Конечно, всякое болтают, – вступил в разговор Пиронков, – одно, несомненно, – случилось с ним что-то, а бабе Калине, чтобы не расстраивать, никто ничего не говорит. Но мне не верится, чтобы Петр Васильевич в Херсоне skóry скупал...

Пиронков с вызовом посмотрел прямо в глаза Ивана Федосеевича. Но тот ему подмигнул и продолжал:

– А я, думаю, что мог. В такое время, когда немцы преследуют даже ни в чем неповинных людей, он мог уехать из этих мест, где его знали, и появиться там, где его никто не знает. А такой человек, как он, в торговле разбирается, не один год бухгалтером в потребсоюзе работал. Таким людям немцы покровительствуют...

Иван Федосеевич многозначительно замолчал, и Пиронков понял, что не зря он повел такой разговор.

– Конечно, – задумчиво протянул он, – в Херсоне Загоркова никто не знает, никто не скажет ему, что он – бывший партизан. А, потом, когда все успокоится, заберет он жену и дочь куда-нибудь в Болгарию или в Румынию, и будет жить там припеваючи.

Рада слушала разговор двух мужчин и не верила им. Она хорошо знала Петра Васильевича, его прямолинейность и безупречную честность, была убеждена, что он убит или где-то умер, и не могла понять, зачем Федченко понадобилось его воскрешать, да еще где-то в Херсоне. Не понимала она также, почему муж так легко принял и, вроде бы, поверил этому известию.

Между тем, разговор перешел на Соню. Иван Федосеевич спросил у Пиронкова о ней, как бы вскользь, вроде, она его и не интересует.

– Я ее недостаточно хорошо знаю, – ответил Пиронков. – Вот Рада знает ее лучше. Соня в школе хорошо училась, и учителя нашим детям ее всегда в пример ставили.

– А вот недавно к ней немцы приезжали, – сболтнула Рада, – приглашали к себе работать, в жандармерию что ли. Не знаю, договорились с ней или нет? Она ведь по-ихнему здорово лопочет.

Сболтнула, а сама задумалась: «Выходит, «яблоко от яблони недалеко падает»?

– Так вот оно, что такое! – воскликнул и Пиронков. – Тогда я верю, что ее отец сбежал из армии и теперь в Херсоне шурами торгует. Немцы бы не приехали ее приглашать к себе работать, если бы знали, что отец у нее бывший партизан, а она – комсомолка.

– Да-а, – протянул Иван Федосеевич, – странные дела у нас тут творятся. Отец был партизаном и, вроде, был предан советской власти. А как получился толчок со стороны, не выдержал испытания, и пошел коммерцией заниматься. А дочке вообще предлагают работать на немцев... Как ты смотришь на это, Рада?

Но Рада покраснела и промолчала. Ей казалась невыносимой измена Петра Васильевича и Сони, но она это не решалась сказать в присутствии постороннего человека, каким она считала Ивана Федосеевича. И все же недоверие к Загорковым, которое заронил Федченко, невольно захватило и ее.

После этого Иван Федосеевич попросил у Пиронкова продать ему полмешка пшеничной муки-размола. И, поговорив еще немного, все улеглись спать.

Утром Пиронков насыпал в мешок муки, взвесил ее на весах и пригласил Ивана Федосеевича завтракать. По комнате распространялся аппетитный запах яичницы с салом. Но Иван Федосеевич спешил домой, и от завтрака отказался.

* * *

А уже на другой день во всем Кабурчаке стало известно, что приходил к Пиронковым какой-то человек, и видел он в

Херсоне Загоркова Петра Васильевича. Оказывается, Загорков вовсе не погиб на фронте, а занимается торговлей в Херсоне – скупает разные шкуры и продает их в Болгарии.

Услышав об этой новости, староста Тричев-Картуфлей, позавидовал вслух при односельчанах:

– И везет же человеку! Грамотные люди, они все умеют...

А еще через два дня он отвез в Карасубазар в Гестапо донесение, что Петр Васильевич Загорков дезертировал из Красной Армии и на Украине занимается коммерцией.

ГЛАВА 22

Город Карасубазар тоже сильно изменился с приходом немцев, опустел и присмирел. Всюду были видны развалины разрушенных авиацией домов. Никто не собирался их восстанавливать. Спешно засыпали воронки от авиабомб, мешавшие движению транспорта. И этим немцы ограничили восстановительные работы. Не смотря на строгие приказы гитлеровцев, работу немногочисленных, главным образом, пищевых предприятий города так и не удалось наладить. Через город продолжали передвигаться то в одну, то в другую сторону немецкие и румынские воинские части.

Частые стычки партизан с гитлеровцами прибавляли в городе число раненых солдат.

На пустыре возле аптеки, навевая ужас на жителей, стояла виселица с повешенным на ней председателем городского совета. Тело повешенного мерно раскачивалось на ветру, но немцы, для устрашения жителей, не снимали его с виселицы.

Больше двух тысяч загубленных советских людей были сброшены немцами в противотанковые рвы. А возле город-

ской электростанции, чуть ли ни на виду у жителей города, почти каждый день оккупанты продолжали расстрелы населения.

Страх, всеобъемлющий и всепроникающий страх леденит кровь людей, когда раздавалась лающая речь оккупантов возле порога дома. Появление в доме немцев, одетых в черную форму СС, сулило тревогу и несчастье.

Облавы, обыски, злые окрики немецких солдат и местных полицаев наводили ужас на горожан. И в то же время некоторые карасубазарцы свободно разгуливали по городу, шутили, смеялись, не обращая внимания на горе земляков. А девушки из «коренных» семей, молодые, цветущие, нарядные, по принципу – «женщины любят победителей», по вечерам гуляли с оккупантами, посещали «балы» и вечеринки, под ручку с немецкими и румынскими офицерами.

В такой обстановке низенький дом Алешиных, стоявший в глухом Крымском переулке, представлял собой островок прежней жизни.

Жена Александра Ивановича Алешина – Лидия Федоровна, красивая, стройная женщина лет тридцати восьми – тридцати девяти, смогла за короткий срок придать убогому жилищу удобство и семейный уют. В двух маленьких комнатах, в которых они теперь жили, часто собиралась своя молодежь, с дружеским вниманием к больному Игорю: две задушевные подружки – племянница Алешиных Элла и дочь городского врача, жившего неподалеку, Нона, нередко к ним присоединялся и брат Ноны – Лёка, юноша лет семнадцати, который сейчас не учился, потому что немцы закрыли школу.

Игорь все время сидел дома, и, кроме Эллы, Ноны и Лёки, никого не видел. Приходил раньше Миша, но теперь, видно, трудно ему стало добираться в Карасубазар из Кабурчака. У него все сильнее болела нога.

Игорю в это время исполнилось девятнадцать лет. Несмотря на внешнее уродство, Игорь передвигался в кресле на

колесиках. Он был обаятелен в общении с людьми, интересен, как собеседник. Однако болезнь его прогрессировала, и здоровье ухудшалось.

Так как школы не работали, Игорь начал заниматься с девочками по школьной программе за шестой класс. А для отдыха организовал небольшой оркестр, где девочки играли на гитарах, мандолинах, а сам он – на губной гармошке или простой дудочке-сопилке.

После переезда в Карасубазар Игорь часто вспоминал о той хорошенькой девочке Соне, с которой они хорошо подружились, когда Алешины жили в Кабурчаке.

Какова же была его радость, когда однажды Алексей Иванович, придя с работы, сказал:

– Игорь, ты знаешь, кого я видел сегодня?

– Откуда же мне знать, папа? Я ведь все время сижу дома.

– Я видел сегодня Соню Загоркову. Иду по улице, и вдруг слышу – кто-то меня окликает. Оборачиваюсь – Соня. Я даже ее сначала не узнал. Выросла. Уже девушкой стала. Едет на телеге, видимо, домой. Приезжала сюда к каким-то родственникам, за лекарствами. Призналась мне, что немцы приглашают ее работать переводчицей, но она еще не решила, как ей быть.

– Как тут решать? – вздохнула Лидия Федоровна. – Не согласится – немцы расстреляют, а согласится – так добрые люди... – поперхнулась она, и расплакалась.

– Если станет работать в Карасубазаре, – выдавил из себя Игорь, – хорошо было бы ей у нас жить. Как мы с ней подружились, когда жили в Кабурчаке. Ведь она даже вас называла папа и мама. Хорошая она девушка.

– Это действительно было бы хорошо, если бы Соня жила у нас. Я ее полюбила, как родную дочь. Уж такая она милая девочка, – сказала Лидия Федоровна. – И тебе, Игрик, было бы веселее. Она ведь к тебе, как сестра, относилась.

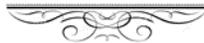
– Папа и мама, – обрадовался Игорь, – я вас очень прошу, если Соню заставят работать переводчицей, уговорите ее жить у нас.

Александр Иванович обещал Игорю пригласить Соню. У него была и своя причина: проживание переводчицы Сони Загорковой у них на квартире, будет полезным для его работы. Во-первых, она станет надежным щитом для обеспечения безопасности; во-вторых, возможно, к ним домой будут приходиться видные гитлеровцы и могут приносить нужную информацию. Но об этом Игорю знать не нужно, – размышлял он.

А Лидия Федоровна имела и свой резон принять Соню в дом: Игорь при Соне будет меньше тосковать в одиночестве. Мать, конечно, понимала, что Соня никогда не станет женой Игоря из-за его физического уродства, но она могла быть для него заботливой сестрой.

Успокоенный отцом и матерью, Игорь от впечатлений допоздна не ложился спать. Сначала он читал, а потом долго записывал в толстую тетрадь стихи. Мать два раза входила к Игорю в комнату, чтобы переложить его в постель, но он просил ее: «Еще немного, мамочка».

ГЛАВА 23

Придя домой из Кабурчака, Иван Федосеевич Федченко положил мешок с мукой на пол, и усталое опустился на табуретку. Все-таки пожилой возраст брал свое. За двое суток ему пришлось отшагать более шестидесяти километров. Иван Федосеевич передохнул немного и попросил жену подавать еду на стол. Нужно было хорошенько за сутки отдохнуть, набраться сил, чтобы завтра снова отправиться в горы.

В доме и во дворе Ивана Федосеевича в Проломе было несколько тайников. В них он прятал и съестные припасы, которых хватило бы, чтобы прокормить в течение месяца взвод солдат, и различную одежду, в которую частенько переодевались разведчики-партизаны. Здесь были не только рваные кофужу и латанные-перелатанные ватники, и старые тужурки, и штаны, но и эсесовские и армейские немецкие мундиры с петлицами разных родов войск, и новая гражданская одежда. Пользуясь его многообразным гардеробом, партизаны-разведчики, легко превращались и в бравого гауптмана, и в оборванного бродягу, слоняющегося по селам в поисках продуктов.

Прекрасный партизанский разведчик, Иван Федосеевич Федченко, вместе с тем, находился на службе у гитлеровцев, и призван был поддерживать хорошее состояние шоссе-ных дорог. Он ходил от села к селу, легко проникал в расположение партизан и докладывал немцам о состоянии дорог и мостов. Нередко и сам проявлял служебное рвение, становился во главе бригады рабочих, и приводил в порядок взорванные партизанами мосты или ремонтировал поврежденные участки дорог. Однако по пути Иван Федосеевич оставлял свои донесения для партизан в условных тайниках или передавал сведения встречавшимся с ним внешне незаметным людям, являющимся или партизанами, или их связниками.

Вот и сейчас ему нужно было оправдать свое двухдневное отсутствие на участке в Проломе и направить рабочих ремонтировать поврежденный мост недалеко от деревушки Мелек. Кроме того, нужно было отправить в Карасубазар в дорожную службу немцев донесение о состоянии дороги от Колпака до Карасубазара. Нужно было распределить задания между рабочими, и поручить своему помощнику наблюдение за ремонтом моста.

Так, в заботах прошли у Ивана Федосеевича следующие два дня. Только к вечеру ему удалось освободиться. Собрав

небольшую котомку со съестным, Иван Федосеевич отправился в путь за Соней. Только когда стемнело, подошел он к Кабурчаку, и снова вдоль речки, а потом задами дворов пробрался к дому Загорковых.

Соня его уже ждала, облаченная в серый стеганный ватник, ватные штаны, кирзовые сапоги и черную смушковую шапку-ушанку.

– Спасибо, дорогой Иван Федосеевич, за вашу заботу обо мне. Как я благодарна, что вы пришли! – Соня надеялась, что ей удастся остаться у партизан, а не идти работать к немцам. – Что мне взять с собой? Я дома приготовила в рюкзаке все необходимое. Вы меня подождите здесь, я мигом слегаю...

– Нет, доченька, ничего не надо брать с собой. Мы ведь там, – Иван Федосеевич рукой махнул в сторону гор, – долго не пробудем. Завтра же к вечеру, бог даст, вернемся.

– Зачем же мы пойдем? – вырвалось разочарование у Сони.

– Все скажу, милая, но только не спеши. Мы хотим, Соня, чтобы преданный нам человек находился среди оккупантов. И, если в тебе не утихло желание с ними бороться, то такой человек, как ты, нам больше всего подходит. Идти нам, дочка, далеко – не знаю, выдержишь ли ты?

– Выдержу, я выносливая, – вздохнула она.

Они спустились с бугра к речке, перешли ее по камням, не замочив ноги, и пошли по саду, придерживаясь кустов, растущих вдоль берега. Стало темно. Соня спотыкалась, попадая в поливные канавы. А Федченко шел смело, как днем, видно было, что этим путем он ходил нередко.

Вдоль плетня добрались до Вакуфа, но прежде чем переходить дорогу, идущую под горой по краю сада и луга, он сделал первую остановку, присел у дерева и долго всматривался в темноту. Не заметив ничего опасного, подал знак Соне рукой, и повел ее по дороге, не подымаясь в горы. И так они

шли до тех пор, пока в темноте не замелькали огоньки деревушки Катюши. Свернули от дороги влево, в гору, метров на двести, и шли по опушке леса, то опускаясь в овраг, то подымаясь на бугор, до самого Феодосийского шоссе. Там, возле села Бахче-Эли Федченко повернул влево от шоссе, и все время всматривался в темноту. Наконец, увидел то, что надо, и скомандовал Соне:

– Ложись на землю и ползи за мной. Будем переползать через шоссе. Здесь немцы понатягивали проволоку, а на нее навесили консервные банки, чтобы они тарахтели, когда партизаны будут переползать шоссе. Смотри, осторожнее будь, не задень спиной проволоку. А то и вправо и влево у врагов расположены посты, могут шум поднять.

Они благополучно миновали шоссе и метров через двести углубились в редкие заросли кустарника. И тут, от пережитого напряжения, Соня почувствовала, как по спине потекли струйки пота. Да, путь был очень тяжелый. Теперь пришлось идти то в гору, то чуть ли не катиться с горы. Видимо, и Федченко выдохся, остановил Соню:

– Эх, дочка, запаздываем мы к условному времени, но нужно сделать привал. И покурить охота. Сойдем в ту балочку и присядем за кустом отдохнуть, но так, чтобы нам все было видно, а нас никто не видел.

Соня тоже еле дышала, ей не хотелось даже спрашивать проводника: долго ли еще идти. По тропинке они спустились в лощину, заросшую кустарником. Туман, в который они вошли после Феодосийского шоссе, превратился в мелкий въедливый дождик. Иван Федосеевич остановился, поднял капюшон парусинового плаща, одетого поверх полушубка, достал табак и бумагу и начал сворачивать сигарку.

– Выбери, Сонюшка, камешек и посиди, а я пока покурю, – сказал он. И осторожно, чтобы не было отсвета, при-

крылся полой плаща, чиркнул спичкой и прикурил, жадно затягиваясь и пряча сигарку в рукаве плаща. Потом несколько раз затянулся, потухшую спичку спрятал в карман и заговорил.

– Опаздываем, Соня. Однако ничего не поделаешь – раньше выйти опасно было. Могли и проследить за нами. Можно и на румынских солдат напороться. У меня хоть пропуск есть, а у тебя – нет. Начнутся расспросы: куда да зачем? Эх, по своей земле ходи и прячься! – Иван Федосеевич на минуту задумался о чем-то своем. – Когда-то до войны ходили мы сюда осенью за лесными орехами и кизилом, – обвел он рукой темноту. – Когда, господи, снова наступит такое время?

Соня тоже задумалась. Она неясно себе представляла ту роль, которую ей предлагали. Спросить у Ивана Федосеевича она стеснялась. Бабушка воспитала из нее скромную, застенчивую девушку. И хотя Соня в нужных случаях была смелой, и даже храброй, как ее отец, но, в то же время, оставалась женственной и осторожной, как мать. И потому всегда предпочитала выжидать, чтобы события развивались сами.

– Наверно, пора идти, – сказал Иван Федосеевич. – Мы с тобой идем малохоженной дорогой. Потому и приходится все время подниматься на горы и спускаться в балки. Должны мы с тобой прямо на Айлинку выйти, а Бешуй останется левее. Вообще нам все селения лучше подальше обходить – здесь хоть и надежные люди живут, но даже среди хороших людей всегда какая-нибудь сволочь найдется...

Прошло еще два часа. Соня шагала вслед за Федченко и, несмотря на то, что, как ей казалось, автоматически передвигает ноги, стала заметно отставать. Шли они по верхней части склона горной гряды.

Далеко впереди слышался лай собак. Соне показалось, что внизу в темноте мелькнул огонек, но когда они спустились опять в балку, все скрылось. Вокруг возвышались горы, поросшие густым лесом. Тропинку они давно оставили. И Соня удивлялась, как Федченко безошибочно и смело шел вперед. Вот

они снова спустились в узкую долину с журчащей в ней речкой, и, пройдя десятка два шагов, Иван Федосеевич, молча, подал знак, что можно напиться. Соня присела у ручья, и, набрав полные ладони воды, с жадностью напилась. Он тоже напился и пожалел, что не может закурить.

Дальше Соня уже не шла, а через силу плелась за Федченко, как во сне. Они шли по старой лесной каменистой дороге, два раза пересекали небольшие ручьи, еще раз пили воду и закусывали корочкой хлеба. Наконец дошли до завала деревьев, обошли его слева и по узкому ущелью стали подниматься вверх. Но через полсотни шагов их остановил окрик:

– Стой, кто идет?

– Свои!

– Пароль!

Иван Федосеевич велел Соне остановиться и прошел несколько шагов вперед, пока в его грудь ни уперся штык. Перед ним возникли две темные фигуры партизан. Федченко шепотом сказал пароль. Штыки опустились.

– Почему, дядя, сразу не сказал пароль? – спросил один из партизан.

– Раз не сказал – значит так нужно, милый! Веди-ка нас к самому Давыдкину, – устало ответил Иван Федосеевич, – нелегко тридцать верст шагать ночью по буграм да балкам. – Давай, давай, – торопил он партизана, – они там с Сизасом тоже, наверно, устали ждать.

Партизан шагнул вперед и сказал:

– Пошли за мной!

ГЛАВА 24

Прошло три дня с тех пор, как встречались Давыдкин, Сизас и Федченко, и вот наступило условное время их назначенной встречи. Рано стемнело, как всегда в начале декабря. На партизанских тропах по докладам постов никто не показывался.

Давыдкин и Сизас заждались прихода Сони и Сибирского у подножья горы Берлюк этой туманной и зябкой ночью. Они знали, что Сибирский – опытный и хорошо знающий местность разведчик, он не раз бывал здесь, и каждый раз добирался к ним новой дорогой. Но, когда минула полночь, у них закралась тревога: не оказалась ли девушка подставным лицом немцев, не выдала ли она Сибирского, и не подбираются ли сейчас к базе партизан каратели. Наверное, только пытками можно было заставить Сибирского привести карателей по секретным тропам к партизанам.

– Он умрет – не предаст, – вырвалась тревога с уст Давыдкина. Сизас кивнул в знак согласия.

Эдуард Янович, спокойный и выдержанный в любой непредвиденной обстановке, сейчас тоже нервничал и чувствовал себя неуютно.

– Излишние сомнения бывают так же вредны, как и не обоснованная доверчивость, – сказал Давыдкин. – Во всяком случае, мы с тобой не сделали ничего неосмотрительного, и нам волноваться еще рано. Ведь у Сибирского с девушкой длинный, трудный путь, да еще ночью.

Сизас улыбнулся, но еще больше усилил напряжение ожидания иронией:

– Спартак тоже ждал своих связных из Рима, а вместо них появилось войско диктатора Суллы.

Давыдкин промолчал, но осуждающе посмотрел на Сизаса. Тот понял его, и больше не бросал свои иронические реплики.

Часто бывает так: ждешь, ждешь кого-нибудь, и когда уже перестаешь надеяться на приход, тот, кого ждешь, появляется неожиданно, вдруг... Так было и на этот раз.

Перед рассветом сон совсем уж сморил Давыдкина и Сизаса. И вот сквозь дрему послышался чужой негромкий разговор. Давыдкин сразу вскочил на ноги и быстро вышел из землянки. За ним вышел и Сизас.

Тусклый рассвет едва освещал полянку, окруженную кустарником и густо проросшими молодыми деревьями. Туман клочьями цеплялся за скалы и вершины деревьев, с веток свисали капли дождя и громко шлепали, падая на землю.

А на траве поляны роса жемчугами покрыла растянутые сетки пауков на каждой былинке – и словно тысячи радаров на поляне загорались в лучах рассветного солнца.

Земля отсырела и чавкала под ногами. Давыдкин и Сизас прошли несколько шагов в направлении, откуда слышались негромкие голоса.

Вдруг, раздвигая руками густые ветви кустарника, внезапно появилась Соня, за ней – дед Сибирский и партизан Вася, пропустившие ее вперед. И она предстала перед Давыдкиным и Сизасом, юная, прекрасная, озаренная, как им показалось, необыкновенной улыбкой. Неуклюжая мужская одежда – серая ватная стеганка, такие же брюки, грубые кирзовые сапоги, и черная смушковая шапка-ушанка не могли скрыть ее обаяния юности и женственности.

– Богиня!.. Венера!.. – неожиданно прошептал сзади Давыдкина Сизас, восторженнее, чем можно было ожидать от старого чекиста и неисправимого скептика.

Соня и на Давыдкина произвела тоже сильное впечатление. Она была действительно красива, эта семнадцатилетняя девушка. Большой, открытый лоб, обрамленный темно-

каштановыми вьющимися волосами; темные, почти черные брови с легкими изломами линий; большие карие глаза, излучавшие доброту и нежность; прямой нос, с четко очерченными ноздрями; нежный розовый рот, со слегка припухлой верхней губой; полноватые щеки, окрашенные румянцем, с небольшими ямочками у краев рта; округлый подбородок с ямочкой посередине. Распахнутая от долгой ходьбы стеганка открыла полудетскую, хрупкую шею, с едва заметной женской округлостью, невысокую девичью грудь. Когда Соня смущенно улыбнулась, справа во рту обнажился криво выросший зубок – клычок, однако, не портивший, а придававший заметную прелесть ее лицу.

Гости прошли в землянку и сели за стол. Соня сняла шапку, и волосы рассыпались у нее по плечам. Без шапки она казалась еще лучше. Отсвет от копилки делал ее похожей на персонаж какой-то картины известного художника. Какой? Давыдкин силился вспомнить и никак не мог.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Софья.

– А по отчеству?

– Софья Петровна Загоркова, – ответила Соня, поняв сразу, о чем ей надо начать говорить.

А Сизасу казалось, что он видит перед собой уже виденную драматическую артистку. На обоих мужчин она произвела настолько сильное впечатление, что это в начале встречи мешало разговаривать с ней. Одному все хотелось сказать, что она запечатлена на картине какого-то известного художника, другому – что похожа на артистку театра, в роли трагической героини.

Но Соня заговорила первой. Ее взволнованный голос, по южному мягко выговаривающий букву «г», несколько глухо зазвучал в землянке.

– До меня дошли слухи, что мой отец погиб на фронте. Я хотела бы остаться у партизан, чтобы мстить за погибшего

отца, – сказала она, – и в этот момент ее красивые глаза стали почти черными от ненависти к фашистам. – Мой отец сам был партизаном Гражданской войны, а, уходя на фронт, завещал мне в письме, чтобы я навсегда оставалась верной Отечеству и мстила нашим врагам. Прошу вас, оставьте меня здесь! Я смогу быть полезной. Могу стрелять, в школе нас учили этому. Могу ухаживать за ранеными. Могу кашеварить и стирать. Вообще все, что вам нужно. Но я не хочу жить и работать вместе с немцами, видеть не могу эти холеные рожи злобных оккупантов. Я хочу мстить им, убивать их! – Слезы выступили на глазах у Сони, глаза сделались гневными, а лицо умоляющим и печальным, так много разных чувств нахлынуло на нее в этой землянке.

Давыдкин смотрел на нее, молча, думая свою думу и сочувствовал ей. Ему стало жалко посылать ее на смертельно опасное дело. Но как их учили? Ради дела жертвовать жизнью. Эта девушка, почти девочка, должна будет, по их замыслу, играть нелегкую роль. Ей придется сражаться с оккупантами не в открытом бою, не с глазу на глаз, как она решила, а жить среди фашистов и служить им, играть двойную роль ежедневно и ежеминутно: играть со смертью, быть послушной им, ненавидя их, и не ошибаться, потому что её ошибка – это её смерть.

– Девушка, милая девушка, – сказал мягко Иван Христович, – разве сражения, разве войны выигрываются числом солдат и их вооружением? Разве ты не принесешь больше пользы, если убьешь не одного немца, а больше, чем мы могли бы их убить? – задал вопрос Давыдкин.

И тут в разговор вступил профессиональный разведчик Эдуард Янович Сизас, но говорить стал с Соней не по-русски, а, желая проверить ее знания языка, по-немецки.

– Представьте себе, фрейлейн Соня, что будет иметь большее значение для нашей борьбы с немцами – ваше свое-

временное предупреждение о готовившемся на нас нападении немецких карателей, или ваше участие в партизанских делах в качестве простого бойца? Ну, отвечайте, фрейлейн Соня! Где от вас будет больше пользы? – И Сизас сделал приглашающий жест.

Все это он произнес с несколько жестким восточно-прусским акцентом. «Так их учат в КГБ! – с удивлением подумала Соня, – его немецкий язык красивее и правильнее, чем у того немецкого офицера, что приезжал предлагать работу».

– Конечно, если я буду работать у карателей в комендатуре, – ответила она по-немецки, – то я сумею сообщить вам о готовящемся нападении на партизан.

Сизас рассмеялся и объяснил присутствующим свой вопрос и ответ Сони.

А Соня поняла, что не уговорила командиров оставить ее у партизан. И лихорадочно искала возможность не вступать в эту страшную организацию – Комитет государственной безопасности, который всегда боялась. «Потом придет «воронок», меня отвезут в застенки КГБ, будут пытаться, обвинять в измене родине, и расстреляют как немецкую шпионку. Сколько подружек потеряли так отцов, мне известно», – со страхом думала она.

– Но мне так хочется отомстить им за Крым, за наш народ, за погибшего отца, – снова сказала она по-немецки.

Сизас тут же перевел ее ответ на русский язык и похвалил ее немецкую речь.

– Вот это и будет твоя месть, доченька, – убеждал ее Иван Федосеевич. – Ты только подумай, скольких людей ты сможешь спасти! Мы ведь с тобой говорили об этом и дома, и по дороге...

Он еще что-то говорил, а Соня искала выхода. «И в немецкой комендатуре – смерть и в КГБ – смерть», – склонила голову Софья, что бы не было видно, что ее мучило.

– Мне кажется, что Софья Петровна сама ответила на наши вопросы, – сказал Давыдкин. – Еще Суворов говорил, что воюют не числом, а умением. Знание же намерений противника, его планов, численности солдат, времени их выступления, – все это дает возможность побеждать даже небольшим количеством бойцов. А для нас, партизан, это – главное! Думаю, что Софья Петровна теперь и сама понимает, какую огромную, государственной важности работу мы на нее возлагаем.

А Софья думала: «Еще не дала согласие, они за меня все решили. А попробуй отказаться – пристрелят, не выпустят из землянки».

– Что молчишь? – спросил Сизас по-русски.

– Я все сомневаюсь в своих силах... – подняла Соня глаза. – Мне кажется, что неискренность написана у меня на лице, и немцы сразу меня разоблачат.

– А ты, Сонечка, как в чем-нибудь засомневаешься – сразу вспоминай миллионы убитых советский граждан и представляй себе убитого отца, – посоветовал ей Сибирский.

– Приказывайте, говорите, что нужно, – сказала Соня, взяв себя в руки, – буду стараться сделать все, что от меня зависит.

– Помните, Соня, – предупреждал Давыдкин, – о той высокой и нужной работе, которую вам предстоит выполнять. Помните о ней и не поддавайтесь лести немцев, ведите себя скромно и незаметно, и тогда даже эти «сверхчеловеки» не подумают о вас, что вы – наша.

Постепенно они разговорились. Исчезла некоторая натянутость, которая существовала в начале встречи. Перед партизанскими разведчиками сидела советская девушка-комсомолка, желавшая им помочь всем, чем она могла, умная, смелая, с огромной силой воли и необыкновенной выдержкой. Давыдкин и Сизас давали ей инструктаж, как следует вести себя с ее новыми «хозяевами», – скромно и почтительно,

как оформлять донесения – коротко и ясно, ничего на службе не записывать и никаких документов не брать. Ей предложили даже не трогать на столах оставленные бумаги, не переворачивать и не перекладывать их, так как немцы будут ее все время проверять и даже провоцировать. Все предстоит запоминать, надеяться, прежде всего, на свою память – это и есть записная книжка разведчика.

– О том, что ты работаешь у немцев на партизан, не должен знать никто, – предупредил Сизас, – ни бабушка, ни тетя, ни даже жених, если он у тебя есть, или будет.

– Крепись теперь, Соня, – сказал, обняв ее Сибирский, – Начинается твоя невидимая борьба с фашистскими оккупантами. Начинается полная опасностей и риска жизнь – жизнь на острие ножа, малейшая оплошность – сулит смерть, как саперу.

Он был доволен, что Соня понравилась разведчикам.

По тому, как воспринимала Соня все, что ей говорили и чему наставляли партизанские разведчики, они поняли, что перед ними девушка, в выборе которой нечего было сомневаться.

Поверила в себя и Соня, что не выдала своего смятения ни взглядом, ни словом, если такие профессионалы не заметили, что творилось в ее душе. Когда Соня подписывала документы, партизаны переглянулись с уверенностью, что ей можно доверять самое сложное и опасное дело. И они не ошиблись.

Так появилась отважная талантливая разведчица «Венера».

Соня с Сибирским вышли из лагеря партизан после отдыха и обеда. До поворота на тропинку, огибающую гору Кокташ, их провожал молодой партизан Вася. Возвращались другой дорогой: по тропинке, которая огибала гору с восточной стороны, и ее остроконечная скала была видна все время, оставаясь слева. Этот путь был самым близким к Симферопольскому шоссе и, пожалуй, самым безопасным, так как, в случае чего, они могли сказать, что идут из Кишлага или из Топлов в Кабурчак, или в Карасубазар.

Когда они вышли на шоссе и присели на обочине отдохнуть, Иван Федосеевич закурил и заговорил с Соней о ее работе:

– Мы, дочка, с тобой живем почти рядом, и потому, когда начнешь работать у немцев, связь будешь держать со мной. Как дальше передавать твои донесения, я подумаю сам. Подумаю и над тем, как быть, если вдруг немцы меня арестуют или я заболею. Передавать мне нужно только главное, самое важное, самое нужное. Нет необходимости сообщать о каждой мелочи. И потом, Соня, я тебя должен предостеречь еще об одном: немцы будут к тебе относиться хорошо, так как они не знают, кто ты. Если они узнают – тебя ждет смерть. Но ты должна знать, что для всех местных людей, ты – предательница, потому что служишь немцам, и все они будут относиться к тебе с презрением и, при возможности, будут тебе пенять. Это очень тяжело переносить, Соня, но ты настоящая патриотка, и надо, стиснув зубы, терпеть, терпеть и еще раз терпеть.

– Я ведь думала над тем, на что я иду, Иван Федосеевич, – отозвалась Соня. – И поняла все. Я ведь с решительностью сказала там, – показала она рукой на горы, – приказывайте, и я выполню все, что нужно! Конечно, я понимаю, немцы должны знать, что я преданна им – только тогда они будут мне

доверять в работе. И чем больше будут доверять – тем больше я буду знать...

– Тем меньше погибнет советских людей, – перебил ее Федченко.

– Все, Иван Федосеевич, – замотала головой Соня. – Давайте больше не будем говорить об этом. Если бы я не поняла свою роль или побоялась ее, наверно, ничем бы меня не смогли заставить ее исполнять, да и пользы от этого было бы мало...

Со стороны Топлов послышался стук колес приближающейся брички. Иван Федосеевич поднялся с камня, на котором сидел. Поднялась и Соня. Не спеша они тронулись в путь. До Бахче-Эли оставалось километра три, когда их догнал ехавший из Колпака житель Кабурчака. Он попридержал лошадей и, узнав Соню, спросил:

– Соня, откуда идешь? Здравствуй!

– От мачехи, из Старого Крыма, – ответила она.

– А этот человек с тобой? – спросил Кихаев.

– Конечно, разве я одна решилась бы пойти? По пути из лесу могут выйти гулящие люди, и немцы могут пристать к одинокой девушке! А этот человек – наш знакомый из Пролома, и с ним я не боюсь идти. Ты же его знаешь.

– Здравствуйте!.. – поздоровался теперь Кихаев с Федченко. – Садитесь, подвезу до Кабурчака.

– Вот хорошо, – ответил Федченко. – Мне ведь в Пролом надо, а из Кабурчака до дома мне рукой подать.

Вознца стал расспрашивать Соню, что слышно об ее отце. И тут Иван Федосеевич услышал от него пущенный им самим слух о том, что Петр Васильевич Загорков не погиб, а стал коммерсантом кож, и что его видели, чуть ли не пять человек местных Кабурчакских и Кишлавский болгар на юге Украины. Правда, выдумка Федченко уже обросла подробно-

стями, о каких он и не говорил, и выглядела очень правдоподобно. Соня с недоверием слушала и удивлялась. Ей казались совершенно надуманными эти рассказы, настолько они противоречили тому образу ее отца, каким она его знала. Соня переспрашивала его, но своего мнения о его рассказе не высказывала. Ее насторожило только то, что Иван Федосеевич слушал, молча, эти разговоры, и, казалось, они его удовлетворяли.

Соня расстроилась, что отца уличили в предательстве. «Это – неправда!.. Это – неправда! – кричало всё ее нутро. – Кто пустил эту клевету? Отец погиб, сражаясь с фашистами! Сибирский только что при ней говорил у Давыдкина, что мой отец убит. А сейчас молчит, не возражает? Почему? - метнула она подозрительный взгляд на Ивана Федосеевича. – Это чекисты назвали предателем моего отца, – поняла сейчас она, – чтобы его биография не мешала принять меня переводчицей в жандармерию... А теперь и меня делают предательницей в глазах земляков. И нет пути назад!.. Но только так я смогу мстить за гибель отца...»

Вскоре проехали Бахче-Эли и повернули направо, на деревню Катыши. Лошади медленно трусили по дороге кое-где в низинах и переходили на шаг – там было много жидкой грязи.

Въехали в Кабурчак, когда начало темнеть. Соня слезла с брички на Московской улице и пешком дошла до дома бабушки, а Федченко с возницей поехали дальше. Калитка во двор была закрыта на крючок. Соня приподняла его и, отворив калитку, вошла во двор. Поднялась на веранду дома и толкнула дверь. Дверь оказалась открытой, и Соня вошла в дом. Бабушка сидела у огня очага, и что-то помешивала в чугунном котелке, стоявшем на треножнике. Услышав, что кто-то вошел в дом, она, не оборачиваясь назад, спросила:

– Это ты, Донка? – И не получив ответа, прошептала тихо, – совсем плохо я стала слышать.

В это время Соня обняла ее сзади и нежно прижалась холодной щекой к горячему лицу бабушки, нагретому лучами горевшего огня в очаге.

– Соня! Ты ли это? А ведь я тебя ждала еще днем. Важная новость у меня есть для тебя, но только, Соня, не верю я ей. – И баба Калина рассказала о том, что стали говорить о Со-нином отце в деревне. – Не верю я этому, Соня, не верю, – еще раз повторила она. – Не такой Петя человек, чтобы убежать из Красной Армии, и променять свою честь на шкуры, которыми он будто бы торгует или скупает в Херсоне.

– Я, бабушка, этому тоже не верю. Но думаю, надо, чтобы так говорили, – вспомнила она мнение Федченко. – Ты помнишь, когда меня еще не было на свете, что говорили о папе, когда он ушел в горы, к партизанам в 1920 году. Гово-рили, что его убили «зеленые», и даже могилу его показывали. А для чего это делали? Да, чтобы тебя и дедушку белые не взяли в качестве заложников. Может быть, кто-то это для меня сделал. Ведь немцы меня на работу к себе приглашают в ко-мендатуру переводчицей, а некоторые местные могут доло-жить немцам, что я была комсомолкой, и что отец мой воевал в Красной Армии.

– Господи, Боже правый! – перекрестилась на икону баба Калина. – Что же ты делаешь? Отец боролся за Советскую власть, а дочка идет работать к нашим поработителям!

– Не волнуйся так, бабушка, я иду работать потому, что никто не принесет мне ни еды, ни одежды, а там я сумею за-работать на жизнь, и тебя еще буду кормить. У тебя нет сына, у меня – отца. Кто нас будет кормить? Твои дочери? Но они и сами не знают, как им теперь прожить.

– Не согласна я, чтобы ты у них работала. Я лучше умру, чем буду есть хлеб своих врагов, – возмущалась баба Калина. Ведь она понимала, что станет тоже предательницей для своих

знакомых сельчан. Как ей смотреть им в глаза, если ее внучка служит немцам?

– Милая бабушка, – вдруг изменила голос ее внучка Соня, – нас не спрашивают, что мы хотим. Я должна пойти к немцам работать!.. – тихо, почти прошептала Соня, и горячая слеза упала бабе Калине на руку. Она удивленно глянула в лицо Соне, и увидела в свете отблесков пламени очага, слезы внучки. Баба Калина привлекла ее к себе и нежно прижала к своей груди.

И сама расплакалась, а, перекрестившись на икону, вдруг сказала:

– Не плачь, милая девочка! Бог все видит. Может, и живой мой сын Петенька...

– Если бы живой был, обязательно навестил бы нас, – твердо сказала Соня. – Только об этом никому не будем говорить, бабушка.

– Бедная ты у меня, Сонечка, – тихо сказала баба Калина. – Не было у тебя детства, как у всех детей, а теперь ты вступаешь в опасную молодость. – Эх, дети! – вздохнула она, – сколько тревог вы приносите, когда вы – маленькие, но, когда вы вырастаете, – тревог становится еще больше, и помочь мы, старые, уже ничем не можем.

И затихли они у огня, думая каждая свою невеселую думу.

Соня представляла, как ей придется работать в немецкой жандармерии. А баба Калина переживала о погибшем поруганном сыне. И без войны их, этническое меньшинство болгар, не жаловали. Вот Пете и приходилось то в одном, то в другом месте устраиваться на работу. Так и семью потерял, и на дочку отцовской ласки не хватило. И оклеветали погибшего, воскресили для позора. Бог все видит. Теперь и дочке при немцах придется работать за кусок хлеба. Значит, сельчане будут ее ненавидеть. Вон она как строго сказала: «Нас не спрашивают», – и баба Калина смахнула набежавшую слезу.

Угли в очаге потускнели, подернувшись пеплом. Стало темно.

– Зажги, Соня, лампу! – сказала она, отпустив из объятий внучку.

В прихожей, где находился очаг, стало совсем темно. Маленькое окошко, которое выходило во двор соседней, сделалось синим, почти черным, и только отблески пламени от очага трепетали в оконных стеклах. Соня зажгла лампу. Это была маленькая семилинейная лампочка. Керосина давно в лавке не стало, если его и доставали, то платили втридорога.

Соня поставила лампу на пол, потом сняла со стены круглый низкий столик и придвинула его перед бабой Калиной, накрыла скатеркой, после этого повесила лампу на стену. Баба Калина выложила напревшую в котелке кашу на тарелки. И они сели ужинать. А потом легли спать.

Проснулись рано. Соня наскоро позавтракала и поспешила на окраину деревни, к дороге на Карасубазар. Ждать ей долго не пришлось – минут через двадцать послышался стук колес. Это ехал в Карасубазар тот же крестьянин, что вчера ее подвез в Кабурчак. Он был чем-то взволнован, увидев Соню, молча, кивнул ей и придержал лошадей, чтобы она села в бричку. Там в сене лежал его шестнадцатилетний сын, укрытый кожухом, и стонал.

– Приезжаю домой, – пробурчал Кихаев, – а сын разболелся. Нашел время, когда болеть. Раньше повез бы его в город, в больницу. Врач бы осмотрел, выписал лекарства или положил в больницу. А теперь куда его везти? Больница, наверное, не работает, или работает, да в ней раненые немцы...

– Я тебе покажу, где живет врач, только ты не говори, что я тебе сказала об этом, – вызвалась помочь Соня. – Если немцы остановят тебя и будут к тебе придираться, говори им, что у сына брюшной тиф, и что ты ищешь врача. Тифа они очень боятся.

Ехали в город медленно, так как бричку на каменистой дороге трясло, и парень при каждом толчке сильно стонал.

– Что с ним? Давно он болеет? – спросила Соня.

– Больше недели, – ответил Кихаев, – думали, что дизентерия, а, может, и правда – брюшной тиф.

Соня несколько отодвинулась от больного.

Возле въезда в город их остановил немецкий патруль.

Соня по-немецки объяснила старшему патрульному:

– Я еду в комендатуру, так как меня пригласили туда работать. – А это, – она указала на парня, – сын хозяина. Отец хочет показать его знакомому врачу. Да проглотил что-то – и теперь болеет.

Немцы перед такой красивой девушкой, как Соня, пытались показаться галантными кавалерами. Сказали ей несколько любезных фраз – и пропустили подводу, даже не потребовав документы.

ГЛАВА 26

Жизнь в оккупированном Карасубазаре для семьи Алешиных стала очень тяжелой. Как и многих, в постоянном страхе семью держали частые аресты полицией ни в чем не повинных людей и неминуемые расстрелы. Губили арестованных порой только за то, что они – советские люди. Стук в калитку невольно настораживал всю семью и заставлял нагибаться от страха, как перед ударом чем-то тяжелым по голове. Хотя и в мирное время нередкие ночные аресты превращали хороших людей во «врагов народа», тоже с расстрелами за предательство и лишением прав их семей.

Александрю Ивановичу Алешину было опаснее вдвойне, так как был для одних предателем родины, для дру-

гих активистом подполья Крыма. Неслучайно однажды он познакомился и привел в дом румынского артиллерийского офицера Кудреану, который в действительности был разведчиком румынской охраны – Сигуранцы. Этот располагающий к себе капитан хорошо говорил по-русски и был страстным шахматистом. Уже через несколько минут первой встречи он сидел с Игорем за шахматным столиком и с увлечением играл в шахматы.

Для семьи Алешиных посещение их дома румынским офицером, служившим в артиллерийском полку карательных румынских частей, стало и надежным прикрытием от возможного ареста. Кстати, кроме умения играть в шахматы, капитан Кудреану был весьма разговорчив. И не скрывал в разговоре, что не любил немцев, однако был убежден в их победе над русскими, и в установлении «нового порядка» в Европе. Он был буквально напичкан геббельсовскими идеями, и верил в «освободительную» миссию гитлеровской армии от мирового и русского коммунизма.

Во время игры в шахматы Кудреану с юмором рассказывал немецкие новости и местные сплетни. Нередко эти новости были очень важными для Александра Ивановича. Так, Алешины всегда точно знали о времени и месте выступления немецких и румынских карателей в горы на борьбу с партизанами. Дня за два или за три Кудреану говорил о том, что он будет отсутствовать, так как уходит с частью в горы. И его отсутствие в гостях у Алешиных убедительно означало то, что он со своей артиллерийской частью в этот день находится в карательной экспедиции. Вернувшись из гор, Кудреану высмеивал бездарных командиров, как они боятся кустов и теряются в стычках с засадой, или шумно организуют атаки в тех районах, где партизан давно уже нет.

Капитан часто приносил сигареты, узнав, что в них очень нуждался Александр Иванович. Игорь тоже в последнее время пристрастился к курению. Иногда Кудреану приносил

вино, реже – продукты, которых семья Алешиных с приходом немцев не могла достать. Однако этот гость никогда не садился у них за стол, как бы его ни приглашали. Лишь изредка он ограничивался стаканом чая без сахара, так как у Алешиных его не было.

В шахматы он играл хорошо. С Игорем они организовали своеобразный бесконечный турнир, ведя постоянно счет побед. Александра Ивановича Кудреану обыгрывал относительно легко, и счет всегда был в пользу румынского офицера. Но с Игорем борьба шла с переменным успехом. Исход борьбы у Игоря чаще всего зависел от его настроения и количества сыгранных за встречу партий. Румын же шахматную борьбу вел ровно, не зависимо от его эмоций. Первую партию Игорь почти всегда заканчивал победой, но затем наступала усталость, и последующие партии он выигрывал редко.

Вот и сейчас Игорь чувствовал, что в матче назревает напряжение. Ему казалось, что он и его партнер уже знали друг друга, по крайней мере, в области шахмат. Исчерпали привычные дебютные схемы, узнали свои бойцовские качества, посоревновались характерами.

А после проигранной вчера партии Игорь еще и в первый раз за матч по-настоящему занервничал. Накапливалась усталость, сказывалось, по крайней мере, у него плохое питание. «Надо менять тактику, – подумал он, – выбить Кудреану из колеи, заставить его максимально напрячь нервы, нагрузить психику, и уж в таком состоянии добивать. На войне как на войне. Хотя шахматные поля – не танковые, да и пешечный строй невелик, по сравнению с солдатским строем».

Рассуждая так, Игорь решил, что новой тактикой для него могла бы стать активная дебютная игра пешками, с гамбитными идеями. Вряд ли Кудреану знаком, к примеру, с ловушками в ферзевом гамбите, который изучали в шахматных кружках сверстники Игоря во дворце пионеров.

Вторую партию Игорь начал с d2 – d4, и после традиционного ответа двинул вперед пешку c2 на c4, предлагая поиграть в ловушки, одна из которых, как ему почему-то казалось, обязательно сработает. И ведь получилось! Причем, уже через несколько ходов. Эндшпиль с двумя пешками и качеством был технически несложным. Игорь почувствовал облегчение, выиграв у Кудреану эту партию.

В последнее время у Игоря наступил период больших душевных переживаний.

Та девочка, с которой он дружил в Кабурчаке – Соня Загоркова, стала изредка навещать его в квартиру, приглядываясь к обстановке в семье своих давних друзей.

Соня никому не призналась, что немцы пригласили ее работать в подразделение Айнзатцгруппы «Д» одиннадцатой немецкой армии, занявшей Крым. Возглавлял группу, расположенную в Карасубазаре, гауптштурмфюрер СС Курт Кристман.

Группа подчинялась непосредственно оберштурмбанфюреру СС Паулю Цаппу, на короткий срок снискавшему славу обер-палача Крыма.

Гауптштурмфюрер СС Курт Кристман – еще молодой человек с невыразительным лицом и прозрачными, как бы застывшими, стеклянными глазами. Один взгляд этих стеклянных глаз не сулил человеку ничего хорошего. И именно этот службист был поставлен немцами для уничтожения коммунистов, активистов (передовиков), евреев, крымчаков и других этнических групп, неарийцев.

Подвалы бывшей школы механизаторов в Карасубазаре были переполнены арестантами. В группе гауптштурмфюрера СС Кристмана переводчиков действительно не хватало. Вот почему так цепко обратились к Соне немцы, узнав у Отто, что она хорошо владеет немецким языком.

Между тем, для Сони уже наступило время, когда не осталось причин отказаться от приглашения работать переводчицей.

Чтобы работать у немцев в Карасубазаре, Соня решила снова переехать на квартиру к Шеретовой. Василиса Иосифовна была родной племянницей бабы Калины. И бабушка отпустила Соню на ее попечение.

А к Алешиным Соня приходила редко, хотя там ей были всегда рады...

С приходом немцев в Крым Игорь Алешин лишился тех полезных занятий, к которым он приспособился до войны. Раньше, еще с пятнадцатилетнего возраста, он занялся шахматной композицией: сочинял шахматные задачи и этюды, печатался в шахматных журналах, писал небольшие очерки, участвовал в соревнованиях шахматистов заочно. Конечно, Игорь занимался не только шахматами. Он много читал художественных книг – прозу и стихи, рисовал, сочинял стихи и писал к ним музыку. Одним словом, был занят полезной деятельностью, был общительным – даже, проживая в деревне, часто получал письма из разных городов страны. Но с приходом в Крым оккупантов Игорь сразу лишился всего: переписка с шахматистами оборвалась, шахматные журналы на оккупированных территориях не издавались, библиотеки и школы закрылись, бумагу и краски доставать было трудно, да и то стоило все втридорога, даже чернила приспособились делать из сока ягод бузины. Все это было, конечно, не страшней взрывов, разрушений, расстрелов, произвола войны. Но все же исчезали последние возможности маленького счастья жизни искалеченного болезнью человека. Игорю стало тоскливо не только от того, что некуда было приложить свои умственные способности, но еще из-за страха, что движения его из-за прогрессирующей болезни еще больше ограничивались. Чем жить?

Но умница Игорь не сдавался. Пришли немцы и он воспользовался этим, и стал самостоятельно совершенствовать

знания немецкого языка. Знакомые ребята принесли ему немецкие книги, грамматику и словарь разговорного немецкого языка. Закрылись школы? Тогда он начал заниматься с проживающими рядом девочками-шестиклассницами Эллой и Ноной и немецким языком, и другими предметами школьной программы. Но и этого ему было мало. Хотя и здоровому приятелю Игоря – семнадцатилетнему парню Лёке тоже некуда было себя деть в оккупированном Карасубазаре. А в таком возрасте хотелось большей активности и поощрений своих способностей.

Игорю всегда радостно было помочь знакомым людям, быть полезным им, несмотря на физическую неполноценность. Но в условиях немецкой оккупации и террора сделать это было нелегко.

Приходили иногда к Алешиным домой их довоенные знакомые: мать и дочь Калиновские; Каноневич; учитель Митя Тричев; сестры Вера и Зина Бронковские. Но теперь не как друзья, а как посетители, и держались настороженно, и в откровенные разговоры с вынужденно служившим у немцев на электростанции Александром Ивановичем не пускались. Так, посидят часок-другой, поговорят о том о сем, и уйдут домой. Лишь с врачом Суворовой, жившей в районе, и заезжавшей к Алешиным, Игорь заинтересованно и откровенно мог поговорить о своей болезни. Она доставала ему медицинские книги, где он пытался найти ответы на свои вопросы. Однако, ничего утешительного не находил ни в этих книгах, ни в медицинских разговорах с Суворовой.

Все чаще и чаще становилось Игорю одиноко в своем неизлечимом горе. С отцом, занятым с раннего утра на электростанции, и нередко до позднего вечера, усталым и молчаливым, он не находил общего языка общения. Ему казалось, что отец относился к нему несерьезно, часто иронизировал над тем, что Игорь пытался найти свое место в жизни и не

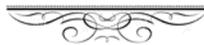

находил. Это было жестоко со стороны отца, но у Игоря находило какое-то оправдание. Ведь отец, получалось, иронизировал и над собой, да и жизнь вообще жестока...

С матерью, очень доброй и отзывчивой женщиной, у Игоря в последнее время не получалось взаимопонимания и откровенности. Видимо, казалось ему, что он уже перешагнул детский возраст, когда мать легко понимает своего ребенка, и стал уже взрослым, что накладывало определенный отпечаток на их взаимоотношения.

Но Игорь ошибался в том, что в определенном возрасте дети начинают отлепляться от своих родителей для самостоятельной жизни. Ко всему, душа Игоря уже жаждала женской нежности. И не находила ее. Он был рад, что Соня, с которой он очень подружился, когда Алешины жили в Кабурчаке, снова стала навещать их в Карасубазаре. Как приезжала к ним в начале войны в Симферополь, когда Алешины жили там после Кабурчака...

ГЛАВА 27

В этот декабрьский вечер рано стемнело. Целый день хмурилось небо, но ни дождь, ни снег не пошел. Соня прошла в свою маленькую комнатку, которую ей предоставила Василиса Иосифовна, и села у окна. На душе у нее было так же пасмурно, как и во дворе. Возвратившись из бывшей школы механизаторов, она мысленно представляла себе сцены допросов, пыток и избиений простоватых граждан Крыма, которые будут при ней проходить, и содрогалась при этом, боясь, что не выдержит этих ужасов.

Однако Соня помнила свое посещение горы Берлюк, как обстоятельства поставили ее в безвыходное положение. «Везде я должна!» – пожалела она мысленно сама себя.

Тем не менее, Соня решительно пришла утром в эту страшную теперь школу механизаторов. Там помещались два немецких карательных подразделения: Айнзатцгруппа «Д» и Фельдкомендатура СД.

Как только Соня появилась в коридоре комендатуры, к ней, откуда ни возьмись, подлетел уже известный лейтенант Кепке. Щелкнул каблуками и склонил перед Соней голову в приветствии.

– Пожалуйста, сюда, мадемуазель Сонья! Вас примет наш шеф – гауптштурмфюрер СС господин Курт Кристман.

Эрнст Кепке остановился перед дверью с № 3 и два раза стукнул в нее согнутым указательным пальцем. Оттуда раздался хрипловатый голос:

– Пожалуйста!

Кепке приоткрыл дверь, нырнул в кабинет и, выйдя из него, пропустил Соню вперед.

– Фрейлейн Сонья Загоркова! – громко представил он вошедшую Соню, а сам отступил на полшага назад в сторону.

Соня увидела сидевшего за столом офицера в черной форме с серебряными галунами на воротнике и одним погончиком на плече.

Офицер окинул Соню быстрым взглядом и, видимо, остался доволен.

– Здравствуйте, фрейлейн Сонья Загоркова! Вы изъявили согласие с нами работать, – сказал он, делая приглашающий жест садиться.

Соня сделала книксен, разученный по фильмам реверанс, поздоровалась по-немецки, присела на край стула и потупила глаза. Немцу эта скромно одетая девушка показалась настолько красивой, чистой и невинной, что он – этот палач, отправивший на тот свет многие сотни людей, даже передернул плечами. А может, представил, как она – эта нежная девушка – будет находиться в подвале при допросе партизан...

Кристан, наклонив голову, отпустил Кепке, и, пожелав удостовериться, как хорошо Соня знает немецкий язык, задал ей несколько малозначащих вопросов. Услышав ее ответы, Кристан с удивлением поднял брови и спросил:

– Фрейлейн, откуда у вас чистейшее берлинское произношение? Вы что, жили в Берлине?

– Нет, господин гауптштурмфюрер, у меня учительница была родом из Берлина. От нее я усвоила произношение.

– О, хорошо, хорошо! – одобрил Кристан. – Вы будете состоять при мне переводчицей. Для начала, вас ознакомят в канцелярии с инструкциями и приказами немецких властей. Потом, освоитесь у нас, будете сидеть за тем столом, – Кристан показал на небольшой столик, стоявший у окна. – Не стоит вам напоминать, что разглашение секретов немецкого государства, будет стоить вам жизни... Как устроились с квартирой?

– Я буду жить у тети, недалеко отсюда, – ответила Соня.

– Хорошо!.. Паспорт с собой?

– Да, – Соня вынула из кармана кофты паспорт.

Кристан нажал кнопку под крышкой стола, и в кабинет влетел, как будто стоявший за дверью, адъютант, но не Кепке.

– Отвести к начальнику канцелярии, – отрывисто сказал ему Кристан, – ознакомить фрейлейн с инструкциями и приказами, дать отдельный стол и зачислить на довольствие. – Он улыбнулся только ртом и наклонил голову, показывая, что разговор окончен.

Соня сделала книксен и пошла к дверям. Адъютант забежал вперед и, распахнул перед нею дверь.

В течение этого дня, сидя в канцелярии за отведенным ей столом, Соня читала немецкие инструкции, циркуляры и приказы, изданные для населения оккупированных территорий. Ужас охватил ее от содержания немецких приказов: в них подробно, с необыкновенной педантичностью, указывалось,

как должны себя вести немцы на оккупированной земле – расстрел или повешение за малейшие проступки. Очень подробно указывались причины, за что следуют эти наказания. Соне казалось, что немцы предусмотрели всё своими приказами и инструкциями, чтобы подавить честь, достоинство и сопротивление советских людей.

От такого чтения у Сони страшно разболелась голова. Она побледнела и подумала: «Как бы ни упасть без сознания!»

Подойдя к заместителю шефа, Соня сказала:

– Извините, я еще плохо себя чувствую после болезни, прошу сегодня отпустить меня домой до окончания службы.

Шрейдер сухо ответил:

– Фрейлейн Сонья может уйти, если плохо чувствует, но завтра нужно быть на службе точно ко времени.

Соня пришла на квартиру Василисы Иосифовны, ошеломленная виденным и прочитанным. Она поразились, как можно увязать в немцах внешнюю культуру, чистоплотность, и другие положительные качества людей, свойственные образованным и воспитанным интеллигентам, – с беспредельной, звериной жестокостью, цинизмом и полным отсутствием жалости к людям покоренной страны. Чем больше думала Соня о событиях минувшего дня, тем яснее для нее становилось, насколько трудной для нее будет работа в логове немецких карателей в Крыму.

Несколько раз звала Василиса Иосифовна Соню ужинать, но она не отзывалась и сидела в темной комнате в глубоком раздумье. Тетушка понимала, на какие испытания согласилась ее племянница. Но она старалась не только не спрашивать, но даже думать об этом. Так спасаются, чтобы не умереть от страха.

А Соня еще раз обдумывала и свое будущее поведение с немцами, и одежду, в какой ей следовало ходить на службу, и как следует себя вести при встречах со знакомыми и бывшими соучениками, и с теми, кто пошел на службу к немцам,

чтобы спасти свою шкуру, и как общаться с настоящими предателями. Теперь и ее будут считать предательницей! Где же взять силы?

Она понимала, как много значит для женщины красота. Но если к этому прибавить скромность и трудолюбие, то она выиграет еще больше. Соня, обладая этими качествами, могла надеяться на успех своей миссии.

Она попробовала на память начертить план района города Карасубазра, где работала в таком знакомом и далеко незнакомом городе.

Наконец, обдумав все основательно, Соня вышла в столовую, где сидела Василиса Иосифовна. Вышла такой, какой ее всегда видели, с чуть наклоненной головой, слегка улыбающейся.

Первые дни службы Сони в Айнзатцгруппе «Д» были для нее очень тяжелыми. Ее вызывали на допросы, и хотя при ней арестованных не избивали, но она видела по их изможденным, зачастую в кровоподтеках, лицам, что арестованных, прежде чем ввести к Курту Кристману или Паулю Цаппу, где-то предварительно весьма жестко допрашивают. Для допросов с пытками привлекали немца-переводчика Отто. А при Соне Курт Кристман, казалось, пока играл роль этакого добряка, гуманного человека, цель которого – освободить русских людей от влияния коммунистов и евреев.

Некоторые арестованные, пытаясь спасти свою жизнь, вели себя перед немцами подобострастно. Выкладывали все, что знали, а нередко – чего и не знали. В таких случаях Соня переводила их ответы так, чтобы Курту Кристману или Паулю Цаппу становилась очевидной их подлость и никчемность, чтобы возникало по отношению к ним подозрение в их неис-

кренности и желании подставить под удар ни в чем неповинных людей. Она боялась это делать, и все же рисковала, и это ей часто удавалось...

Курт Кристман, сухой, педантичный человек, с бледным непроницаемым лицом, сначала был непонятен Соне. Она не могла понять – доволен ли он, или не доволен, сердится, или, наоборот, радуется... Она видела только, что никакие эмоции не отражаются на его лице, и внешне никак не проявляются. Однако уже через две недели работы у него Соня научилась распознавать настроение «шефа» по еле заметным мелочам. Угадывала его раздражение по легкому дрожанию века правого глаза, сгибанию мизинца левой руки, своеобразию написания буквы «а», обычно такой ровной – когда он был спокоен, и начинавшей заостряться – когда «шеф» чем-то недоволен.

Общаясь ежедневно с Куртом Кристманом или его начальником Паулем Цаппом, за слащавой внешностью которого скрывалась звериная сущность, Соня была услужлива, но неподобострастна, вежлива и аккуратна, более чем скромна, застенчива, несколько замкнута. Она старалась держаться в стороне, обособленно, не попадая никому на глаза. Если ей случалось работать в кабинете Курта Кристмана, и в это время к немцу заходил кто-нибудь из высокопоставленных лиц из немецкого армейского командования – командир румынской дивизии, представители комендатур СД или ВИКО, а также кто-нибудь из числа местных жителей, кому оказывали немцы особое доверие, – Соня незаметно исчезала за портьерой, ведущей в соседнюю комнату, где отдыхал шеф, и находилась там, пока не уходили посетители. Однако все разговоры в кабинете Курта Кристмана ей были слышны.

Иногда шеф вызывал Соню переводить речи местных посетителей. Чаще всего эти «посетители», в угоду немецкому начальству, выдавали советских активистов, высказывали свои подозрения в отношении лиц, сочувствующих партизанам, и

даже возводили кляузы друг на друга, показывая свою преданность «новому порядку».

Эти сведения представляли для командования крымских партизан большую ценность. Соня запоминала все, до мельчайших подробностей, и очень часто условным знаком вызывала Сибирского, с которым они тщательно анализировали полученные сведения. Сибирский сам потом отделял главное от второстепенного, и переправлял полученные сведения в горы к партизанам.

Неслучайно один из руководителей крымских партизан сообщал командованию о том, что, благодаря разведчику, проникшему в самое логово врага, оперативно поступали точные сведения о новых планах немцев по уничтожению партизан.

Придавая колоссальное значение Крыму, фашисты на его территории развернули 18 разведывательных и контрразведывательных органов, в том числе: СД, жандармерию, криминальную полицию, айнзатцкоманды, местные полицейские органы, обвер-группы, разведшколу в Тавеле (Краснолесье), отделения Сигуранцы фашистской Румынии, подобные СД и гестапо по своим жесточайшим методам, шуц-полицию, организации Тодт и ВИКО и карательные организационно-националистические формирования из татар. Все они вели активную борьбу с партизанами и местными патриотами Крыма, выполняя приказы фюрера жесточайше расправляться с участниками сопротивления.

В этих условиях чекистам-партизанам приходилось организовывать контрмеры и противопоставлять фашистским палачам своих лучших работников. В борьбе с фашистами в Крыму участвовало более 800 чекистов. В их числе была и Соня Загоркова. Она не знала, сколько их. Но знала, что, как и она, эти патриоты пришли в Крым осенью 1941 года, в тяжелую пору для Отечества, рискуя в борьбе с фашистами своей жизнью...

* * *

Февраль 1942 года

Для инспектирования лагерей советских военнопленных и для отбора кандидатов в шпионско-диверсионные школы в Крым прибыл в феврале 1942 года оберштурмбанфюрер СС доктор Адольф Веккель. Являясь близким родственником бригаденфюрера СС Вальтера Шеленберга, доктор Адольф Веккель ехал в Крым с особыми полномочиями. И немецкое военное командование в Крыму, и оккупационные власти обязаны были содействовать ему в осуществлении его особо секретной важной задачи.

Сначала доктор Адольф Веккель прибыл на станцию Джанкой. Он был намерен, в первую очередь, проинспектировать расположенный здесь, на территории хлопкового пункта, огромный сортировочный лагерь советских военнопленных. А затем направиться в лагеря, расположенные в Симферополе и других районах Крыма. Доктора Адольфа Веккеля сопровождал адъютант – молодой обер-лейтенант Абвера Курт Фогель. Они вышли на перрон станции Джанкой из вагона поезда, следовавшего в Симферополь. Обер-лейтенант с двумя чемоданами следовал за Веккелем. Они утомились в дороге и на длительной пересадке в Синельниково и сильно хотели есть. Веккель решил поскорее освободиться от чемоданов, чтобы налегке пройти в ресторан. У первого попавшего железнодорожника узнали, где камера хранения, и сдали вещи красно-рожему кладовщику, получив от него два металлических жетона.

Налегке направились в здание вокзала, и, увидев светящуюся голубым светом вывеску «Ресторан», вошли в застекленные двери, с табличкой «Только для немецких генералов и офицеров». Оставив пальто и фуражки на вешалке, вошли в зал, который блестел чистотой и свежестью. Столики, на чetyре персоны каждый, были накрыты белыми скатертями и

установлены вазами с живыми цветами, несмотря на зимнее время. На столиках холодно поблескивали хрустальные рюмки и фужеры и были разложены фаянсовые фирменные тарелки со строгим рисунком. Два официанта в белых, чистых кителях обслуживали немногочисленных посетителей. В глубине зала располагался буфет с расставленными на полках винами, наливками, коньяками и водкой. Буфетом заведовала миловидная буфетчица, заметил адъютант Фогель, охватив одним взглядом обстановку в ресторане. Здесь все было солидно и, по уровню, все предназначено для обслуживания генералов и офицеров.

Доктор Веккель и адъютант выбрали столик у огромного зашторенного окна. Вечер еще не вступил полностью в свои права, но в зале уже зажгли электрические лампы, горевшие почему-то в полнакала, отчего в зале стало полусумрачно. Едва Веккель и Фогель присели за столик, как перед ними появился официант. Он почтительно склонился и подал им меню в темно-красной сафьяновой обложке с вытесненным на лицевой стороне черным с белой окантовкой имперским орлом. Орел на сафьяне распростер широкие крылья, держа в когтистых лапах земной шар с белой свастикой на нем.

Веккель медленно изучал меню и удовлетворенно улыбался обилию и разнообразию кушаний и вин, не требующих представления установленных продовольственных карточек и отрывных талонов. В эти минуты адъютант, откинувшись на спинку стула, внимательно оглядывал зал ресторана. Через два столика от них, и тоже возле окна, сидели пожилой пехотный генерал с гауптманом, сопровождавшим его, и о чем-то оживленно беседовали. В их разговоре сквозило беспокойство, и нередко возникал спор, что несколько удивило Фогеля, привыкшего в Рейхе к чинопочитанию и субординации.

Еще больше его поразила шумная компания молодых офицеров разных родов сухопутных войск, сидевшая за боль-

шим длинным столом посередине зала. Они громко произносили тосты в честь чьего-то гебурстага – дня рождения. Офицеры уже изрядно подпили, и, не стесняясь генерала и его спутника, громко смеялись, шутили, выкрикивали непристойности.

Влево от подвыпивших офицеров, почти у самого входа на кухню, сидели два эсэссмана (эсесовца) в черной форме с серебряными галунами. Они склонились друг к другу и тихо разговаривали, изредка бросая короткие взгляды на генерала и на оберштурмбанфюрера СС Веккеля.

Официант стоял в двух шагах от стола и терпеливо ждал, пока господа офицеры соизволят заказать ему кушанья и вино. Доктор Веккель закончил изучать меню и вопросительно глянул на закрытое меню перед адъютантом.

– Я полагаюсь на ваш вкус, мой шеф, и буду есть то же, что и вы, – уважительно сообщил Фогель, и добавил: – Но после продолжительной дороги, я бы не прочь распить бутылочку сухого белого вина типа: Рейнвейн. Говорят, в Крыму неплохие вина.

Веккель обратился к официанту, и, поправив пенсне, ткнул пальцем в открытое меню:

– Вот это, это и это. Но по две порции каждого. Что порекомендуете из вин?

– Есть Портвейн белый Южнобережный, очень хорошие крымские вина Мускат белый и красный, Токай. Из столовых рекомендую Рислинг...

– Мы только что сошли с поезда. Едем сюда из Германии, и не знакомы с ассортиментом местных вин. Так что подайте нам бутылку хорошего столового вина по своему усмотрению, а на десерт дадите Токай. Что-то я вашему Крымскому портвейну пока не верю, – сказал Веккель и удовлетворенно откинулся на спинку стула, снял пенсне, протер его чистым платком и, водрузив его на переносицу и окинул близорукими глазами зал...

Официант, пробегая мимо сидевших эсесовцев, остановился на миг возле них, и, нагнувшись, что-то им сказал. Вскоре он возвратился с хлебом, бутылкой вина и приборами, быстро их расставил перед Веккелем и Фогелем. А через несколько минут принес им кушанья.

Только Веккель и Фогель занялись едой, как вдруг в зашипевшем репродукторе что-то щелкнуло, и раздались четкие слова диктора:

– Ахтунг! Ахтунг! (нем. *achtung* — внимание). К станции Джанкой приближаются вражеские бомбардировщики! Всем необходимо укрыться в бомбоубежище!

Вблизи раздались резкие залпы зенитных орудий. От выстрелов задребезжали стекла в окнах и посуда на столах.

Шумная компания офицеров мгновенно прекратила пиршество и исчезла куда-то, оставив на столе начатую еду, опрокинутые бутылки и недопитые рюмки...

Генерал и капитан встали из-за стола, и с достоинством направились в сторону кухни. Видимо, хорошо знали, где расположено бомбоубежище.

Оба эсесовца подошли к вешалке, взяли свои фуражки и пальто и, не спеша, оделись, но не вышли из ресторана, а продолжали стоять возле дверей. Лишь Веккель и Фогель остались сидеть за столом и продолжали ужинать, надеясь, что налет скоро прекратится.

Во время налета в зале ресторана остались только четыре человека: два эсесовца у выходных дверей и Адольф Веккель с адъютантом за своим столом.

– А вы, господа, почему расслаиваетесь здесь? Команда по радио была дана всем – укрыться в бомбоубежище! – крикнул один из эсесовцев. И едва он закончил кричать, как совсем близко от здания вокзала на железнодорожных путях разорвалась авиабомба, огромной силы, по-видимому, около пятисот килограммов. От ее взрыва оклеенные бумагой зеркальные окна вылетели, осыпав мелкими осколками пол,

шторы были сорваны, и взрывная волна пронеслась по залу, срывая со столов скатерти с посудой, опрокидывая столы и стулья.

Адольф Веккель и Фогель упали ничком на пол, боясь подняться, к счастью лишь оцарапанные осколками стекла и оглушенные взрывом. Оба эсесовца подскочили к ним и поволокли офицеров к выходу из ресторана. Веккель у выхода сам поднялся, а Фогелю пришлось помогать эсесовцам. Он, оглушенный, шатался, и придерживался за стену. Один из эсесовцев схватил с вешалки кожаное пальто Веккеля, его фуражку и отдал ему. Затем снял другую шинель и фуражку и передал адъютанту.

– Скорее, скорее вон из вокзала. Следующая бомба может угодить сюда, – бросил старший из эсесовцев, с погонами обершарфюрера. – Вы можете идти, господа? – спросил он.

– Да, пожалуй, – ответил Адольф Веккель.

– Ну, тогда побыстрее!

Они выскочили из вокзала и побежали через площадь. Еще одна авиабомба разорвалась недалеко. Бомбежка усилилась. Один из эсесовцев был ранен осколками в щеку и в руку. Кровь заливала ему лицо, и он прикладывал к ране платок. Старший подхватил младшего эсесовца под руку и потащил его в сторону, надеясь укрыться в ближайших строениях. Он махнул Веккелю в направлении сгоревшего трехэтажного здания, зиявшего черными обгорелыми провалами окон, и обвалившейся кровлей. Вокзал и железнодорожные строения окутаны дымом и пылью. Вокруг падали мелкие авиабомбы. К бежавшему впереди Веккелю, откуда ни возьмись, присоединились двое русских железнодорожников. Они схватили его за руки и потащили к сгоревшему зданию.

Веккель обернулся и увидел, что обер-лейтенант Фогель упал, видимо, раненый. К нему на помощь подбежали еще двое штатских, и, подхватив его под руки, потащили вслед за Веккелем.

Наконец, они достигли развалин большого трехэтажного дома. Двое железнодорожников и Адольф Веккель спустились в полузаваленный снаружи подвал, и, едва переводя дыхание, уселись на лежавшие в нем камни.

Взрывы авиабомб и выстрелы зениток звучали здесь приглушенно, но налет еще не прекратился.

– Предъявите ваши документы, господин оберштурмбанфюрер, – попросил по-немецки пожилой железнодорожник.

– На каком основании вы будете проверять у меня документы? – воскликнул Адольф Веккель. – Я офицер германской армии, а вы кто такой?

– Я советский разведчик и партизан.

В этот момент второй железнодорожник мертвой хваткой сжал руку Веккеля, дернувшуюся в сторону кобуры с пистолетом.

– Обезоружь его, Андрей! – приказал первый, который тоже был Андреем, Пономаревым Андреем Кузьмичом, в то время как второй был Кускевичем Андреем Федоровичем.

Андрей Пономарев – житель Джанкоя, в начале оккупации Крыма ушел с Джанкойским партизанским отрядом в лес, но потом в ноябре 1941 года был направлен Разведотделом партизан в Джанкой для руководства оставленными там подпольными группами. Спустя несколько дней в помощь Пономареву в Джанкой был направлен и Кускевич. И вот сейчас, во время нападения советских самолетов, судя по всему, им удалось захватить крупного немецкого «гуся».

Кускевич отстегнул кобуру Веккеля и извлек из нее пистолет, который передал Пономареву. Руки Веккеля он быстро связал сзади. Веккель понял, что он попал в плен к партизанам, но старался сохранять хладнокровие...

Пономарев приблизился к Веккелю, расстегнул у него китель и извлек из внутреннего кармана объемистый бумажник.

– Сейчас посмотрим, господин оберштурмбанфюрер, кто вы есть, – сказал Пономарев. Он извлекал из бумажника содержимое и, подсвечивая себе карманным фонариком, раскладывал документы на камне. В бумажнике были толстая пачка денег в крупных купюрах, удостоверение личности на плотной бумаге с водяными знаками на имя доктора Адольфа Веккеля – оберштурмбанфюрера СС, командировочное предписание, билет члена НАДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) и другие документы. Из них наиболее важным было удостоверение личности. Это Пономарев сразу понял, едва взглянул на двухзначный номер удостоверения – 0092 OV, такие документы выдавались только высокопоставленным в империи Рейха лицам. В удостоверении указывались главные приметы предъявителя: рост 179 сантиметров, вес 78 килограмм, голубые глаза. На удостоверении была приклеена фотография доктора Веккеля в пенсне, и край ее был придавлен рельефной печатью. В удостоверении предписывалось всем немецким частям и соединениям Вермахта, а также гражданским учреждениям Рейха, генерал-губернаторства и оккупированных областей оказывать всемерное содействие и помощь предъявителю документа в выполнении порученных ему особо важных секретных заданий... Важность документа была уже в том, что его подписали: Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, начальник Гестапо Генрих Мюллер, начальник ОКВ Вильгельм Кейтель (Верховное Командование Вермахта), начальник СД Эрнст Кальтенбруннер.

Большой «птице» был выдан такой документ главарями Рейха, потому что очень важные задачи были перед ним поставлены...

Адольф Веккель сидел на камне в подвале и с ужасом смотрел, как разбирал его документы пожилой советский разведчик, партизан в железнодорожной форме. Он понимал безысходность своего положения, видел, что на такой шаг могли решиться только советские люди, и поэтому про себя

решил, что будет требовать обмена своей персоны на пленного советского офицера.

Разворачивая документы Веккеля, Пономарев внимательно их прочитывал и изредка задавал вопросы. Он соображал, как можно переправить эту важную персону в лес к партизанам.

Свет от зарева пожара, возникшего на горящей железнодорожной станции, пробивался в окошечко под потолком подвала и освещал необычную группу: гитлеровца в черном кожаном пальто, сидящего со связанными руками на камне, и двух партизан в старой железнодорожной форме, стоящих возле него.

* * *

Судьба обер-лейтенанта Фогеля – адъютанта Веккеля – сложилась иначе.

Подхватившие его переодетые партизаны потащили в другую сторону разрушенного здания. Когда его ввели в развалины дома, он, заподозрив неладное, начал сопротивляться и вырывать руки. Выдернув одну руку, Фогель выхватил пистолет, но тут же был сражен ударом финки в горло. Он выронил пистолет, мешком свалился на землю и забился в предсмертных конвульсиях. Через две минуты глаза у него замутнели, и он затих. Партизаны осторожно сняли с него верхнюю одежду, чтобы не запачкать в крови, вытащили содержимое карманов, а одежду обер-лейтенанта свернули и положили в мешок. Труп немца партизаны оттащили вглубь развалин. Там разрыли под стеной большую кучу камней, положили туда раздетого немца и завалили камнями. Брызги крови от короткой борьбы присыпали щебенкой и песком.

К этому времени налет советских самолетов прекратился. Был дан отбой, и к вокзалу заспешили для устранения

последствий бомбежки немецкие солдаты и железнодорожные рабочие. На вокзале с густым чадом горели эшелоны с хлебом, подготовленные для отправки в Рейх...

* * *

Переждав некоторое время, двое партизан в форме железнодорожников получили в камере хранения чемоданы доктора Веккеля, и доставили их Пономареву. Партизаны в подвале Веккеля переодели в старую красноармейскую форму, чтобы, в случае проверки по дороге, можно было сообщить о задержании диверсанта и сопровождении его в немецкую полицию в Карасубазар. А позднее, ночью, к развалинам подошла грузовая немецкая машина пекарни оккупационных войск, за рулем которой сидел работающий у немцев шофер-разведчик. В кузов двое железнодорожников положили завернутого в брезент с кляпом во рту Адольфа Веккеля, прикрыли его пустыми мешками и брезентом. Машина по путевке и пропуску шла за мукой для пекарни на мельницу в Шавхад. Пономарев сел рядом с шофером, а Кускевич забрался в кузов. Веккель лежал вдоль борта, завернутый в брезент и прикрытый порожними мешками для муки. В кузове были две пустые железные бочки из-под подсолнечного масла, которое прошлый раз брали на Шавхадской мельнице. Бочки перекатывались в кузове, когда машина попадала в выбоины на дороге. Кускевич с трудом их удерживал.

Шофер гнал машину на большой скорости. Кузов подбрасывало, бочки грохотали. В три часа ночи проскочили с включенными фарами Шавхадскую мельницу. Ночью она не работала. Показались высокие тополя Мушашского сада, проехали мост через речку Карасевку и остановились. Шофер попросил Кускевича установить бочки так, чтобы они не грохо-

тали, потому что проезжать мимо Мушашской мельницы с грохотом было опасно – могли проверить машину, и хотя у всех были ночные пропуска, все же немецкий патруль мог остановить и осмотреть машину. Поехали по длинной тополевой аллее, повернули направо – и темная громада Мушашской мельницы осталась позади. Напряжение ослабло. Машина шла веселее.

Слева возвышались осыпи огромных камней Мушашских скал. Миновали селение огородников – армян, и машина помчалась под Ак-Каинской скалой. Мимо громады скал проскочили за несколько минут, и выехали на бывшую Екатерининскую дорогу, ведущую из Карасубазра в Пролом. В пятом часу машина остановилась, наконец, в Проломе, у крайнего домика Ивана Федосеевича Федченко.

На тихое урчание автомашины из домика появился Сибирский. Из машины вышел Пономарев, а из кузова выпрыгнул Кускевич, и осторожно отстегнул борт. Пономарев подошел к Федченко и тихо ему сказал:

– Привезли, Иван Федосеевич, важного немецкого «гуся». Куда его?

– Несите сюда за мной, – и Иван Федосеевич пошел впереди к сараю, стоявшему в глубине двора. Пономарев и Кускевич сняли завернутого в брезент доктора Адольфа Веккеля, и поволокли его в сарай. Шофер захватил из кузова чемоданы и понес за партизанами. Возле дверей сарая он оставил чемоданы и поспешил к машине – нужно было возвращаться на мельницу в Шавхад.

Партизаны положили Веккеля на солому, при свете карманного фонарика развернули его и поставили на ноги. Веккель зашатался и, чуть было ни упал, если бы его не поддержал Кускевич, который посадил связанного немца на старый венский стул. Этот стул часто служил партизанам при допросах захваченных немцев. Кускевич ослабил ремень, которым были связаны руки немца, и вынул изо рта кляп.

– Бандиты! Вы жестоко поплатитесь за эти издевательства. Этого фельдмаршал Манштейн вам не простит, – прошипел по-немецки Веккель. – Вы побеждены, и захват меня ничем вам не поможет.

– Успокойтесь, доктор, – сказал Пономарев. – Мы сейчас вас немного покормим, а потом приступим к допросу.

– Я бандитам ничего отвечать не буду! Я – офицер доблестной германской армии, и могу отвечать только на вопросы советского офицера, равного мне по чину! – ответил Веккель.

В сарай возвратился Федченко вместе с Сизасом, который в то время был у него, собираясь на очередную дерзкую операцию. Сизас был одет в ватную стеганку и штаны, заправленные в старые кирзовые сапоги. На голове у него была черная с облезлым мехом ушанка.

– Ребята, – обратился он к Пономареву и Кускевичу, – вы, если хотите, можете идти отдыхать. Только прошу вас, коротко расскажите, как вам удалось поймать эту птицу.

Пономарев коротко рассказал, что они с Кускевичем видели, как доктор Веккель с адъютантом сошли с поезда, сдали вещи в камеру хранения и направились в ресторан. Во время начавшейся бомбежки прибывшие немцы выбежали из вокзала с двумя эсесовцами. Но тут одного эсесовца ранило, и оба они побежали в другую сторону, где находился медпункт. Они подхватили Веккеля, и, как бы помогая ему спрятаться от взрывов, потащили его в развалины. А адъютанту помогали ребята подпольной группы. Его пришлось ликвидировать, так как он оказал сопротивление.

– А этого доставили сюда, с одеждой, чемоданами и документами, – Пономарев протянул Сизасу сверток. – Это доктор Адольф Веккель, оберштурмбанфюрер СС, особоуполномоченный Гиммлера.

Между тем, Федченко засветил керосиновую лампу, повесил ее на стену, из глубины сарая притащил небольшой стол и табурет.

Сизас поставил стол перед Веккелем и, придвинув табурет, уселся рядом.

– Ну что ж, господин оберштурмбанфюрер доктор Адольф Веккель, приступим к допросу. – Сизас назвал Веккеля полным его «титолом». – С вами говорит офицер партизанской разведки майор Сизас. – Сизас все это сказал на чистейшем немецком языке с восточно-прусским акцентом.

– Я на вопросы самозванцев и бандитов, и изменников Рейха отвечать не буду! – выкрикнул Веккель.

– Во-первых, я не бандит, а майор Красной Армии. Во-вторых, я не немец, а эстонец, но жил долго в Германии, и общался там с настоящими немцами, а не с нацистами. А в-третьих, вы все равно будете отвечать...

Веккель опустил голову, но потом решительно поднял ее и, окинув Сизаса взглядом, полным ненависти, сказал:

– Я требую, чтобы меня рассматривали, как военнопленного, и отправили на Кавказ, в распоряжение командования Красной Армии.

– Ну, что же, – сказал Сизас, – мы будем вас рассматривать, как военнопленного, и обращаться с вами так, как и вы обращаетесь с нашими военнопленными. Что касается отправки вас на Кавказ, то у нас здесь в Крыму есть свое командование.

Сизас продолжил рассматривать пачку переданных Панкратовым документов Веккеля. Прочел удостоверение личности, командировочное предписание, билет члена НСДАП, извлеченные из бумажника. А Федченко подтащил чемоданы Веккеля поближе к лампе, открыл их, и сразу увидел толстую папку в темно-коричневом переплете. Эту папку он передал Сизасу. Потом достал пачку фотографий и писем, перетянутых резинкой. Это были письма жены и других родственников.

Все, извлеченное из папки, Сизас внимательно перечитывал и откладывал в сторону, а Веккель, молча, с ненавистью

наблюдал за ним. Вот Сизас извлек его диплом доктора исторических наук, и прочитал все, что в нем было написано. Покачивая головой, разведчик сказал по-немецки:

– Такая гуманная профессия у вас, доктор, и вы так ее человеконенавистнически используете.

– Мы, немцы, очистим земной шар от нечисти, от евреев и других неполноценных наций, – огрызнулся Веккель.

Сизас понял, что перед ним – образованный фанатик, возомнивший себя полубогом...

– Вы работали до этой командировки у бригадефюрера СС Вальтера Шелленберга, начальника внешней разведки службы безопасности? – спросил Сизас.

– Да. Он – мой близкий родственник – муж моей сестры, – гордо бросил Веккель.

– А какие перед вами были поставлены задачи руководителями Рейха? – спросил Сизас.

– Я вам сказал, что буду отвечать только офицеру Красной Армии, а не представителю бандитов, – раздраженно ответил Веккель. – Пусть появится здесь высший офицер, и я буду с ним разговаривать.

Сизас решил на это не отвечать Веккелю, пока не придет Давыдкин. И продолжал разбирать важную папку. В ней содержалась секретная карта Крыма с указанием расположения лагерей советских военнопленных и немецких карательных учреждений. Из подготовленных материалов в Имперской канцелярии Кальтенбруннера педантичным службистом Сизас узнал фамилии и чины комендантов лагерей и шефов карательных учреждений – СД, Гестапо и отрядов по борьбе с бандитами (партизанами), и их заместителей, приблизительную численность состава охранных команд лагерей, и количество содержащихся там военнопленных. В этой папке Сизас обнаружил многочисленные инструкции и приказы, относящиеся к организации шпионско-диверсионных школ и групп Абвера,

СД на оккупированных территориях, об отношении оккупационных войск и карательных органов немцев к населению захваченных областей и к партизанам, которые повсюду в этих документах именовались бандитами...

К утру в сарае Федченко появился руководитель разведки Крымских партизан Грозный, он же Давыдкин, сопровождаемый бывшим моряком Сергеем Колдашевым. Давыдкин вошел в сарай, увидел связанного, сидящего на стуле в старой красноармейской одежде доктора Веккеля и спросил у Сизаса:

– Кто это?

Сизас коротко доложил, и сказал, что Веккель требует отправки его на Большую землю, а с партизанами говорить не собирается.

Давыдкин присел на узкую сторону стола, расстегнул стеганую фуфайку, и Веккель увидел на нем военную гимнастерку с двумя шпалами в каждой петлице. Веккель сразу заметил эти знаки различия, означавшие офицерское звание майора.

– Вы будете отвечать на вопросы, господин оберштурмбанфюрер? – спросил Давыдкин.

– Если вы предъявите документ, представителем какой части Красной Армии вы являетесь, – ответил Веккель.

Иван Христофорович достал из бокового кармана гимнастерки красную книжечку и показал Веккелю.

– Я – представитель разведки Советского Союза, чекист, майор Давыдкин. Теперь приступим к вопросам.

Веккель кивнул.

– Какие перед вами были поставлены задачи руководителями Рейха? – повторил свой вопрос Сизас.

– Я должен был инспектировать лагерь советских военнопленных в Крыму, чтобы потом постепенно их ликвидировать, – ответил неохотно Веккель.

– То есть, как это ликвидировать? – переспросил удивленно Давыдкин.

– Сначала дифференцировать военнопленных по категориям. Из части выбранных мной военнопленных предполагалось создать шпионско-диверсионные школы и отряды добровольцев. Другую часть – из непримиримых военнопленных – расстрелять или уничтожить в газовых камерах. А третью, оставшуюся часть отправить в Германию для выполнения тяжелых работ.

– А как же вы представляете выполнение Гаагской конвенции о военнопленных? – спросил Давыдкин.

– Мы – немцы, на русских военнопленных ее не распространяем, – ответил, поморщившись, Веккель.

Доктор Веккель отвечал на вопросы крайне высокомерно, и все требовал или отправки на Кавказ, или обмена на советских военнопленных.

– Как же вы попали так неосторожно в руки партизан? – спросил у Веккеля Давыдкин.

– Эти бараны не обеспечили моей охраны, – обвинил он руководство охранки и карательных отрядов немцев в Крыму, – их половину нужно расстрелять! Свиньи! Негодяи!

– А как вы относитесь к штурмбанфюреру Стефенусу – руководителю борьбы немцев с крымскими партизанами. Он тоже плохой руководитель? – спросил Сизас.

– Дурак и болтун, – раздраженно ответил Адольф Веккель. – Он не обеспечивает безопасность наших доблестных войск в борьбе с партизанами. Больше ворует в Крыму достояние Германии – картины, ковры, ценную мебель и отправляет к себе домой...

– Доктор Веккель, дайте мне ваше пенсне, – попросил Давыдкин.

Веккель, который сидел с развязанными руками на стуле, снял пенсне и протянул Давыдкину. Тот повертел его в руках и вдруг протянул его Сизасу.

– Эдуард Янович, наденьте.

Сизас надел пенсне Веккеля – и на глазах у Давыдкина и Федченко превратился в двойника Веккеля. Правда, пенсне не подошло Сизасу по зрению, и он, сняв его, возвратил Веккелю.

А у Давыдкина мгновенно возникла мысль использовать Сизаса в роли Веккеля, но он не подал вида.

Предложил Веккелю высказать свое мнение о румынах.

– Румыны – это не люди, это полусвины, пожирающие мамалыгу, – брезгливо начал Веккель. – При малейшей опасности они разбегаются. Не понимаю, зачем фюреру понадобилось водить дружбу с этим кретином Антонеску. Придет время, – сказал Веккель, – нам, немцам, еще придется сражаться и против румын.

– Каковы взаимоотношения между отдельными ведомствами Рейха? Ну, например, между СД, Гестапо и армией? – спросил Сизас.

– Армия с ее генералами хочет больше самостоятельности, но господин Кальтенбруннер желает при помощи Гимmlера прибрать ее к рукам, – ответил Веккель, и дальше надменно описал трения, существующие между армией и СД...

В течение двух дней вели советские разведчики допрос матерого фашиста Веккеля. Он упирался, лавировал, старался уйти от ответственности, подчеркивал свою значимость. Но все больше и больше выяснялась та гнусная роль, которую он должен был сыграть в Крыму в уничтожении советских военнопленных, подготовке шпионов и диверсантов для засылки их в тыл Красной Армии и к партизанам, в реорганизации карательных сил немцев, румын и татарских националистов...

– Мы намерены вас, доктор Веккель, доставить в горы к партизанам, – подвел итог Давыдкин. – Это сложно. Придется идти или ехать ночью. И очень опасно! Если вам дорога жизнь, вы в пути должны вести себя подобающим образом и не пытаться освободиться. Иначе первая пуля достанется вам.

Допрос был окончен. Доктор Адольф Веккель собственноручно подписал свои показания на бумаге, которую написал на немецком языке Сизас.

А тем временем советский разведчик Грозный составил план засылки к немцам Сизаса под видом доктора Адольфа Веккеля. Грозный-Давыдкин отправился на доклад с этим планом к командованию Крымских партизан Мокроусову и Мартынову. План использования чекистами захваченных у Веккеля документов в оперативных целях для борьбы с фашистами был одобрен.

Для начала Сизас отправился в Феодосию к главному врачу больницы Сухареву. Там ему заготовили два пенсне со стеклами, соответствовавшими его зрению (одно пенсне про запас). И Сизас в форме оберштурмбанфюрера СС с документами доктора Адольфа Веккеля начал действовать...

А подлинного доктора Адольфа Веккеля судил партизанский трибунал и приговорил к расстрелу. До последней минуты он был уверен, что, хоть партизаны ему и угрожают, но его обменяют на кого-нибудь из советских военнопленных, но не расстреляют...

Акцию по ликвидации Веккеля совершили Михаил Жучков и Иван Федченко.

ГЛАВА 28

В конце декабря 1941 года немецкие власти в Карасубазаре были встревожены сообщениями о событиях в Керчи и Феодосии. Там Черноморским военно-морским флотом и Азовской военной флотилией были успешно высажены десанты Красной Армии. Немцы, понеся большие потери на Керченском полуострове и в Феодосии, начали спешно убирать из

Симферополя по Феодосийскому шоссе части эсэсовских дивизий. Керченский полуостров и Феодосия снова стали советскими.

Соня регулярно, через Сибирского, сообщала партизанам 2-го района о движении немецких частей по Феодосийскому шоссе. А уже к 7 января проезд по Феодосийскому шоссе для немцев был закрыт, и они переключились на старую Екатерининскую дорогу, проходившую через пролом на Цюрихталь, подальше от леса.

В середине января 1942 года, сидя в кабинете Курта Кристмана за своим столом, Соня стала невольной свидетельницей разговора начальника фельдкомендатуры СД оберштурбанфюрера СС фон Вольтата с шефом Айнзацтруппы «Д» Паулем Цаппом о том, что по южному берегу до Ускута, а потом на Карасабузар пойдет колонна оккупантов для последующей отправки под Цюрихталь, где части Красной Армии вели наступление. И в этот же день, вечером, идя домой, Соня сумела передать эту важную новость Сибирскому. А через день на Ускутской дороге эта колонна оккупантов была достойно встречена партизанами...

Однажды в кабинете Курта Кристмана Соня переводила его разговор с прибывшим из Бахче-Эли дезертиром из Красной Армии Яблонским, и ей стало известно, что этому изменнику родины «за особые заслуги» перед немецким командованием фельдмаршал фон Манштейн присвоил звание оберлейтенанта и наградил его Железным крестом. Яблонскому было поручено организовать отряд русских добровольцев для борьбы с партизанами. Переводя диалог карателя и предателя, Соня поразились, до каких пределов может доходить людская подлость. Курт Кристман обещал подарить Яблонскому лучший дом в Бахче-Эли с обстановкой, оставшийся от расстрелянных евреев и крымчаков. Яблонский тянулся в струнку перед новым хозяином и обещал употребить все свое старание на борьбу с «красными бандитами».

От Сони партизанам все это стало известно. Однако, к сожалению, Яблонский был весьма осторожен, и в сети, расставленные партизанами, не попадал. Но и не смог сколотить боеспособную группу предателей-добровольцев. Состав его небольшого отряда был весьма разношерстным – из людей от 16-ти до 50-ти лет. Причем собралась всевозможные подонки – уголовники и пьяницы, разбегавшиеся при первом же выстреле партизан. «Добровольцы» Яблонского могли нести лишь караульную службу при полиции или охрану гражданских объектов, но в боевых операциях участие не принимали.

К Соне, работавшей целыми днями в кабинете Курта Кристмана, периодически текла важная информация. Она старалась не отвлекаться, сидела согнувшись за столом, перебирая или читая свои служебные бумаги. А когда ее спрашивали о чем-нибудь, она с готовностью подымала голову и отвечала на вопрос, мило улыбаясь и слегка наклонив голову набок.

Зато научилась в течение дня удерживать в памяти всю важную информацию, а затем сообщала ее Сибирскому, ничего не перепутав и не забыв. Феноменальная память помогала Соне четко выполнять эту задачу. Ее донесения Разведотделу крымских партизан были предельно кратки и необыкновенно точны. Благодаря ее оперативным сообщениям о готовящихся акциях оккупантов партизаны уходили буквально из-под носа карателей, оставляя их в недоумении, как удалось партизанам избежать окружения и полного уничтожения. А там, где каратели не ожидали встретить партизан, они на них внезапно нападали, нанося им ощутимые потери.

Особенно тяжело приходилось Соне на допросах арестованных земляков. А ее все чаще стали вызывать переводчицей на допросы. Обычно допросы вели: шеф фельдкомендатуры СД оберштурмбанфюрер СС фон Вольтат, его заместитель штурмбанфюрер СС Пауль Матов, шеф Айнзацгруппы оберштурмбанфюрер СС Пауль Цапп, начальник карательной

Айнзацгруппы «Д» гауптштурмфюрер СС Курт Кристман и другие более мелкие чины. А Соня переводила только высокопоставленным лицам, возглавлявшим немецкие карательные органы.

Обеспокоенные неудачами многих карательных экспедиций, руководители гестапо, абвера, полевой жандармерии, криминальной полиции, обычной полиции и даже ВИКО (сельскохозяйственной организации немцев), готовили и пытались внедрить своих агентов к партизанам и подпольщикам. Многие агентов, благодаря Соне – «Венере», удалось распознать и обезвредить.

Так было, например, с Ильей Галактионовым. Когда-то он работал бухгалтером в Сартанском лесничестве. После Гражданской войны поселился в Крыму. В Карасубазаре и Симферополе появлялся редко. Жил незаметно, скрывал, что в молодости был поручиком белой армии, служил в контрразведке небезызвестного белого генерала Бредова, свирепствовавшего на Украине. А в январе 1920 года Галактионов был взят в плен под Киевом частями 58-ой стрелковой дивизии Красной Армии, но из плена тогда бежал. И вот прошло более 20 лет, и в январе 1942 года нечаянно встретился в Сартанском лесничестве с командиром 2-го района крымских партизан Иваном Гавриловичем Геновым, который служил раньше как раз в 58-ой стрелковой дивизии. И Генов узнал беглеца.

Галактионов, конечно, при такой встрече перепугался. Стал убеждать Генова, что он давно уже не тот человек, каким был во время Гражданской войны, отошел от политической борьбы и лоялен к Советской власти. А сейчас, когда война, рад помочь партизанам. Генов поверил Галактионову и привлек его к подпольной работе. Поначалу Галактионов держал слово, ездил в Карасубазар, привозил оттуда некоторые агентурные сведения, оказывал партизанам незначительные услуги. Видимо, боялся, что развернувшееся тогда наступле-

ние Красной Армии со стороны Керченского полуострова приведет к полному освобождению Крыма. А через два месяца поручик переметнулся к немцам, сделался «двойником». Благодаря чрезмерной доверчивости Генова их «дружба» чуть не закончилась провалом разведзамыслов партизан.

На очередной встрече Соня узнала об этом у Сибирского:

– Генову за это попало? – спросила она.

– Зачем же? – удивился Сибирский. – В начале февраля или марта было решено отозвать Генова с поста командования партизанским районом. А в апреле 1942 года Крымский обком партии утвердил его своим уполномоченным по подпольным делам.

– Это за тот промах? – спросила Соня.

– Нет, Сонечка, – улыбнулся Сибирский сметливости Сони. – Генов – участник гражданской войны в Крыму, опытный большевик-подпольщик, прекрасный организатор, пользуется большим авторитетом у населения Крыма, и у партизан и подпольщиков. Под его руководством было подобрано и послано в города и районы области более тридцати районных уполномоченных обкома партии.

– А что они делали? – поинтересовалась Соня. – Ко мне никто не приходил.

– К тебе я прихожу, – пожал плечами Сибирский. – Уполномоченные обходили села, устанавливали связи с оставшимися в районах коммунистами и комсомольцами, создавали подпольные организации и группы. За два-три месяца они охватили своим влиянием многие районы, в том числе – и Карасубазарский, и в твоём районе создали восемь подпольных групп.

Так Соня узнала о большой организованной сети связи подпольщиков и партизан.

А предатель Галактионов был разоблачен благодаря донесению «Венеры». Но увести его к партизанам не удалось.

Бывший разведчик оказался хитер и очень бдителен. Переехал из лесничества в город. Но здесь и получил от партизан заслуженное возмездие.

Однако не всегда удавалось Соне помочь партизанам. Так, не успела она защитить семью разведчиков Лихомановых, оставивших неизгладимую память в ее сердце.

Владимир Павлович и Устинья Николаевна Лихомановы работали в совхозе Мариано, центральная усадьба которого располагалась верстах в четырех вверх по речке от Карасубазара. Жили они в отделении совхоза в доме, расположенном недалеко от берега Большой Карасевки по дороге, ведущей в Пролом, Кабурчак и Васильевку. Они активно помогали бесстрашно действовавшему здесь со своей группой молодых подпольщиков Сибирскому – Ивану Федосеевичу Федченко. Систематически собирали необходимые сведения о немецких оккупантах. Их сын Павел Владимирович Лихоманов был начальником штаба Карасубазарского партизанского отряда, входившего во 2-ой район.

Связники партизан точно знали, когда появится в назначенный час новая информация, доставленная в тайник кем-нибудь из членов этой замечательной семьи. А доставка информации в тайники была сопряжена с исключительными трудностями, и могла стоить жизни тому, кто ее доставлял.

В один из дней в конце апреля 1942 года Соня переводила в комнате Матова показания предателя, бежавшего из Красубазарского партизанского отряда. А сбежал он, прихватив планшет самого начальника штаба Павла Лихоманова. Правда, в планшете были бумаги, не имеющие существенного значения для партизан. Это Соня поняла сразу, когда извлекла их из планшета и разложила у себя на столе.

Пауль Матов сидел, развалившись, за своим столом и с любопытством рассматривал стоявшего перед ним изможденного и давно не бритого бывшего партизана. Для охраны предателя рядом стоял каратель-солдат – татарский националист

Эминов, отличавшийся своей особой жестокостью. Он держал правую руку на расстегнутой кобуре пистолета.

Матов задавал предателю вопросы, а Соня, сидя за столом у открытого окна, переводила их диалог. Предатель, изворачиваясь, отвечал путано, но всячески старался показать, что у начальника штаба партизанского отряда Пала Лихоманова большие связи с городским подпольем, начал называть имена подпольщиков... Но в это время Пауля Матова вызвали к шефу. Он встал из-за стола, и, открыв дверь кабинета, вышел в коридор. Вдруг налетел сквозняк и подхватил бумаги со стола Сони и метнул их в открытое окно.

Соня вскрикнула, пытаясь схватить ускользавшие листы. А предатель, желая услужить ей, бросился за бумагами в окно, но выскочить не успел – сразу свалился от выстрела пистолета Эминова. На выстрел вбежал в кабинет Матов, за ним – служащие фельдкомендатуры.

Вскоре пришел туда и Вольтат. Предатель был убит выстрелом в голову и лежал, раскинув руки, у окна. Матов спросил у Сони, как это произошло, она ему рассказала, и он разразился руганью в адрес Эминова. Каратель стоял, виновато опустив голову. Он не знал, что если бы бывший партизан выскочил из окна во двор – он никуда бы не смог убежать. Двор был окружен постройками, высокой стеной, по верху которой была натянута колючая проволока. Со двора на улицу можно было выйти только через металлические ворота, возле которых стояли охранники.

Так неожиданно окончился важный допрос. Соня считала, что, если бы не выстрел Эминова, еще многих патриотов выдал бы этот предатель, не выдержавший голодной жизни в лесу и прельстившийся на посулы немцев. Но для Пауля Матова донос предателя на семью Лихоманова имел очень большое значение. В тот же день он приказал арестовать и привести в фельдкомендатуру всех, кого застанут в квартире Владимира Павловича Лихоманова.

* * *

Март 1942 года

В Феодосии Сизас представился доктором Адольфом Веккелем генералу, командующему Ак-Канайским участком фронта, его заместителю генералу, командующему береговой обороной Феодосийского сектора, полковнику, коменданту города Феодосии.

Со всеми он вел себя, как и подобало вести ближайшему родственнику Шелленберга, посланцу Гиммлера, Кальтебруннера и Кейтеля. Он подверг разносу карательную часть СД, расположенную в Феодосии в неумении организовать борьбу с партизанами, и пообещал лично возглавить экспедицию по борьбе с ними. Однако, одновременно с разносом, Веккель-Сизас кое в чем и похвалил начальника фельдполиции Феодосии, и сказал, что, когда будет докладывать Кальтебруннеру о положении дел в Крыму, то обязательно упомянет и нем.

Побывав в госпитале, доктор Веккель просмотрел карточки больных и раненых немецких офицеров. Он ругал врачей, что они плохо и долго лечат, и приказал половину из офицеров, находящихся в госпитале, выписать и отправить на фронт.

Через главного врача Феодосийской городской больницы Анисима Устиновича Сухарева Сизас связался с Феодосийским подпольем и узнал о готовящемся банкете в гостинице «Астория» для генералов и высших офицеров армейских частей, расположенных вблизи Ак-Канайского участка Крымского фронта.

Веккель-Сизас пообещал подпольщикам станции Сарыголь достать взрывчатку для организации крупной диверсии на железной дороге. Он взял у главного врача Феодосийской больницы Сухарева легковую машину марки Мерседес,

и, закончив все подготовительные дела в Феодосии, привез подпольщикам Сарыголя эту взрывчатку

Далее он направился в Джанкой. Через связистку сообщил Давыдкину, что в пути у него были кое-какие мелкие приключения.

В Карасубазаре, войдя в помещение фельдкомендатуры, он увидел пьяных полицаев, и учинил разнос шефу фон Вольттату за падение дисциплины и пьянки. Благо, в это время на месте не было Сони–Венеры. Там же он велел выпустить группу голодающих военнопленных, живших во дворе греческой церкви. В Ново-Царицыне в комендатуре фельдполицейского вообще никого не оказалось. Все полицаи были на чьей-то свадьбе, и возле комендатуры сидел древний сторож с палкой. Веккель нагнал на местных полицаев такого страха, что они, наверно, долго помнили посещение их комендатуры строгим инспектором.

В Колае было и того хуже. Начальник полицейского участка был пьян в стельку и спал у себя в кабинете. В полицейском участке было грязно, везде валялись бутылки из-под водки и вина, окурки. Полицаи тоже были пьяны и, сидя за столом, резались в карты. Когда в участок вошел доктор Веккель, пьяный начальник не сумел поднять голову, а полицаи вскочили из-за стола и вытянулись перед высоким начальством. В кутузке оказалось пять человек задержанных. В троих из них Веккель сразу обнаружил подпольщиков, а двое других были переодетые красноармейцы. Веккель допросил всех задержанных и велел их выгнать с участка, заявив полицаям:

– Вместо того, чтобы блюсти на станции порядок, вы предаетесь пьянке. Да еще задерживаете ни в чем не замешанных обывателей?

Так он освободил от ареста арестованных подпольщиков.

Прибыв в Джанкой, доктор Адольф Веккель проехал сразу к зданию администрации лагеря военнопленных и, оставив машину неподалеку от входа в канцелярию, вошел туда. При виде оберштурмбанфюрера СС сидевшие в канцелярии писари вскочили из-за столов и вытянулись по стойке смирно.

– Где шеф лагеря? – заорал, вскидывая руку в нацистском приветствии, доктор Веккель.

– Его нет здесь. Он вышел около часа назад, – ответил старший писарь в чине обер-фельдфебеля.

– Куда он вышел? Не знаете? Это что, воинская часть или бордель? – снова закричал доктор Веккель. – Немедленно приведите сюда начальника или его заместителя. Чтобы было понятно, кто приехал вас инспектировать, вот мое удостоверение личности, – и доктор Веккель издала показал его. – Ясно? Доложите об этом вашему шефу.

– Будет исполнено, господин оберштурмбанфюрер, – щелкнул каблуками обер-фельдфебель.

Двое писарей стремглав вылетели из помещения, а третий стал названивать по телефону. Обер-фельдфебель открыл кабинет и пригласил Веккеля войти туда и обождать шефа. Но Веккель не успокоился, а продолжал бушевать.

– Безобразие! – кричал он. – К вам приезжает представитель самого рейхсфюрера Гимmlера инспектировать ваш вшивый лагерь, а вашего начальства нет, и вы не знаете, где шеф и его помощник. Подайте мне списки военнопленных и личные дела на первые три буквы. Быстро!

Веккель уселся за стол начальника лагеря и осмотрел кабинет. На стенах были развешаны планы лагеря и его отделений. В углу кабинета стоял большой сейф, а посреди стены, напротив окна, – застекленный шкаф с множеством всяких папок. К большому письменному столу перпендикулярно примыкал другой стол с полированной крышкой, стопкой бумаги на нем и деревянным стаканом с остро отточенными карандашами. Видимо, кабинет шефа до оккупации был кабинетом

директора хлопкобазы, и остался с тем же интерьером, за исключением того, что позади стола шефа на стене был повешен большой портрет Гитлера, в три четверти оборота.

Через пять минут обер-фельдфебель принес списки военнопленных и большую кипу папок личных дел. Доктор Веккель отпустил писаря и спросил:

– Все еще не нашли шефа? Поторопитесь! Если вы понадобитесь, я позову.

Положив перед собой списки военнопленных, доктор Веккель внимательно стал их изучать, но, дочитав до буквы «Д», отложил их в сторону, и принялся за изучение личных дел военнопленных. Большею частью эти тощие папки содержали очень мало информации. Однако, Веккель–Сизас стал на отдельном листе выписывать интересующие его фамилии. В список, предназначенный для комплектации шпионско-диверсионных школ он выбирал военнопленных из коммунистов, комсомольцев, воспитанников детских домов, окончивших средние школы и офицеров Красной Армии. Они, по его мнению, более способны на явку с повинной в советские органы.

Наконец, через полтора часа ожидания в кабинет вошел шеф лагеря. От него несло спиртным, глаза замутнели и слезились.

Как только он появился, Веккель начал его отчитывать.

Признавая за собой вину, шеф Джанкойского лагеря стоял навтыжку перед оберштурмбанфюрером. Перспектива быть снятым с превосходной должности и быть отправленным на фронт, явно его не устраивала. Шеф лагеря даже не пытался оправдываться, только моргал глазами и все время повторял:

– Виноват, господин оберштурмбанфюрер! Будет исправлено. Постараюсь выполнить все ваши указания.

– Обход лагеря мы с вами начнем утром. Сегодня вы не в состоянии этого сделать. Отправляйтесь домой, и чтобы утром вы были здесь к девяти часам самым аккуратным образом. – Веккель как можно больше старался нагнать страха на

администрацию лагеря. – Ко мне пришлите кого-нибудь из ваших ответственных офицеров, – Веккель кивнул головой, дав понять, что начальник лагеря свободен, и углубился в бумаги.

Шеф вышел из кабинета, пошатываясь. Он заметно протрезвел от страха перед Веккелем. А ведь это был один из немецких палачей в Крыму, отправивший в лагерь уничтожения в Красном под Симферополем не один десяток тысяч советских военнопленных.

Веккель–Сизас до поздней ночи вместе с присланным лейтенантом Крейном разбирался в списках военнопленных, записывал для шпионско-диверсионных школ наиболее «достойных» кандидатов.

– Нам с вами нужно отобрать таких кандидатов в шпионско-диверсионные школы, чтобы они при засылке их в тыл к красным не могли вызвать у них подозрений, – говорил доктор Веккель Крейну. – Что за польза будет от того, что мы с вами изберем в школы диверсантов сынков кулаков или уголовников? Их сразу же там разоблачат и расстреляют, а пленные коммунисты, комсомольцы, офицеры и другие советские активисты уже замараны тем, что попали к нам в плен. Так что, лейтенант, давайте побыстрее, – говорил Веккель, – я не намерен у вас здесь прохладиться.

Через некоторое время Веккель встал с кресла и, разминаясь, походил по кабинету. Он начал говорить, явно рассчитывая, что его слова будут переданы лейтенантом своему шефу.

– Черт вас знает, лейтенант, какие вы идиоты с вашим начальником! Как вы неумело распоряжаетесь таким материалом, как военнопленные. Держите их в лагере, кормите этих дармоедов или расходуете боеприпасы, расстреливая их, и думаете, что удобрение земли – ваша главная задача. Половину их надо выгнать из лагеря. Пусть работают или служат добровольцами у нас, а от мертвых толку мало. На сельскохозяйственных работах нет рабочих рук, на ремонте дорог – тоже,

на строительстве укреплений мы вынуждены платить колоссальные деньги наемным европейским рабочим, на заводах в Рейхе тоже не хватает рабочих, а здесь у вас пропадает капитал. Нет, нужно будет написать Кальтенбруннеру, чтобы он вам прочистил мозги. Да они и сами у вас прочистятся, как побываете на фронте!

В двенадцатом часу ночи доктор Веккель и лейтенант Крейн закончили сортировку по спискам военнопленных.

– Идемте, лейтенант, подвезу вас домой! Но, чтобы завтра к девяти часам вы были здесь. Будете сопровождать меня с шефом по лагерю и записывать мои замечания.

Утром, не смотря на все старания администрации навести порядок и чистоту в бараках и на территории лагеря, везде царил суматоха. А доктор Веккель, сопровождаемый большой свитой администрации, обходя лагерь, выявлял все больше и больше недостатков. Лейтенант Крейн записывал все, что диктовал ему доктор Веккель, и от этой диктовки лицо коменданта лагеря вытягивалось и делалось все темнее.

– Это что за куча мусора здесь у всех на виду? – шипел змеиным голосом доктор Веккель.

И начальник лагеря ничего не мог ответить, хотя и озираясь по сторонам в ожидании помощи от своих подчиненных...

– Бордель – а не лагерь! Пойдем в бараки, – распорядился доктор Веккель, и вытащил из кармана надушенный платок, чтобы поднести его к носу.

Но в первом бараке было относительно чисто, и староста барака бойко доложил коменданту лагеря, что раненых и больных нет. Веккель вышел, но не прошел ни во второй, ни в третий бараки, а выбрал самый крайний, находящийся в дальнем углу лагеря. Туда перед инспектированием комендант приказал согнать всех больных и раненых военнопленных. В этом бараке многие раненые лежали прямо на полу. От гнилых тряпок, которыми были перевязаны раны людей, от давно

немытых тел и грязи стояла страшная вонь. Веккель зажал белоснежным платком нос и гневно взглянул на коменданта лагеря.

– Вы, господин начальник, когда-нибудь были здесь? Пройдите в тот угол и посмотрите, что там шевелится? – крикнул Адольф Веккель.

Для начальника лагеря это было большим испытанием. Он, осторожно ступая через лежащие тела, прошел по бараку и возвратился к инспектирующему Веккелю, прижимая к носу платок. Там в углу, куда его направлял Веккель, лежали мертвые рядом с живыми...

С каждым шагом Веккель все больше и больше распалялся гневом, и, когда они возвращались в канцелярию, он лишь хрипло отчитывал шефа.

– Немедленно, немедленно отобрать всех больных и раненых, которые могут передвигаться самостоятельно, пропустить их через санпропускник, перевязать и выгнать за пределы лагеря – пусть работают эти дармоеды и приносят пользу. Лагерь очистить, вымыть и вообще навести порядок. Отобранных мной кандидатов в течение трех дней отправить в шпионско-диверсионные школы Абвера и СД. Остальных военнопленных долго не задерживать в лагере. Трудоспособных направляйте в Рейх и на сельскохозяйственные работы в землячества.

Руководитель лагеря только, молча, кивал головой в знак согласия.

– Лейтенант Крейн, подготовьте текст акта инспектирования и принесите мне в гостиницу.

– А обед, господин оберштурмбанфюрер? Обед готов и ожидает вас, – робко произнес начальник лагеря.

– Я пообедаю в ресторане, – заявил доктор Веккель.

Вечером лейтенант Крейн позвонил в номер доктору Веккелю, что акт инспектирования лагеря написал.

Веккель приехал в канцелярию, и здесь оказался значительно покладистее, чем можно было от него ожидать. Он был в благодушном настроении, заявил шефу лагеря, что, пожалуй, даже акта не нужно, он ограничится устным докладом Кальтенбруннеру, если, конечно, комендант выполнит все его, инспектора, указания. После такого хорошего конца инспектирования была распита бутылка коньяка, и доктор Веккель отбыл по своему назначению.

В Симферополь доктор Веккель приехал поздно вечером. Он предъявил свои документы в гостинице, и ему отвели хороший одноместный номер. Машину доктор Веккель поставил во дворе гостиницы, и дал дворнику десять марок, чтобы он присмотрел за ней и помыл ее. Взяв из багажника чемодан, доктор Веккель поднялся к себе в номер, основательно помылся, надел чистое белье, и пошел в славившееся на весь Крым офицерское казино. Заняв столик, доктор Веккель долго изучал меню, одновременно осматривая зал, в котором отдыхало и веселилось множество офицеров разных родов войск. К нему подошла шеф казино Людмила Скрипниченко – красивая, эффектная женщина. Она узнала Сизаса в этом отутюженном немецком мундире, и громко спросила:

– Что делает господин оберштурмбанфюрер?

Сизас тоже ее узнал и попросил присесть к его столу.

Людмила изящным движением поправила подол красного шелкового платья и присела на край стула. Она жестом остановила официанта и велела принести господину подполковнику салат из помидоров с огурцами, только появившимися по баснословной цене на рынке, бифштекс с гарниром из картофеля и бутылку красного портвейна.

– Вы наш гость, господин... господин...

– Доктор Веккель, – подсказал Сизас, – особоуполномоченный рейсфюрера Гиммлера и Кальтенбруннера.

– Очень рада, доктор Веккель, – улыбаясь сказала она, и добавила тихо: – Я давно вас жду... Имею очень важную новость...

Людмила Скрипниченко весело засмеялась, как будто сидевший напротив нее офицер рассказал ей что-то очень смешное.

– Да, да, – воскликнула она, а затем тихо добавила. – На днях здесь пировал адъютант Манштейна, полковник Штумпф, он в меня до некоторой степени влюблен, и поведал по секрету, что они с шефом скоро уезжают на Ленинградский фронт, где шеф будет представлять ставку фюрера. А одиннадцатая армия отводится из Крыма на длительный отдых, так как понесла большие потери в Крыму, в особенности под Севастополем. Уходя из Крыма, они будут прочесывать леса.

– Это не лысую голову чесать... – улыбнулся Веккель.

И Людмила снова засмеялась громко и непринужденно и встала, доктор Веккель тоже вскочил перед нею, целуя ей руку.

– Мне нужно у вас кое-что спросить. Прошу вас подойти ко мне потом, – попросил он тихо.

Шеф офицерского казино Людмила Скрипниченко медленно поплыла между столиков, любезно раскланиваясь со знакомыми офицерами и одаривая их очаровательной улыбкой.

А потом, попозже, когда посетители казино на Пушкинской придавались вину и веселью, доктор Веккель-Сизас узнал у Людмилы все, что она знала о начальнике отдела по борьбе с бандитами – партизанами штурмбанфюрере СС докторе Стефанусе и о сотруddниках этого отдела.

На следующий день доктор Веккель рано утром появился в отделе Стефануса. Но Стефанус, в отличие от шефа Джанкойского лагеря, уже был на месте. Он разговаривал с пожилым гауптманом у себя в кабинете, и когда ему доложили о прибывшем докторе Веккеле, вышел из-за стола и встретил

его посредине кабинета. Он радушно приветствовал доктора Веккеля, и заявил, что будет рад той помощи, которую он собирается ему оказать. Однако доктор Веккель не поддался лести Стефануса. Предъявил ему свое удостоверение личности, и заявил, что в имперской СД весьма недовольны работой Стефануса по искоренению партизанского движения в Крыму. После этих слов доктор Веккель потребовал отчеты Стефануса и, рассматривая их, обнаружил прекрасное знание дела, был в курсе борьбы немцев с партизанами.

Они долго и напряженно работали, и доктор Веккель, при рассмотрении тех или иных документов, отсылал Стефануса за дополнительными материалами. И даже сердился, если шеф отдела по борьбе с бандитами, приносил ему не ту справку или не тот документ, какой ему был необходим. Одним словом, инспектирующий показал себя весьма осведомленным человеком.

Пока Стефанус отлучался из кабинета за новыми сведениями, Сизасу удалось сфотографировать некоторые секретные документы.

В одном из них от 28 марта 1942 года на имя Фюрера, Рехканцлера, Верховного главнокомандующего Германской империи Адольфа Гитлера генерал-полковник барон Эрих фон-Манштейн секретно докладывал, что с выполнением плана, намеченного рейхскомиссариатом «Украины» – Эрихом Кохом по Генеральному комиссариату «Тавриды» – о заселении и переименовании Крыма – в «Готенланд», Симферополя – в «Готенбург», Севастополя – в «Теодорихгафен», придется из-за «тактической необходимости повременить» до полного разгрома большевистского колосса на Юге.

К обеденному перерыву доктор Веккель заметно устал, а со Стефануса пот буквально катился градом.

– Куда бы нам пойти пообедать? – спросил доктор Веккель.

– Я могу распорядиться, чтобы нам обед принесли сюда. Или, быть может, вы хотите пойти в ресторан, но это далековато...

– Пожалуй, пусть принесут нам что-нибудь перекусить сюда, а уж поужинаем мы вечером в казино. У вас там очаровательная хозяйка, – игриво проговорил доктор Веккель.

– О-о! – протянул Стефанус, – это – неприступная крепость!..

Вскоре они сидели в комнате отдыха Стефануса, расположенной рядом с его кабинетом, ели шашлык и запивали его черным кофе по-турецки. К вину доктор Веккель не притронулся, а Стефанусу одному пить принесенное вино было неудобно.

Веккель оказался интересным собеседником, и было приятно, что его жизненные пути часто пересекались с путями Стефануса. Веккелю–Сизасу об этом можно было говорить, так как он долго жил в Померании и Восточной Пруссии, и потому говорил свободно, не боясь, что его могут уличить во лжи.

Под конец инспектирования Отдела по борьбе с партизанами, у доктора Веккеля наладились хорошие отношения со Стефанусом. Он по-дружески конфиденциально сообщил, что, если Стефанус не прекратит грабеж и пересылку дорогих вещей из Крыма на свои дачи в Германию, он будет «под колпаком».

Стефанус все чаще доверял Веккелю различные тайны, которые ему сообщали чины из окружения Манштейна.

Веккель спросил:

– Что, партизанское сопротивление в Крыму стало испытывать большие трудности в людском пополнении и продовольствии?

Стефанус неожиданно ответил словами из секретного документа Манштейна:

– Скорое переименование городов Крыма может привести к массовому бегству в горы и усилению боевой мощи бандитизма против наших доблестных войск.

– Вы, пожалуй, правы, – раздумчиво сказал Веккель. – Да и сейчас их сопротивление все еще жестоко и коварно.

Из секретных документов явствовало, что гитлеровский наместник Украины Эрих Кох предполагал произвести массовое переселение всех жителей Крыма за его пределы, и лелеял мечты заселить его немцами – жителями Тироля. Переименование Крыма и его городов означало желание главарей «нового порядка» повернуть колесо истории вспять, возвратив до падения Римской империи, когда в степях Причерноморья и Северного Крыма кочевали германские племена готов. Гитлер шел по следам готов, задумав найти родовые корни германской нации.

Представляет собой большой интерес документ, составленный Стефанусом в конце марта 1942 года о борьбе немецких карателей с партизанами.

Очень уж много доставляли забот немецкому командованию действия партизан в лесах и горах Крыма. Немцы несли, как видно из сообщений Стефануса, большие, но, явно преуменьшенные в отчетах, потери.

– Мы стали применять для борьбы с партизанами все рода войск, в том числе артиллерию, танки и авиацию, разведывательную и бомбардировочную, – говорил Стефанус Веккелю. – Но, как и в первое время, бандиты так же сопротивляются, полны фанатизма, отчаяния и умения. Они отлично знают местность и тактически грамотно используют ее в боях с нами.

– Что, даже не помогают вам проводники из числа местных жителей-татар, чтобы внезапно обнаружить партизан и атаковать, – спрашивал Сизас-Веккель, регулярно получающий сообщения Венеры с фамилиями татар-проводников, которые посещали для конкретных заданий немецкую комендатуру.

– При прочесах леса несем большие потери, особенно людей из специальных частей СС, при соприкосновении с бандитами, – делился Стефанус. – Перешедшие к нам на службу от бандитов местные татары показывают, что бандитские отряды в большинстве возглавляются хорошо подготовленными офицерами пограничной охраны и работниками НКВД.

Это Сизас-Веккель знал по себе, только сказать собеседнику не мог. Поэтому переключил тему на собак.

– А служебные собаки разве не помогают? – спросил он.

– В тот-то и дело, что поиски и преследования бандитов с помощью служебных собак положительных результатов не дали, – отчитался Стефанус. – За пятнадцать дней марта было потеряно в боях с бандитами более восьмидесяти служебных собак и более семидесяти их проводников.

Сизасу и это понятно, он знал по собственной работе, что офицеры пограничной охраны и работники НКВД хорошо владеют способами уничтожения служебных собак. И он сам учил партизан приемам этой борьбы.

Стефанус совсем разоткровенничался, и Веккель настроился и сосредоточился.

– Не могу не доложить вам и о том, что вчера был захвачен тяжело раненый бандит, – понизил голос Стефанус, чтобы не было слышно коллегам за дверью кабинета. – Нам пришлось много с ним повозиться, чтобы кое-что узнать от него. Он умер, но успел нам сообщить тревожную вещь для нашего тыла. Оказывается, бандиты в каждом отряде создали диверсионно-разведывательные группы и возглавляют их офицеры пограничной охраны или сотрудники НКВД. Эти группы проходят специальную подготовку для борьбы с нами всякими ухищренными методами.

– Это мы знаем, – пространно ответил Веккель, – и в наших диверсионных школах надо иметь подобных учителей.

– Самое важное, мы чуть не уничтожили штаб партизан Крыма, – доложил Стефанус.

И Сизас вздрогнул:

– Как? Где?

– Юго-восточнее города Карасубазара, в районе селения Чермалык двое суток был блокирован нами штаб бандитов во главе с полковником Мокроусовым. Но удержать блокаду и уничтожить их с захватом Мокроусова нам не удалось, – сокрушался Стефанус. – У них оказалось более трех тысяч хорошо вооруженных бандитов, вместо полагаемых, по нашим сведениям, пятисот.

– Кто же дал вам такие сведения? – спросил участливо Сизас, зная, что эта дезинформация могла произойти с подачи доблестной разведчицы Венеры.

– Сведения эти, по невыясненным причинам, якобы низила группа гауптштурмфюрера СС Пеллера. Расследование веду сам. Всем головы поснимаю. Из-за таких болванов мы потеряли около девятисот человек убитыми и ранеными. Сам командарм возмущен этим просчетом.

– Я бы сразу расстрелял за такие жертвы.

– Агентура нас подводит, – заключил Стефанус. – Засылаемые нами агенты в отряды бандитов желаемой цели пока не достигают. Как правило, они выявляются и уничтожаются.

– Это вы имеете ввиду лже-партизанские группы из наших школ? – уточнил Веккель.

– Да, – кивнул Стефанус. – Расформированные и разбежавшиеся отряды Судакского бандитского соединения Стасюка, захваченного моими парнями, вновь созданы большевиками из десантных частей. Наши три агента пойманы и расстреляны бандитами.

– Вот я и направлен в Крым навести порядок с набором в диверсионно-шпионские школы, – постучал пальцем по столу доктор Веккель. – И доложу вам, выбирать кадры в эти школы не умеют.

– Необходимость заставляет обратиться к вам, доктор Веккель, – продолжал Стефанус, – с просьбой: выделить еще

дополнительно пятьдесят человек офицеров-инструкторов для обучения вновь формируемых подразделений по борьбе с бандитами.

– Обещаю, – кивнул Веккель.

– И еще я прошу, господин оберштурмбанфюрер, вашего содействия об активном использовании против бандитов (только в согласовании со мной) выпускников Крымской школы, руководимой Лендером, так как он мои просьбы выполняет с большими оговорками и задержками.

– Хорошо.

– И еще. Прошу ускорить назначение мне заместителя, а разложившегося оберштурмбанфюрера Эверта отозвать в Германию.

– Что-то много.

– Еще, доктор Веккель, последнее...

– Ну, давайте.

– Учитывая массовость заброски к бандитам парашютистов-радиостов, дополнительно мне нужно хотя бы десять пеленгаторов нового типа, – попросил штурмбанфюрер СС Стефанус.

– Все сделаю, что в моих силах, – улыбнулся ему доктор Веккель.

Но имел ввиду совсем другое. Сизас знал, что партизаны умело противопоставляли немецкой разведке – наземной, воздушной и агентурной – свою разведку, глубоко проникающую в карательные органы немцев, сообщавшую о каждом их шаге и не дававшую возможности захватить партизан врасплох. Неоднократно партизанам удавалось сбивать немецкие самолеты-разведчики. Даже с хорошими проводниками немцам, как справедливо указывал Стефанус, не удастся обнаружить и атаковать партизан. Благодаря таким разведчикам, как Соня Загоркова, не вызывавшим подозрений у немцев, важнейшие тайны немецких карателей становились сразу известными партизанам.

Умелое владение способами уничтожения служебных собак и собаководов карателей сводило на нет опасность обнаружения и окружения партизан.

Пробовали немцы путем подкупа и засылки своих агентов к партизанам обезглавить Крымское партизанское движение, но советские чекисты были бдительны, и своевременно уничтожали их. Не дали результатов немцам и лже-партизанские группы из числа курсантов немецких шпионско-диверсионных школ, которые бродили по селам и выявляли сочувствующих партизанам жителей. Не могли они проникнуть и в расположение партизанских отрядов – их быстро разоблачали и ликвидировали.

В своем докладе Сизас написал о неудавшемся блокировании в районе Чермалыка штаба Крымского партизанского движения и упомянул о крупном просчете немцев во время этой операции, о храбрости и умении сражаться партизан, когда один партизан стоил более десяти карателей. Партизаны Крыма показали себя умелыми воинами и покрыли себя неувядаемой боевой славой.

Добытые Веккелем-Сизасом сведения у Стефануса оказали большую помощь не только партизанам Крыма, но и Большой земле.

ГЛАВА 29

Соня-Венера сообщила Сибирскому о том, что по доносу бежавшего из Карасубазарского партизанского отряда изменника, были арестованы Владимир Павлович Лихоманов, его жена Устинья Николаевна и их невестка – жена Павла – Прасковья Иосифовна с двумя детьми – шестилетним Витей и двухлетней Светой.

– Иван Федосеевич, – взмолилась Соня на оперативной встрече со своим «дядюшкой», – сил больше нет терпеть зверства над сельчанами этих извергов. Попросите Давыдкина, перевести меня в партизанский отряд. В лесу у меня хоть будет в руках оружие уничтожить этих гадов. Я бы своими руками расстреляла Матова и его заместителя! – не унималась Соня.

– Ты хочешь убить двух садистов из твоей комендатуры, а своими донесениями помогаешь нам уничтожить тысячи фашистов. Вот недавно, после твоего донесения, мы встретили карателей так, что они штаб Мокроусова не взяли, а девятьсот отборных солдат потеряли на поле боя.

– Да?! – удивилась Соня.

– Ты, Сонечка еще не знаешь, что они творят, – закурил Сибирцев, – вот я тебе расскажу только два случая их истязаний наших крымчан. Каратели заставили жителей деревни Чаир Бахчисарайского района снести все ценное имущество и согнать скот в одно место, а потом подожгли дома и выгнали крестьян из деревни, более двадцати человек расстреляли, а остальных угнали на каторжные работы в Германию.

Дикую расправу учинили фашистские садисты и над населением деревни Курортное Зуйского района. По словам случайно выжившей семнадцатилетней девушки, каратели стали ходить из дома в дом, сгоняя всех в контору «общины» (колхоза) на собрание. Потом в наполненную народом контору зашел немец и приказал женщинам по двое заходить в следующую комнату. Люди встревожились. Но фашисты оторвали от матерей первых двух плачущих ребят и поволокли в смежную комнату. Через несколько минут там раздались выстрелы. Женщины в отчаянии метались, истерически кричали и рыдали, умоляли о пощаде. Но фашистские звери уводили пару за парой за дверь, укладывали их лицом вниз на еще не остывшие трупы и хладнокровно разряжали пистолеты.

Соня сжала кулаки и со слезами на глазах простилась с Федченко.

Что могли сделать партизаны, чтобы выручить многих арестованных из застенков оккупантов в Карасубазаре? Практически ничего. В апреле-мае 1942 года в связи с неудачами советских войск на Керченском полуострове и прорывом Ак-Монайских позиций, а потом падением Керчи, против партизан были брошены значительные силы оккупантов. Партизанам приходилось вести тяжелые бои с гитлеровцами в районе Ени-Салы, Сартаны, Кокташа и других сел, расположенных в горах. «Венера» сообщала, что немцы готовятся взять партизан в клещи и уничтожить их. Из Керчи к концу мая немцы стали перебрасывать освобожденные войска под Севастополь, где разыгрывалась последняя фаза обороны против ненавистного врага. У партизан не хватало продовольствия и боеприпасов. Им противостояли во много раз превосходящие по численности немецкие оккупанты.

И вот в это тяжелое время в Карасубазаре штурбанфюрер СС Пауль Матов старался изо всех сил запугать арестованных патриотов, сломать их волю, и заставить их сообщить о соратниках-партизанах и месте их расположения. Он использовал различные способы, чтобы заговорили арестованные патриоты. Матов обещал им крупные суммы денег, корову, но посулы не помогали. Тогда он стал вести допросы с арестованными с пристрастием, с каждым в отдельности, но и это их не сломило.

Матов пытался задобрить детей. Давал им пирожные и конфеты, сажал к себе на колени, гладил по головкам, но дети смотрели на него со страхом, недоверчиво и молчали...

– Напрасно стараетесь, господин офицер, – не выдержал избитый Лихоманов, жалея погибающих своих детей. – Мы не продаемся. Нас не купишь!

Соня все это переводила... Матов выругался, и приказал увести арестованных. А в подвале опять начались пытки. Лихоманову связали руки телефонным проводом, и жгли огнем пальцы ног. Адская боль пронизывала все тело, но разведчик

даже не вскрикнул. Его супруга смотрела на муки мужа, слезы ручьями текли из ее глаз, а пытки продолжались... Присутствующий при зверских истязаниях переводчик Отто в полуобморочном состоянии свалился с табуретки, на которой сидел. Но Лихоманов все молчал.

– Иголки и плоскогубцы, – заорал Матов.

Устинья Николаевна не выдержала и потеряла сознание.

– Ведро воды, – снова закричал Матов. – Облейте этого слабонервного, – показал он на Отто. – Плесните воды и на эту большевичку.

У Лихоманова пальцы ног почернели и обуглились, но он выдавливал из себя только одно:

– Я ничего не знаю!

– Рвите ему ногти, – приказал Матов.

Но в этот момент разведчик сполз со скамьи на пол и лишился сознания.

– Принесите еще воды! – снова приказал Матов.

В подвале пахло горелым мясом.

Очнувшаяся от воды Устинья Николаевна с сокрушенным сердцем смотрела на лежащего на полу мужа, и пыталась расправить плечи. От нее Матов не добился ни слова. Отто блевал в углу в ведро...

Четырнадцать часов продолжались пытки. Матов устал. Устали и его помощники – палачи Эминов и Малаев. Матов отдал приказ увести арестованных.

Эминов и Малаев подхватили Лихоманова под руки и поволокли по коридору в камеру.

Его бледная супруга, поднялась со стула, а ноги подкосились – и она чуть не упала, если бы не схватилась за спинку стула. В камере она легла на нары и забылась. Немцы были заняты чем-то более важным, и ее на время оставили в покое. Она переживала о дочерях Валентине и Вере, которые оставались пока на свободе, и о внучатах, детях Валентины. Они

жили в другом доме на противоположном конце города, и она надеялась, что немцы их не трогали. Они были под другой фамилией, и фашисты, возможно, не знали, что они из рода Лихомановых...

А Владимиру Павловичу фашисты всю ночь не дали сомкнуть глаз. У него ужасно ныли изуродованные руки и ноги, Он находился в каком-то полубезытье. Глаза были открыты, и яркий свет электрической лампы был направлен прямо в них, но он уже не чувствовал яркого света. Среди ночи, около двух часов, электрический свет внезапно погас.

Прошло минут пятнадцать-двадцать, пока переключали освещение на передвижное динамо. И этого времени оказалось достаточно, чтобы Лихоманов как-то собрался с силами, и почувствовал себя снова готовым к завтрашнему испытанию.

Утром его снова привели в тот подвал, где вчера допрашивали. Здесь все было чисто вымыто и проветрено.

Сегодня допрос должен был вести обер-палач Крыма шеф Айнзатцгруппы «Д» оберштурмбанфюрер СС Пауль Цапп. На его совести были тысячи замученных советских людей. В подвале он появился чисто выбритым, надушенным, в отутюженной униформе. Но от жары на улице вытирал пот, выступающий на лбу и верхней губе, белоснежным носовым платком. Пауля Цаппа сопровождали два переводчика – Отто и Соня, – хотя он довольно прилично говорил по-русски.

– Ввести господина Болдырева, – приказал Цапп.

В подвал ввели бритого, с небольшими усиками под носом, с серыми бегающими глазами, одетого в серый хлопчатобумажный костюм мужчину лет сорока восьми. Он поклонился Цаппу, и обвел глазами других присутствующих. Увидев Лихоманов, сразу отвел глаза в сторону, не выдержав его осуждающего взгляда.

– Знаете кого-нибудь из присутствующих, – спросил Цапп.

– А как же, – ответил Болдырев, – знаю, вот этот – Лихоманов, большевик. Считался в совхозе стахановцем. Его фотография висела на Доске Почета. Я работал в их садовом участке счетоводом артели по уборке фруктов.

– Что есть стахановец? – спросил спустившийся в подвал Матов.

– Это, господин штурмбанфюрер, самый преданный коммунистам человек, фанатик, способный поджечь штаб дивизии, диверсант, – усмехнулся он.

Однако и Соня, и Отто перевели слово стахановец иначе, как человека, показывающего высокую производительность труда. Услышав это, Матов рассвирепел.

– Ты есть сволич, – кричал он на Болдырева. – Ми тебя будем вешать на один палка с этот бандит. – И затем, обращаясь по-немецки к Отто, Матов сказал: – Переведите ему, Отто, что мы его вызвали сюда не для того, чтобы паясничать, а для того, чтобы он сообщил нам все, что знает. Если будет врать, прикажу дать ему тридцать шомполов.

Отто перевел, а Матов отошел в сторону, сел на стул и стал наблюдать, как ведет допрос Цапп.

Сначала Цапп спросил Болдырева:

– Когда Лихоманов передавал сведения в лес?

Болдырев в ответе запутался, и Цапп жестом приказал его увести.

Матов же вдогонку велел дать Болдыреву обещанные тридцать шомполов.

Потом Цапп достал из стола несколько фотографий партизан. Среди них была и фотография Лихоманова Павла. Он разложил снимки на столе, велел подвести арестованного и спросил:

– Посмотрите на эти фотографии, господин Лихоманов, кого из них вы знаете?

Владимир Павлович посмотрел на них и сквозь застланные туманом глаза увидел дорогие черты улыбающегося сына

Паши, а рядом с ним – двух его товарищей и еще одного их знакомого, приходившего к ним в ноябре 1941 года.

– Я этих людей никогда не видел... – покачал он головой.

– Сейчас увидишь! – пообещал Цапп. – Принести паяльную лампу.

Палач пришел, включил лампу и направил пламя горелки в грудь Лихоманову – кожа мгновенно почернела и вспыхнула пламенем.

– Довольно! – крикнул Цапп. – Привести его жену.

Паяльную лампу унесли. И ввели в подвал Устинью Николаевну. Но это была не та, пришибленная пытками женщина. Гордая, с откинутой бесстрашно головой русская женщина с презрением и ненавистью смотрела в глаза палачей. Она увидела сидящего на стуле мужа с обгоревшей грудью и склоненной головой. И ярость вскипела у нее в душе.

Цапп и ей показал фотографии. И она тоже никого «не узнала». Тогда Цапп приказал пытать и ее, но она не выдержала и повалилась на пол, потеряв сознание.

– Отставить! – приказал Цапп палачам. – Воды!

Устинью Николаевну окатили водой. Она очнулась, приподняла голову, и, глядя на мужа, прохрипела:

– Спасибо, Володя, за урок. Страшно? Но выдержу!

– Будете отвечать, где прячутся партизаны? – крикнул Лихомановым Цапп.

Но оба молчали.

– Убрать! – закричал он.

Полуживых Лихомановых палачи выволокли из подвала.

А через три дня их не стало.

Однако на этом фашисты не успокоились. В их руках была еще жена Павла Лихоманова – Прасковья Иосифовна с двумя детьми.

Фашисты считали, что годятся любые средства, чтобы подавить партизанское движение в Крыму. Они хотели обезглавить руководство крымскими партизанами.

Трижды были обезврежены подсылаемые к А.В. Мокроусову наемные убийцы. На этот раз у них в руках оказалась жена начальника штаба Карасубазарского партизанского отряда Павла Лихоманова – Прасковья Иосифовна с двумя детьми. Это были заключенные Цаппа, его приманка. Он их держал в надежде, что Павел с партизанами сделает попытку их освободить. И сам попадет в подготовленный капкан.

Однажды Цапп велел привести Прасковью Иосифовну с детьми не в комнату, где обычно допрашивали арестованных, а к себе в кабинет. Там был накрыт столик чистой белой скатертью, на нем расставлены тарелки и нарезано много свежего белого хлеба. Солдат в белом фартуке внес накрытую крышкой глубокую сковороду с жареной бараниной.

– Придется у вас отнять немного времени, – сладко улыбаясь, сказал Цапп. Аромат жареного мяса распространился по комнате. – Вы, наверно, голодны? – спросил он у Прасковьи Иосифовны. – Покормите детей и поешьте сами! Ты хочешь хлеба и мяса? – спросил он у Вити.

– Не хочу! И Света не хочет, – зло ответил Витя и отвернулся к матери.

Цапп, не обращая внимания на ответ ребенка, снова обратился к Прасковье Иосифовне.

– Напрасно вы приучаете детей ненавидеть нас. Мы – немцы – культурная нация, мы несем высокую культуру всему миру. Все, кто идет вместе с нами, и кто принимает установленный нами «новый порядок», никогда об этом не пожалеют. Мы стараемся ликвидировать тлетворное влияние коммунистов во всем мире и освободить от них ваши земли для достойной жизни.

Принимая его игру, Прасковья Иосифовна сказала:

– Но каждый человек должен иметь возможность мыслить так, как ему хочется. Зачем же вы все подавляете и стремитесь подчинить только себе?

Так с женой Павла вначале Цапп вел мирные разговоры. Он угощал их, вел беседы о правильном воспитании детей, зная, что Пасковья Иосифовна работала учительницей школы.

Но все беседы он сводил к одному: жена должна уговорить Павла перейти на сторону немцев и организовать убийство руководителя крымских партизан Мокроусова.

– Люди, которые не понимают немцев, воюют в лесу против нас. Там и ваш муж, – перешел на угрозы. – Вы понимаете, что от ваших ответов зависит судьбы всех Лихомановых? Вы умная женщина – педагог. Вы все понимаете. Скажите нам правду, в каком месте базируется ваш муж? Мы от вас только этого просим.

– Но у нас с вами разные понятия о правде! – ответила Пасковья Иосифовна.

– Вы должны понять, что мы не можем терпеть, чтобы партизаны убивали наших солдат! – перешел на крик культурный Цапп. – Мы с вами говорим на разных языках.

– Вот именно! Вы пришли сюда убивать наших людей, а хотите нашей покорности?

Уцепившись за нужное слово, Цапп сразу сменил тон:

– Да, покорности. Мы ждем, чтобы умные головы одумались, в какой ужасной стране они жили, – заявил Цапп. – Напишите мужу, чтобы он уничтожил командующего Крымскими партизанами Мокроусова, и перешел к нам. И его ждет «Золотой рыцарский крест», собственная фабрика или завод на Украине, поместье в Померании и чин оберштурмбанфюрера СС...

Пасковья Иосифовна, молча, сидела на стуле, обнимая своих детей.

– Вот, перепишите, – сказал Цапп, доставая из ящика стола заранее заготовленный текст письма.

– Я не стану предательницей, и мои дети не будут детьми предателей! – Прасковья Иосифовна скомкала поданную бумажку и бросила ему в лицо.

Цапп рассвирепел и закричал:

– Увести ее прочь! Проучить эту большевистскую учительницу! Она еще заговорит! Она еще будет молить о пощаде!

Бесконечно долгим пыткам подвергли гитлеровские изуверы Прасковью Иосифовну, но сломить не смогли.

Ни слова не сказала она потерявшим человеческий облик палачам. В ее присутствии пытали детей: шестилетнего Витю и двухлетнюю Свету. Пытали их долго и изощренно. На ее глазах они погибли в фашистском застенке.

И Соня присутствовала на допросах членов семьи Лихомановых. И не только их, но в эти дни пытали и советского офицера Денисова, и учительницу Климову. Со слезами на глазах она сообщила партизанам о героизме этих замученных советских людей, о необыкновенной их твердости духа, и непоколебимой уверенности в правоте своих убеждений. Долгое время подвиг этих советских людей горел в сердцах партизан, призывая их к мщению и непримиримой борьбе с фашистскими захватчиками.

А Павел Лихоманов, которого пытался завлечь в свои сети обер-палач Цапп, летом 1942 года попал все-таки в засаду фашистских карателей и принял неравный бой. Он уничтожил девять карателей и четырех эсесовцев, был тяжело ранен, захвачен немцами, и по дороге в жандармерию убит.

ГЛАВА 30

8 мая 11-я немецкая армия перешла в наступление на Керченском полуострове. 16 мая фашисты захватили Керчь, а к концу мая уже перебрасывали войска из-под Керчи в Севастополь. Неумелые действия командования Крымским фронтом привели к большим потерям советских войск.

В результате потери Керченского полуострова Красной Армией обстановка в Севастополе чрезвычайно осложнилась. 7 июня 1942 года после длительной артиллерийской подготовки фашисты начали штурм Севастополя. Силы егозащитников быстро иссякали в неравной борьбе. Действия крымских партизан не могли связать сколько-нибудь значительно контингенты гитлеровских войск и этим помочь Севастополю. 3 июля, после 250 дней обороны, оставшиеся реэвакуированными, защитники Севастополя прекратили сопротивление.

Многие из них погибли, другая часть была взята в плен, а часть пробилась в горы и присоединилась к партизанам. Но и 11-я армия фельдмаршала фон Манштейна была сильно обескровлена. В течение июля 1942 года шло переформирование этой армии и всех ее подразделений, и перевод части их на Кавказ, а другой части – под Ленинград.

Крым остался в глубоком тылу противника, и единственной военной силой и морально-политической опорой местного населения, организаторами его борьбы, были теперь партизаны и подпольщики. Крымский обком партии и штаб партизанского движения в Крыму в августе-сентябре 1942 года направили из партизанских отрядов в города и села Крыма около 400 коммунистов и комсомольцев – организаторов подпольной борьбы. А в октябре 1942 года был создан областной подпольный комитет. Перед ним была поставлена задача: руководить подпольем и партизанскими отрядами, координировать их деятельность и организовывать, и направлять борьбу

населения против оккупантов. Была определена структура подпольных организаций. В городах и районах работали районноуполномоченные обкома партии. Программа их деятельности – создание на местах группы советских патриотов партизанских групп, агитация за срыв мероприятий противника и уничтожение вражеской литературы, разведывательная работа, и – особая задача – изучение кадров противника из административно-управленческого и полицейского аппарата и их актива. Для организации выполнения этих решений областного подпольного комитета в города и районы были направлены связные.

Айнзатцгруппа «Д» так же готовилась к выезду, сначала – в Тамань, а оттуда – дальше, по мере продвижения немецких войск. Кристман предложил Соне ехать вместе с его группой на Кубань и Кавказ, но она отказалась. Так что, в двадцатых числах июля Соня освободилась от работы переводчицей в группе Кристмана. А на предложение Пауля Матова перейти на службу к нему в полевую жандармерию Соня ответа еще не дала, объяснив это плохим состоянием здоровья бабушки. На самом деле, она хотела встретиться с Сибирским и посоветоваться с ним. Кроме того, теперь у Сони осложнилось положение с квартирой. Ее двоюродная тетюшка – Шеретова Василиса Иосифовна решила, что ей будет лучше, если она переедет к сестре в деревню – там хоть не умрешь от голода, и немцы будут меньше беспокоить. В городе же оставаться она боялась, так как немцы приказали регистрироваться всем трудоспособным жителям на бирже труда, и стали принудительно направлять их на разные тяжелые работы, причем даже и вне Карасубазара.

После прошлой встречи с Александром Ивановичем Алешиным, Соня домой к ним всё не приходила. И теперь перед выездом в Кабурчак, решила всё же навеститься. Лидия Федоровна и Игорь приняли ее очень радушно. Да и для Сони эти люди были, как вторая семья. Если жизнь с отцом и мачехой у

нее не удалась, то в семье Алешиных она всегда встречала радующие, чуткое, прямо-таки родственное отношение к ней, и отвечала им с той же теплотой. Кроме того, с Игорем, еще когда жили в Кабурчаке, у нее установились дружественные, братские отношения. Соня испытывала к нему, к его физическому уродству, большое сочувствие и жалость. Она видела, как он страдает от своей физической немощи, старалась ему чем-то помочь, и, по возможности, отвлечь его от постоянных переживаний.

При встрече в этот приход к Алешиным, Соня им сообщила, что ее приглашают работать в комендатуре полевой полиции СД, но она подумывает над тем, может быть, все-таки лучше завербоваться и добровольно поехать в Германию. В связи с переездом тети Василисы в деревню, Соня теперь лишилась квартиры в Карасубазаре и искала выход, как жить дальше. А упоминая о вербовке в Германию, Соня проверяла возможность её проживания у Алешиных. В ответ на это Игорь и Лидия Федоровна стали отговаривать Соню от опрометчивого шага. Видя их отрицательное отношение к вербовке, Соня решила сказать напрямую:

– Но поступить в фельдкомендатуру СД я не могу, так как у меня нет квартиры в Карасубазаре.

– Не надо тебе искать квартиру, Соня. Живи у нас. Мы с Александром Ивановичем будем находиться в большой комнате, а вы с Игорем здесь, – Лидия Федоровна обвела рукой комнату, в которой они сидели. – Здесь мы тебе поставим кровать, а Игрик будет спать там – возле окошка.

Про себя она решила: «Муж не будет возражать, что Соня, вынужденная служить у немцев, будет квартировать в их доме. В других домах квартируют вообще оккупанты. От Сони какая-то будет помощь и защита».

– Хорошо, я согласна. Спасибо, – сказала Соня. – Но сначала я побуду немного у бабушки, а десятого августа привезу свои вещи к вам, если вы не возражаете.

– Конечно, привози, – обрадовалась Лидия Федоровна.

Соня вышла из дома Алешиных в два часа дня. Солнце палило невероятно – конец июля – самая жаркая пора года. Проходя по улице, в одном из дворов со свернутой набок калиткой, она заметила водоразборную колонку. Из неплотно закрытого крана тонкой струйкой лилась на камни вода. Соне страшно захотелось пить. Она решительно вошла во двор, огляделась – во дворе никого не было – нагнулась к крану и жадно напилась от брызжущей струи. Вода лилась по щекам и по шее, приятно освежая прохладой разгоряченную кожу. Соня вытерла платочком губы и лицо, и только направилась выйти со двора, как услышала, что ее кто-то позвал:

– Соня!

Она обернулась в сторону голоса с открытой веранды дома. Там в тени сидел мужчина, в летнем сером парусиновом костюме с повязанной белым носовым платком головой, и обмахивался от жары большим листом лопуха.

Это был Сибирский. Он сидел под навесом на венском стуле так, что с улицы его не было видно, и отдыхал, вытянув ноги. Он устал с дороги, – пот катился крупными каплями по лбу и щекам, каплями висел на бровях и усах.

– Заходи сюда! – Сибирский указал на закуток справа от себя. – Вот такие хозяева, – проворчал он, – не могут калитку поправить! Хотя, если бы калитка была закрыта, ты, пожалуй, не вошла бы сюда напиться воды. А ты мне вот как нужна! – он провел рукой по горлу. – На ловца – и зверь бежит.

– Здравствуйте, Иван Федосеевич, – вошла к нему на веранду Соня. – И вы мне очень сейчас нужны.

– Что, не работаешь уже? – спросил Сибирский. – Уехали твои хозяева?

– Третьего дня уехали, – ответила Соня. – А я сегодня собираюсь уезжать в Кабурчак. Матов приглашает к себе работать переводчицей, но я хочу немного побыть с бабушкой. А потом, мне хотелось увидеть вас, посоветоваться...

– Вот и я хотел тебя повидать, Сонечка! Сейчас нам, как никогда, нужна будет твоя помощь и информация. Теперь только партизаны представляют советскую власть в Крыму. Но они голодают, у них мало оружия и боеприпасов. Во всех селах, примыкающих к лесу, расположены румынские и немецкие каратели. А на фронтах неудачи. Немцы наступают на Волгу и Кавказ... Понятно тебе, доченька, как тяжело нашей стране? А сколько татар изменников нам мешают. Зря думают, что Крым опять станет татарским. Немцы не дадут. А для нас Крым – это военно-исторические, а не национальные интересы России. Поэтому мы должны победить.

– А я, Иван Федосеевич, никогда не сомневалась, и не сомневаюсь, что мы победим, – тихо сказала Соня. – Не могут эти звери победить! Ох, если бы мне дали автомат, с каким бы я удовольствием их уничтожала! Поверьте мне, дядюшка, как я их ненавижу, и я должна оказывать им уважение, принимать их ухаживания, этих сверхчеловеков, для которых – высшая похвала – это то, что я похожа на немку, или, что я говорю, как настоящая немка. В школе нас учили интернационализму, – мы знали только, что все народы равны. А у этих – Германия, прежде всего! Остальные народы – навоз! Навоз, дерьмо!» Ох, дядюшка, я их ненавижу так, что боюсь сорваться и не выдержать своей роли.

– Терпи, терпи, моя девочка! Наш долг помогать нашей стране, особенно сейчас – в трудную пору. Я убеждён, что самое трудное время для нас и нашей Родины это – лето. Выдержим сейчас, потом, с морозами, для нас будет легче. Недалеко время, когда от немецких орлов полетят только перья! – сказал Сибирский, и отшвырнул на землю со злостью большой лист лопуха, которым отмахивался от духоты. – Что еще у тебя, доченька?

– Боюсь я, дядюшка, шефа фельдкомендатуры Матова. Уж очень он на меня жадными глазами смотрит... – Соня опустила голову. Ей было стыдно говорить о своих сомнениях такому пожилому человеку, как Сибирский. Но что же делать?

– Понимаю тебя, дочка. Но ты уж держи себя... в пределах, не опускайся, как те немецкие овчарки, легкомысленные барышни... Эх, до чего народ довели, сволочи! В церкви наши девки молятся за победу немцев и румын, – вздохнул Сибирский.

– Так они же с румынами спутались и нажили с ними детей, – с сожалением сказала Соня. – Не все такие. Я до этой гадости никогда не унижусь. Уж лучше – смерть.

– Жить-то где будешь, Сонечка? – изменил тему разговора Сибирский.

– У Алешиных. У тех, кто в Кабурчаке жили.

– Знаю, Соня, знаю! – кивнул Сибирский... И после паузы, склонился к ней и тихо сказал: – Предупреждаю – сам Алешин тоже работает на нас. Но ты знаешь только меня, Сизаса и Давыдкина. Это запомни! Александру Ивановичу можешь помогать, но так, чтобы он не думал, что ты работаешь вместе с ним. В случае завала или еще чего – ты ничего не знаешь. Ты – сама по себе!.. О том, что к нему ходит связник, я знаю, а ты вида не подавай. Так будет безопаснее. Поняла!

– Поняла, Иван Федосеевич, – посерьезнела Соня.

– Ну, теперь пора расходиться, – сказал Сибирский. – И об этом доме – забудь, ты не знаешь этот адрес. Выйдешь на улицу, сразу иди в обратную сторону, а потом сворачивай к своей тетушке.

– Ой, мне надо торопиться, – спохватилась Соня. – Она сегодня уезжает. Меня, наверное, заждалась.

– Оглядывайся, чтобы никто за тобой не шел. Еще напейся из колонки, вроде, пить захотела, – продолжал напутствовать Сибирский, придерживая ее за руку. – А писулечки свои оставляй на прежнем месте. И знаки вызова у нас с тобой

– те же. Ну, прощай, милая! До встречи! Не знаю теперь, когда увидимся...

– До свидания, дядюшка!

Соня наскоро попила воды из колонки и вышла спокойно со двора.

Вскоре она пришла в дом Шеретовой.

– Сонечка! Хорошо, что ты пришла, – всплеснула руками Василиса Иосифовна, – а я сижу уже во дворе на узлах и волнуюсь, боюсь, что ты можешь опоздать. А подводчик приедет, не захочет ждать. Что тогда делать?

После переговоров с Сибирским и с Алешиными, Соня решительно пошла в фельдкомендатуру Карасубазара, и ответила Матову, что согласна работать в полевой жандармерии. Только попросила отсрочить ее выход на работу до 10 августа. Ей нужно помочь бабушке в кое каких делах по дому. Бабушка очень старая, ей уже более восьмидесяти лет – и тяжелые домашние работы ей не под силу. Матов любезно согласился и пообещал Соне, что, когда она будет работать в фельдкомендатуре, он почти каждую субботу сможет отправлять ее на машине к бабушке. Соня поблагодарила Матова, но поняла, что его любезность может ей дорого стоить.

Через несколько дней Соня привезла из Кабурчака свои самые необходимые вещи к Алешиным. У них она чувствовала себя, как дома. Нет, пожалуй, лучше, чем дома. Лидия Федоровна была очень внимательна к ней. Гораздо более внимательнее, чем мачеха – Дора Константиновна, женщина скупая и эгоистичная, занятая только своей персоной. Лидия Федоровна была рада еще и потому, что рядом с сыном теперь будет ласковая, умная, душевная девушка, которую в их семье хорошо узнали еще два года тому назад, когда жили в Кабурчаке. А что Соня будет служить немцам, так и Александр Иванович не по своей воле служит оккупантам, работая инженером на электростанции. Хочешь жить – умей вертеться.

Игорь в душе корил себя за то, что Соня поступила в фельдкомендатуру СД переводчицей по его совету. Он и впоследствии будет себя в этом осуждать. Хотя вины его в поступке Сони нет. Он не знал, что таково было задание партизанской разведки.

Глава 31

ДНЕВНИК ИГОРЯ

Что собой представляет Игорь Алешин (Игрек)?

Он очень важен в истории жизни Сони. Лучше, чем дневник, о человеке никто не расскажет. А о таком человеке, как Игорь, – тем более.

Мысль о том, чтобы вести свой дневник, появилась у Игоря давно. Это его оружие и оправдание существования в жизни. С началом войны и приходом в Крым немецких оккупантов та мысль получила воплощение. Дневник для него служил как отдушина для выдоха накопившихся мыслей и эмоций. И вот некоторые страницы этого дневника.

1 августа 1942 года

ПОКОРНОСТЬ СУДЬБЕ?

Сначала я хотел записывать в дневник лишь все, не касающееся меня, но затем убедился, что не могу избежать и личного. А что я буду записывать о себе?.. Только к сегодняшнему дню я сформулировал те причины, побудившие меня взяться за перо.

Во-первых, вокруг меня происходят события, о которых хочется достойно поболтать, и что-то честно обсудить, – а это можно доверить только дневнику.

Во-вторых, с началом войны я остался совершенно без книг, и чувствую, что глупею – а необходимо, чтобы мозг имел пищу, хотя бы упражнялся в логическом изложении, а не только в разрывах снарядов.

В-третьих, все-таки я – человек, и, чтобы понять себя, я должен вести дневник наблюдений до последнего времени (а это не так уж далеко).

Вот и останется рассказ о человеке, который был необычным.

2 августа 1942 года

Я – ПАРАДОКС

Я родился, как рождаются все люди, то есть, не сознавая этого и не разделяя радости и гордости своих творцов. Смею заметить, хотя я не помню, первое время я только и занимался тем, что просил есть и пачкал пеленки. Затем прибавилась обязанность узнавать родителей. Вскоре счет моим первым делам потерялся, и меня можно было уравнивать с моими сверстниками. Но это не удалось.

Я заболел на втором году жизни, час за часом теряя способность управлять своими членами, постепенно изуродованными болезнью до безобразия и бессилия. Но я полностью сохранял свои духовные ценности. Убежден, что этим самым подошел бы Льву Толстому в качестве примера для подтверждения одного его философского высказывания о том, что: «если человек теряет что-либо от себя с физической стороны, то он при этом теряет и часть своей души».

Неужели? А как же я?

Если так судить, то получается, что я, совершенно уничтоженный физически, должен был бы иметь ущербную душу. Или моя душа еле-еле держится в теле?

Между прочим, один врач, узнав заочно о моем физическом состоянии, так и подумал обо мне! Значит, высказывание Толстого подтверждает и медицина. И остается после этого только признать, что я – парадокс. Я – неподвижный урод, в полном смысле этого слова, но у меня есть душа, переполненная многими прекрасными и ценными качествами. А многое мне и не нужно, лишь понапрасну тревожит меня. Какие это качества?

Я – не глуп (это доказывает хотя бы то, что я – хороший шахматист и был даже известным шахматным композитором в Крыму). У меня тонкие чувства восприятия: музыки, художественной литературы, живописи. Я – добр и внимателен к людям, никогда не требую вознаграждений за добрые одолжения и извинения за нанесенные мне обиды. Я – не жесток, честен (даже если лгу по необходимости – очень из-за этого страдаю), прям и откровенен. Я – любвеобилен (эти доказательства приведу позже), отзывчив и участлив. Наконец, я – не эгоист, как многие больные, и потому не требователен. Все-таки я расхвастался, но этим я хотел показать, насколько верно я себя представляю. Даже то, что я возражаю Толстому, – есть мой первый *Widerstand* – сопротивление. Вся моя жизнь и есть непрерывный *Widerstand*, ибо я не согласен с положением, в которое меня поставила судьба. (Кстати, что это за несуществующее чудовище? Покажите его мне!). В общем, я не согласен с окружающей меня жизнью, и буду всегда давать отпор. Однако для успешной борьбы у меня нет ни сил, ни средств. Просто я могу лишь оказывать сопротивление превратностям судьбы. И после слова *Resignation* (отставка) я поставил вопросительный знак. Это слово по-русски означает покорность судьбе, отречение. А я, отнюдь, не покорён судьбой. Я хочу жить. Всегда, пользуясь исключением из Толстовского

правила, стараюсь доказать, что я – не лишний человек в жизни. Мне удалось это сделать раньше, но сейчас, при развитии болезни, это сделать почти невозможно, а в будущем – пока ничего не вижу за нагромождением обломков и развалин, которые наворотила Война – эта неумолимая и жестокая экзаменаторша Жизни.

7 августа 1942 года

ИСПОЛНИВШАЯСЯ МЕЧТА

В свой дневник сегодня я записываю довольно приятное событие. Вчера к нам приходила Соня из Кабурчака. Она будет работать в немецкой полиции (фельдкомендатуре СД) переводчицей. Разговаривая раньше с ней, мы убедили ее взяться за это дело и обещали ей помочь. Я особенно горячо ее уговаривал. Ведь она уже раньше подчинилась воле оккупантов служить переводчицей. Хотя бы за кусок хлеба для себя и своей больной бабушки в голодное военное время. Ко всему, я боялся, что ее отправят в Германию, как отправляют многих девушек, потому что уверен, что там не такой «рай», как говорят здесь немцы. Я всегда желал ей добра. Теперь мы ее уговорили жить у нас, чему я очень рад. К нам она переедет числа 10 августа.

Она почувствует у нас хоть какую-то защиту в ее брошенной судьбе. Теперь и мне есть с кем поделиться. Она первая девушка, которая смотрит на меня, как на равноправного человека, и не гнушается быть для меня другом, в полном смысле слова. Рядом с ней, под ее ласковым и теплым взглядом я отвлекаюсь от своих невзгод и начинаю дорожить жизнью. Ей могу я рассказать все, ибо ее натура располагает к откровенности.

Почему-то среди юношей я не могу найти такого хорошего друга, как она. Интересно все-таки, почему она подружилась со мной до войны? Может быть, она что-то во мне ценит? Или ей просто жалко меня? Не знаю! Я научился разгадывать быстро, в ком я вызываю жалость. А она участливо помогает мне бороться со своим недугом. Я знаком с ней с июля 1940 года. В письмах мы были с ней довольно откровенны. Теперь наша дружба должна стать постоянной. Между прочим, первый раз в жизни исполняется мое желание. Часто думая о Соне, я почему-то пришел к выводу, что нам неплохо было бы жить в одном доме. Как должна была исполниться эта мечта, я не представлял, а теперь все это вышло так вдруг, и просто.

На радостях я подарил ей на новоселье у нас свою новую акварель «Начало весны».

12 августа 1942 года

ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ПОЭМА

Вчера мы всей семьей (и Соня) были на «балу». Так принято с чьей-то легкой руки называть вечера с танцами.

Поразительно, что в бедствиях оккупации можно закатывать балы. Но жизнь, кого не убили, продолжается, хочешь ты этого или нет.

Вечер этот был у Ани – дочери соседей по нашей улице, по случаю ее 18-летия. Еще утром я отправил ей в подарок вазу плодов из нашего сада и сделанную вручную книжечку написанной мной поэмы «Сказание о трех розах».

Говорят, поэма была немедленно прочитана и умилила многих, приглашенных на бал. Это хорошо! Теперь, я надеюсь, что Аня мне простит посланную ей раньше другую мою поучительную поэму, из-за которой она не разговаривала со мной три месяца.

Было много цветов, было и вино. Цветы-то сами на дворе растут, а вот вино достать почти невозможно.

Танцевали в комнате румынских офицеров, вселенных на квартиру родителей Ани. Приглашенные барышни были разряжены в пух и прах, в противоположность бедно одетой Ане. Они без стеснений плясали с офицерами, за плечами которых числится не одна кутежная и развратная ночь. Шокировало меня весь вечер фамильярно-вульгарное отношение богача Буби к знакомой нам девушке Вере. Злые языки намекают на их близость. По поведению, на них похоже! Как совести хватает гулять с врагом? Можно перевернуть пословицу: от ненависти до любви один шаг.

Соня сидела робко и больше была возле меня.

После того, как Аня сообщила подругам, что Соня – переводчица полевой канцелярии, все гости стали смотреть на нее с любопытством и страхом. Как Соня такое выдерживает, не знаю.

К концу вечера танцы прервались, так как румын Ионеску включил приемник, чтобы узнать о положении на фронтах. Я попросил его перевести известия на русский язык. Оказывается, на Кавказе немцы заняли Краснодар, Пятигорск и Майкоп. Бои идут при 50-градусной жаре. Завоеватели (у меня не поднимается рука написать «освободители», как они себя называют) сражаются в одних трусах.

Крупное наступление ведется под Сталинградом.

Сегодня мне сообщили, что немцами под Сталинградом якобы командует Гитлер, в немцы считают, что город защищает Сталин. Забавно, но думаю, что это очередная выдумка немцев! По тону информации чувствуется, что в этом году немецкое наступление ведется с большим напряжением и не на всех участках...

Я покинул «бал» в 12 часов ночи.

Все думал, поняла ли Аня мою поэму? Я написал ее опять на нравоучительную тему о выборе спутника жизни. Это

весьма кстати, так как родители ее уже подумывают о том, чтобы выдать Аню замуж. Интересно, какой из трех роз Аня захочет быть? Первую и вторую я порицаю, а третью поставил в пример. Какой – красной, белой или желтой?

14 августа 1942 года

ИСПОВЕДЬ

Познакомил я как-то Лёку, семнадцатилетнего сына соседа-врача, со своей подругой. Я ее настолько ценю, что мне хочется, чтобы и другие видели ее ценные качества и имели о ней доброе мнение.

К несчастью, я – глуп. Никто не сделал бы этого, по крайней мере, после первой встречи.

Лёка в последнее время редко приходит к нам. Он поступил в МТС работать учащимся токаря. Начал курить, и вообще «повзрослел».

В разговоре со мной Соня задала мне каверзный вопрос: в кого я влюблен. Чтобы выиграть время, я обещал рассказать ей это, но не сегодня. А ответить я пытался словом «нет». Однако мне она не поверила и сказала, что я не могу любить.

– Как у тебя дела с Мишей? – спросил я ее, хотя уже знал об их ссоре от самого Миши.

На этот вопрос она ответила целой исповедью. Как много наболело у нее на душе! Впрочем, то, что она рассказала мне, было для меня не новостью. Миша постарался раньше мне все рассказать об этом в черных красках. Это вполне понятно. Его заедала горечь отвергнутого человека, и потому я отказался ему верить. Уж слишком не вяжутся его объяснения с моим личным мнением о Соне.

– Как тяжело мне выслушивать его неправду! – закончила она.

– Верю, сочувствую. Но поскольку все это неправда, советую не обращать внимания. Я никогда не поверю этим дурным сплетням против тебя.

15 августа 1942 года

НЕПОНЯТНЫЙ ПРИКАЗ

Миша приехал рано, когда я еще был в постели. Соня встретила его дружески. Он собирался отдать заявление в полковую жандармерию с просьбой, чтобы у него не отбирали велосипед. Его велосипед мы первый раз отстояли, причем староста села был оштрафован на 50 рублей. Конечно, староста обозлился. Теперь у него на Мишу – огромный зуб.

День мы провели в беседах. Миша просил у меня узнать у Сони мнение о нем. Я обещал, хотя мог бы сказать это и сразу. Но не нужно.

Миша похвалил мою акварель «Начало весны», копию которой я выполнил в большом размере. Забавно отозвался об этой акварели сынишка печника, который перекладывал нам печку.

– Папа, – воскликнул он, – посмотри, как красиво! Такую картину никогда нельзя нарисовать!

К вечеру Миша с Соней отправились в Кабурчак (воскресения Соня проводит у бабушки). Соня повезла старосте приказ – обязать Мишу под расписку явиться в фельдкомендатуру.

18 августа 1942 года

«СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ»

Это солнечное утро было испорчено плохой новостью. Соседка Анастасия Кирилловна сообщила, что вчера здесь полевой жандармерией был арестован ее муж, бывший директор Кабурчакской семилетки. Это отец нашего приятеля Миши. Вероятная причина – месть старосты. Но обвинение серьезное. Муж просил собрать подписи селян, подтверждающих его невиновность в том, что у него при обыске было найдено несколько книг В.И. Ленина. Но через несколько дней немцы отца Миши расстреляли.

А днем случилось другое событие, которому трудно поверить, настолько оно дико и смешно. К соседям нечаянно забрел молодой немецкий солдат. Увидев Аню, он с первого взгляда пленился ею (есть чем!) и предложил ей стать его невестой. 14 сентября он поедет в отпуск в Вену и возьмет ее с собой. Немец не говорит по-русски, и удивительно, как он мог убедить родителей Ани в своих намерениях.

По его словам, у его родителей большой собственный дом в центре Вены. Аня с ним не будет знать нужды. В доказательство серьезности предложения, он тут же написал письмо матери с просьбой прислать платье и туфли для Ани.

Влюбленный солдат ушел на службу и обещал придти вечером.

Неужели это серьезно?

Видимо, да, потому что вечером Соню позвали переводить предложение немца. Он стоял, облокотившись на стул, с серьезным выражением на лице. Правда, одет был крайне неряшливо: замусоленный свитер и такие же грязные форменные брюки.

При Соне немец сначала рассказал о себе. Он богат. В Вене у него своя кондитерская, богатый дом, несколько автомобилей. Аня будет счастлива, уверял он, и все ее желания будут исполняться еще в кровати.

Все присутствующие при сватовстве были ошеломлены.

Мать Ани сидела с растянутым до ушей ртом.

Жених, хоть не постарался для сватовства получше одеться, поставил условие, чтобы невеста была чиста и невинна.

– Ну, понятно, об этом и говорить не стоит. Она невинна, – поклялся отец.

– А ты почему так уверен? – возразила Аня.

И согласие пока не было дано. Жених ушел, оскорбленный тем, что русская девка, почти нищая, позволяет себе колебаться, когда счастье с богатым молодым немцем так очевидно.

ГЛАВА 32

Стоит дать несколько уточнений к дневниковым записям Игоря о «бале».

К роману соседки Ани с румынским офицером Соня отнеслась иронически, не придавая ему особого значения – слишком много у нее других забот. А Игорь был возмущен этим происшествием до глубины своей непорочной души.

На квартире родителей Ани поселили 30-летнего румынского капитана. Он был красивый, щедрый, хорошо говорил по-русски. С первых дней на новой квартире он стал одаривать Аню и ее родителей вниманием и подарками. Часто приносил малодоступное в войну вино, до которого был весьма охоч отец Ани.

Во время одного семейного торжества все перепились, в особенности, родитель Ани. Во время сильного подпития он любил произносить, на свой лад, поговорку: «По нраву – и обычаи». Для него это означало, что он достиг высшего предела подпития, он пьян до чертиков.

После того, как родитель Ани напился, он учинил грандиозный скандал. Он кричал на румына, грозился набить ему морду, называл его румынской свиньей. Офицер хотел тут же съехать с квартиры. Но Аня закатила истерику и заявила матери, что если капитан уйдет, то и она последует за ним. Мать стала просить капитана, чтобы он остался. Он согласился остаться, и увел от гостей мать и дочь в свою комнату, а попойка продолжалась. Вскоре из комнаты офицера вышла довольная мать, а позже того, как гости разошлись по домам, мама, дочь и офицер перетащили к нему в комнату родительскую двухкомнатную кровать.

Офицер заявил матери:

– Все равно Аня будет моей женой! Куда бы я ни поехал, она всегда будет со мной!

Спать молодые легли вместе. А утром у протрезвевшего отца было много времени для размышлений...

Аня перешла жить в комнату к «мужу».

Узнав об этом спектакле, Игорь говорил матери и Соне:

– О, боже! Подумали бы, что это аморальный пример для младшей сестры и других девушек, да, и вообще, как это низко, дешево и пошло! Не могу понять, кто из них глупее – Аня или ее родители? А я еще всегда старался оказать ей внимание, сочинял в ее честь поэму – «Три розы». Не подействовала на нее мораль этой поэмы!

Аня чувствовала осуждение своего поведения, и старалась не показываться на глаза соседям и знакомым. Многие подружки Ани отвернулись от нее.

Игорь даже хотел написать ей письмо, с возмущением и презрением, но раздумал, сказав Соне:

– Как я могу, Гутя, ей писать? Во-первых, это не поможет; а во-вторых, вряд ли поймет смысл письма этот бесстыдный пенек. Животное чувство – это ей понятнее, и она устыдилась бы, может быть, если бы я ее обругал грубыми, площадными словами. Но я не дойду до этого!

А через несколько дней румынский капитан – «муж» Ани – заходил к Алешиным, и поносил Аню самыми последними словами, ссылаясь на то, что он якобы застал ее с другим румынским офицером...

В общем, капитан «съехал» из квартиры...

* * *

В Карасубазарскую фельдкомендатуру СД пришли жены арестованных Кабурчакских крестьян: четверых Беделевых – Петра Ивановича – бывшего председателя сельсовета, Кирилла Ивановича – бригадира колхоза, Василия Ивановича – то же бригадира, да еще вступившего одним из первых в колхоз, Федора Ивановича – члена правления колхоза, Янкова Федора Ивановича – заведующего складом колхоза, Фармакидова Ефима Георгиевича – активиста колхоза и Дилижанова Петра Петровича – председателя сельсовета. Немцы таких арестованных называли одним словом – «активисты».

Первой, кого увидела в полиции жена Петра Беделева – Нюша, была Загоркова.

Соня в то время проходила по коридору из канцелярии в кабинет Вольтата мимо стоявших женщин.

Нюша хорошо знала Соню по Кабурчаку, знала ее бабушку, и, хотя осуждала Соню за службу у немцев, все-таки решила попросить ее содействия о разрешении свидания жен и матерей с заключенными.

Соня вся вспыхнула, но пообещала помочь Нюше и вошла в кабинет к Вольтату.

Она сделала книксен начальнику и сказала:

– В коридоре стоят женщины – жены арестованных крестьян из Кабурчака.

– И что? – небрежно буркну Вольтат.

– Они просят свидания с мужьями, – выдавила из себя Соня.

– Доннерветтер! (гром и молния), – закричал Вольтат. – Нужно прогнать этих свиней! Их мужья – большевистские выродки, и подлежат уничтожению.

Вольтатт недовольно поднялся с кресла, прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Ему не хотелось связываться с лишними заботами. Он должен был на днях сдать дела Матову и уехать в Германию.

– Пойдите к ним, фрейлейн Сонья, я буду с ними разговаривать.

Соня быстро оставила кабинет.

Выйдя в коридор, Вольтат оглядел стоявших женщин, одетых во все черное и покрытых черными платками.

– Переведите им, что я готов их выслушать, – начал Вольтат.

Когда Соня перевела его слова, Нюша выступила несколько вперед и спросила:

– Зачем арестовали наших мужей? Они обыкновенные крестьяне, и делали то, что делали все на селе. Если моего мужа выбрали в сельсовет, то он и должен был там работать, как любой исполнительный человек.

Соня перевела, а Вольтат, смерив Нюшу с головы до ног, как бы взвешивая, стоит ли таких женщин арестовывать и присоединять к мужьям, сказал:

– Мы пришли сюда, чтобы установить у вас порядок, и вырвать с корнем коммунизм. Ваших мужей мы не знали. У вас в селе есть новая администрация. Староста сказал, что ваши мужчины – большевики. А большевики подлежат уничтоже-

нию. Если ваш староста – господин Тривев, напишет мне бумагу, что среди арестованных нет большевиков, я невиновных отпущу. Поняли? Соня, переведите!

Женщины, молча, выслушали Вольтата и Соню, и, понурив головы, продолжали стоять. Кто-то из женщин позади всхлипнул. Беделева – мать отвернулась и тихо сказала по-болгарски:

– Прекратите, женщины, не видите, что перед нами зверь...

Вольтат услышал, что старая женщина что-то сказала, и с подозрением потребовал перевода. Соня, на свой риск, перевела по-своему:

– Она сказала, господин Вольтат, что нужно идти просить старосту, подтвердить, что мужа – не коммунисты.

Вольтат усмехнулся:

– Эти женщины понятливее, чем их мужчины. К старосте ходить не надо. Я и сам знаю, что арестованные – не коммунисты. Они – актив ... как это называют... активисты! Скажите им, что свидания с мужьями не разрешается, а передачи им они могут оставить здесь.

Он повернулся к женщинам спиной и пошел в свой кабинет.

Соня передала женщинам распоряжение начальника фельджандармерии и тихо пообещала узнать о судьбе заключенных.

Вечером, когда Соня шла из комендатуры домой, ее за углом, возле греческой церкви перехватила Нюша Беделева.

– Узнала, что ожидает наших мужей? Что говорят в канцелярии?

– Тетя Нюша, плохое известие, очень плохое. Не знаю даже, как сказать, – остановилась на миг Соня.

– Говори, говори, Соня, мы знаем, что хорошим не кончится. В Кабурчаке три дня назад убили немецкого солдата. И кто его убил – не нашли. И немцы приказ везде повесили, что

за каждого немецкого солдата десять наших расстреляют. Так что, говори, доченька, не тяни, – разревелась Нюша.

Соня тоже заплакала и платочком вытирала бегущие ручьями слезы. Но опасно было стоять, и она стала двигаться домой. По дороге, всхлипывая, рассказала:

– Расстреляют их, тетя Нюша. В списке нет только Янкова, но добавлен Бедризов – сын доктора из Карасубазара, задержанный у вас в Кабурчаке. Его подозревают в убийстве немецкого солдата. Расстреливать будут у танкового рва, завтра после семи часов вечера... Я побежала, – заторопилась она домой, увидев, как сникла оставленная тетя Нюша. Конечно, ждать пощады от немцев нельзя, но такого быстрого решения она, видимо, не ожидала.

* * *

Вечером следующего дня кабурчацкие женщины прятались на пригорке, за углом городской электростанции. Они видели, как полицаи привели семь человек. В сумерках, в метрах пятидесяти от них, женам трудно было узнать в этих измученных и избитых людях, с небритыми обросшими лицами, своих близких.

Вот Петр Беделев пожал руки братьям и хотел их обнять, но его ударили прикладом в спину, и он чуть не упал.

А Фармакидов увидел стоявшую на пригорке жену и махнул ей на прощание рукой. Видно, он сказал приговоренным к смерти, что их жены стоят на пригорке, потому что женщины увидели, как другие мужчины стали вертеть головами и стараться опознать среди кучки женщин – своих жен.

Однако когда арестованных выстроили на краю рва лицом к женщинам, жены узнали своих и разглядели каждого.

Полицаи торопились. Они быстро надевали приговоренным к расстрелу на голову мешки и выстраивали их по краю рва.

Десять полицаев выстроились шагах в двадцати от крестьян, и по взмаху руки полицейского офицера раздался треск автоматов, донесшийся до женщин, как звук разрываемого полотна...

Пятеро расстрелянных упали, как подкошенные. А Кирилл Беделев и Петр Дилижанов еще стояли некоторое время, и упали лишь после того, как один из полицаев подошел к ним и дважды выпустил в каждого из них короткую очередь из автомата...

* * *

Гибель односельчан очень подействовала на Сою. Она несколько дней не могла оправиться от потрясения. Встретившись с Сибирским, она опять долго его упрашивала разрешить ей покинуть опостылевшую службу у немцев и уйти в лес.

Ивану Федосеевичу стоило большого труда убедить Сою взять себя в руки и продолжать работу в жандармерии.

Соня говорила ему, что она не может вести себя в жандармерии, как преданная немцам служащая, на самом деле ненавидя их до глубины души.

– Если бы вы знали, как я их ненавижу, вы бы испугались, что я могу нечаянно завалить все наше дело, – тревожилась она. – А ведь я должна улыбаться, шутить, принимать ухаживания немцев и румын. Даже дома мои друзья и родственники, я чувствую, презирают меня. Подумайте, моя бабушка, и та стыдится своих односельчан, что я работаю у немцев.

Тогда Сибирский решил укрепить ее волю ненавистью к Маннергейму.

– Слышала, Сонечка о неприступной линии Маннергейма в финскую вону? – спросил он. – Сколько жертв понадобилось, чтобы прорвать эту неприступную линию.

– Слышала, – насторожилась Соня.

– А барон шведского происхождения Карл Густав Эмиль Маннергейм, оказывается, служил нашему царю в Российской Империи, учился в кавалерийской школе, дослужился до генерал-лейтенанта от кавалерии. А теперь его дивизия оккупировала наш Крым.

– Как же он попал к немцам? – удивилась Соня.

– Этот наш противник, злой гений, – закурил Сибирский, – И твой противник, Соня, тоже. Когда Ленин отделил Финляндию от России, Маннергейм остался в Финляндии. Стал маршалом, Регентом Королевства Финляндии, даже президентом этой страны. Крупнейший специалист по фортификации, он в Финско-русскую войну создал эту неприступную Линию Маннергейма. А когда Гитлер напал на нас, этот барон оккупировал наш Крым. И добивается отдать его немецким бюргерам, а всех нас, крымчан, согнать с этой земли и уничтожить. Ты теперь понимаешь, с кем ты борешься каждый день? И с кем боремся все мы?

Соня стояла, в отчаянии заламывая руки, и слезы текли у нее по щекам. Но больше не просила разрешения уйти в лес к партизанам.

А Иван Федосеевич думал, что нужно организовать встречу Сони с руководителями разведки партизан – Давыдкиным и Сизасом. Он стал беспокоиться, как бы гестаповцы, видя Сонины переживания, не стали ее перепроверять и не установили бы за ней слежку. Он даже решил, что нужно все же за Соней присмотреть со стороны, как бы немцы не сделали из нее шпиона-двойника, чтобы не привело ее поведение к провалу партизанской разведки.

Все тогда были под неусыпным оком НКВД.

Однако ближайшие события показали, что Соня прекрасно играет свою роль, и со стороны даже кажется обыкновенной, немного наивной, легкомысленной барышней. Ближайшее окружение Сони не догадывалось, что она совсем не та наивная, а иногда взбалмошная и кокетливая барышня, какой им казалась.

ГЛАВА 33

Продолжение дневника Игоря Алешина

19 августа 1942 года

НРАВЫ РЫЦАРЕЙ

Я ожидал возвращения Миши из полиции. Передачу приняли, но отца он не видел. Дело осложняется. Лишь к вечеру я узнал от Сони, что у нее вместо фон Вольтата шефом стал фон Матов. И сегодня новый шеф делал в Кабурчаке в доме Мишиного отца большой обыск. Перетрясли все, что было возможно. Шефу понравилась Мишина собака, и он взял ее себе. Среди фотографий Матов обнаружил при обыске Сонину фотокарточку, где она сфотографирована в пионерском галстуке. Пришлось пережить несколько напряженных минут, гадая, что с ней будет. Но реакции не последовало.

Жених-немец опять явился к соседям, и требовал согласия Ани на замужество. Взволнованная и испуганная, тронутая вниманием немца, ее мать прибежала за Алешиним. Папа знает немецкий язык, и пошел переводить сватовство. Немец был красноречив. Все растрогались, и Аня согласилась на за-

мужество!.. А моя поэма оказалась ненужной пачкотней бумаги!.. Немец ушел, осчастливленный. Но... когда пришли подруги, и узнали об этом, Аня устыдилась своего «необдуманного» шага.

К вечеру она сбежала (спряталась) к подругам, и пришедший жених просидел весь вечер, молча, вероятно, досадуя и догадавшись об отказе. Он ушел с плохим мнением о русских девушках, одна из которых пренебрегла его богатством, и не согласилась выйти за него замуж. Ее родители оказались менее патриотичны. Они подталкивали свою дочь выйти замуж за немца. А кто знает, не думал ли этот молодой немец, в лице Ани, приобрести себе не жену, а домашнюю работницу? Я не раз говорил ее родным о подобной возможности. Мне всегда были смешны люди, которые ждали чего-то хорошего от немцев. А они, наверное, думают: «Этот юноша, самоуверенный калека, не воспринимает по-настоящему оккупацию и трагедию войны. Он занят своими примитивными невоенными представлениями о жизни и людях, да еще учит, как им жить»...

11 сентября 1942 года

УБИЙЦА АМУРА

– Я жду, когда же ты мне скажешь, кто похитил твое сердце? – напомнила мне Гутя. Кстати, имя Гутя – от имени Августа. В последнее время я стал придумывать для Сони одно ласковое имя за другим.

– Ну, что ж, я не отказываюсь, но ты будешь разочарована, – ответил я. – И прежде чем ответить на этот вопрос я расскажу кое-что из прошлого.

В 1934 году я жил в Севастополе. Мы поселились в большом доме, где было много семей, и у меня не было недостатка

в товарищах. В короткий срок я завоевал любовь и уважение не только мальчиков, но и девочек. Удивляло меня отношение ко мне этих девочек. Вероятно, они чувствовали мое мягкое внимание к ним и знали, что я для них безобиден, и правильно понимали, что я не способен сделать или сказать им какую-нибудь гадость. Этому способствовало, я уверен, сочувствие их моему состоянию. Девочки всегда мягкосердечнее и участливее мальчиков, и потому, я уже сознавал, какие опасности для моей души таятся в этом, ибо я еще не испытывал бурного бичения сердца при виде девушки. И, кроме того, я тогда был еще не настолько безобразен, чтобы стыдиться быть в их обществе.

Вскоре в нашей компании появились новые товарищи – это были Вова и Нина.

Вова был немного младше меня, чтобы быть мне другом. С Ниной мне долгое время не удавалось хорошо познакомиться – она ни с кем не сближалась первая. Она была той девушкой, на которую я впервые взглянул другими глазами – внимательными, жадными, с каким-то волнением в крови. Короче говоря, я в нее безумно влюбился. Это произошло не от того, что она была красива, а от того, что пришло мое время для этого. Раньше я избегал книг о любви. Теперь же я, как голодный, набрасывался на них, перечитывал «нужные места» по несколько раз. Я набирался знаний в этой области, пытаюсь объяснить себе, что в этом возрасте со мной происходит.

Эта девушка крепко засела в моем сердце. Я терялся, когда она приходила, а затем становился шумным, и старался быть остроумным до язвительности. Ложась спать или просыпаясь, я шептал ее имя со всевозможными нежными эпитетами. Всеми своими действиями я старался показать, насколько я ее люблю. Сейчас мне это кажется перегоревшим...

Она знала, что я ее люблю. Это ей льстило, как и всякой девушке, и своим общением со мной она усиливала мою влюбленность.

Помнится, я чуть не сошел с ума от гордости, когда она намекнула (а может быть, мне это показалось), что так же равнодушна ко мне. Однако все это неправда, так как существовало препятствие, мешавшее нашему сближению, – мое физическое состояние. Но тогда я этого не чувствовал, потому что считал, что препятствием будет только моя стыдливость в любви.

Я бы сгорел от стыда, если бы нечаянно признался ей в этом.

Вся эта первая любовь кончилась трагично для меня.

Нина неожиданно уехала. Страдания мои были неопишуемы. И так долго, что я стал, наконец, искать способа избавиться от этого.

Моя способность рассуждать спокойно и логично, даже в тяжелые и мрачные минуты, помогли мне в этом. Я много размышлял, и вот итог моего самоанализа. Любовь к девушке не может принести мне ничего, кроме душевного беспокойства и страдания. В силу тяготеющего надо мной недуга, я должен оставаться наедине со своим чувством, совершенно не соприкасаться с любимой. Для настоящей любви мало одного созерцания друг с другом и уверений самого возвышенного и страстного содержания. И получается, что односторонняя любовь меня не может удовлетворить, а взаимная – невозможна. Поэтому я навсегда должен отказаться от любви. Я должен переносить это тягчайшее лишение так же безропотно, как и то, например, что не могу самостоятельно взять что-либо своими руками.

И я понял, что мне необходимо укреплять свою волю, чтобы не желать того, что мне недоступно.

Девушки сами мне в этом невольно помогали: ведь ни одна из них не могла себя заставить кокетничать со мной. А это и есть главнейшее условие проявления любви, одного из прекрасных чувств, которое я решил собственными руками убить

в себе. И сделал я это не только для себя, но и для окружающих. Как смешно бы я выглядел с любовью Гюговского Квазимодо, и как оскорбительна была бы моя любовь для моей возлюбленной.

Моя любовь никому не нужна, и потому я бы потерял к себе уважение окружающих, если бы попытался в кого-нибудь из них влюбиться...

Гутя прослушала мои пространные рассуждения с некоторым смущением. Мне показалось, что вид у нее был такой, точно она хотела сказать (да простит она меня за это!): «А я думала, ты скажешь, что любишь меня! Ты всегда относился ко мне с таким ласковым вниманием».

Или и ее, на самом деле, не удивило бы это мое признание. Ведь ей многие признаются в любви, ибо она прекрасна, и привыкла к тому, что друзья становятся ее поклонниками.

Может быть, я лгу сам себе, а в действительности, влюблен в нее?

Нет, нет и нет!

Вот доказательство.

Когда она со мной, когда она смотрит на меня, я совсем не испытываю к ней никакого влечения, кровь не бросается мне в голову. Наоборот, сердце мое начинает биться ровнее, на душе у меня делается теплее и уютнее, я начинаю ощущать, что такое – жизнь. Этим я признаю, что Гутя влияет на меня, но это не влюбленность. У меня не вызывает чувство ревности, когда возле нее крутится кто-нибудь из юношей, или когда она рассказывает о своих амурных проделках. Хотя понимаю, что общество ее для меня просто необходимо. Все это я хотел бы ей рассказать, но боюсь, что она может понять меня неверно, то есть не понять того, что я написал здесь в дневнике.

Кажется, надо подумать, в чем тут дело.

ГЛАВА 34

В канцелярии фельдкомендатуры Карасубазара к вечеру не оставалось никого, кроме Сони. Она сейчас заканчивала перепечатку протокола допроса арестованных, которые велись здесь почти ежедневно. Ее шеф Матов уходил обычно позже всех. Он в кабинете просматривал перепечатанные протоколы допросов, которые приносила ему Соня, подписывал их, иногда правил, если находил ошибки или неточности. Затем просматривал почту и, закончив дела, звал дежурного по полиции и заставлял его обходить с ним помещения комендатуры.

На одной из встреч Сони с Сибирским, он попросил ее достать для партизан незаполненные бланки ночных пропусков и вообще разные немецкие документы. В последнее время передвигаться партизанам по дорогам бывшего Карасубазарского района становилось все труднее и труднее. Во всех селах, находящихся вблизи и среди лесов, были расквартированы румынские и немецкие гарнизоны карателей. Задержанных при переходе от одного населенного пункта к другому жителей, которые не имели пропусков комендатуры, патрули арестовывали и часто расстреливали по подозрению в принадлежности к партизанам. Язык карателей был прост: нет пропуска – значит партизан или сочувствующий им.

Однако руководство партизанской разведкой строго предупреждало Соню не рыться в немецких документах на столах, в ящиках столов и сейфах, ничего не трогать, так как возможна слежка за ней и проверка ее лояльности к немцам. Ей разрешалось читать только те документы, которые служащие полиции оставляли лежащими на столах или передавали ей. Ни в коем случае не следовало подавать вид, что ей вообще что-нибудь интересно знать. Прислушиваться к разговорам гитлеровцев и местных предателей нужно, не показывая

интереса к этим разговорам, вести «записную книжку» разведчика, то есть больше надеяться на свою память, а не на записи. Соню призывали тренировать память и наблюдательность. Но она и сама быстро усвоила все эти качества разведчика, и к тому же имела прекрасную память.

В присутствии гитлеровцев она держалась несколько замкнуто, и не вступала с ними в серьезные разговоры, но зато на их ухаживания и любезности реагировала с неподражаемым кокетством и кажущейся благосклонностью, однако, не переходя дозволенных границ.

Между тем, Соне с каждым днем приходилось все труднее играть роль наивной девушки. Со всех сторон на нее наступали ухажеры, и временами становилось все труднее ускользнуть от их грязных лап, сохраняя при этом дружеские отношения. Это тем более становилось трудно из-за того, что «барышни» Карасубазара, не отказываясь, посещали вечеринки, главным образом, румын, и реже немцев, не избегали их общества, некоторые из них повыходили замуж за румынских офицеров, считая при этом, что они сделали хорошую партию. Соню все это возмущало до глубины души, однако показывать ей нельзя. Как сохранить себя и находиться в обществе оккупантов? Как сделать, чтобы они считали Соню своей и, чувствуя к ней уважение, не стеснялись при ней говорить о своих служебных делах?

Соня благодарила случай, который свел ее с Алешиными, главным образом потому, что они служили для нее надежным щитом от посягательства ухажеров, от которых прямо-таки не было отбоя. В особенности ей помогали в этом Лидия Федоровна и Игорь.

Умением вести себя с мужчинами Соня закружила голову не одному немцу, начиная с солдат и унтер-офицеров, и кончая самим шефом. Фон Матов серьезно начал ревновать Соню к своим подчиненным и неоднократно из-за этого устраивал ей скандалы.

Сегодня ей удалось положить себе в сумку десятка два бланков ночных пропусков, три незаполненных паспорта и около десятка бланков аусвайсов. Это было связано с большой опасностью, но Соня воспользовалась небрежностью писаря унтер офицера Рудольфа Шмидтке, ведовавшего выпиской документов. Он по срочному вызову начальства вышел из комнаты, и неосторожно оставил все документы в открытом сейфе и на столе. Соня помнила о наставлениях Давыдкина и Сизаса, но на этот раз ее соблазнила возможность легкого выполнения просьбы партизан. Помогло еще и то, что из села привезли ей десять килограммов картофеля, и она положила его в сумку поверх завернутых в платок бланков. Днем вынести сумку не представилось возможным, и вечером Соня боялась, что при выходе из полиции ее могут обыскать.

А сейчас, после того, как шеф подписал протоколы и закончил просмотр почты, он спросил у Сони:

– Фрейлейн Сонья, вы ожидаете меня?

– Да, мой шеф, мне привезли из деревни картофель. Не будете ли вы любезны, пойти со мной домой? Я хочу угостить вас жареной картошкой по-домашнему. Живу я недалеко отсюда...

Матов расцвел. В последнее время он оказывал всяческое внимание «мадемуазель Соньи». Он не посылал ее на особенно жестокие допросы, а заменял другим переводчиком – Отто, не разрешал ей ходить на танцы, устраиваемые румынскими офицерами, лично прибавил ей жалование и паек, ставил ее в пример другим служащим полиции за трудолюбие и отличное знание немецкого языка.

– О, благодарю вас, фрейлейн Сонья, за приглашение. А я думал о том, как было бы хорошо где-нибудь по-семейному поужинать. Скоро должна приехать моя жена из Германии, и моя холостяцкая жизнь кончится... – Так Матов намекал, что он не прочь поухаживать за Соней, но Соня невинно улыбалась.

Проходя мимо дежурного по комендатуре, Матов отдал короткое приказание о необходимости осмотреть все кабинеты и закрыть их, а завтра доложить ему о нарушениях со стороны служащих. Дежурный стоял перед Матовым навытяжку, и не посмел осмотреть тяжелую сумку Сони. Выйдя из комендатуры на улицу, Матов предложил Соне поднести сумку, но она отказалась, объяснив, что не подобает подполковнику нести хозяйственную сумку. Однако когда они вошли в узкий Крымский переулок, где жили Алешины, Матов отобрал у Сони сумку и понес ее сам.

На стук в калитку из дома вышел Александр Иванович и, увидев, что с Соней пришел важный гость, изогнулся в полупоклоне, показывая, что он очень рад такому посещению.

Вошли в дом. И Матов был очень удивлен скромностью Сониного жилища. Он удивился еще тому, что Соня представила ему, как приемных родителей, Лидию Федоровну и Александра Ивановича, которого он знал, как русского инженера электростанции. Но еще больше удивился виду искалеченного болезнью Игоря: большой голове с рыжеватыми волосами, и умными пронизательными глазами мыслителя, маленькому туловищу с горбами спереди и сзади, несколько изогнутому в сторону, тонкими руками с длинными пальцами, как у музыканта, и скрюченными ногами в ступнях, обутыми в некое подобие тряпичных туфель. Однако пределом удивления фон Матова было, когда это «существо», как он его мысленно назвал, обратилось к нему на хорошем немецком языке с предложением сыграть в шахматы. Матов поблагодарил Игоря, извлек из кармана бутылку хорошего вина и передал его Лидии Федоровне, как его долг к ужину. Александр Иванович помог ему снять шинель, и Матов присел к небольшому столику, где уже услужливо были расставлены шахматы.

Алешин ушел помогать женщинам приготавливать ужин. Игорь и Матов разыграли начало партии. Гость играл белыми. Но уже с первых десяти ходов он увидел, что перед ним

сидит опытейший противник. Матов сделал ошибку, и потерял бы ферзя, но Игорь любезно ему возвратил ход.

Увидев, как наметившийся проигрыш в матче расстроил Матова, Игорь решил подбодрить его:

– Один из лидеров войны за независимость США писатель Бенджамин Франклин сказал: «Играя в шахматы, мы приобретаем привычку не падать духом».

Матов благодарно улыбнулся Игорю. Но еще через несколько ходов Матов увидел, что черные так прижали его короля, что через два-три хода мат будет неизбежен... Он предложил Игорю сыграть еще одну партию, и в разговоре с ним выразил свое восхищение его игрой в шахматы. Они разговорились. Через несколько минут Матов забыл о своей всегдашней подозрительности и беседовал с Игорем, как с равным.

Не смотря на внешнее уродство Игоря, Матов оценил его, как умного собеседника, с которым приятно беседовать и о немецкой литературе, и о победах Великого рейха, и о «новом порядке».

Пожалуй, он был даже несколько раздосадован, когда Соня подошла приглашать их ужинать. Она бережливо, с большой осторожностью, покатила кресло Игоря в другую комнату, к столу.

«Так может относиться к этому парню только любящая сестра», – отметил про себя Матов.

За столом фон Матов был весел, шутил, много пил. Александр Иванович нашел у себя еще бутылку водки. Матов приветствовал такую находку. Вскоре немец изрядно захмелел. Он проболтался, что партизанам будет «капут», потому что на гору Среднюю готовится экспедиция.

– Германская армия скоро прикончит небольшую группу фанатиков, скрывающихся в лесах, – заявил Матов.

В половине двенадцатого все встали из-за стола. Матов пошатывался. За ужином он, по привычке, пил, не закусывая.

Лидия Федоровна помогла ему надеть плащ, а Алешин собрался проводить его, но Матов отклонил это предложение. Сильно шатаясь, Матов ушел домой.

Соня не знала, благодарить ли ей судьбу за то, что после приглашения в дом Алешиных, в нее всерьез влюбился этот пожилой и представительный, женатый шеф полевой жандармерии, штурмбанфюрер СС фон Матов.

* * *

Ночью в доме Алешиных звякнуло кольцо запора калитки. Спавшая у окна в соседнем доме ученица Игоря – Элла проснулась и выглянула из окна. Темная тень отделилась от калитки и, низко пригнувшись, пробежала в заднюю часть двора. Вскоре она это ясно увидела, в доме Алешиных дверь застекленной веранды открылась, и полуодетый дядя Саша тоже проследовал в заднюю часть двора, где находилась уборная. Элла долго смотрела в темноту из окна, соображая, кто бы это мог пройти. Но это был незнакомый человек. Она не могла определить, сколько прошло времени. И уже устала ждать, когда в дом, наконец, прошел дядя Саша. Она подождала еще немного, но больше никто не появлялся. На следующий день Элла сказала своей подруге Нонне о событиях прошлой ночи, но та заметила, что это ей, наверное, показалось. На улицах оккупанты строго соблюдают комендантский час.

* * *

К вечеру следующего дня партизанская разведка получила через связного сообщение из Карасубазра о готовящейся немцами операции в районе горы Средней.

* * *

Соня в субботу после работы отправилась к бабушке в Кабурчак на попутной подводе.

В воскресенье девушки и парни села собирались на танцы под большими грушами в саду. Соню удивляло, что сельчане привычно воспринимали опасности в эти дни оккупации, как и ночные аресты «врагов народа» при советской власти.

Девчата позвали на танцы и Соню, но она сразу не пошла, сказав, что придет попозже. Соня сделала небольшой сверток из взятых в фельдкомендатуре бланков документов и, написав коротенькую записочку, вложила ее в сверток, положила его под лифчик и спустилась в сад. Только пошла не налево, откуда доносилась музыка, а повернула направо, где располагались индивидуальные участки сада, принадлежавшие крестьянам.

Миновав участок бабы Калины, Соня прошла дальше, к плетню, отделявшему сад от луга, и пошла по направлению к Вакуфу, где пробивался из-под земли родничок, и где росли старые вербы и осокари. Там она присела на корточки, чтобы напиться воды из источника, огляделась по сторонам и, увидев, что никого нет поблизости, вложила сверток в дупло одного из осокорей...

А потом и Соня появилась на танцах, веселая и оживленная...

* * *

В воскресенье вечером Сибирский, проходя по дороге, огибавшей Кабурчакский сад, слышал веселую музыку, доносившуюся со стороны больших груш, и подумал, что, наверно,

Соня тоже там. Он спустился к зеленой купе деревьев, наклонился к источнику, попил студеною воду, огляделся и извлек из дупла положенный Соней сверток.

В понедельник пятеро переодетых в немецкую форму партизанских разведчиков, снабженных подлинными немецкими документами, отправились через село Васильевку в сторону станции Ички, и затерялись в окрестных садах...

Штаб 2-го района партизан получил от Венеры подтверждающее сообщение о готовящейся экспедиции карателей.

ГЛАВА 35

Из дневника Игоря Алешина

3 декабря 1942 года

Как много я пропустил. Но вспоминать не буду.

Сегодня – и то уже вошло в обычай, у нас с Соней состоялась вечерняя беседа. Мы выбираем для этого славное время, когда Морфей затыкает лишние уши. Разговор ведем, большей частью, на немецком языке. Этим мы совершенствуемся оба.

– Что нового? – спрашивает меня Перльхен. Перльхен – жемчужина. Так я стал ласкательно называть Соню.

– Много, – отвечаю ей. И сообщаю интересующие сведения. У нас с Соней налаживаются братские отношения, и становится необходимым делиться друг с другом своими самыми сокровенными мыслями.

8 декабря 1942 года

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Вчера Перльхен очень смутилась, когда я, шутя, попросил ее поцеловать меня.

– Но ведь я же не умею! – застеснялась Перльхен.

– А ты попробуй.

– Ну, хорошо, попробую!

Соня нагнулась и поцеловала меня. Жаль я не видел ее лица. Только что потух свет, по режиму электростанции, где работает папа. Она подает электроэнергию обычно до 12 часов ночи, иногда до 1 часа. И Соня воспользовалась темнотой.

Что я почувствовал при поцелуе? Было, конечно, приятно и забавно от новизны этого чувства. К этому нужно еще прибавить мою благодарность ей за то, что она решилась меня поцеловать. И совершила это просто, по-дружески, без всякой задней мысли.

Это было вчера. А сегодня, черт меня дернул, напомнить ей вчерашний вечер: дав шуточный отзыв ее поступку. Боже мой, как она зарделась!

– Ах, так! – вскрикнула она. – За то, что ты высмеиваешь, больше от меня ничего не получишь!

Сначала я не придавал этому значения, но позже понял, что совершил глупость. Она же поцеловала меня дружески... Как мне стало не по себе! И не от того, что я дорожу этим дружеским поцелуем (не поцеловала же она меня горячо и страстно). Мне неудобно потому, что я ее обидел, не имея права шутить над нею.

Она же сделала это, жалея меня, а я... сболтнул то, о чем не должен был говорить. Незначительный промах, но чувствую, что из этого может родиться гора. Я должен обяза-

тельно знать – друг ли она мне, или ее участие ко мне – из милосердия. Из этой правды может получиться трагедия для меня, но я готов на это. Я не люблю ничего неясного.

15 декабря 1942 года

ДОГОВОР ЗАКЛЮЧЕН

Я задумал подарить что-нибудь оригинальное в день рождения Гути. Поделился с Лёкой. И ему тоже захотелось сделать для нее что-нибудь необычное. В результате обсуждений решили сделать общий подарок.

На этот раз мы с Лёкой собрались подшутить над Гутей. Решили начать с моего признания, что она давно добивается узнать мою «тайну».

– Я скажу ей, что ты влюблен, – предложил Лёка. Я согласился, и у меня появилась цель. Когда Соня пришла с работы на обед, Лёка стал «конфузить» меня намеками на предмет «моей любви». Это разыграло ее любопытство. Такой «жадности» узнать мою «тайну» я даже не ожидал от нее. Они ушли из дома вместе. Интересно, кого Лёка назовет ей моей любимой?

Вечером я стал настаивать, чтобы Перльхен сказала мне, почему она так жалеет о своем поцелуе?

– Я стыжусь. Ты меня высмеял, – упрекнула она.

А мне показалась смешной такая причина. Но я все же извинился перед ней. Не помогло.

– Я не сержусь, – сказала она, рассматривая бумажную цепь (мы решили устраивать новогоднюю елку).

– Скажи мне прямо, для тебя это оскорбительно?

– Да нет, – с отчаянием убеждала она. – Но ты же меня высмеял? Разве не знаешь, что кавалер в таких случаях должен молчать?

– Не знал. Притом я – не твой кавалер!

– А ты хочешь быть моим кавалером? – лукаво улыбнулась она. – Будь!

Что-то больно сжало мне горло. Ведь это выглядит издевательством надо мной! Весь вечер это не выходит у меня из головы, хотя сознаю, что выгляжу глупо...

...Я успокоился только после ее уверений в том, что она считает меня своим первым другом.

– Мы давно уже друзья, но до сих пор у нас нет условий, на которых должна держаться наша дружба, – сказал я. – Предлагаю такие условия: мы должны быть честными по отношению друг к другу, не иметь больших тайн, всегда выполнять данные обещания и оказывать помощь в трудную минуту.

Мои условия Соня одобряет. В 12 часов мы окончили делать елочную цепь, и разошлись по своим постелям.

...Вдруг среди ночи я услышал стук в калитку, потом еще. Тук-тук-тук... тук-тук-тук...

Пытаюсь сообразить, кто бы это мог ночью стучать к нам. Патруль?!.. Стук настойчив, хотя и неуверен, в чьи ворота этот стук. Наконец, убеждаюсь, что стучат к нам, и решаюсь разбудить маму. Мама проснулась и разбудила папу, который накинул на себя пальто, и пошел к калитке. Вскоре послышался его призыв о помощи. Мама выбежала в пальто во двор, но быстро возвратилась с нервным криком:

– Соня! Вставай! Помоги затащить Пауля Фридриховича!..

Соня вскочила с постели, как ужаленная. Через минуту все возвратились, поддерживая мертвецки пьяного шефа фельдкомендатуры Матова. Его визит в час ночи в таком виде поразил нас, хотя мы уже стали привыкать к его посещениям.

Он теперь часто приходит к нам, как к себе домой.

Матова укладывают на Сонину постель и раздевают. А он сопротивляется, порываясь куда-то идти. Наконец, мы сообразили, что он рвется, видите ли, за бутылкой вина, которую он нес сюда, чтобы распить с нами. Его успокаивают, что бутылка найдена (и, в самом деле, папа ее нашел возле калитки). Шефа перекладывают на большую кровать. Он мечется и плачет. Что за причина привела его сюда из ВИКО⁵, где немцы обычно выпивают? – Непонятно!

Его счастье, что сейчас он попал сюда. Если бы упал на дороге, его бы обобрал до нитки румынский патруль.

Почти все не спали целую ночь.

К утру шеф ушел от нас весьма смущенный. Вечером, после работы, Соня рассказала, что шеф очень удивился, что попал к нам.

– Я больше не приду к вам никогда. Мне стыдно, – говорил Матов.

Но Соня сказала, что найденная бутылка вина будет распита только совместно.

Нужно заметить, что свой служебный долг Матов не забыл, и утром, прямо от нас, он пошел проверять полицейские посты.

21 декабря 1942 года

ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЯ

Сегодня произошел у меня неприятный разговор с мамой. (Возможно, и нужный). Началось с того, что я вздумал прочесть маме нотацию о бескорыстии.

⁵ ВИКО – это ресторан, где питались только немцы, а представителям других национальностей вход был запрещен.

Мама была поражена и оскорблена той правдой, которая кроется в моей жизни, а я оскорбился намеками, что влюблен в Соню!

– Не будь смешным, – сказала она с улыбкой.

Как обидно, что я кажусь другим столь смешным. Но маме не докажешь противное. А что же обо мне тогда думает сама Гути, в таком случае? О, ужас!

...Свой дневник Соня все же привезла из Кабурчака. Я прочитал его, но мне трудно о нем что-либо сказать.

Например, о Мише она пишет, что не любит его, а только жалеет (По-моему, врет). Соня показала мне Мишино письмо, которое он передал ей сегодня утром, – и они опять поссорились. Письмо полно упреков.

– Миша прав – ты ничего не высказываешь прямо, – сказал я Соне.

23 декабря 1943 года

ПЁСТРЫЙ ДЕНЬ

В доме переворот. Идет подготовка к празднику. И в такое время приехали Суворовы из района. Снова привезли сенсации...

Советские корабли обстреливали Феодосию...

В Феодосии живет какой-то «чудо-мальчик» пророк. Он предсказывал какому-то румынскому «начальству», что война окончится в 5 часов утра 1 января 1943 года. Ждать предсказания недолго – всего одна неделя.

А, по сообщениям из газет, немцы бегут в Киренаике от англичан. Они отступили между Волгой и Доном...

В Сталинграде, говорят, они окружены, хотя в газетах не сообщается...

Красная Армия наступает в районе Великих Лук. На Кавказе немцы не продвигаются. Даже из немецких газет видно, что дела у них неважные...

За то, что Соня дала мне свой дневник, я решил показать ей два Мишиных письма ко мне, в которых очень ярко обрисован его непостоянный характер и его колебания в отношениях к ней. Что касается первого письма, то Миша, конечно, рассчитывал, что я покажу его Соне (хотя приказал мне его уничтожить). Она прочла его с растерянным видом, и раскрасневшись от удовольствия. Письмо было полно его пламенных признаний в любви.

– Боже мой, как хорошо он написал! – удивилась Соня, явно поверив его признанию.

Что касается второго письма, то я уже раскаялся, что дал его прочитать. В нем Миша отказывается от своих слов, и «вырывает свою любовь с корнем». Это – полное противоречие первому письму? Соня спокойно его прочитала, хотя там было много для нее горького, – и промолчала.

ГЛАВА 36

«Сарафанное радио» уже заработало. Одна из знакомых девушек сообщила своей подруге в Кабурчак: «У меня почему-то сложилось впечатление, что Соня приехала в Карасубазар с той немецкой частью, где она работает. Каждый вечер она проходила по улице, но не в ту сторону, где жили Алешины. Видимо, она у них тогда еще не жила».

А сейчас Соня не знала, благодарить ли ей судьбу, что после приглашения в дом Алешиных в нее всерьез влюбился штурмбанфюрер СС фон Матов.

Своей ревностью Матов оберегал Соню от ухаживаний своих подчиненных, а особенно – солдат и офицеров других

немецких частей. Он не разрешал ей посещать вечера, как для немцев, так и для румын, если он на них не присутствовал сам. Всех «кавалеров» он «отшивал» довольно грубо, по-солдатски.

День рождения Сони совпал с католическим праздником Рождества – 25 декабря.

В семье Алешиных решили отметить этот день рождения, заготовливали продукты, которые нелегко было достать.

Игорь и Лёка тоже готовили для Сони сюрприз.

Утром 25 декабря, еще не поднявшись с постели, Игорь торжественно поздравил Сою:

– Дорогая Перльхен! Поздравляю тебя с девятнадцатилетием! Будь счастлива! Желаю тебе в будущем хорошего мужа! А еще желаю тебе не забывать меня – твоего названного брата. Сейчас я посвящу тебя в свою тайну – кое-что сделал к этому празднику.

– Для меня?! – обрадовалась Соня. – А что же?..

– Встань, покажу! – улыбался Игорь.

Соня вспорхнула с постели и быстро оделась.

В проходной комнате Сониная кровать стояла слева от двери, ведущей в комнату родителей, а кровать Игоря была в глубине комнаты, у окна.

В это время стукнула калитка, кто-то открыл двери веранды и вошел в комнату.

На пороге появился разряженный, сияющий Лёка.

– Поздравляю вас с праздником! – воскликнул он. – А тебя, Соня, с днем рождения! – Повернувшись к Игорю, он спросил шепотом у него: – Ты уже отдал подарок?

Игорь жестом остановил его, извинился и стал одеваться.

Без стука к ним вошла Аня, и не успела опомниться, как Лёка схватил ее и поцеловал. Аня смущенно поздравила всех.

И тут вбежали Элла и Нона.

Все зашумели, поздравляли, целовались.

– Моя Жемчужина, садись и слушай, – предложил Соне Игорь. – Поздравляю тебя с девятнадцатилетием! Лёка, доставай, пожалуйста, сюрприз!

Лёка осторожно вынул из тумбочки сверток, завернутый в красную бумагу, и развернул нарисованную Игорем акварель.

Все увидели зеленые Крымские горы, с возвышающейся над ними белой скалой, сероватые осыпи склонов, голубое небо и хлопья белых облаков, внизу расстилалась долина, на ней – темно-зелёные купы деревьев. Прочитали написанное в стихотворной форме на акварели теплое посвящение имениннице.

Соня с удовольствием приняла этот подарок и зарделась румянее, чем бумага, в которую была завернута картина.

– Сонечка, а вот тебе еще подарок, – сказал Игорь, подавая ей коробочку с тюбиками акварельных красок.

Это была особая ценность, потому что в военное время красок невозможно было достать.

Соня была тронута таким подарком, взяла осторожно коробочку – и в ее взгляде светилась бесконечная благодарность.

– Можно, я тебя поцелую, милый братец, – смущенно сказала Соня и поцеловала Игоря.

Лидия Федоровна остановилась в дверях, от души поздравила Соню и пригласила молодежь к столу.

После завтрака начал выступление организованный Игорем домашний оркестр. Ребята играли сочиненное раньше Игорем танго «Тайна глаз», а Соня запела проникновенные слова Игоря под аккомпанемент оркестра.

*Взором своим вы мне душу согрели,
Ласку его я сравню лишь с весной,
Не показать ли вы этим хотели,
Что не играете больше вы мной?..*

Голос у Сони – не сильный, но приятный, очень теплый и выразительный.

Мать, отец и Аня любили слушать исполнение оркестра Игоря, оркестранты были в ударе, а мелодия и слова звучали как-то особенно задушевно и проникновенно.

*Мне не понять ваших глаз выраженья,
Взор их, маня, то ласкает, то злит,
Видно, у вас нет ко мне сожаленья,
Ваша душа обо мне не болит.*

Глаза певицы постепенно наполнились слезами, а голос от волнения стал дрожать. Ей действительно от души стало жалко талантливого, но несчастливого юношу, сидевшего, скрючившись, в своем креслице и игравшего на детской дудочке-сопелке.

*Я вас молю, чтобы вы объяснили
Все, что во взоре не мог я понять.
Смехом в ответ мне глаза заискрили,
Видно, забавно вам мною играть.*

*В жгучей тоске вас покинуть решаю,
И на прощанье смотрю я на вас,
Вдруг о решенье своем забываю,
Встретив опять нежный взор ваших глаз.*

Соня специально прервала пение, не захотев петь последний жалящий куплет. Все, в том числе, и оркестранты зааплодировали. Мать, как всегда, всплакнула от этого грустного танго. У девчат глаза тоже были на мокром месте. А на Игоря вообще было страшно смотреть. Лицо его сморщилось, он готов был заплакать. И ему стало казаться, что вскоре Соня уйдет

от них – то ли выйдет замуж, то ли уедет в другой город, и у него не останется в жизни ничего, даже этой братской любви...

Веселое настроение у всех сникло, как цветок на морозе... Оркестр распался. Женская половина начала убирать со стола посуду. Александр Иванович буркнул:

– Нечего навевать пессимизм, когда на душе и так тяжело, – оделся и ушел на электростанцию.

Игорь с Лёкой сели играть в шахматы. Лёка, хотя и заскучал, но бодрился и старался быть рядом с Игорем.

Игорь играл с ним в шахматы вслепую, не глядя на доску, и выиграл две партии, чем немало изумил Лёку. Соня ушла в комендатуру, обещав вечером придти с немцем Петером – служащим полиции. Они собирались достать вино на день рождения. Однако ей это принесло много неприятностей.

Этот завхоз полиции – жирный, безобразный немец средних лет – потребовал от нее уплаты – поцелуй.

Когда Соня об этом рассказывала, ее лицо даже исказилось от брезгливости и возмущения...

Вечером Соня пришла в сопровождении незнакомого, молодого, смазливого немца. Он сегодня примазался к ней и почти насильно проводил домой. Соня объяснила Лидии Федоровне, что он из Ортскомендатуры. Из разговора выяснилось, что он повар, ему 23 года. Он бесцеремонно спросил у Игоря, что с ним. Игорь разъярился.

Немец удивился, что Игорь умственно очень развит. Но все было очень некорректно.

Через некоторое время ребята показали новому гостю свой оркестр. Немцу оркестр очень понравился, особенно, когда Соня запела. Он стал настойчиво приглашать ее к ним в Ортскомендатуру с гитарой. Однако Алешины этому воспротивились.

Немец предложил Игорю сигарету, но тот отказался, хотя смертельно хотелось курить,

Наконец, гость собрался уходить, и Лидия Федоровна, из-за приличия, пригласила его приходить в другой раз, но Игорь был недоволен, так как немец бросал на Сою настолько жадные взгляды, как будто хотел ее съесть.

Соня проводила немца до калитки, и на прощание он обещал ей что-нибудь подарить, поскольку случайно попал на ее день рождения и без подарка...

Когда немец ушел, Соня сказала Игорю, что это случайный знакомый, и она не знает даже его имени. Алешины рассмеялись, а Игорь сказал, что, наверно, его зовут просто Гансом.

Поздним вечером пришел напарник Игоря по игре в шахматы – Кудреану. Но пробыл в гостях недолго. Сообщил, что теперь будет жить поблизости от Алешиных. И попросил Игоря достать ему книгу Достоевского. Игорь не удержался и выразил удивление, что впервые видит иностранца, который хорошо говорит по-русски и интересуется русской литературой.

На следующий день – это был второй день Рождества – вечером Кудреану пришел опять. Они сыграли с Игорем две партии в шахматы. Первую Игорь выиграл легко, а вторую – с напряжением.

Борьба затянулась, хоть гость, вроде, и спешил по каким-то делам, и надо было, что называется – дотерпеть, чтобы сделать ничью. Однако в ладейном эндшпиле Кудреану ошибся. Тонкой подкупки, когда на доске оставалось по Королю, Ладье, а в распоряжении Игоря еще и пешка на вертикали «А», румын позволил ранее отрезанному Королю приблизиться к своей пешке, тем самым превратив ее в проходную. И проиграл.

Неожиданная победа не просто укрепила шансы Игоря на выигрыш матча, но еще больше укрепила его бойцовский дух. Теперь у него перевес стал в три партии.

В двенадцать ночи возвратилась с вечера немецкой полиции Соня. Она со смехом рассказывала, как шеф Матов отгонял от нее всех кавалеров и не давал ей танцевать.

– Не знаю, мама, – вдруг с грустью обратилась она к Лидии Федоровне, – что мне делать? Его ревность может привести к нехорошим последствиям. Я боюсь, что он скоро начнет меня бить...

– Надо, девочка моя, быть с ним поосторожнее и мягче, – погладила ее по голове Лидия Федоровна, очень довольная, что Соня назвала ее мамой. – Но в то же время держи себя с достоинством и не допускай фамильярности. Не забывай, что они – завоеватели, и на них управы нет, жаловаться некому...

27 декабря Соню утром вызвали нарочным в полицию. В районе Бахче-Эли упал сбитый партизанами немецкий военный самолет. Двое летчиков сгорели, а двое других ранены, но сумели вырваться из горящего самолета.

В обеденный перерыв Соня пришла домой, и в это время подгадал явиться провожающий ее ранее немец. Он принес пакет, в котором оказались шоколад и конфеты. Кстати, имя немца – Герберт. Он опять упрямо приглашал Соню пойти к ним на вечер с гитарой. Соня решительно отказалась, и ее поддержали Игорь и Лидия Федоровна.

– Можете приходить к нам, – разрешила она. – А мы ее никуда не отпустим.

Немец обещал прийти еще раз, вечером. Но тогда же должен был явиться и Сонин шеф.

В пять часов приехал неожиданно Миша, но подарка по случаю дня рождения Сони он не принес – полагал, что у нее день рождения празднуется по православному календарю 7 января.

Потом, после работы пришла Соня. Пришла одна – шеф Матов идти отказался.

– Не хочу тебе мешать – иди к своему кавалеру, – отрезал он.

Шеф действительно равнодушен к Соне, и ревновал ее по-мальчишески.

Но день рождения все же решили справлять без Матова. Накрыли стол, поставили бутылку болгарского вина, какую сумел достать для Сони сослуживец по полиции Якоб. В это время стук в дверь – второй переводчик полиции Отто принес для Сони ужин. И признался, что шеф стоит у ворот. Соня и Лидия Федоровна вышли позвать его, но Матов повторил свою колкость насчет «ее кавалера», и ушел.

Только успели поужинать, как прибежал Герберт. Хозяйка невольно показали нежелательность его присутствия, а он в отместку вел себя нагло. Запросил, чтобы ансамбль сыграл какой-нибудь танец, и, когда ребята заиграли, пригласил на танец Соню. Имениннице пришлось согласиться потанцевать с ним.

– Как бы Соня не очутилась в лапах этого немца, – тихо сказал Игорь матери, и добавил: – Надо думать, у него до этого не дойдет.

– Соня весьма благоразумна, – кивнула Лидия Федоровна.

– Что я могу сделать для вас приятного за хороший прием? – спросил Герберт Александра Ивановича, собравшись уходить.

Алешин пожал плечами и ответил:

– Пожалуй, если можете, захватите в следующий раз сигареты. Курить газету не очень-то приятно.

– Хорошо. Я приду послезавтра, – раскланялся немец и ушел.

Продолжение дневника Игоря Алешина

28 декабря 1942 года

ВСТРЕЧА

«Утром мама пошла в фельдкомендатуру и пожурела шефа за то, что он был вчера у наших ворот и не зашел к нам. Шеф, извиняясь, обещал быть сегодня вечером у нас вместе с Отто. Опять, значит, будем справлять и сегодня Сонины именины.

Миша уехал и оставил письмо для Сони. Я вчера ночью сказал Мише свое личное мнение, что Соня любит его. Поспори с ним. Полагаю, что выиграю пари. Но сам точно, конечно, не знаю, и даже думаю, что это неправда. Мне почему-то даже хочется, чтобы это была неправда.

Возобновил уроки немецкого языка с девочками, но помешал урокам Кудреану. Я был крайне нерасположен играть в это время в шахматы. Физическое плохое состояние мешало мне сосредоточиться, и я проиграл обе партии.

Вечером ждали гостей, но Соня пришла одна. Шеф снова отказался прийти, мотивируя опять тем, что не хочет мешать проводить ей время с Гербертом. А Соня смеется!

– Это, в конце концов, глупо! – сказала Соня.

И я тоже против ухаживаний за ней этого ловеласа.

Пока мы все это обсуждали, явился Герберт (а обещал придти послезавтра). Поскольку только что перемывали его косточки, появление его все встретили натянуто. А он расщедрился! Мне подарил вязанку, маме – кусок колбасы, а Соне – коробку португальских консервов. Стало смешно и приятно от

его подношений, и ледок растаял. Даже поставили на стол бутылку вина, припрятанную для шефа. Герберт предложил мне сигарету, и на этот раз я не отказался закурить.

Только начало испаряться неприятное настроение, как всех насторожил стук в калитку. Пришел Отто с десятью литровым бачком вина. Где-то позади его идет Матов. Герберт растерялся, и не знал, как выйти из неприятного положения. Готов был бежать или провалиться сквозь землю.

– Бежать некуда, – сказал я ему язвительно. – Нужно оставаться здесь.

Отто тоже посоветовал ему остаться.

Вошел Матов с незнакомым летчиком. Конечно, сразу заметил Герберта!

Накрыли стол, и многочисленная компания расселась.

Мысли у Матова были, вероятно, как у Сатаны, который видел чье-то грехопадение. Очень неловко себя чувствовала Соня, все переживания отражались на ее лице. Неважно выглядел и Герберт.

Шеф занялся беседой с летчиком, который был пилотом самолета-разведчика, и сообщал ему интереснейшие данные о скоплениях партизан юго-восточного Крыма. Они настолько не стеснялись присутствующих, что шеф полевой жандармерии даже иногда доставал из кармана записную книжку и что-то записывал. У летчика была прекрасная память, и он сообщал прямо-таки поразительные сведения о партизанах.

Я взглянул мельком на Соню и поразился. Никогда я не видел ее такой напряженной и внимательной, но, заметив, что я наблюдаю за ней, она взяла бутылку вина, из которой угощали Герберта, и хотела налить Матову, но он остановил ее протянутую руку возгласом:

– Не надо, Соня, это вино пил обер-ефрейтор, пусть оно ему и останется.

Я готов биться об заклад, что шеф весьма неравнодушен к Соне.

Растерянный Герберт собрался уходить и, взяв перчатки, спросил у Матова:

– Это не ваши перчатки, господин штурмбанфюрер?

– Нет, я хороших таких не имею, – съязвил шеф. А, когда Герберт повернулся к двери, чтобы уходить, добавил с улыбкой: – А вы, обер-ефрейтор свой револьвер не оставили здесь?

Только летчик засмеялся, хотя для всех ясно, что Матов высмеивает повара, в чине обер-ефрейтора носить револьвер не полагалось.

Герберт вышел за дверь смущенный и оплеванный... Папа решил его проводить, и до калитки кавалер не промолвил ни слова.

Летчик мне не приглянулся. Все время продолжал говорить о делах, грозился во время следующего вылета на разведку снизиться и расстрелять партизан в лесу из пулемета. Нам было не по себе. И только Соня старалась всячески услужить немцам, внимательно следила, чтобы стаканы были наполнены вином.

Ушли они во втором часу ночи. Были сильно выпившими, так как пили, по немецкому обычаю, не закусывая. И повторяли, что вино очень крепкое, а оно было, как вода!

Перед сном мы все читали Соне нотацию, предостерегая от солдатчины, и требовали отвадить от себя Герберта, иначе у нее могут быть неприятности от шефа.

Она молча кивала нам, и как будто согласилась.

29 декабря 1942 года

ПРИЗНАНИЕ В ТИШИ

Проиграл сегодня одну партию шахмат Кудреану. Теперь счет равен.

А вечером к Соне зачем-то приволокся вчерашний летчик. На мой вопрос: в чем дело? – она ответила не совсем ясно. Лишь потом из ее разговора я понял, что когда Соня собиралась идти с работы домой, летчик попросил ее остаться с ним и с его товарищем. Она отказалась. Тогда он решил проводить ее домой и просить опять родителей отпустить ее погулять с ним. Соня заявила, что из этого ничего не выйдет.

Летчик все же пришел с ней, но, видя наши не доброжелюбные лица, ничего не стал говорить родителям. А, пользуясь тем, что Отто за ним не пришел, стал уговаривать Сою проводить его в полицию.

Я чуть не спросил: а кто же вернет Сою назад? Но она меня остановила, сказав, что проведет его до угла, а там покажет, куда идти.

Они вышли, а я был раздосадован наглостью завоевателя. Возмущение бушевало во мне. Против славной Сони, которая не понимает той пропасти, на краю которой она рискует... Возмущен, вообще, наглыми оккупантами: Аниным «женихом», Гербертом, летчиком, шефом полиции Матовым и другими варварами и вандалами двадцатого века. Они похабничают с нашими девушками, развращают их и отправляют целыми эшелонами в свою, построенную на развалинах завоеванной Европы, фашистскую империю...

Наконец, возмущен тем, что Соня... не может никогда быть под моей мужской защитой. Это было бы дико для нее, а тем более – для окружающих.

А ведь она мне так дорога!

Хотя она сама захотела со мной познакомиться, и этим показала мне, а главное – всем, что я – тоже человек, и тоже имею право на приятное общество. Она не оскорбилась моим первым письмом, предлагавшим ей дружбу, и тепло мне ответила на него, смело приняв мое предложение. Она поверяет мне свои тайные переживания и ждет моих советов.

«Я часто себе говорю, – призналась она, – я об этом должна спросить у Игоря».

Она ласкова со мной (кстати, может быть, все, что она делает или говорит мне, есть обман из высокого чувства сострадания? Но и в этом случае я благодарен ей, так как такая игра требует искусства, а не всем доступно). Я всегда это желал, но мало от кого получал.

Даже от родителей.

Папа скуп, вообще, на доброе слово – он все время занят.

А мама, я убежден, хоть и любит меня, но в последние годы я стал ей почти в тягость. Она настолько устает, что ей тяжело даже приласкать меня...

Соня дорога мне, наконец, потому, что лишь в ее глазах я нахожу отражение моих немногих достоинств. Всего этого достаточно, чтобы во мне появилось к ней глубокое чувство благодарности и любви. Но не той ревностной любви, которая требует преклонения перед красотой, не той любви, которой подчинены все живые существа на земле...

Моя любовь – есть восхищение душевными качествами этой девушки. Я люблю ее, как родное мне существо. Самой лучшей моей мечтой было бы иметь сестру примерно такого же возраста, как и я. Я уверен, что это, наверное, наполовину облегчило мне жизнь.

И вот, глядя на Соню, я убеждался, что именно она и есть тот образ, который я создал в своих метах...

Почему она не родилась моей сестрой? Где тут справедливость? Я, правда, называю ее сестрой, но достаточно мне

вспомнить, что я для нее совершенно чужой, и мое сердце чуть не лопається от досады на мою судьбу. Даже этой неполноценной любви я не могу раскрывать. Никто меня не поймет, в том числе и Перльхен... Но я чувствую себя ее братом, который может ее понять, предостеречь и наставить...

Очнулся я от размышлений, или, действительно, заснул и проснулся, я не могу сказать. Помню только, что надо мной склонилось виноватое лицо Перльхен. Она вернулась лишь через час. Летчик рассказывал ей о своих впечатлениях, когда он пролетал над Крымскими горами. Я ее пробрал основательно за эти гулянья. И ей было стыдно...

* * *

А между тем, встреча с летчиком в доме Алешиных для Сони была чрезвычайной находкой. Рассказывая в пьяном виде за столом о своих полетах над Крымскими горами, о расположении баз партизан, об их передвижении, летчик разглашал важнейшую военную тайну. Шеф немецкой полиции Матов, не стесняясь своих переводчиков Сони и Отто, сообщал также много важного, когда отвечал на вопросы летчика или высказывал свое мнение. А Соня подливала им вина, чтобы развязались языки.

Так, незаметно для себя, оба выбалтывали сведения, крайне необходимые для партизан. Мозг Сони, как губка, впитывал всю сообщаемую ими информацию. Кое-что она не могла запомнить, или прослушала, когда шла вчера беседа за столом. Вот почему ей потребовалась еще одна встреча с летчиком. А он был в восторге от милой переводчицы из немецкой полиции, Сони, так хорошо говорившей по-немецки, такой наивной и в то же время обворожительной, что летчику невольно вспомнилось то прекрасное время, когда не было еще

этой проклятой, но победоносной войны. Соня чем-то неуловимым напомнила ему Мадлен – девушку, которую он встретил в 1938 году в Лейпциге, полу-немку, полу-француженку, в которую был влюблен, как ему казалось по сие время, но переписка внезапно оборвалась год тому назад... Он так и не узнал, что с ней...

А Соня с летчиком мило кокетничала, в то же время жалела его, и как будто даже боялась, что его самолет могут сбить в этих, покрытых зимним снегом, горах. Хорошо еще, что летчик не был назойлив. Ему так хотелось женского общества, так хотелось милого сочувствия к его тяжелой и мужественной работе, что он буквально растаял, и своими рассказами старался показать, какой он герой, и как ему тяжело воевать.

Соня умело вела разговор с немцем, и была, конечно, благодарна ему, что он, без особого труда с ее стороны, сообщил ей все необходимые разведданные.

Но вот отвязаться от него было не просто. Он ее пытался пригласить в ресторан, куда доступ был разрешен только немцам, приглашал к себе на квартиру, где жил с товарищем, и где были приготовлены закуски и вино... А Соня мило улыбалась, но отвечала на все решительным отказом. Родители тоже не отпустили ее гулять. Придя домой, он увидел лежащую в кровати Лидию Федоровну с повязанной головой и калеку сына, угрюмо сидевшего на своем передвижном стульчике... Тогда он попросил Соню проводить его, надеясь увести ее к себе на квартиру. Не получилось. Они простояли возле калитки около часа, и летчик вынужден был проститься с Соней несолоно хлебавши.

Соне необходимо было срочно встретиться с Сибирским. Добытые сведения нужно было передать партизанам немедленно, чтобы упредить карательную операцию немцев под Новый год. Соня располагала данными не только авиаразведки. В фельдкомендатуре она узнала о расположении кара-

тельных частей оккупантов, которые составляли к тому времени две стрелковые румынские дивизии и четыре немецких батальона. Карателям было придано 16 немецких танков, 8 минометных и 12 артиллерийских батарей, несколько эскадрилий штурмовой и бомбардировочной авиации. По замыслу немцев, на этот раз партизаны должны были быть окружены и полностью уничтожены.

Еще вчера Соня вывесила ночью на Ананьевской улице на дереве условный знак – клочок белой тряпочки. Сегодня днем она несколько раз проходила мимо этого места – тряпочка висела, как будто случайно зацепилась за ветку. Если бы даже кто-то, а не Сибирский, сбросил эту тряпочку, Соня сразу бы заметила, что нет ответного условного сигнала.

А вечером, проходя после окончания службы с летчиком, она увидела – тряпочки на дереве нет, и на следующем дереве висит надломанная веточка. Соня сорвала ее, разговаривая с летчиком, стала, как бы механически, ломать ее по кусочку. Сигнал обоим был принят, и Сибирский будет ждать ее в восемь вечера в развалинах разбомбленного дома неподалеку от Алешиных.

Соня спокойно проводила летчика до угла Садовой улицы, попрощалась с ним и чуть ли не бегом вернулась в Крымский переулок. Прошла мимо дома Алешиных в узкий, безымянный переулочек, через который все ходили из Крымского переулка к дому доктора Ломакина. Там она повернула в тупичок, в глубине которого стоял разбомбленный дом. В этом доме ее с нетерпением ждал Сибирский. Он осторожно покуривал в рукав кожуха, чтобы не было ответа от цигарки.

– Ну, моя дорогая, я уж думал, что ты сегодня не придешь! Вот привязался к тебе этот немец! Видел я, как вышли вы из полиции, как ты сняла мой условный знак. Дальше решил, что идти за вами небезопасно, и свернул сюда...

– Много новостей у меня, дядюшка, – Соня упорно не желала называть Федченко псевдонимом или по имени и отчеству. – Немцы готовят против партизан под Новый год большую облаву. Они с воздуха засекли все партизанский базы к востоку от дороги Ускут-Карасубазар. Севернее этого небольшого участка уже расположились две дивизии румын и четыре (пять) батальона немцев, много артиллерии и танков. Вот на этой бумажке я постаралась утром все записать. Кроме того, дядюшка, двадцать девятого декабря фашисты переменяют номер печати на всех пропусках, выданных полицией и комендатурой. В этом же сверточке – образец этой печати. Бланки у партизан есть. Формы бланков прежние.

Сибирский взял сверток у Сони, повертел его в руках, как бы думая, куда его понадежнее спрятать, и положил за голенище сапога. «Да, жаль, – подумал он, – раньше, чем завтра к вечеру, не доберусь к Сизасу. А сведения важные. Нужно сделать так, чтобы немцы окружили пустое место».

– Теперь, доченька, мы с тобой не скоро встретимся. Постарайся впредь донесения оставлять в тайнике. Нам нужно быть предельно осторожными, раз немцы решили, во что бы то ни стало, уничтожить партизан. Понаблюдай за изменниками родины. Что-то много появилось в деревнях провокаторов. Приходят к сочувствующим нам хозяевам, стучатся к ним ночью, а утром, глядишь, хозяев эсесовцы арестовали и увезли на расстрел. – Сибирский нежно погладил руку Сони, пожал ее и выскользнул из дверного проема развалин.

Соня посмотрела ему вслед, как он, слегка согнувшись и оглядываясь по сторонам, шел по дорожке по направлению к саду и речке. Лишь только он скрылся в зарослях кустов, она быстро вышла в переулочек и открыла свою калитку.

Дома Александра Ивановича не было – он еще не вернулся с электростанции, Лидия Федоровна ходила с перевязанным мокрым платком головой, – только это ей помогало от головной боли. А Игорь уснул у себя в кровати. Соне спать еще

не хотелось. Она разделась и подошла к кровати Игоря. Ей показалось, что Игорь стонет во сне. Она нагнулась, чтобы прислушаться, и тут Игорь очнулся.

– Ты только что пришла? – спросил он сонным голосом.
– Где ты оставила этого Ганса?

– Он никак не хотел отходить от меня, а мне было жалко его оставить. Он такой славный, – ответила Соня.

– Славный? – переспросил Игорь, окончательно проснувшись. – А ты не слышала, как он вчера твоему шефу докладывал о расположении партизан? Этот «славный» парень готовит сведения, чтобы немцы могли уничтожить сотни наших русских людей. А тебе он «славный»! Ты такая наивная, моя Перльхен, что когда-нибудь пожалеешь об этом!

Соня состроила ему гримаску и закружилась по комнате.

Игорь достал из-под подушки конверт и отдал ей. Это было Мишино письмо. Соня вскрыла его, и удивилась, что Миша у нее просит прощения.

– Я об этом даже забыла! – воскликнула она.

– Но ты ведь его любишь? – спросил Игорь.

– Нет, нет и нет! Не любила, не люблю и вряд ли буду когда-нибудь его любить. Я отношусь к нему просто хорошо, по-товарищески, а он этого не понимает. Чудак!

Игорь выслушал эту фразу и подумал, что он, наверно, в Соне ошибался. Вообще в последнее время он перестал понимать Соню – она стала какой-то сложной.

Соня раньше еще заметила, что оберштурмбанфюрер СС фон Вольтат, ее бывший шеф, очень часто ездил в Тавель, в Крымскую шпионско-диверсионную школу, руководимую Августом Лендером. Из школы фон Вольтат привозил каких-то подозрительных типов. Эти типы долго не задерживались в Карасубазарской фельдкомендатуре. Они куда-то уезжали, и редко возвращались в Карасубазар. Эти подозрительные типы могли принести неприятности партизанам, – решила Соня.

Сидя сейчас за своим столом в кабинете Матова, она слышала, как некоторые из этих подозрительных типов тихо беседовали с шефом по-немецки о каких-то опасных путешествиях и больших трудностях, связанных с этим. Но беседа проходила всегда очень тихо, и Соне никак не удавалось ухватить смысл этих разговоров.

Но вот однажды случай все же помог ей.

Во время одной из таких «тихих» бесед Матов вдруг попросил Соню переводить, так как сумрачного вида собеседник шефа плохо говорил по-немецки. Матов не мог его понять и раздражался. Соня подсела к ним поближе и стала переводить их беседу, и она оказалась далеко не простой.

Соня уяснила, что в школе Лендера готовят из числа военнопленных не только диверсантов для заброски в тылы Красной Армии, но и для внедрения шпионов и провокаторов в расположение партизан. Перед нею сидел подготовленный шпион, которого немцы хотели забросить к партизанам. Цель заброски – изнутри посеять среди партизан неверие в значительность успехов партизанской борьбы, воспользоваться их тяжелым продовольственным положением в лесах, и склонить менее управляемых членов отряда к захвату командного состава партизан и сдаче его в плен немцам.

У Сони накопилось уже много кличек и фамилий этих предателей, вышедших из школы Лендера. И вот при очередной встрече с Сибирским она рассказала ему об этих подозрительных типах, и попросила встречи с Сизасом, чтобы доложить ему обо всем.

Сибирский быстро организовал встречу Сони с Сизасом. Она состоялась, когда Сизас медленно ехал на машине из Пролома по Карсубазарской дороге. Увидев Соню, он приостановил машину, и она впрыгнула на заднее сидение. Разговор продолжалась всего двадцать минут. Но то, что Сизас узнал о наблюдениях Сони за выпускниками Крымской шпионско-диверсионной школы, потребовало безотлагательных действий.

У Сизаса наметился план инспектирования школы Лендера, и он отправился туда на следующий день рано утром, переодетый под доктора Веккеля, оберштурбанфюрера СС.

Доктор Веккель въехал в деревню Тавель, расположенную к юго-западу от Симферополя. Небольшая пыльная деревушка раскинулась у пологого склона горы, и подходила своей южной окраиной к самому мелколесью. Там у кромки леса и располагалась Крымская шпионско-диверсионная школа Абвера. Одноэтажное здание в виде буквы Г было обнесено высокой каменной стеной, по верху которой на стальных кронштейнах протянута колючая проволока. Сквозь нее ночью пропускаться электрический ток.

Возглавлял эту школу матерый шпион Август Лендер. Он был прислан в Крым ведомством адмирала Канариса для усиления руководства школой, которой придавалось особое значение. Это был 38-летний мужчина крупного, но не рыхлого телосложения, сильный, и, в то же время, гибкий и тренированный, с малоподвижной, жестокой физиономией, с серыми, холодными глазами и льняными волосами. Сын богатого прусского юнкера, потомственного военного полковника Вермахта, он окончил трехгодичную Высшую разведывательную

школу Абвера в Берлине, был руководителем подобной шпионско-диверсионной школы в Югославии на побережье Адриатики и там получил чин гауптмана. Он снискал себе славу, как весьма жесткий и непреклонный руководитель, наводивший ужас своими питомцами на население Югославии.

После многих провалов выпускников его бывшего предшественника, Август Лендер прибыл в Тавель, где сразу стал туго закручивать гайки. Несколько человек-выпускников шпионско-диверсионной школы в Тавеле были посланы в Карасубазарскую фельджандармерию для того, чтобы там они могли легче проникнуть в горы под видом подпольщиков. Но четверо из них, едва вошли в лес, сразу сдались партизанам и рассказали все, что знали, потом были переправлены на Большую землю. Трое были разоблачены партизанами, и, наконец, еще один – бесследно исчез. По-видимому, где-то затаился в одном из селений степной части Крыма, или перебрался на Украину.

Перед Веккелем-Сизасом стояло несколько задач: раздобыть списки слушателей, отчислить наиболее ярых противников Советской власти, проверить соответствие преподавателей своим обязанностям, и, по возможности, часть из них тоже представить к отчислению, затем, или ликвидировать, или, захватив, отправить на Большую землю.

В школе Тавеле у партизан было два агента – преподаватель «Горский» и официантка «Ирина». Благодаря ним партизанская разведка была в курсе того, что там делалось, но получить от них информацию было очень сложно. Охраняли Тавель и школу усиленная рота немецких солдат и карательные части татарских националистов численностью до батальона.

Доктор Веккель подъехал к пропускному пункту у въезда в Тавель. Он остановился у шлагбаума и предъявил свои документы вышедшему из будки унтер-офицеру. Офицер внимательно прочитал удостоверение Веккеля и возвратил ему документы, но не поднял шлагбаума. Он извинился

перед доктором и отошел позвонить. Через пять минут шлагбаум был поднят, унтер-офицер вышел из будки и пояснил Веккелю, как проехать к школе. Но перед въездом во двор самой школы у Веккеля снова проверили документы, после чего провели его в кабинет начальника школы.

Лендер принял Веккеля в скромном кабинете с большим почтением, но без подобострастия. Он внимательно ознакомился с удостоверением личности доктора Веккеля и даже незаметно посмотрел бумагу на свет.

Затем так же внимательно изучил его командировочное предписание, просмотрев отметки мест, где он соизволил ранее побывать. И только после этого возвратил документы, и спросил, с чего хотел бы господин доктор начать инспектирование.

– Мне хотелось, прежде всего, ознакомиться с вашим авторитетным мнением о школе и ее составе, так как вы здесь относительно новый человек, узнать ваше мнение о причинах многих провалов выпускников школы, и только после этого приступить к ознакомлению с процессом обучения, обучаемыми и обучающими.

Приближался час завтрака, и Лендер предложил Веккелю позавтракать и выпить кофе. Веккель согласился, и они прошли в отдельный кабинет при столовой, где обычно принимала пищу администрация школы.

За завтраком Лендер рассказал Веккелю, в каком состоянии он принял школу у своего предшественника. Причину частых провалов выпускников Лендер объяснял изъянами подготовки, дисциплины и пополнения. Слишком плохой людской материал ему присылают сортировочные лагеря военнопленных – все каких-то полуграмотных, недоразвитых кретинов из сыновей бывших кулаков и торговцев, а то и уголовников.

Веккель усмехнулся.

– Я это сразу понял, когда инспектировал Джанкойский лагерь, – сказал он. – Там были намечены именно такие типы

для посылки к вам. Помимо всего, они еще лодыри, или воры, которых нужно ликвидировать. Но я этого не допустил...

Лендер подумал и сказал:

– В Югославии я таких в лагерь не допускал. Старался школу комплектовать из монархистов и усташей-хорватов. Это был материал!

– Думаю, вам нужно подбирать, прежде всего, людей со средним образованием, бывших пленных офицеров Красной Армии, может быть, даже бывших коммунистов и комсомольцев, – продолжал доктор Веккель. – Из этого людского материала скорее можно подготовить умелых шпионов и диверсантов. Главное, подобрать хороших пропагандистов-преподавателей, а всяких тупиц и неучей гнать в шею. Сразу видно, господин гауптман, что вы – образованный и мыслящий человек.

В ответ на комплемент, Лендер начал рассказывать доктору Веккелю, как хорошо у него была организована школа шпионов на побережье Адриатики, и инспектор с ним соглашался в большинстве вопросов.

После завтрака доктор Веккель прошел по зданию школы, ознакомился с его кабинетами, физкультурным залом и военно-спортивным городком.

Обед они снова провели вместе с Лендером. За обедом обсуждали многое из того, что доктору Веккелю удалось заметить. Он осторожно делал кое-какие замечания Лендеру, и, в большинстве случаев, соглашался с ним, как более опытным старшим по званию разведчиком из ведомства Кальтенбрунера.

На следующий день доктор Веккель решил ознакомиться с процессом обучения слушателей школы. Он побывал на уроке подрывного дела, которое вел бывший офицер-сапер Колчаковской армии. До войны тот работал на Черниговщине заготовителем, был мобилизован в Красную армию, но быстро

попал в плен к немцам. В школе верой и правдой служил «новому порядку», но подрывное дело знал плохо.

Веккель прослушал его уроки и предложил Лендеру немедленно уволить бездаря.

Впоследствии партизанам удалось поймать этого предателя, и он понес заслуженную кару.

Побывав на других уроках, доктор Веккель наметил к увольнению еще двух преподавателей, как неграмотных и несоответствующих должности.

Август Лендер согласился с доводами Веккекеля.

Один из уволенных преподавателей, который вел в школе немецкий язык, был по дороге в Симферополь схвачен партизанами и отправлен на Большую землю. Уже, будучи на Кавказе, он рассказал много полезного органам советской разведки о заброшенных шпионах и диверсантах. Его показания оказались точными, и помогли ликвидировать опасных шпионов.

Только на третий день доктор Веккель занялся составом слушателей школы. Он попросил списки слушателей и их личные дела, долго их рассматривал и заносил фамилии и клички в отдельный список и себе в записную книжку.

Закончив с анализом состава, Веккель вошел в кабинет Лендера.

– Посмотрите, господин гауптман, на это «созвездие», которое я подобрал из ваших слушателей, – сказал он. – Считаю, что вы, господин гауптман, мало занимаетесь личным составом школы, и не могу понять тех руководителей, у кого слова расходятся с делом. Возможно, конечно, что у вас еще не дошли руки до того, чтобы почистить школу, но мне теперь понятны те провалы, которые преследуют ваших питомцев. Вот список около двадцати ваших слушателей. А кто они? И вы хотите, чтобы большевики их не разоблачили!..

Веккель передал Лендеру отдельный список. Тот читал его и постепенно краснел от гнева. Все отобранные слушатели

были воры разных специальностей, от "щипачей" и до домушников и грабителей и судимы много раз. Все неграмотны или имели два-три класса образования. Поголовно у всех на руках, груди и даже спине были красочные татуировки...

– Вот ваш материал, – усмехнулся доктор Веккель. – Немудрено, что их сразу же вылавливают большевики. Одни приметы, что стоят! Нужно было, господин гауптман, разобраться, с кем вы имеете дело, и половину отослать обратно в лагерь. Вынужден буду записать в акт проверки о неудовлетворительном состоянии руководимой вами школы.

Лендер промолчал.

Однако к вечеру, на ужине, инспектор стал несколько добрее, пообещал Августу Лендеру ничего плохого в акт не записывать, но посоветовал поскорее освободиться чуть ли не от половины состава слушателей. Среди них было много ярких врагов Советской власти.

Расстался доктор Веккель с руководителем школы Августом Лендером самым лучшим образом и вполне по-дружески.

Август Лендер воспользовался советом доктора Веккеля и почти полностью сменил у себя преподавательский состав и контингент курсантов. Однако его школа лучше работать не стала. По-прежнему выпускников школы повсюду преследовали провалы...

Продолжение дневника Игоря Алешина

30 декабря 1942 года

РЫЦАРЬ ОСКОРБЛЕН

Сегодня для меня позорный день. Я проиграл Кудреану три партии шахмат, а выиграл только одну.

Подбадривая после моего третьего поражения, капитан Кудреану стал утешать меня цитатами о шахматном искусстве. Например, Люк де Клапси Леверанг говорил: «Шахматное искусство – это умение читать чужие мысли».

Когда счет в матче достиг три и шесть, в пользу Кудреану, обычно осторожный в общении со мной, капитан решился на откровенность:

– Составлять, как вы делали раньше, шахматные этюды, и посылать их в шахматные издания, это еще не значит – хорошо играть в шахматы. Шахматная комбинация – это не сама шахматная игра. А шахматы – это не только игра, а именно – борьба. Когда идет шахматная борьба в матче – это другое состояние жизни.

– Другое состояние жизни, – задумчиво произнес я, после ухода Кудреану.

Вечером пришел Герберт и привел своего камрада Вилли. Этот Вилли произвел на меня хорошее впечатление: скромн, воспитан, услужлив и, я бы сказал, похож на тех немцев, какими мы их представляли в догитлеровские времена. Гости принесли с собой вино, которое мы медленно потягивали за беседой.

А Герберт вел себя весьма глупо, всем видом показывая, что он влюблен в Соню по уши. За это мы с Соней наказали его многочисленными колкостями. Он ушел раздосадованный. В следующий свой приход он обещал принести фотоаппарат и сфотографировать Соню.

Я тоже захотел получить фото... Они переглянулись.

31 декабря 1942 года

РЫЦЕРСКИЕ ПОСЛЫ ОТВЕРГНУТЫ

Итак, мои зловключения продолжаются. С утра проиграл три партии шахмат Кудреану, и теперь у него +5. Я совершенно растерялся. Он не стал играть сильнее, но со мною что-то случилось!

Днем пришел Герберт и сфотографировал меня три раза. Он спрашивал, почему Соня сердится на него. Я его разубедил, но зато наврал, что у нее есть кавалер.

Тут пришла Соня, и Герберт потащил ее во двор фотографироваться.

Прощаясь у калитки, Герберт убеждал Соню прийти к ним на праздник. Но она отказалась, так как будет встречать Новый год в фельдкомендатуре. Однако он сказал, что пришлет приглашать ее своего начальника – унтер-офицера Голя.

К шести часам вечера за Соней должен был зайти шеф, чтобы вместе идти на вечер, но что-то его нет.

Приехали Суворовы. С ними вместе уговариваем Соню не ходить на вечер, если шеф за ней не придет. Она согласилась. Сели ужинать.

А около шести вечера заявили Вилли и Голь. Начались новые уговоры. Чем бы это кончилось – не знаю. Но тут за Соней пришел Отто. Спор у немцев был громкий, но Вилли и

Голь ушли несолоно хлебавши. А Соня пошла на праздник с Отто.

Без Сони Новый год мы встретили довольно скучно.
Итак, настал 1943 год. Что он принесет?

1 января 1943 года

ДРУГ СТРАДАЕТ

Соня вернулась в шесть утра и легла спать, когда я уже почти выпался.

Во время завтрака к нам пришли Маринеску с Буби и Михаилом, что очень удивительно. Я не видел этого Михаила почти восемь месяцев.

Маринеску – это поручик Румынской армии. Буби – сын местного богача, еще больше разбогатевшего на махинациях при немцах.

Михаил – это не тот воздыхатель по Соне, мой приятель Миша. Михаил – это местный житель, симулировавший длительное время сумасшествие. О нем следует сказать подробно. Он наводил на многих жителей Карасубазара, в том числе и на меня, панический ужас. Однако медицинская экспертиза, проведенная в 1937 году, перед выборами в Верховный Совет СССР, установила его нормальное состояние. Он жил один в большом доме, нигде не работал. Одно время выкармливал дома свиней. Корм доставал всегда без очереди, так как его все боялись. По улице ходил, не обращая ни на кого внимания. Если встречались хорошенькие женщины, ржал, вызывая у них панический страх. Но, кроме свиней, была у Михаила другая страсть – он любил читать и каждый вечер ходил в библиотеку.

Говорят, что в библиотеке он, кроме книг и газет, интересовался формулярами читателей, выписывая из них фамилии коммунистов. Когда пришли немцы, он, якобы, эти списки передал им. Многим это стоило жизни.

Однако мне известно, что немцы его самого арестовали и нещадно выпороли шомполами за какой-то обман. Потом он исчез из вида.

Говорят, Михаил обвинял свою мать, что она его сделала сумасшедшим. За это он выгнал ее из дома, и она скиталась по своим родственникам. Из дома он все распродал. Ходил по селам и собирал болгарский фольклор, записывал у старух болгарские песни. Все его боялись, особенно женщины. Пустил он как-то к себе на квартиру приезжую молодую пару. Вечером они приходят домой, а на их двери – записка:

«До 12 часов жена – твоя, после 12 – моя!»

За полчаса они собрались и ушли...

Удивительно, что он подарил мне пачку сигарет. Конечно, папа сразу же меня ограбил.

Лёка пришел поздравлять нас с праздником. Он поцеловал Соню, а она – его. А меня таким же образом Соня не поздравила, если не считать скромного поцелуя, которым она меня наградила, когда нечаянно ударила по голове гитарой, снимая ее со стены.

Соня была в этот день веселой, рассказала, как вчера провела вечер. Оказывается, Вилли и Голь пришли тоже на вечер в полицию и там пытались увести ее в ортскомендатуру. Ортскомендатура – это немецкая гарнизонная комендатура. На вечере шеф Матов здорово напился, и устраивал Соне бурные сцены ревности. Соня тихонько поделилась с мамой, как оскорбительна для нее эта тайная страсть Матова. Матов никогда не требует от нее ничего предосудительного, но намек его довольно ясен. Он сказал: «Тех женщин, что я имею – я не желаю, а, что хочу – не могу взять!»

Мама уговаривала Соню быть осторожнее.

О, хоть бы поскорее приехала его жена Фрау Инга. Видно, его не устраивает даже то, что собаке, которую он забрал у Миши при обыске, он дал тоже имя Инга.

Вечером пришел Матов с праздничным визитом. Он пытался очернить перед нами Соню своими подозрениями, но нашел в моем лице решительный отпор.

Чтобы загладить впечатление, он милостиво разрешил маме поехать в воскресенье с Соней в Кабурчак за картофелем.

– Когда же вы посетите нас по-настоящему? – спросил я.

– Хорошо, – ответил Матов, – завтра вечером я приду к вам.

Видно, что ему приятно бывать у нас. А для Сони это тоже лучше, так как он почувствует, что мы за нее беспокоимся.

Спать легли в половине восьмого!

2 января 1943 года

ГОРЬКИЕ ПИЛЮЛИ

Такого нервного, досадного и грустного дня у меня давно не было.

Мама и Соня уехали в Кабурчак.

Соня обещала привезти мне первую часть своего дневника, где написано обо мне, и довольно приятное.

Но вот пришел Кудреану, и началось!

Никогда я не начинал играть, сильно волнуюсь. Винават я сам, так как на протяжении четырех дней только и думал о том, как бы отыграть проигранные пять партий. Кудреану почувствовал, что я решил на этот раз отыгаться, и тоже волновался. В результате было много ошибок, но последние были

за ним, и я выиграл две партии. Но на душе не стало легче. Было тяжело от пережитого за доской.

А тут приехали мои. И Соня преподнесла мне горькую пилюлю, то есть не привезла дневник. По дороге она нахально прочитала Мишино письмо ко мне. Там нет ничего особенного, но все же обидно, что она не подождала, пока я сам ей ни покажу.

А дальше... Кудреану выиграл у меня партию. Это был удар для меня, так как я дал себе слово больше не проигрывать. Следующую партию я согласился признать ничьей, так как боялся ее проиграть.

Я очень редко попадал при игре в шахматы в патовое положение. В реальной жизни подобная ситуация обычно заканчивается сдачей – гибнет идея, сдаются в плен, опускаются руки. В шахматах – уникальный порядок для попавших в патовое положение. Безвыходная ситуация признается сразу для обоих игроков. В результате – ничья.

К такой ситуации в очередном матче привел я своего противника. Этюдным способом я спасся от имевшего материальный перевес Кудреану. И при запертой белой Ладье противника в углу h1, Короле на g1 и пешки на h2, я объявил пат, блокировав последнее свободное поле в зоне правителя белых своим черным конем на g3.

А пока был занят игрой в шахматы, Соня вдруг показала при всех, как пользуется моей доверчивостью к ней. Завладела моим «тайником» и стала в нем копать. Как это меня взорвало! Неужели она не могла это сделать позже?..

...Мама рассказала, как хорошо ее приняла Сонина бабушка Калина. Расспрашивала, как ведет себя Соня у нас, с кем гуляет, а потом, плача, сказала: «Доверяю ее тебе. Смотри за ней, как за дочкой! Спасибо тебе!»

7 января 1943 года

ПРИЗНАНИЕ

С утра почувствовал себя скверно. Зима стоит очень теплая – еще не было снега.

Пришел Кудреану. Сели играть.

Темп игры сегодня, на радость, быстрый. Проигрываю восьмую, а затем и девятую партии. Даже противник усмехается, глядя на меня.

Удивительно, в душе нет волнения от такого разрома.

Выигрываю следующую партию, затем еще одну. Общий результат за сегодня 5:3 в мою пользу. Перевес у него снизился до 5 очков. Кудреану уходит сильно расстроенный. Оказывается, он хуже меня переносит поражения. Мои болельщики радуются больше меня. ...

...Мама рано ложится спать, а мы с Соней остаемся одни. Папа уехал в Симферополь....

В такие минуты у нас с Соней обычно получаются беседы по душам.

– Я тебя сегодня хочу напугать, – сказал я Соне. – Заранее прошу у тебя извинения, если ты чего-нибудь не поймешь и нечаянно будешь оскорблена.

– Ну, почему же? Я пойму, – ответила Соня.

...Я начал свои излияния. Она слушала меня с жадным интересом. Когда я разъяснял ей, что она стала для меня родным и дорогим человеком, когда я говорил ей, что считаю ее своей любимой сестрой, – я почувствовал, что она взволнована, что она понимает меня и, может быть, благодарна мне.

Я рад, что моя любовь не получила порицания и не унизила меня в ее глазах.

– Ты для меня тоже не чужой, – призналась и мне Соня.
– Я еще в Кабурчаке привыкла к тебе, и меня всегда тянуло к

вам. Но столько труда стоило мне упросить подруг, чтобы вместе идти к тебе. Одной было неловко.

– Да, Перльхен, я не стыжусь, что люблю тебя. Твое общество стало для меня просто необходимым.

Столь приятная беседа продолжалась до полуночи. Я, конечно, хорошо сделал, что сказал ей все это...

12 января 1943 года

ЛИСТОВКИ

Простудился всерьез. Тяжело протекает моя болезнь. Мама все хочет сделать то, что для меня никак неприемлемо. Соня 9-го ушла в Кабурчак и только сегодня смогла вернуться – непогода задержала ее. Выпал глубокий снег и ударил сильный мороз. Девятого над городом летали советские самолеты.

– В Симферополе, – рассказывал возвратившийся оттуда папа, – летавшие советские самолеты разбрасывали листовки. – Закрыв плотнее дверь в комнату, папа тихо сказал: – Листовки теперь напечатаны в виде коротких призывов: «Долой гитлеровский "новый порядок"!»; «Смерть немецким оккупантам!»; «Товарищи, все на битву с захватчиками!»; «Да здравствует Советский Крым!»: «Товарищи крестьяне! Прячьте продовольствие, угоняйте скот в леса, ничего не сдавайте проклятым фашистам. Пусть с голодудохнут эти мерзавцы!».

– А как спрячешь продовольствие от немцев? – так же тихо осмелился спросить я, первый раз услышав опасные слова от папы.

– Люди нашли остроумный способ срыва продовольственных заготовок захватчиков. Через своих людей в оккупационных учреждениях, они убедили гитлеровцев в целесообразности уборки урожая не общинами (бывшими колхозами),

а десятидворками. Хозяева каждых десяти дворов сами убирали и обмолачивали хлеб, который сразу же развозили по домам и могли спрятать. В результате оккупантам доставалось только то, что оказывалось в общинных амбарах, – сказал папа, и поднес палец к губам. Разговор был окончен.

Вечером выяснилось, что Соня с Мишей опять сильно поссорились. Он самовольно взял у бабушки Калины лаки и масляные краски. Кроме того, Соня возмущалась его отзывами о нас. Ей передала этот отзыв тетя Аня, которая сейчас находится у бабушки.

Какой отзыв? Что Соня и папа работают у немцев?..

21 января 1943 года

НЕЧАЯННАЯ ОБИДА

Приходил утром мой партнер. Играли долго, но партию отложили.

Вечером пришли Матов и Отто. Шеф принес водку. Видно, что они сами уже выпили. Отто почти сразу ушел. Сначала было весело. Но когда папа ушел на электростанцию, в его отсутствие шефа опять разобрало. А папа что-то долго не возвращался, уже ночь, прошло больше двух часов. Мы стали беспокоиться, что его мог задержать патруль. И мама попросила Соню и шефа пойти на электростанцию узнать, что с папой. Но только они оделись, как открылась дверь, и появился папа...

– Брось дымить, – вдруг набросился он на меня, когда я при нем закурил данную Соней сигарету шефа.

Мама вступилась за меня. Папа стал ее ругать и обозвал обезьяной, а потом повторил это слово по-немецки.

Матов вдруг, ни слова не говоря, встал из-за стола, с гордым видом, оделся и ушел, едва простившись.

Соня вышла за ним. Видно, что он обезьяну принял на свой счет.

«Что мы подражаем немцам, как обезьяны», – понял я возмущение папы.

Вернувшаяся Соня сообщила:

«Я никогда не думал, – сказал ей надутый Матов, – что меня обидят в этом доме и назовут обезьяной. Я этого не заслужил».

Как Соня ни старалась его убедить, что разговор был не о нем, он остался при своем мнении.

Конечно, пьяного трудно разуверить, но может быть и хуже, если Матов затаит на нас обиду...

ГЛАВА 40

В фельдкомендатуру СС Карасабузара привели группу арестованных из деревень Мелек, Бурундук и Кабурчак. Всех их арестовали по подозрению в принадлежности к партизанам. А в Карасубазаре должны были поместить в подвале бывшего здания, где они учились раньше, чтобы стать механизаторами. Они помнили этот подвал с зарешеченными узкими окнами под потолком. Окна выходили во двор. Они помнили, что электрическая лампочка под потолком едва проливала свет на сырой цементный пол, и в подвале всегда царил полумрак. Арестованные шли и вспоминали эту школу механизаторов.

Вел их полицай из Кабурчака Георгий Дербеев, бывший колхозник, которого назначил на эту должность его родственник, староста села – Тричев.

Деребеев эту должность получил без желания, не хотел помогать «новому порядку». Но обстоятельства заставили его пойти на этот шаг. И хотя он выполнял свои обязанности старательно, свою совесть пока не потерял. Всех арестованных он знал лично – они были такими же колхозниками, как и он, но были специалистами – трактористами и механизаторами.

По дороге из Кабурчака в Карасубазар к нему обратился один из арестованных – механизатор Маноль Каражов:

– Зачем ты ведешь нас в полицию, Георгий? Ты ведь знаешь, что мы не партизаны!

– Так приказал Пантелей Савич. А он – теперь наша власть.

– А ты что, нас не знаешь? Ты был колхозником, а мы механизаторами, – начал пререкания тракторист из Пролома Саркиз Топольянец.

Деребеев же твердил свое:

– Мне приказали, и я исполняю приказание.

– Но ты же знаешь, что ведешь нас на смерть? – совестил полиция тяжело шагающий Максим Пархоменко. – Раньше ты был такой же, как и мы, а теперь...– И Пархоменко махнул рукой и смачно сплюнул.

– Я еще сам не решил как, но буду вас защищать. Буду... – вдруг сказал Деребеев. – Чтоб мне пропасть, буду...

– А понимаешь ты, что нас девять человек, и мы, если захотим, легко можем с тобой справиться? – угрожал Маноль Каражов. – Ты и выстрелить не успеешь, как мы можем тебя связать и уйти в лес.

Воцарилась опасная тишина. Только сухая трава трещала под ногами.

– Немецкий ты холуй, сволочь! – рявкнул Иван Бостанджиев.

– Ну-ну, не балуй! – Деребеев пропустил арестованных на несколько шагов, вскидывая автомат. – Топай, топай вперед!

– Какое же ты дерьмо, Георгий! – сказал кто-то из толпы сиплым голосом, и Дербеев не опознал, кто этот хулитель. Возможно, Степан Голяков, который в детстве в школе сидел с ним за одной партой, а теперь шагал у него под конвоем... Дербеев от злости даже сплюнул на землю, и отвернулся от арестованных. На всякий случай он отстал еще на три-четыре шага от опасных мужиков, и с тоской огляделся по сторонам. Нет, помощи арестованным ждать, вроде, было неоткуда...

Дальше шли, молча, до первых домов Карасубазара. На углу Греческой улицы и была эта школа механизаторов, а теперь в ней разместилась полевая немецкая полиция. Дербеев скомандовал:

– Заходи в ворота по одному!

Когда группа механизаторов вошла во двор, к ним быстро вышел немец – полицай Вольф. Дербеев передал ему пакет, а Вольф показал, куда вести арестованных. Они спустились в подвал, и там первого же мужика – Маноль Каражова – ударил со всего маху железным прутом немец-полицай, облаченный в обычную армейскую форму с широкой красной наружной повязкой.

Маноль упал от удара. И сразу в подвал вывалились еще два немца и три татарина-добровольца, и они начали жестоко избивать арестантов.

Полицай Георгий Дербеев с удивлением смотрел на картину избиения односельчан. Он не ожидал такого. Что-то, видимо, шевельнулось у него в груди, потому что он не выдержал и спросил у избивающих солдат по-русски:

– Зачем же вы их бьете, если вину еще не установили?

Немцы ему не ответили, а татары лишь взглянули на него, как на дурака, и продолжали избивать повалившихся на пол механизаторов.

Наконец, бойцы устали, и один из немцев поднялся вверх здания и позвал Матова.

Матов спустился в подвал вместе с Соней. Ее позвали из общей комнаты полиции, где сидели административные работники фельджандармерии.

Захватив папку с бланками допросов, Соня шла вслед за Матовым. В тусклом свете подвала Соня с трудом узнала в строю избитых до крови арестантов некоторых своих односельчан. Они тоже ее узнали, и кто-то из них с надеждой с ней поздоровался.

Выступив немного вперед, Маноль Каражов осмелился выяснить:

– Господин начальник, мы не понимаем, зачем нас арестовали, а сейчас избили. Мы несколько лет назад окончили школу механизаторов вот в этом здании, – Каражов поднял руку и показал на потолок. – Мы занимались тем, что водили трактора и комбайны, пахали землю, собирали урожай...

Соня перевела Матову. Он ткнул пальцем в одного из арестованных

– А этот?

– Он тоже механизатор, – решил подать голос защиты полицай ДЕРЕБЕЕВ.

– А этот?

– Он тоже механизатор, из деревни Мелек. Староста Мелека о нем хорошую характеристику прислал, – сказала Соня Матову, доставая из папки какую-то бумагу.

Матов пожал плечами и спросил:

– И этот?

– Он тоже механизатор, – ответил Каражов.

Тогда Матов спросил полицая, знает ли он этих людей?

– Знаю, – заступился тот. – Все они трактористы и комбайнеры, и я не замечал за ними, чтобы они занимались политической деятельностью или поддерживали партизан...

– А что написал староста господин Тричев? – спросил Матов у Сони.

Соня порылась в папке и извлекла оттуда бумагу, подписанную Тричевым.

– Он пишет, господин штурмбанфюрер, что эти люди окончили школу механизаторов в Карасубазаре, и им там преподавали политграмоту, и что они могут помогать партизанам. – Соня подумала, что ошиблась и снова с досадой прочла текст документа. Там именно так и было написано.

– Не помогали, так будут помогать, – зацепился за обвинение Матов и махнул рукой, – расстрелять всех!

– Как можно расстреливать невинных людей, господин штурмбанфюрер? – сорвалась Соня. – Я этих людей знаю – они невиновны. Об этом и староста в письме говорит, что «они могут помогать», но не говорит, что помогали, – взмахнула она документом перед шефом.

– Расстрелять! – заорал на нее Матов. – Для того и написал, что «могут помогать», чтобы я решил за него!

И в это время полицай ДЕРЕБЕЕВ, поняв, что начальник велел арестованных расстрелять, решительно снял с себя ремень с патронташем и положил его в угол, туда же поставил автомат, снял с себя пилотку и шинель и швырнул их на оружие. А сам подошел к механизаторам и стал с ними в ряд.

– Расстреляйте и меня, господин начальник, раз вы мне не верите! – крикнул он. – Зачем невинных людей расстреливать – тогда уж и меня...

– Я отказываюсь с вами работать, господин штурмбанфюрер, – воскликнула в тон ему Соня, – можете и меня расстрелять. А эти люди не виноваты!

Только в сознании она кричала: «Что я наделала?!»

А Матов окинул взглядом всех, подумал с минуту и приказал всех выпустить, и полицая ДЕРЕБЕЕВУ погрозил кулаком.

Когда Матов и Соня вышли из подвала, он стал ей выговаривать:

– Я не хотел этих людей расстреливать, но в их глазах увидел смертельную ненависть. В принципе, их надо было расстрелять.

И он не ошибся, через несколько месяцев они ушли в лес к партизанам.

Приближался день рождения Матова.

Соня намекала ему, что этот день надо отметить каким-нибудь милостивым актом. Она придумала просить, чтобы он отпустил вторую группу арестованных из Кабурчака ради своего дня рождения. Но он оказался неумолим, сначала ее намеки пропускал мимо ушей, а потом сказал Соне, что это не ее дело – она только переводчица.

Соня решила повторить свою угрозу – отказаться от работы в полиции. Тогда Матов вспылил, посмотрел на Соню свирепым взглядом и заявил:

– Несносная девчонка! Вас уже давно следовало наказывать шпицрутенами. Я этого не делаю, потому что уважаю вашу семью и бываю их гостем...

Но решил в честь дня рождения отложить на две недели расстрел заведующего складом колхоза Янкова Федора и трех Панаскиных – Ефима, Нестора и Евгению, и, если староста Тричев найдет для них какие-нибудь смягчающие обстоятельства, обещал их отпустить.

Соня гадала, как ей оценить такой разговор с Матовым, как свою победу или поражение. Но боялась, что если расскажет об этом Сибирскому или Сизасу, они за неосторожность ее сильно поругают.

Наступил день рождения Матова. Он устраивал по этому случаю вечеринку для своих приятелей у себя дома. Приглашены будут только мужчины. И попросил Соню поухаживать за гостями. Соня всем своим видом показывала шефу, что она обижена на него, но старалась это делать мило, по-детски, и шеф, глядя на нее, таял от любви. Состроив гримаску,

Соня согласилась прийти ему помочь – как ни как, у него день рождения – Geburtstag. Ей было очень важно быть на этой встрече. Ведь у него будет, наверно, все немецкое и румынское начальство города, и она будет там не только пить вино...

И опять ходить по острию ножа...

ГЛАВА 41

Вечером, по приглашению Матова, у него на квартире собрались немецкие и румынские офицеры. Первым на праздник явился румын майор Маринеску. Он поздравил Матова с днем рождения и преподнес ему кожаный портсигар с серебряной монограммой. Вслед Маринеску пришли и другие. В числе приглашенных оказались и знакомый Соне – татарин Юнусов, ставший командиром охранного батальона татарских националистов в чине обер-лейтенанта, и начальник русской полиции – татарин Смольский.

К восьми часам вечера прибыли уже все, и на столике у окна выросла горка подарков – большей частью награбленных в городе вещей. Лишь Юнусов подарил Матову не мужской подарок – старинный, татарской работы, серебряный чеканный браслет с пятью крупными изумрудами. Браслет принадлежал матери Юнусова и представлял собой антикварную ценность. Но татарин не нашел ничего другого для подарка в знак признательности шефу немецкой полиции. Гости с удивлением и одобрением рассматривали необыкновенный подарок Юнусова.

Между тем, стол был накрыт. Особенной роскошью не блистал, но всего было вдоволь. Постарался для шефа полиции повар ортскомендатуры Герберт. Кое-что доставили Матову по заказу из ресторана ВИКО. На столе было много разных

вин, в запотевших бутылках стояла водка, в центре красовалась даже бутылка французского коньяка Наполеон, присланная из далекой Померании женой Матова – фрау Ингой.

Гости уселись за стол, и попойка началась.

Пили за Великую Германию, несущую новый порядок миру и искоренение коммунизма, пили за великого фюрера германского народа Гитлера, за чистокровного арийца, преданного фюреру и Германии хозяина пиршества Матова, за его прекрасную супругу фрау Ингу (которую никто не знал), потом пили уже за каждого из присутствующих в отдельности. У гостей развязались языки, за столом было шумно, клубы дыма от сигар поднимались к потолку, и свет в комнате стал сизым, как в тумане. Открыли форточку, и холодный морозный воздух, клубясь, стал разгонять в комнате духоту. Матов был доволен. Вечеринка удалась на славу. Слегка шатаясь, он встал у стола и постучал по бутылке ножом, держа наполненный бокал с вином.

– Внимание, внимание, господа! – громко хриплым голосом произнес Матов, и прокашлялся. – Этот тост я поднимаю за наши, и подчеркиваю, за наши собственные успехи здесь! Господа, за скорую ликвидацию большевистского подполья в нашем городе!

– Прозит, прозит! – слышались голоса гостей. Все выпили, и раздались аплодисменты.

Соня поняла, что в ближайшие дни начнется большая облава на подпольщиков Карасубазара. Ведь о ней говорили и Матов с летчиком на встрече в доме Алешиных. Она не могла ни заметить, что в фельдкомендатуре готовятся к крупной операции. Соня помнила, как несколько раз приходил по каким-то делам в комендатуру рабочий-плотник винной базы. Был ли он осведомителем, или приходил по плотницким делам, Соня не смогла узнать. Она ломала голову над этим, но не могла ничего придумать. Потом приходил бывший торговец, и часто

стали появляться в полиции и другие подозрительные личности. Однако переводить разговоры с ними к шефу вызывали не ее, а Отто. Этот земляк был сейчас тоже здесь и прислуживал за столом, и уже изрядно опьянел. Почему не ее вызывали переводить этих подозрительных ходоков, а Отто? Перестали Соне доверять или стали ее подозревать? Нет, этого не может быть, считала Соня, иначе шеф не пригласил бы ее помогать на этой вечеринке... Шеф, если и проверяет содержимое ее карманов пальто и сумочки, то лишь из ревности. И шарить в ее вещах заставляет только Отто...

– Отто, – вдруг заорал Матов, – принеси нам еще вина! День рождения только один раз в году, а сегодня пришли меня поздравить мои друзья и соратники.

Отто вышел за вином на кухню, а Матов пожаловался своим собутыльникам.

– Не люблю я этого фольксдойче. Не нордический характер. Не выдерживает допросов – нервы слабые. Однако услужлив, и, как будто, предан...

Соня старалась, по возможности, не маячить на глазах у подвыпивших оккупантов. Ей хотелось поскорее уйти домой.

Отто принес вино. Пока он открывал бутылки и ставил их на стол к шефу, Соня незаметно скользнула в прихожую и оделась. Но уйти незамеченной не успела, Отто снова появился на кухне. Тогда Соня сказала ему:

– Помощь моя здесь уже не нужна, поэтому ухожу домой.

– Как же ты пойдешь домой одна? – спросил у нее Отто, ведь скоро двенадцать часов, и ночью ходить по улицам опасно.

– У меня ночной пропуск, – ответила Соня. – Кроме того, за мной с минуты на минуту должен зайти унтер-офицер Голь.

– Лучше подожди его у калитки, пока он не придет, – посоветовал Отто. – А эти скоро окончательно дойдут, и оставаться тебе тут тоже опасно.

Соня вышла во двор. Ночь была темная, небо заволокло тучами. Мороз несколько ослаб – воздух стал теплее, и почувствовался запах деревьев и травы. Ветерок дул с запада, и редкие капли дождя срывались с неба, попадая неожиданно на лицо. Отто вышел тоже во двор, видимо, проследить за Соней.

– Ты еще не ушла? – спросил он.

– Нет, жду Голя, ответила она.

– Сейчас позвоню в ортскомендатуру и скажу, чтобы он поторопился. Ты знаешь, у него большие неприятности. Его отправляют на фронт, – сказал он тише, подойдя к Соне.

– За что такое? – забеспокоилась она.

– Он оскорбил румынского офицера. В другое время ничего бы не сделали. Да сейчас у нас дружба с румынами стала очень хрупкой...

Отто не закончил сплетню, так как услышал на улице легкое покашливание, к калитке подходил Голь.

– Легок на помине, – сказал по-русски Отто. – Не говори, что я тебе рассказал. Он сам тебе расскажет. – И Отто ушел в дом.

Калитку открыл Голь, и Соня вышла к нему.

Голь был расстроен. Рассказал, что завтра должен ехать в Симферополь, а оттуда – на фронт.

– И все это из-за этой скотины Никулеску! – возмущался Голь.

По дороге он жаловался на свою судьбу. Поведал ей, что у него дома, неподалеку от Любека, в деревне живут престарелые родители, которые не могут справиться со своим небольшим хозяйством. Отец – инвалид еще прошлой мировой войны, а у матери большое сердце. Признался, что никогда не хотел воевать, а уже три года служит в армии. Теперь неизвестно, – вернется ли вообще домой.

Голь слезливо проклинал свое начальство, и румын, и всё на свете...

Неизвестно, когда бы эти излияния закончились, если бы Соня не остановилась у дома Алешиных.

Они постояли у калитки еще несколько минут, и Соня вдруг спросила у Голя:

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Голь смутился.

– Я не влюблен в вас, Соня, – ответил он, я внимательно наблюдаю за вами, и мне кажется, что вы нас, немцев ненавидите, лишь терпите поневоле.

Соне стало тревожно.

– А я тоже ненавижу немцев, хотя и сам немец, – продолжал Голь, и Соня заподозрила, что он ее провоцирует, проверяет. – Это, наверное, у меня от отца – он ненавидит их с прошлой войны. А я ненавижу их за жестокость, за надменность, кичливость и чванство. Я был бы искренне рад, если бы русские надавали нам в этой войне по морде.

Соня не выдержала, и протянула руку на прощание. Голь заметил ее смущение и пожал ей руку:

– Ну, что ж, прощайте, советская девушка Соня! Будьте осторожны.

Соня попрощалась с Голем, и пожелала ему остаться живым в этой войне...

На другой день Соня быстро вернулась из фельдкомендатуры. Шеф отпустил ее пораньше домой, чтобы она помогла Лидии Федоровне подготовиться к празднованию его дня рождения. Все же между дел Соне удалось нацарапать на клочке бумаги несколько слов донесения о готовящейся облаве на подпольщиков.

Она незаметно выскочила в сад и положила в дупло одной из яблонь свою записку. Это был условленный с Сибирским «почтовый ящик», где ей полагалось оставлять свою корреспонденцию.

В восемь вечера на квартире Алешиных появился Матов в сопровождении Отто. Они принесли вино, колбасу и фрукты.

Матова поздравили и преподнесли ему подарки, чем вызвали его умиление. «Удивительно, как уживаются в одном индивидууме дикий зверь и сентиментальный бургер?» – подумала Соня.

Игорь подарил Матову нарисованную им акварель «Три скакуна». Рисунок очень понравился. Соня подарила цветастую, домотканую домашнюю подушку – прускефал. Матов приложил руку к сердцу, благодарив их за подарки. Вскоре явился на празднование дня рождения Матова директор электростанции – цивилизный немец Штрик-Штрёк. В подарок он принес ему бутылку Массандровского портвейна розлива конца прошлого века (где он только ее достал?).

Дальше началась обычная попойка. Матов, Отто, Штрик-Штрёк, Александр Иванович пили много, провозглашая тосты за здоровье именинника, хозяина, хозяйки, милой Сони, Отто и Штрик-Штрёка. Игорь за столом не сидел – он был болен и лежал в кровати. Часа через три после начала ужина Игорь присоединился к столу, и стал свидетелем необыкновенного бахвальства Матова.

– Мы, германская нация, заставим всех неарийцев трудиться на благо нового порядка в мире. И с коммунизмом закончим раз и навсегда! – витийствовал он. – Кто будет с нами сотрудничать, тот будет жить в достатке и ни в чем не нуждаться. Остальных превратим в рабов, или уничтожим. Наша доблестная армия победит весь мир!

– Как же совместить ваши слова, господин штурмбанфюрер, с речью Геббельса? – неожиданно спросил Игорь.

У Матова даже брови поползли вверх. А обеспокоенный Александр Иванович стал усиленно моргать сыну, замолчать. Однако Игорь не обращал внимания на отца, и продолжал:

– Да вот в Крымской немецкой газете «Krim Deutsche Zeitung», –развернул он газету, – недавно напечатаны такие слова Геббельса: «Мы теперь знаем, что неправильно оценили военный потенциал Советского Союза». И дальше: с «востока Рейху угрожает смертельная опасность». И это пишет сам Геббельс.

– Это все – суровая зима, – махнул рукой Матов, – а также партизаны и подпольщики нам помешали. Но ничего, мы скоро истребим всех партизан, всех подпольщиков! И тогда русская армия почувствует всю силу нашего оружия.

– Что-то в последнее время не заметно продвижения немцев ни на востоке, ни на западе, – не унимался оппонент.

– Игорь, хватит! Прекрати свои разговоры! – сказал Александр Иванович, сказал по-русски, но Матов понял.

– Почему же, пусть говорит. Другьям все можно. Мне даже лучше ему отвечать, когда он возражает, – сказал Матов. – Немецкая нация – великая нация, но и временные неудачи возможны. На мой взгляд, основная причина наших неудач – это партизаны! И вы скоро убедитесь, что мы снова начнем побеждать, когда уничтожим партизан и других открытых врагов немецкого государства. – И Матов принялся объяснять, что в ближайшие дни в Карасубазаре и окрестных селах будут проведены массовые облавы на подпольщиков, после чего и подпольщики тоже будут окружены и уничтожены.

– Расстреливать, расстреливать и расстреливать! – закричал он. – Чем меньше останется непокорных людей, тем лучше. А русской молодежи – место в Германии. Нам нужны рабочие руки, чтобы освободить наших парней для фронта.

На протяжении всех разглагольствований Матова Отто пил, как всегда, почти не закусывая, и к двенадцати часам был пьян в стельку. Он встал, шатаясь, Соня и Лидия Федоровна помогли ему одеться, и он, не попрощавшись с остальными,

ушел домой. Вскоре за ним последовал и директор электростанции, извиняясь, что больше не может присутствовать на вечеринке.

Матов просидел до трех часов ночи. Под конец он так опьянел, что лез целоваться к Лидии Федоровне, а потом – к Соне. Однако, встретив отпор обеих женщин, умолк и хотел было уснуть за столом, но Лидия Федоровна и Александр Иванович, его подняли, одели, и вместе с Соней проводили до угла Крымского переулка.

Через несколько дней жители Карабузара были напуганы и встревожены внезапными вторжениями полицаев в их жилища, и повальными обысками. Однако результаты обысков и облав оказались незначительными. Было арестовано несколько граждан города и трое приезжих из Аблеша крестьян, но при последующей проверке все они оказались вполне лояльными, а трое приезжих, еще к тому же, были немцами-колонистами.

Матов рассвирепел от неудачи, разносил своих подчиненных за плохую подготовку к операции, грозился всех отправить на фронт за утечку информации, укорял за пьянство и взятки, и ставил в пример Соню и Отто за образцовое выполнение заданий. Он взвинтил себя до того, что приказал, ввиду угрозы населению, расстрелять всех арестованных, по которым следствие было окончено. Напрасно следователь Кепке пытался ему доказать, что этим актом будут разорваны нити, связывающие арестованных с подпольем, Матов не соглашался отменить свое распоряжение. Несколько успокоившись, он ушел к себе в кабинет и вызвал обоих переводчиков – Соню и Отто. Он начал к ним придирааться.

Выругал Отто за какой-то пустяк и выгнал его из кабинета. Настала очередь Сони. Матов стал ее оскорблять, называл развратной русской девкой, требовал, чтобы впредь к ней не подходили ни немецкие солдаты, ни офицеры. Соня стала плакать от несправедливых оскорблений. Тогда Матов сменил

гнев на милость. Стал говорить спокойнее, с нотками отеческого наставления:

– Я за вас, Соня, чувствую ответственность. Вы так молоды и неопытны...

– Зачем же вы называете меня развратной? – сквозь слезы спросила Соня.

– Ох, извините меня, фрейлейн! Это я погорячился. Но все же я вам запрещаю встречаться с нашими солдатами и офицерами. Теперь идите!

Соня вышла из кабинета Матова, вытирая слезы. Сотрудники полиции видели, как она, плача, села за стол. Все понимали, что Соне досталось из-за ревности. И, вообще, Матов последнее время все чаще был неуравновешенным...

ГЛАВА 42

Продолжение дневника Игоря Алешина

11 февраля 1943 года

ГОРОЖАНЕ НАБЛЮДАЮТ ЗА ОБЛАКАМИ

Почти нет возможности записывать свою «летопись» аккуратно. Днем нельзя писать из-за того, что не проходит и полчаса, чтобы нас не посетил какой-нибудь гость. И вечер заполнен: то приходит Отто, то папин шеф, то еще кто-нибудь... Каждый задает вопрос:

– Ну, что же ты, в конце концов, пишешь?

Сегодня день прошел даром. Был сильный мороз (во дворе – 20), так что руки даже в квартире совершенно отказывались действовать. А в альбоме у меня лежит незаконченная

акварель для Ноны. Она ждет ее ровно год, и очень стыдно, что мне все что-нибудь мешает закончить эту картину.

Рисую я, вообще, немного, но о моих рисунках все довольно высокого мнения. Особенно Соня. А мне больше всего нравится критика Ноны. Она подмечает все неточности и указывает их, не опасаясь, что это будет для меня обидно. Я занимаюсь с ней и Эллой немецким языком. Сам я довольно хорошо им овладел, и знаю, пожалуй, больше слов и оборотов речи, чем Соня. Но я не могу говорить так быстро, как она. Отсутствие практики. Правда, теперь по вечерам мне приходится говорить с папиным шефом, которому позволено приходиться без разрешения, и он пользуется этим довольно неумеренно, так как дома ему скучно. Он, вероятно, страдает от нашего русского обычая угощать гостей. Попадая к нам в то время, когда мы кушаем, он, правда наотрез отказывается садиться за стол с нами, но вынужденно принимает от мамы чай без сладкого. Взамен угощает сигаретами, что нам на руку.

Вообще же, благодаря Соне, мой запас сигарет постоянно пополняется, а папа пользуется для курева газетой. Ради меня Соня стала сигаретным воришкой.

Какую огромную неприязнь питает папин шеф к румынам! Он около года жил в Бухаресте и Кампина, и потому хорошо знает этот народ. Вот слова, которыми он характеризует румын: «грязные свиньи», «обжоры», «вонючие лентяи» и т.д. Он утверждает, что румынские женщины – грязнейшие на свете, хотя и применяют парфюмерию (вот так союзники!).

Много кое-чего интересного можно узнать от него, но я, к сожалению, его плохо понимаю, и потому не поддерживаю беседу частыми вопросами.

Штрик-Штреку иногда показывали найденные на электростанции подпольные листовки, и даже газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красный Крым». Возмущаясь, он их показывал и рассказывал, что тщетно пытается

поймать тех провокаторов, что приносят эту советскую пропаганду на электростанцию. И всегда уверял, что, судя по мнению переводчиков на немецкий язык, в этих газетах распространяется ложь о положении на фронтах и в советском тылу.

Но в последнее время Соня стала что-то редко приносить немецкую газету, и потому трудно следить за военными новостями.

А фронт, видимо, приближается к нам, так как сегодня из-за облаков вынырнул советский самолет и сыпанул на город листовки, чем доставил немцам много неприятностей.

Вчера Пауль – завхоз полиции позвал Соню на склад и дал ей продовольственный паек уехавшего на фронт офицера. Соня говорит, что после этого Пауль приставал к ней, и ей пришлось даже позвать на помощь. Завтра за это происшествие шеф ей устроит баню! Этот красномордый Пауль давно лезет к ней со своими ухаживаниями. Но она-то причем?

15 февраля 1943 года

БОЯЗНЬ ГНЕВА

Как предвидел я, так и случилось. Сегодня Соня вернулась со службы расстроенной. Шеф опять устроил ей скандал. Оказывается, у него было подозрение, что после выдачи офицерского пайка, она сама провела вечер у этого завхоза полиции. Так вот почему вчера прибежал к нам Отто! Спрашивал, где Соня? Какая мерзость!

Шеф определённо уверен, что если Соня не достанется ему, то не достанется никому. А она и не собирается никому отдаваться. Уж мы-то за этим следим. Он собирается сегодня прийти к нам. Надо будет поговорить с ним основательно!

А тут, как на грех, явился ее приятель Петя. Если шеф увидит его здесь, он загрызет Соню. Петя принес яблоки в подарок, и сразу же ушел. Но и шеф не пришел, так что страхи были напрасны.

Почитали немецкие газеты, которые принесла Соня. Вот сведения из сводок: Бои идут севернее Курска, севернее и восточнее Харькова, на среднем Донце, на нижней Кубани, под Новороссийском. Немцы сдали Краснодар, вернее, вернули...

16 февраля 1943 года

КОЛЕБЛЮЩИЙСЯ САМОУБИЙЦА

Сегодня Соня сообщила:

– Я видела Кудреану! Он шел с чемоданчиком. Обещал к нам прийти.

Эффект был потрясающий. Мама даже побледнела:

– Что, он будет приходить, не разбирая времени, и мешать мне?

Но я был рад. Во-первых, книга Достоевского, принадлежащая Эмме, не пропала; а во-вторых, я смогу отыграться. В игре в шахматы я могу, как здоровые люди, думать и действовать. Действовать по продуманным планам. В своей жизни я тоже, конечно, думаю вполне разумно и логически, и у меня имеются даже планы, но действовать мне не позволяет болезнь.

Я люблю музыку, но вынужден играть на немзыкальной деревяшке, сопелке, вместо того, чтобы держать в руках скрипку или гитару. Я люблю живопись, но кисть вываливается из моих слабых пальцев. Я люблю конструировать, но не могу поднять молоток, а ножом ничего не могу сделать...

Нет, это не приступ пессимизма. Просто я хочу логически обосновать, почему я увлекся шахматами. В шахматах я нашел для себя второй мир, в котором мои мысли, идеи и действия – одно целое. И переживать мне приходится не меньше, чем в жизни. Но эти переживания ценны для меня, и удовлетворяют жажду деятельности немого человека.

Какая ирония судьбы! Дать человеку неистощимое стремление к деятельности – и отнять у него средства для этого. Поневоле задаешься вопросом: «А не зря ли ты живешь на свете?». Но этот «глупо-умный» вопрос у меня появился недавно, после начала войны. Раньше этого не было – я был занят, чего-то добивался, переписывался с известными шахматистами, печатался в шахматном журнале...

В то время у меня был такой обескураживающий случай в Севастополе. Тогда у меня был партнер по шахматам некий Анатолий. Хороший парень. Однажды, окончив игру (он проиграл мне), мы разговорились.

– Слушай, Игорь, – сказал он мне совершенно серьезно, он был старше меня года на два и потому мог рассчитывать на убедительность своих суждений. – Зачем ты вот так бессмысленно живешь и ешь зря хлеб своих родителей? Что ты будешь делать дальше? Ты будешь дармоедом в семье и обществе. Тебе бы надо работать, чтобы помогать родителям, а ты не сможешь. Тебе придет время жениться, но это невозможно. Ты будешь лишен радости любви, и не одна девушка не захочет сесть около такого уродца. Ничего радостного у тебя не будет, и ты будешь страдать, если ты не дурак.

Его слова падали на меня, как тяжелые камни. Я и без него знал все это, но в тот момент почему-то эта истина выглядела гораздо ужаснее, правдиво и оскорбительно.

Вся моя оптимистическая натура противилась этим словам, не хотела верить, что это будет именно так. Я пытался найти ошибки в его рассуждениях, или хоть что-нибудь обнадеживающее для себя, но не мог. Да и как я мог спорить, когда

мне было всего пятнадцать лет, и я еще был не способен решать жизненные вопросы. Я не возражал, и только слушал. Во мне все противилось его словам. О, как я ненавидел своего партнера в этот момент! Ненавидел потому, что знал, каков он есть сам в жизни, и что он хочет и что ждет в будущем.

Он был талантлив в рисовании, но он не станет художником, потому что нетрудолюбив, и не станет работать над собой. Он окончил школу, но никогда не использует знаний, приобретенных там, ибо у него нет стремлений к чему-то. Он будет работать, но он не достоин выполнять полезную обществу работу, а выберет ту, которая ему даст больше денег и потребительских ценностей.

Уж его-то будут любить девушки, но это для них будет несчастьем. Дружба и любовь для него – пустой звук, и он будет менять девушек, как старые галстуки. Он будет ходить по жизни беззаботным, но... бесполезным человеком.

Вот это все я мог бы сказать ему в ту минуту в отместку за его приговор.

Как он смел так говорить обо мне?

Да, смел. Он был здоров, и в его праве было удивляться, зачем живу я. Я негодовал, но молчал, потому что он говорил правду.

– Что же ты мне посоветуешь делать? – спросил я, втайне надеясь поставить его в тупик этим вопросом.

В самом деле, что же мне делать? Ведь никто, – а тем более, я сам, не виноват в том, что рожден с таким жутким будущим.

– Ты должен закончить жизнь самоубийством, – ответил приятель, теперь неприятель, нисколько не задумываясь.

– Как?! – вырвался у меня возглас страха и недоумения. – Это же глупо!

– Нисколько! Глупее быть дармоедом. Ведь такие люди, как ты, ни на что не годны!

– Неправда! Вспомни Николая Островского. Он в еще худшем состоянии, чем я, но даже он отверг мысль о самоубийстве и заставил себя сделаться писателем.

– Чудак ты! Островский был участником Гражданской войны, и у него поэтому есть о чем писать. А о чем ты сможешь писать? Ты даже не учился толком. Я бы на твоём месте отравился!

Какую жестокую правду он посмел сказать! Если бы он знал, как я люблю жизнь! При мысли, что я должен покинуть жизнь, я чуть не зарыдал. Но он был прав, и не понял бы меня, если бы я сказал, что жизнь – это борьба, и что я не должен сдаваться, а могу продолжать борьбу. Глупо сдаваться смерти, выпив стакан спичечного настоя. «Нужно искать другой выход, – думал я, – и человек, который объят стремлениями (хотя я абсолютно не знал, к чему нужно стремиться) и имеет поддержку людей, которые знают, что такое жизнь, – всегда его найдет...

Но я не мог это сказать ему, и молчал, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться от злости на этого бездушного эгоиста и от жалости к себе.

– Ну, что ж, живи! – сказал мефистофель на прощание, снисходительно, как будто он мне подарил жизнь во второй раз.

С этого дня я стал серьезен и не уставал искать пути к полезной деятельности, чтобы доказать таким эгоистам, как Анатолий, что и я – не лишний в жизни.

Я пересмотрел свои «литературные опыты», но решил, что это – не мой путь... И тут я случайно открыл, что можно плодотворно творить в области шахмат.

На этом пути мне могли бы помочь знатоки. Но они все жили в столице или в больших городах.

Я два года пытался только понять, в чем заключается суть шахматной композиции. Я получил десятки лаконичных отказов от моих неуклюжих произведений, но я работал. Лишь

на третий год стали печататься мои задачи. Первую я посвятил памяти Николая Островского, моего вдохновителя к жизни и деятельности. Мои произведения хвалили, мне стали помогать. Меня называли в печати талантливым. Это меня радовало и приятно поражало. Но это была неправда. Я не был талантом, а был обычным ремесленником. Каждое мое произведение стоило мне в десять раз больше усилий и времени, чем любому другому композитору. Мне было трудно, но я трудился с радостью. Я был удовлетворен, и никто не мог уже спросить меня: «Зачем я живу? Не зря ли?»

Я стоял уже на пороге знаменитости, пусть печальной, но все же обо мне знали люди, когда грянула война, разрушившая все, в том числе и мое маленькое счастье быть тружеником. К этому я себя не подготовил, и потому теперь, действительно, оказался лишним, даже – поскольку мое физическое состояние стало сильно ухудшаться – обременительным человеком. Я должен еще долго мучиться, ибо, к несчастью, у меня здоровое сердце, а это значит, что я могу дойти до такого состояния, когда не смогу двинуть не одним членом, и все-таки буду «жить». Для чего? Чтобы мучить окружающих?..

Да, тяжело оптимисту решать такой пессимистический вопрос!

Так как же – уйти из жизни? Ведь я страдаю физически: не могу сделать пустякового движения без посторонней помощи, и страдаю морально, ибо, как человек, имею желания, мечты, но даже их одна миллионная часть не осуществляются.

Всего этого более чем достаточно, чтобы решить вопрос в пользу «уйти». Но я этого не сделаю!

Во-первых, пока из гордости; ведь скажут же – как и о каждом самоубийце, – что вот, мол, жил-жил, и не вытерпел!..

Во-вторых, и это самое главное, мне стыдно покрыть седые головы моих родителей позором. «Ах, – скажут люди о них, – пожалели куска хлеба для своего несчастного сына. А он, бедняжка, был так умен!»

Поживем – увидим! Лучше не приносить новое горе в нашу исстрадавшуюся семью. Тем более что сейчас, во время войны, можно умереть совершенно случайно, и не по своей воле.

Что делать дальше, и по какому идти пути?
Не знаю! Бездорожье.

18 февраля 1943 года

КОЛОССАЛЬНЫЙ УСПЕХ

Из немецкой газеты узнал, что немцы оставили города Ростов и Ворошиловград. Сегодня папин шеф сообщил, что немцы оставили Харьков. Какого колоссального успеха добились русские за два месяца наступления!

Папа приехал сегодня из Симферополя. Привез поллитра масла, за что заплатил 450 рублей. Это за обычное подсолнечное масло! Дороговизна!

Задешево он привез только массу тревожных слухов. Говорят, при отступлении немцы забирают всех тех, кто у них был на службе. Кто отказывается – убивают на месте. С другой стороны, и русские, говорят, расстреливают тех, кто служил у немцев. Как в сказке: две дороги – и на обеих смерть!

К местам, где велись бои, прибавляются все новые и новые районы. Бои идут южнее Орла, севернее Курска, южнее Харькова, на Донце, на берегу Азовского моря, на нижней Кубани и в Новороссийске...

И снова прикрыв, как прошлый раз, плотнее дверь в комнату, папа рассказал новости о подпольной работе в Крыму.

– В начале февраля для оказания помощи сопротивлению областной подпольный комитет послал в Феодосию

начальника разведки партизанского отряда Сизаса. В течение двух недель он находился в городе, где встретился со многими подпольщиками, поставил перед ними задачи на ближайшее время. Особое внимание уделил освобождению военнопленных. За все время подпольщики Феодосии освободили из плена 650 советских воинов. Так же активно работали по освобождению военнопленных и многие другие подпольные организации, сказали мне в Симферополе. Игорь, с Соней об этом не говори, – закончил папа, и одновременно приложил палец к губам в знак молчания.

21 февраля 1943 года

ВИЗИТЕРЫ

Еще утром, когда я был в постели, пришел прощаться Кудреану. Он удручен до крайности. Видно, потерял веру в победу Германии. С ним мы все же сыграли последнюю партию в шахматы, на прощание.

Обидным просчетом для меня в начале той партии обернулась неосторожность (а можно сказать, и зевок) в дебюте, когда мы разыграли старо-индийскую защиту.

До пятого хода все шло, как положено: 1. d2–d4 К g8–f6, 2. c2–c4 g7–g6; 3. К b1–c3 С f8–g7; 4. e2–e4 d7–d6.

Но после активного хода белых С с1–g5, игравший черными, я машинально сходил e7–e5 и на 6. d4:e5 ответил тоже взятием пешки (d6:e5). А дальше последовал форсированный вариант: 7. Ф d1:d8 +(то есть шах) Кр e8:d8. К c3–d5 К b8–d7; 9. О–О–О! (длинная рокировка, отличный ход) Кр d8–e8; 10. К d5:c7+ (снова шах). С потерей ладьи, где ничего хорошего уже ожидать не приходилось на g1, и пешки на h2, я, наконец, объявил пат, блокировав последнее свободное поле в зоне правителя белых своим черным конем на g3.

Кудреану даже похвалил меня за интересную игру, и пожал на прощание мою руку.

Затем у нас была Калиновская вместе с хрупкой и изящной Зиной. Личиком Зина – неважная, а манерами – современная, как считают иностранцы...

Вообще, меня злят истошные вопли теперешней газеты, издаваемой немцами на русском языке, о низкой нравственности русских девушек! Но неужели никто из издателей не видит, что это произошло лишь во время оккупации. Завоеватели принесли с собой разврат, так как это у них – не новость. Сами немцы говорят, что у них редко встретится восемнадцатилетняя девушка, которая не потеряла бы свою невинность. В результате сейчас у нас многие народили румынчат. И вообще румыны здесь очень обжились!

Забавно отметить, что они и сами за это время успели разложиться. Румыны определенно не хотят воевать, особенно теперь, когда немцы сдают за городом город.

Вчера Эмма Ремезова рассказывала нам, что знает несколько случаев, когда румынские солдаты просили у жителей продать им штатскую одежду.

Чего только не рассказывают наши визитеры. И все говорят о текущих событиях.

Закончил стихотворение для Сони. А она интригует меня своим «секретом», но не говорит...

ГЛАВА 43

У Сони накопилось много интересных сведений, а передавать их здесь в Карасубазаре, становилось опасным из-за частых карательных операций оккупантов.

Сегодня Соня снова встретила в коридоре комендатуры подозрительного рабочего винной базы Тишкина. Он выходил из кабинета Матова веселый, улыбающийся, вежливо поздоровался с Соней, как будто с ней давно знаком... Посещения фельдкомендатуры Тишкиным стали часто повторяться, и всегда предшествовали большим облавам гитлеровцев. Из этого Соня предположила, что Тишкин является платным осведомителем полиции, но как это проверить? Ее и сегодня не позвали переводить Матову разговор с Тишкиным.

Что бы это могло значить? Перестали ей доверять? Не похоже?

Соня решила сегодня проверить свой «почтовый ящик». Была важная информация. Ей случайно попали в руки копии списка предателей и тайных осведомителей немцев. Среди них были опасные изменники Родины. Списки печатал на машинке с латинским шрифтом пожилой писарь полиции Якоб. Он закончил печатать и вынул из машинки отпечатанные тексты. В это время его позвали к шефу. Он сложил отпечатанные тексты в папку и пошел в кабинет к Матову. В это время пришел завхоз полиции Пауль и попросил Соню перепечатать ведомость реквизированного при обысках имущества. Соня подошла к машинке и увидела на столике оставленные там свежие копирки, на которых четко вырисовывались зеркальные изображения каких-то списков. Завхоз сел на стул рядом с ней и приготовился диктовать ведомости имущества, но Соня взяла их и громко сказала:

– Герр Пауль, вы же знаете, что шеф не разрешает вам быть возле меня. Оставьте свои ведомости у меня и через час приходите за ними.

Присутствующие в канцелярии чины полиции ехидно заулыбались, и Паулю ничего не оставалось делать, как подчиниться просьбе Сони и уйти к себе на склад. Соня же положила наиболее четкий экземпляр копирки среди двух листов чистой бумаги, и спрятала их вниз стопки бумаг. Остальную использованную копирку скомкала и бросила в проволочную корзину для мусора.

Отпечатав ведомости Пауля, она исправила опечатки, затем взяла корзину с бумагами, подошла к печке, открыла дверцу и стала бросать туда содержимое корзины. Пламя вспыхнуло ярким огнем. В это время вошел писарь и, увидев, что Соня уничтожает содержимое его мусорной корзины, поблагодарил ее. Но хватился, увидев, что на столе нет его копирок, и спросил Соню:

– А где мои копирки?

– Я их тоже уничтожила, – ответила Соня. – По правилам нужно всякие черновики и использованные копирки уничтожать. Я только напечатала ведомости завхоза.

Писарь прочел ведомости и возвратил их Соне.

Вскоре вошел завхоз и, увидев на столе Сони перепечатанные ведомости, с благодарностью взял их, и незаметно положил ей в ящик плитку шоколада. Соня положила ее в сумочку и пошутила:

– Что поделаешь, фрейлинам надо подчиняться дисциплине и не принимать ухаживания мужчин, тем более таких, как Пауль.

И завхоз довольно улыбнулся ей на прощанье.

А Соня, сложив вчетверо бумагу с заложенной в нее копиркой, положила ее в сумочку и вышла в туалет. Она закрыла дверь туалета на задвижку, извлекла из сумочки зеркальце,

развернув копирку, прочла в зеркальце проявившиеся фамилии предателей: Воронецкий, Яблонский, Синикиди, Тишкин, Бельский... Всего на листке копирки было двенадцать человек. Всех она видела не раз и знала в лицо. Она повторила про себя фамилии изменников, и, запомнив, скомкала копирку, бросила в унитаз и спустила воду...

Теперь ей было нужно, как можно быстрее добраться до Кабурчака. Но Матов не отпускал ее из полиции. Она должна ежедневно быть на работе, и, хоть не каждый день ее вызывали для перевода и на допросы, должна сидеть за своим столиком и быть готовой для вызова. Сидела она или у шефа в кабинете, или, что ей больше нравилось, в общей канцелярии, когда шефу нужно было вести конфиденциальные встречи. И вот Соня придумала, написать бабушке письмо, чтобы она сообщила ей об обострении болезни. Тогда, может быть, Матов отпустит на два-три дня в Кабурчак. Письмо бабушке Соня передела через односельчанина, приехавшего на базар. Через три дня ее вызвал из канцелярии в свой кабинет Матов.

– Прочитайте, фрейлейн Сонья, что пишет староста Кабурчака, – протянул он ей листок в клеточку.

Соня взяла и прочитала:

«Господин комендант, прошу вас пришлите Софью Загоркову в Кабурчак. У нее сильно заболела бабушка, и за ней некому ухаживать.

Староста П. Тричев».

Соня перевела записку Матову и заплакала. Ей подумалось, что бабушка, действительно сильно заболела, если беспокоился сам староста.

Матов дал Соне неделю отпуска, и она в тот же день собралась идти в Кабурчак.

– Передавай от меня привет всем, кто будет к нам приходить, – наказала она Игорю перед уходом.

В Кабурчак Соня пришла вечером. На Карачольской дороге никто не встретился ей на пути. И на улицах Кабурчака было пустынно. Не было даже женщин, обычно идущих от колодцев с ведрами воды. Мертвый край.

Войдя в дом, Соня увидела, что баба Калина бодро беседует с вдовой Кирилла Беделева. При появлении Сони обе женщины замолчали. Бабушка поднялась со стула и обняла Соню. А Беделева засобиралась домой.

У Сони отлегло от сердца. Слава богу, бабушка была здорова, и хитрость Сони удалась.

Позже, когда баба Калина и внучка сели за стол ужинать, Соня узнала новость, о чем прервался разговор. Двое местных пожилых крестьян Лефтерь Богданов и Демьян Тупович не могли вытерпеть гнет оккупантов, и ушли в партизаны в начале марта 1942 года. А сейчас партизанам в лесу приходится туго – нет продовольствия. И Богданов с Туповичем решили совершить рейс за продуктами в Кабурчак. Два посещения родственников они совершили удачно. Им удалось унести из села пуда полтора свиного сала, печеного хлеба и муки. Но когда они попытались сделать третий рейс, их предал живший у Туповича в другой половине дома приезжий Арнаутов. Он прельстился посулами немцев – за каждого преданного партизана получить от немцев по пять тысяч рублей. Арнаутов донес старосте Пантелею Тричеву – и партизан арестовали, когда они ужинали у себя дома. Сегодня их увезли в Карасубазар...

– Наверно, их привезли в полицию, когда меня там уже не было, – вздохнула Соня. – Но помочь арестованным партизанам нельзя. Их расстреляют, а перед этим придется им перенести суровые пытки.

– А Арнаутова немцы отблагодарят – получит он свои серебряники – за обоих партизан: десять тысяч марок и кофору! – всплакнула баба Калина.

Соня давно не могла встретиться с Сибирским, чтобы передать ему важные агентурные сведения для партизан. Ни тряпочки на дереве, ни «почтовый ящик» в саду у дома Алешиных, не дали результатов. Можно было использовать еще один «почтовый ящик», здесь, в Кабурчаке, – дупло в одном из деревьев в Вакуе. Однако этот путь передачи важных и срочных сведений Соня отвергла. Партизанский связник мог долго не прийти к этому «почтовому ящику», и даже погибнуть, а сведения, которые приготовила Соня, должны срочно дойти до партизан. Со слов Сибирского Соня знала, что в Кабурчаке иногда на Степной улице бывает в доме своего тестя «Степан» – муж ее троюродной сестры. Личность почти легендарная, опытный и осторожный подпольщик, разведчик, а впоследствии и сам партизан. Никто в селе не знал об этом, иначе бы нашелся среди жителей предатель, который сообщил бы о нем немцам или расквартированным в Кабурчаке румынам.

Соня решила найти способ передать сведения «Степану».

И вот через день после своего прибытия в Кабурчак Соня пошла проведать свою подружку Лену, жившую тоже на Степной улице, недалеко от тестя «Степана».

Соня помнила из рассказа Сибирского, как энергично действовали подпольщики в Карасубазаре. Здесь после срыва добровольной мобилизации на бирже труда были подготовлены списки молодежи для насильственной отправки ее на фашистскую каторгу в Германию. По заданию подпольщиков, работавшие на бирже труда патриоты уничтожали личные дела и карточки зарегистрированных земляков. Подпольщики предупреждали их о сроках отправки в Германию: люди или прятались, или являлись на сборный пункт с фиктивными справками о болезни. Вот и Лена все время вынуждена была скрываться от руководителей отправки в Германию.

Когда немцы проводили мобилизацию молодежи в Карасабузаре, Лена пряталась в Кабурчаке, а когда они мобилизовывали молодежь в Кабурчаке, Лена переходила в Карасабузар. Об этом ей всегда сообщала подруга – армянка, служившая на бирже труда...

Нужные сведения и бланки пропусков Соня завернула в тряпочку и спрятала у себя на груди. К Лене она пошла дворами. Из дома вышла через двор бабы Калины Тупович, пересекла Московскую улицу, нырнула во двор дальнего родственника Гочи Загоркова и, пройдя через него, попала на Степную улицу недалеко от дома Лены.

Соня поднялась на крыльцо Лениного дома и постучала в дверь.

– Войдите, – раздался голос за дверью.

Соня вошла в полутемную прихожую, где на полу, на подушках, сидели женщины и о чем-то беседовали. При появлении Сони они замолчали. В последнее время Соня замечала, что, при ее появлении среди односельчан, разговоры сразу прекращаются. Ей перестали доверять, раз она служит у немцев, да еще в полевой жандармерии. Позднее Соня поняла, что она вообще подвергалась большой опасности, ведь ее могли уничтожить свои же патриоты, как предательницу. Не станешь же им пояснять, что ты служишь не только у немцев...

Среди женщин в комнате Соня увидела свою сверстницу Лену и Лену постарше – жену «Степана». Женщины, по всей вероятности, говорили об арестованных партизанах. А, с появлением Сони, разговор у них никак не клеился. Сделав вид, что ничего не заметила, Соня начала говорить о том, что бабушка болеет, а ее со службы не отпускают в Кабурчак. Шеф дал отпуск только на неделю, но за это время бабушка не поправится. Женщины посочувствовали ей и собрались уходить. Поднялась и старшая Лена, но Соня решительно подошла к

ней и, повернувшись спиной к остальным, обратилась к ней тихо:

– Мне надо сказать тебе пару слов, не уходи!

Лена прошла в другую комнату и задержалась у зеркала, пока другие женщины прощались. Соня воспользовалась тем, что хозяйева заняты в прихожей, подошла к зеркалу за Леной, доставая сверток.

– Вот это передай своему мужу. Будь осторожна – это стоит многих жизней, в том числе и моей, – сказала она жене «Степана» и засмеялась громко и заразительно, как будто Лена сказала что-то смешное.

Лена быстро спрятала сверток у себя на груди и тоже стала смеяться.

– Чему вы там смеетесь? – спросила подружка Лена младшая из прихожей.

– Да Соня сказала о вашем постояльце – румынском офицере, как он напился у ее шефа на дне рождения, – сказал Лена старшая.

– Ну, смешного в этом мало. Он и трезвый-то, как пьяный, – ответила Лена младшая. – Сонечка, обожди меня, я быстренько оденусь, и мы с тобой пойдем куда-нибудь поболтаем.

* * *

Соня задержалась в Кабурчаке вместо отпущенных семи дней, все десять дней. Во-первых, задержала бабушка, потому что все-таки были сердечные приступы; а во-вторых, бабушка Калина захотела выдать Соню замуж за приехавшего в Кабурчак молодого односельчанина – Петю Бостанжиева, давно мечтающего о ней. Но Соне он не нравился, и она еле уговорила бабушку не предпринимать решительных шагов.

В Кабурчаке Соня виделась и с Мишей – сыном расстрелянного директора школы. Но с ним у нее последнее время

никак не налаживались дружеские отношения. Он был влюблен в Соню, ревновал ее и часто из-за этого с ней ссорился.

На этот раз Соня стала отчитывать Мишу за масляные краски и лаки, какие он самовольно взял у бабушки Калины. Миша обиделся, на другой день вернул их Соне и попросил только передать запечатанное письмо к Игорю. На этот раз они, кажется, окончательно разругались. Соня даже пожалела, что обидела Мишу, но и шага к примирению не сделала.

В это посещение Кабурчак Соне не понравился – люди стали подозрительны друг к другу и неприветливы. После двух массовых расстрелов, все затаились, посуровели. И молодежь перестала собираться на танцы – многих девушек и парней немцы угнали в Германию, откуда сельчане получали от них тревожные письма...

ГЛАВА 44

МАТЬ

Судьба Игоря – тяжелый крест для его родителей, хотя они это не показывают.

Мать Игоря – Лидия Федоровна безропотно приняла это наказание Господнее. Родилась она на заре двадцатого века в семье известного провинциального артиста Федора Вешного. Много постранствовал он по России, вел веселую жизнь бродячего актера, у которого бывали и взлеты, и падения. Побывал он во многих провинциальных театрах, но незадолго до начала Великой Отечественной войны почувствовал себя достаточно старым, и решил оставить театральные подмостки. С Дальнего Востока приехал он в захолустный крымский городок Карасубазар вместе с третьей по счету молодой

женой, Евдокией Ивановной. Приехал сюда потому, что в Карасубазаре проживали две его замужние дочери и женатый сын – все от первого брака. Не в пример отцу, они были людьми оседлыми и весьма порядочными. Поэтому и не приняли в свою семью блудного отца с молодой мачехой. Так что, общение их детей и внуков с семьей отца было более чем прохладным.

Вот и поселился Федор Вешный, с досады, довольно далеко от своих отпрысков, в другой стороне города, у речки. Жили они втроем: он, жена и внучка. В прошлом старый артист провел бурную жизнь, и много от него натерпелись первая жена и дети. Но хуже всего, что бурная жизнь деда наложила отпечаток суровый наследственности на его детей и, особенно, на внуков.

Лидия Федоровна – его старшая дочь была красивой, стройной, выше среднего роста, с пышными рыжеватыми волосами, правильными чертами мягкого, овального лица. В цветущие годы она была очень доброй и милой женщиной, немного нервной. И главной причиной ее несколько неуравновешенного характера были неудачные дети, которых, и в особенности Игоря, она безумно любила.

В начале двадцатых годов Лидия Федоровна вышла замуж за Александра Ивановича Алешина, демобилизованного красноармейца, бывшего солдата царской армии. Он прошел суровую школу двух войн и двух революций. В то время, когда поженился, Алешин уже окончил электротехникум и довольно прилично получал, работая по этой специальности. Алешины очень любили друг друга, но счастливы не были. Над ними навис суровый рок уродливого ребенка.

Ведь счастье супружеских пар, любящих друг друга, – это дети, продолжение их рода, продолжение их самих. Но у Алешиных рождались большие дети, до двух-трех лет они развивались, вроде, нормально, а потом заболевали болезнью –

миопатия, атрофия мышц. Эта ужасная болезнь детей вызывала постепенное отмирание мышц их конечностей, искривление позвоночника, появления горбов спереди и сзади. Превращение ребенка в уроды разрывало сердце Лидии Федоровны, не давало возможности радоваться жизни и испытывать полноценное счастье. Всю свою любовь Лидия Федоровна отдала детям, пыталась их лечить, спасти, хотела им счастья и радости, но вместо этого испытывала только горе.

Отцы, по мнению Лидии Федоровны, в своей любви к детям более эгоистичны. Они испытывают любовь к своему ребенку, когда видят свое отражение в нем, свое лучшее будущее, какое не удалось добиться самому. Но, если ребенок не похож на них, постепенно теряют к нему любовь и интерес.

А матери, знала она по себе, до конца своей жизни или кончины ребенка, преданы ему, любят его беспредельной, жалостливой любовью. Стараются, как все матери, видеть в ребенке только достоинства, уменьшая его физические или нравственные недостатки.

Лидия Федоровна была не только красивой, обаятельной женщиной, хорошей, преданной, верной женой, но, прежде всего, была матерью в самом высоком понимании этого слова, Матерью с большой буквы.

Когда родился Игорь, ничто еще не говорило о том, что он может стать физическим уродом. Развивался он вполне нормально и обнаруживал повышенные способности. Но вот в два года он заболел, а к четырем годам у него начали подгибаться ножки при ходьбе, обнаружили и другие недостатки в работе конечностей. И мать потеряла радость в жизни.

В течение долгих шести лет Лидия Федоровна была погружена в тяжелые заботы о здоровье своего ребенка. Она водила Игоря к множеству врачей, к неисчислимому количеству различных шарлатанов, бабок и знахарей, к профессорам с мировым именем... Ни одна женщина не пролила столько слез

над своими детьми, как Лидия Федоровна над Игорем. Но ничего не помогло. На глазах у нее ребенка мучили лекарствами и двигательными аппаратами, а он постепенно переставал двигаться, не стал ходить, научился ползать по полу, пока шевелились руки. А потом и это не смог делать, руки выше локтя перестали двигаться... Развивалась только голова, мозг, а остальное тело лишь служило для питания и не росло... Игорь научился самостоятельно читать, писать, решать математические задачи. Потом пристрастился к шахматам. Его мозг схватывал все на лету, заставляя мать восхищаться необыкновенным умственным дарованием сына.

Единственное утешение матери – ребенок не был капризным и эгоистичным. Он никогда не завидовал своим сверстникам, играющим во дворе в мяч, городки и другие игры. Он был благодарен тем, кто выносил его в коляске во двор, и там он воспринимал со светлой улыбкой игры детей, повадки животных, пение птиц... Жадно, полной грудью он вдыхал свежий воздух, ароматы цветов, прохладу дождя и снега.

Ребенок рос жизнерадостным и нетребовательным, и мать, глядя на него, свыклась с его физическими недостатками и забывала о семейном несчастье.

Лидия Федоровна всегда относилась к Игорю ласково, никогда его не наказывала и не упрекала. Но она не была с ним и слезливо-жалостной, относилась к нему ровно и справедливо, как будто он был совершенно здоровым человеком.

Честь и хвала такой матери!

Это дало впоследствии Игорю возможность просто жить, меньше страдать из-за своей болезни.

А мать? Мать стойко переносила свое горе. Но страдала скрытно от людей, а порой – и от мужа.

Александр Иванович убедился в неизлечимости сына, и переложил на жену все тяготы его воспитания и ухода за

ним. Отец трудился, учился, общался с людьми, жил полноценной жизнью трудового человека. Мать все время была со своим ребенком – Игорем, со своими мыслями, переживаниями, она обеспечивала ему уход, который с каждым днем становился труднее, и уже требовал не только внимания, но и физической силы.

Наконец, ожидая второго ребенка, Лидия Федоровна мечтала вслух, что если родится дочь, она, как обещали врачи, будет здорова. Как ей хотелось этого! Однако судьба неумолима. Родился сын, и тоже заболел в детском возрасте такой же неизлечимой болезнью, как и Игорь.

Родители переехали жить в Севастополь, надеясь, что там смогут помочь больным детям специалисты знаменитого раньше Института физических методов лечения. Но, осмотрев детей, врачи от лечения Игоря отказались, а Юлика (так звали второго ребенка) взялись лечить.

Через два года на мать свалился новый удар. Юлик заболел еще и другой болезнью – дифтерией, и умер. Он тоже был неизлечим, и болезнь его прогрессировала.

Для матери смерть второго сына была большим несчастьем. Жизнь, наедине со своими мыслями и больным неизлечимой болезнью сыном, становилась невыносимой. Александр Иванович настоял на том, чтобы жена пошла работать, чтобы несколько развеяться и отвлечься от своих переживаний. Выход Лидии Федоровны на работу был еще связан с необходимостью улучшить материальное положение семьи, ставшее в 1934 году в Крыму весьма тяжелым.

Мать пошла на работу – и Игорь оставался в доме один, но на одиночество не жаловался. Лидия Федоровна утром обкладывала сына книгами, до которых он мог дотянуться. Он стал самостоятельно систематически заниматься по учебному плану трудовой школы, и впоследствии сдал экзамены на аттестат зрелости. А Лидия Федоровна успевала справляться с

делами и дома, и на работе. В общении с людьми она преобразилась в лучшую сторону, работа приносила ей удовлетворение, кругозор ее расширился.

Однако существование больного сына дома одного, неспособного передвигаться самостоятельно, запертого на ключ, конечно, беспокоило Лидию Федоровну.

После переезда семьи в 1940 году в Кабурчак, где Алешин участвовал в монтаже оборудования электростанции, Лидия Федоровна больше не работала. Иногда только временно помогала садоводческой бригаде колхоза, но в основном находилась при больном сыне, которому с каждым днем требовалось большего ухода. С удивительным материнским чутьем она могла предугадать желания сына, старалась усадить или уложить его поудобнее. Но делать это было все труднее. И Лидия Федоровна становилась раздражительной, хотя никогда не показывала вида, что ей трудно и тяжело оказывать ему услуги. Наоборот, чем организм Игоря становился немогущее, тем заботливее ухаживала за ним Лидия Федоровна.

О, инстинкт матери! На какие жертвы она не идет ради своего ребенка!

Игорь повзрослел, и мать уже не всегда его понимала, и была готова ему помочь. Иногда Игорь словами правды или несправедливого упрека ранил ее сердце, и она потихоньку плакала о напрасной своей жизни, о горе, которое постигло ее и ребенка. И, вместе с тем, она по-прежнему была доброй, очень уживчивой с людьми, умела поддержать веселье, была стойкой в несчастьях, и не падала духом в любых обстоятельствах.

Даже в ужасное время оккупации, когда все в их семье – муж, Игорь и Соня – ходили на острие бритвы, и малейший их неосторожный шаг мог привести их к общей гибели, эта прекрасная русская женщина была обаятельна с людьми. И даже оккупанты видели в ней образец матери и жены.

В критических ситуациях, в каких оказались Соня и Александр Иванович, работая с немцами, Лидия Федоровна не теряла присутствия духа и бесстрашно ходила к немцам вырывать своих близких...

ГЛАВА 45

Продолжение дневника Игоря Алешина

2 марта 1943 года

ТАЙНА ПАРАДОКСА

Сегодня, наконец, мне удалось прочесть немецкие газеты. Вот, что они пишут. Бои идут западнее линии Курск–Харьков, южнее и севернее Орла. Сильные бои идут в районе Изюма, где немцы ведут атаки против советских войск...

...Моё новое стихотворение «Лёля», приговоренное к уничтожению, лежит пока, ожидая печальное будущее, Соня о нем не спрашивает, и я ей не говорю об этом.

Это стихотворение «Лёля» написано для Сони как детское. Она мне рассказывала, как в детстве успешно читала на школьных вечерах стихотворения, подражая Рине Зеленой. Даже любила повторять из репертуара артистки: «Скажите, пожалуйста, это не вы сказали "Мяу"?» – и скромно опускала глаза.

К сожалению, мне не удастся с ней поговорить наедине, а хочется просто спокойно поболтать. Мы давно уже этого не делали. Вероятно, виноват я сам.

Стоило ли ей рассказывать о моих чувствах?

Тогда я уже предвидел, что отношение ее ко мне изменится, а теперь и подавно я уверен, что она не поняла меня, так как с тех пор исчезли между нами откровенность и доверчивость.

Вероятно, я это заслужил своей неуместной откровенностью. Черт меня дернул за язык!.. Что она теперь думает обо мне? Что?..

Даже боюсь предположить, но одно ясно: я ожидал укрепления дружбы, но вместо этого теперь постоянно натыкаюсь на ее скрытность. Может быть, я недостоин того, чтобы выслушать ее тайные сомнения и дать ей совет...

...Начал я свой дневник полгода тому назад, полный желания бороться за жизнь, а кончаю первую часть дневника потерями! Это потому, что за это время я повзрослел. И нахожусь сейчас в таком возрасте, когда каждый нормальный человек обладает уже всеми радостями жизни, а я потерял уже все надежды и даже надоел сам себе, и не хочу бороться с обволакивающим душу пессимизмом. Как жестока все же моя судьба! Ну, зачем она меня оторвала от здоровой жизни, зачем так изуродовала? А теперь отнимает последние крохи моих сил, которых недостаточно даже для того, чтобы поднять ложку? И зачем она, ухмыляясь, наблюдает, как я корчусь на краю жизни, поражая своим диким парадоксом людей, – а не покончит со мной одним махом? Что, она ждет, чтобы я опозорил себя самоубийством?

– Этому не бывать!

Говорят, что таким ущербным людям, как я, становится легче, если они верят в бога.

Мне тяжело, но я не служу ни богу, ни мамоне. Человечу дано искать радость на земле и верить только в происходящее, реальное. И я верю в истинную дружбу, но не моя вина, если мои представления об идеальной дружбе непонятны другим. Я верю в дружбу личностей... Готов дружить с каждым дружелюбным человеком, но не каждый это понимает, какой

ему толк дружить со мной? Я верю и в дружбу народов. Но люди убивают друг друга, проповедует «волчий закон»: чтобы стать счастливым, ты должен отнять счастье у другого!

Вот и с жизнью я не дружен!

Да, многое перевернулось во мне за то время, пока я пишу свой дневник. Можно даже подвести итоги: я не могу бороться, всё сильнее окружающая жизнь полна дикой, нелогичной непоследовательности, и не понять, где истина, как быть!

Сам я сильно физически ослаб; под влиянием этого пошатнулись и стойкость духа, и выдержка воли. Я стал болезненно воспринимать каждую даже малую потерю, и огорчаться из-за того, что каждый пустяк уже стал мне недоступным. Я прожил эти месяцы бесцельно, ничего не делая, если не считать того, что намалевал несколько рисунков, которые почему-то хвалят...

Правда, от общества я не был оторван. В эти месяцы вокруг меня было много людей, как никогда в жизни. Я имел возможность общаться с людьми разного рода, беседовал с ними, выслушивал их жалобы, мнения или планы. И каждому в чем-нибудь завидовал (и это притом, что теперь у любого человека мало радости). Я завидовал пожилым в их опытности, зрелым – в их рассудке, молодым – в их надеждах и стремлениях, красивым – в силе привлекать любимых, а всем людям – в их возможности поступать так, как им хочется.

Спрашивается, почему так резко произошли перемены, почему я неожиданно поддался пессимизму? Точно затрудняюсь ответить. По всей вероятности, все разочарования накапливались долго, и теперь просто прорвалось. Для этого было достаточно толчка. И этот толчок сделала Соня.

Я делал вид, что мне легко переносить болезнь, но на самом деле я нетерпелив, готов проклясть всех из-за своего недуга. Я пытался показать, что могу не желать того, чего не достигну, но в душе я завистлив, и готов рыдать из-за того, что мои мечты никогда не исполнятся. Я внушал себе и другим,

что убил желание любить, что любовь никогда не потревожит меня, но на самом деле без тоски не могу думать о любимой девушке, и мне больно, если вижу влюбленную пару. Все – самообман, все – рисовка.

И я решил посмотреть на себя со стороны, как в зеркале. И этим зеркалом наметил Соню. Вот и увидел себя в ее глазах. Я заметил ее удивление моим неисполнимым желаниям и глубокую жалость ко мне. Правда, она жалела меня без причитаний, и это показывает ее чуткую душу.

Уверен, что она хочет быть со мной очень дружной и ласковой, и в то же время опасается моих движений, глупых для меня и оскорбительных для нее. Отсюда и ее теперешнее неровное отношение ко мне. Естественно, что это меня раздражает и вызывает тяжелое настроение. Это и есть толчок, о котором я догадался. Вся последняя история с «секретом» Сони и моим стихотворением затянулась, и мрачное настроение у меня продолжается так долго, что можно мне о многом передумать и многое понять. Это дурное настроение помогло мне осознать всю правду о себе.

Я представил себя маленькой щепкой, которая неслась по морю сквозь бури и штормы, и воображала себя могучим фрегатом. Но вот ее прибило к мрачной, угрюмой скале, и стало понятно, что надо смириться с судьбой...

Не знаю, но надеюсь еще на могучие залежи оптимизма в себе, и, может быть, найду какой-нибудь выход для себя. Ту новую волну в жизни, чтобы не выглядеть смешным и жалким.

Мне казалось, что потерял все, а на самом деле ничего никогда не имел: ни физических сил, ни духовной установки, ни условий на деятельность и творчество, ни надежды на любовь и дружбу, на ту дружбу, в животворную силу которой я так верю, и которой мне так не достает.

Сейчас мелькнула забавная, но, может быть, и верная мысль: до сих пор парадокс существования моего индивидуума держался на единственном и, как оказалось, весьма шатком фундаменте – на моем сопротивлении болезни. Теперь появившиеся желания и потребности возраста рассеяли мои надежды, раскрыв тайну моего парадокса. А тайна – в самообмане.

Я перестал быть наивным. Я не буду себя больше обманывать, а это, вероятно, и приведет к тому, что мой мозг станет подчиняться моему немощному телу. Так незаметно за эти семь месяцев кончилась моя юность.

Как мне не хотелось бы переступить через ее порог!

ГЛАВА 46

После возвращения из Кабурчака в Карасубазар на Соню обрушился ряд неудач.

В комендатуре ей пришлось присутствовать при пытках советских людей, и переводить их показания следователю. Волосы у нее встали дыбом, когда немецкие палачи начали у связанного арестованного прижигать паяльной лампой ступни ног, а потом выдирать плоскогубцами ногти рук. Многих арестованных Соня знала лично. Видела их до войны на улицах города улыбающимися, довольными жизнью. Молодые комсомольцы знали Соню. Она говорила с Сибирским о их смелой подпольной работе. И вот на них свалилось такая кара фашистов...

Матов раньше жалел Соню и не посылал ее на допросы с пытками. Но после того как Соня решительно отвергла его домогательства, заставлял ее переводить во время пыток. Но даже на таких допросах Соня не теряла присутствие духа и старалась переводами облегчить участь жертв. А теперь, когда

она расстроенная возвращалась из полиции домой, ее охватывала такая тоска, такая ненависть к немцам, что глаза ее темнели, и, казалось, из них вместе со слезами сыплются искры. Лидии Федоровне и Александру Ивановичу стоило большого труда, чтобы успокоить девушку, а Игорь не всегда понимал ее состояние, и ему казалось иногда, что ее слезы вызваны другими причинами.

Обычно перед сном или уже лежа в своих кроватях (а они спали в одной комнате) Игорь и Соня долго беседовали, иногда их беседа затягивалась до часу ночи. Беседы были часто оживленными, так как Соня считала Игоря своим названным братом и другом и даже наставником, но иногда, когда Соня приходила домой усталой и удрученной, на вопросы Игоря она отвечала только кратко «да» или «нет».

В таких случаях Игорю казалось, что Соня от него что-то скрывает, и не хочет ему доверить свои переживания. Он начинал ревностно обижаться на нее, подозревать, что она к нему охладела, и перестала быть его подругой.

Так случилось и в этот раз. По возвращении с работы, после слез и истерики, вызванных жестокостью пыток, Соня долго не могла прийти в себя. Игорь же, получив на свои вопросы ее молчание или односложные ответы, долго не мог успокоиться, и решил написать ей короткое письмо, с заключением: «Чего я больше всего опасался – случилось. Ты отказалась быть мне другом». Вместе с письмом он вручил ей и написанное раньше для нее стихотворение «Лёля».

Соня все не находила в себе сил сразу дать ответ Игорю. Ведь ему нельзя было говорить о том, как у нее на глазах пытают и убивают людей каратели, когда только за одно слово «партизан» – расстреливали. И только через пару дней она в ответ написала ему письмо. В нем она уверяла, что он ошибается в своем мнении, что она всегда с радостью делилась с ним своими мыслями. «Если мне тяжело – я всегда спешу к тебе, чтобы поделиться с тобой своими невзгодами, – написала она,

– и мне кажется, что тогда мне становится легче. Ты не из тех юношей, которые не могут понять душу девушки». А «секрет», о котором она упомянула недавно, относится к 1940 году, и друг не должен требовать, чтобы она его раскрыла...

Это обтекаемое письмо Соня писала в полиции, и нельзя было подумать, что оно могло ей сильно повредить. А оно навредило.

Вдруг Соня заметила, что ее письмо лежит у шефа на столе. Специально положено на виду, чтобы она заметила. Оказывается, Отто, всегда обыскивая карманы Сониного пальто, по приказанию Матова, обнаружил это письмо и передал шефу.

Матов расвирепел от ревности. Он не понял, кому адресовано это письмо. Все равно кричал на Соню, ругал ее и велел пересадить из своего кабинета, где она большей частью времени сидела, в кабинет своего помощника. Письмо он отдал расстроенной Соне, но после этого во всем стал тихо издеваться над ней. Могла ли она долго вытерпеть такое положение?

Отдав Игорю свое письмо, Соня рассказала ему о том, что у нее произошло из-за этого с шефом.

– Ты должна взять себя в руки, – успокаивал ее Игорь. – На примере арестованных ты видишь, что немцы могут сделать с тобой. Как ни тяжело, но они сейчас хозяева над нами, а для нашей защиты их законы не применимы. Они просто могут обвинить тебя, что ты была пионеркой, а потом комсомолкой – и тебя уничтожить! Ведь недаром Матов забрал при обыске в доме Миши твою фотографию в пионерском галстуке...

– Разве я этого не понимаю? – отвечала Соня, подумав, что он еще не знает главный повод для ее уничтожения. – Но я иной раз не могу себя сдерживать. И это при моей скромности и скрытности. Лучше бы я была какой-нибудь уродиной, они бы меньше ко мне лезли. Как бы мне хотелось, кроме тебя, иметь

еще такого друга, который и утешил, и подал крепкую руку помощи, и, обладая красивой внешностью, проявлял нежную заботливость, которая согревает душу.

– Такие идеалы, Сонечка, не бывают, – смягчился Игорь. – Но и мне хотелось бы, чтобы твой муж обладал такими качествами, но при условии, чтобы между нами с тобой сохранилась дружба.

– Когда я познакомилась с Петей, – призналась Соня, – мне казалось, что он скрасит мое сиротство, но я в нем ошиблась – он только скромнен, но не умен.

– Иначе и не могло быть, – ответил ей Игорь. – Петя не может дать тебе всего того, что ты хочешь. Образ ваших мыслей различен. И воспитан он в совершенно ином духе. Он тебя не поймет, как и воздыхатели из немцев или румын...

Долго продолжалась беседа Игоря и Сони. О многом говорили они. И вдруг Игорь начал рассказывать Соне о ее «секрете».

– Я, кажется, раскрыл твой «секрет», – сказал Игорь, может быть, даже и провоцируя немного Соню. – Если это правда – подтверди.

– Хорошо, – кивнула Соня.

– Ты в сороковом году была влюблена!.. Влюблена в Гочу Дербеева.

Соня громко рассмеялась и долго не могла остановиться. А Игорь был смущен, но не мог догадаться, как далек он от истины. Сонин «секрет» еще долгое время оставался нераскрытым, хотя Игорь и считал, что он правильно отгадал загадку.

На другой день, несмотря на неприятности, преследовавшие Соню в фельдкомендатуре, она выучила стихотворение Игоря и продекламировала его перед собравшейся молодежью и Алешиными. Очень комично прозвучало это стихотворение в ее подражании Рине Зеленой. Артистка, наверное,

одобрила бы мастерство ее перевоплощения в трехлетнего ребенка. Все были в восхищении от забавности сюжета и исполнительницы.

Игорь воскликнул, смеясь до слез:

– Неужели это я написал!

Между ним и Соней растаял последний ледок. Да, сложна все-таки жизнь, с поворотами – от пропасти до шутки!

ГЛАВА 47

Продолжение дневника Игоря Алешина

16 марта 1943 года

ОТСУТСТВИЕ СТИМУЛА

Неприятности у Гути не прекращаются. Шеф, этакий дурак, продолжает играть у нее на нервах. Мне стоит огромного труда убедить ее сохранять спокойствие.

...Я заметил, что ей необходима моя «мудрость», и это наполняет меня радостью... А мне нужен небольшой стимул: достаточно дружеского внимания, немного ласки, пустяковой нежности, умного разговора или капли интересной и полезной деятельности. Но никто не догадается до этого, настолько все заняты собой, обманутые моим внешним спокойствием. А я стану жаловаться!

Я уверен, что это мое заключение многих удивит. Пожалуй, они скажут: «Ах, мы думали, что ты привык стойко переносить свои страдания, смирился со своим положением...».

Но вернемся к нашему прошлому разговору с Соней.

Я спросил у нее, как к ней относится Петя Бостанжиев вне дома.

– Очень выдержанно, – ответила она. – Когда мы шли домой, он меня спросил: «Хочешь, чтобы я сказал своим товарищам, что ты моя девушка?» – «Зачем?» – спросила я. – «Это же неправда!» – «Я только спросил, – сказал он. – Ну, что ж, раз не хочешь, – я ничего не скажу».

– Видишь – это тебе не Герберт, который пробыл около тебя несколько часов, и уже наверняка хвастался в компании, что имеет у тебя успех.

– Да, Петя не такой, – подтвердила Соня, и потом добавила: – Смотри, если ты будешь говорить, что Петя – мой кавалер, я больше не буду с ним встречаться! А то бабушка думает меня сватать за него...

О МАГИИ И СТРАШНОМ ДУЭТЕ

Утром приехал Миша. Я воспользовался редкими минутами, когда мы остались одни, и спросил у него, на что намекает он в своих записках, присланных мне: чем таким таинственным он занимается? Ответ был неожиданным. Он изучает Белую магию по найденным брошюрам. Чудак! Я побоялся сказать, что это – чушь, чтобы он не обиделся. Курс Белой магии, сказал он, рассчитан на обучение в течение восьми месяцев. Сначала он собирается по тем упражнениям, которые приводятся в брошюрах, укрепить свою душу и гипнотическую волю, а затем перейти к творчеству – предсказывать, излечивать болезни и прочее. Убежден, что он скрывает, чем занимается на самом деле, разъезжая туда-сюда, в Кабурчак и Карасубазар. А прикрывается знахарством. Но книги по Белой магии у него есть. Он даже показал мне одну брошюру. Я пролистал и заметил в предисловии, что в приведенных рецептах

убраны некоторые опасные вещества, чтобы маг не мог причинить вред человеку своим колдовством.

Впрочем, когда у человека душа расшатана, когда он не находит себе применения, то хватается за все невероятное. Слава богу, я не дошел еще до колдовства. Мое мышление слишком материалистично...

...К вечеру пришел Лёка. Беседа с ним была серьезной, о политических событиях.... О гигантской битве немцев с народами мира на тысячекилометровых пространствах от Баренцева до Черного морей...

1 апреля 1943 года

ДЕНЬ ВСЕХ ДУРАКОВ

Сегодня 1 апреля или, как говорят англичане: «День всех дураков». Нужно следить, чтобы не попасться кому-нибудь «на крючок». Мы с Лёкой приготовили вчера анонимное письмо Соне. Передадим его сегодня.

Вчера засиделись с Гутей до часу ночи. Начали с шуточной болтовни, а кончили серьезной беседой.

Меня радует, что по многим вопросам мы единодушны. Она поддержала мое замечание:

– Одна из главных вещей в жизни – это не дать уронить себя в глазах окружающих, особенно здравомыслящих людей.

– Больше не пойду на танцы!.. – решила она.

...Сегодня, когда я был один, от сквозняка раскрылась дверь. Свежий воздух наполнил комнату, и, вроде, не подействовал губительно на мой слабый организм, как это со мной бывало. Наоборот, я жадно впитывал в себя радостный, весенний воздух. Весна пришла! Скоро я выползу на волю после шестимесячного заключения в четырех стенах темной комнаты.

Я, правда, не увижу ярких цветов в поле и птиц в лесу, я не увижу зеленых просторов лугов и бурный, свежий поток ручьев, но я буду упиваться сладостью обновленного воздуха, закрыв глаза и дополняя невидимые картины прошлыми впечатлениями и своей фантазией.

Весной человеку дано познавать всю радость любви, но только во мне нельзя будет разбудить это чувство. Зато весна воспламеняет во мне другую любовь – любовь к жизни, которая начала угасать во мне в последнее время.

А пока я проводил день в шутках, как это требует установившийся первоапрельский обычай.

Мне удалось обмануть Аню и Лёку, но меня самого надули мои ученицы, хотя за пять минут до этого я приказал себе быть предельно внимательным и осторожным.

Большой эффект произвело наше с Лёкой письмо, которое я передал Соне около двух часов дня. Нельзя представить себе ту растерянность и волнение, в которое повергло ее это письмо. Лишь вечером мы раскрыли ей свою шутку. Соня сначала рассердилась на меня, а потом начала восхищаться, как серьезно я сыграл свою роль...

...Уже две недели я ничего не курил. Да, в неудачное время начал я курить. Папа был вчера в Симферополе и выкурил там 15 папирос, истратив на это 30 рублей. Поистине – деньги на ветер...

9 апреля 1943 года

ВЛАСТЬ ТОСКИ

Никогда я себя не чувствовал так плохо физически, как сегодня. Я никак не мог найти покоя: ни в кресле, ни на кровати, ни лежа, ни сидя. Везде только одно раздражающее неудобство.

После обеда мама, заметив мою нервозность, предложила вывезти меня на веранду. Я колебался. Погода была пасмурная, и для первой вылазки на воздух такая погода не будет доброй для моего организма.

«Ах, – подумал я тоскливо, – мне сейчас все равно. Стоит ли так цепляться за жизнь? Если что случится, туда и дорога».

И мама вывезла меня в кресле на веранду.

Я пробыл на воздухе больше часа, но настроение мое нисколько не улучшилось. Никакой весны я не почувствовал. Все было серо и уныло.

Может быть, еще из-за плохой погоды?

10 апреля 1943 года

ВОСКРЕСШИЙ АМУР

Утром опять совершил с мамой вторую вылазку на воздух. Погода была лучше, чем вчера – солнечная.

Приходил Миша, но посидел всего с полчаса – боялся опоздать на подводу. Он намеревался ехать в Симферополь на операцию, у него туберкулез кости бедра. Но ему сказали, что операцию сделают лишь в том случае, если он найдет 200 грамм эфира и 10 метров марли. Таким стало медицинское обслуживание во время оккупации.

...Может ли быть дружба между мужчиной и женщиной? В книгах, которые я прочел, в том числе, в последние дни – в «Обрыве» Гончарова, на этот вечный вопрос дается отрицательный ответ. В жизни мне часто приходилось слышать такой же ответ. А я сомневаюсь.

До войны я дружил заочно с девушкой-шахматисткой из Краснодара, и летом 1941 года она должна была приехать

на практику в Крым, и обещала посетить меня. К сожалению, война оборвала эту дружбу, и не дала возможности ответить на этот вопрос. Во мне тогда не проснулось никаких чувств. Только самолюбие сильно было поражено тем, что мне горячо симпатизирует девушка. И делает это не из жалости, так как мы еще ни разу с ней не виделись, только переписывались.

А что можно заключить о моей дружбе с Гутей? За что я ее ценю и почему дружу с ней? За что она меня ценит? На все эти вопросы я не могу ответить, потому что она почти ничего не высказала мне об этом.

Какова же эта дружба? Есть ли в ней хотя бы крохи любви?

И «нет», и «да».

Я люблю в ней милую сестру. Больше мне нечего добавить. Тогда как объяснить мне напрасное убийство Амура. А ведь я живу без него!

Но если меня лишат права любить, я не вынесу этого. А если приговорят любить и быть любимым, то я и этого тоже не вынесу. Первый приговор заморозил бы душу, второй – погубил бы всепожирающим жаром.

Раньше я повторял по книжкам: «Любовь – это страсть, а человек силой воли может победить любую страсть».

А сейчас вырос до другого мнения: «Одна страсть может быть побеждена другой страстью».

Мое оправдание в том, что сейчас у меня нет деятельности, нет других страстей, и я не могу победить страсть, которой была отравлена стрела Амура, прилетевшего неведомо откуда.

Я же убил этого бога, кто его воскресил? Возраст?

По его милости испорчена моя дружба с Гутей.

Гутя, Гутя! Как много ты для меня значишь? И какое я для тебя ничто!

Меня никто так не дурачил, как Гутя. Боже мой!

Сказать человеку, что он любим и не сказать кем! И это называется шутка. За что?!

Только за то, что я назвал тебя любимой сестрой?

Будь проклят тот час, когда я забыл образ, сходный со мной, какой создал мой любимый писатель Гюго – образ Квазимодо. Любовь Квазимодо может вызвать насмешку. А я забыл, забыл!

17 апреля 1943 года

СЛЕЗЫ ГРЕТХЕН

Позавчера у Бахче-Эли разбился подбитый партизанами немецкий самолет. Погибли четыре человека. Не уберегли их от гибели ни многочисленные талисманы, ни медальоны с охранными записками любимых девушек...

... Куда же отступить Эмилю Роммелю дальше. Скорее всего, к своей Гретхен. Поплакать вместе о Тобруке, о Сталинграде, Кавказской нефти и о погибших напрасно фрицах.

19 апреля 1943 года

Все же вылазки на воздух не прошли даром. Я заболел. Боль в боку усилилась. Приходил после обеда врач, Лёкин отец, для осмотра. Признал у меня бронхит. А я совсем упал духом, серьезно опасался, что у меня кости не в порядке...

У папы тоже неприятность. Его шеф давно к нему придирается, обвиняя его, что он мало интересуется работой. Вчера его самодурство дошло до того, что он прогнал папу с работы. Сегодня наговорил Соне про папу массу всяких обвинений, и утверждал, что Александр Алешин ему больше не нужен...

Что-то и Матов перестал к нам приходить, раньше был у нас частым гостем, а сейчас – как отрезало ножом.

А признаться – без таких гостей стало как-то свободнее и уютнее вечером!

24 апреля 1943 года

СТРАСТНАЯ СУББОТА

Люди стали религиознее. Мама никогда не ходила в церковь, и вот сегодня с Соней собралась идти к заутрене. Но комендант Вальтер «перенес» заутреню на 5 часов утра. Поскольку район партизанский, в городе большие строгости: ходить по улицам разрешено только до 19 часов. На днях Аня, гулявшая с кавалерами позже этого часа, была оштрафована на 100 рублей. Над этой девушкой совершенно не чувствуется родительской руки. Фактически нам чужая, она нам более послушна. Стала почти членом нашей семьи.

25 апреля 1943 года

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Итак, по воле коменданта Вальтера, в Карасубазаре Иисус Христос «воскрес» позже, чем полагалось. Заутреня была скомкана. Получился какой-то театр, вместо богослужения. В собор были принесены для освещения и маленькие куличи, и яйца. Курьезно то, что протоиерей не получил от прихожан никакой дани! А кто-то сказал, что в других местах на Пасху только пили, а куличи вообще не ставили.

С утра у нас уже много поздравлений с праздником. Были в течение дня: Лёка, Аня, мои ученицы принесли мне по

куличуку, Миша с Марусей (соседи), папин шеф (он гнев сменил на милость). И Петя все же пришел!

Соня до полудня была в фелькомендатуре, ввиду «высокопороджественного» случая: татарам-добровольцам вручали немецкие ордена за успехи в борьбе с партизанами. А несколько дней назад, те же татарские добровольцы прогнали сквозь строй, избивая шомполами, татарина-солдата, посочувствовавшего партизанам. Это было жестоко и дико! И солдат, не дойдя до конца строя, забит до смерти...

...Я получил на праздник от Сони коробочку сигарет. Но на мое предложение поцеловаться – «похристосоваться», она сказала:

– С тобой потом, – и отошла от меня.

После этого я в этот раз не смог не выполнить важнейшее свое правило: не выдавать то, что я переживаю. Подзудила Нона, заметив, какой у меня стал жуткий и дикий взгляд, устремленный в одну точку. Мама выразила предположение, что мы с Соней в ссоре. Я и Соня поспешили заявить обратное. А когда я остался с мамой наедине, она стала допрашивать: что произошло между мной и Соней.

– Ничего, – уперся я.

– Что, у вас с ней роман? – спросила она.

Я про себя вскипел. Как схематично смотрят люди на жизнь! И мама еще хочет, чтобы я ей рассказывал о том, что у меня на душе! Невозможно! Она меня и не поймет. Все это покажется ей страшной чепухой. Разговор назревал тяжелый. Но, к счастью, пришли девочки, и допрос прервался...

Этот день я закончил тоже неожиданно: доставил удовольствие тем, что попросил Петю устроить у нас танцы. Петя ходил за патефоном, и через некоторое время вернулся с товарищем. С ним танцевала Элла. Аня ушла на «бал» к румынам.

Чуть не забыл уточнить... На днях папа явился к своему шефу с просьбой дать ему письменное уведомление, что он снят с работы. Но тот заявил, что об этом не может быть и речи, он и не думал говорить, что папа отстранен от работы. Комедия!

* * *

Надо уточнить, что, следуя в своем дневнике за каждым шагом Сони, Игорь пытался анализировать ее поведение только с личных позиций. Отсюда и его «путешествие» на кораблях по морю жизни, и ведение «судового журнала». Вместе с тем, поведение Сони было очень сложным в условиях фашистской оккупации, и далеко не понятным для окружающих ее людей. Обладая весьма скрытным характером, Соня никому не доверяла не только своих семейных отношений с отцом, мачехой, сестрой, бабушкой и тетями, то есть со всеми близкими ей людьми, но и сохраняла от них и от всех ее окружающих людей и таких близких друзей, как Игорь, ту тайну, которая ей была доверена партизанской разведкой и которой она беззаветно служила.

ГЛАВА 48

Арестами колхозных активистов Кабурчака, а потом их расстрелом немцы не добились умиротворения села – сопротивление оккупантам росло, люди уходили в лес к партизанам.

И в Кабурчаке появились акты саботажа, возникла группа подпольщиков.

А когда немцы ушли из села, оставив после себя кровавый след, на их смену вступил румынский гарнизон, призванный бороться с партизанами.

Румыны размещались почти во всех домах жителей села. Масштабом они были помельче по сравнению с немцами. Открыто не грабили, но требовали от крестьян и масло, и яйца, и кур, и молоко, и многое другое. Но отказывать было нельзя – попробуй, откажи!

И все-таки народ сопротивлялся.

На одной из встреч Сибирский, достав из-за пазухи слегка помятую листовку, рассказал Соне историю про сева-стопольских подпольщиков. Участник обороны Севастополя Ревякин в 1942 году попал в плен, но в тот же день 6 июля бежал, и с помощью подпольщиц Лодачук и Нефедовой устроился на жительство в Севастополе. И продолжал борьбу.

– В декабре, под новый 1943 год Ревякин написал вот эту листовку, – дал он листок Соне. Соня разглядила листовку и прочитала: «Воззвание к трудящимся города Севастополя!..»

Сибирский перебил ее:

– Смотри – детский почерк. Это четырнадцатилетний сын одной из этих спасших Ревякина подпольщиц – Толя Лопачук – со своей матерью и ее подругой размножили перед Новым годом от руки сорок таких листовок.

– Почерк ребенка войны, – согласилась Соня и стала читать листовку: *«Дорогие братья, сестры, отцы и матери, трудящиеся в городе Севастополе! К вам обращаемся мы, ваши товарищи по классу и оружию, по совместной борьбе с нашими поработителями. Не верьте немецким хвастунам, что будто бы Красная Армия разбита и будто бы немцы захватили Москву и Ленинград. Брешут они! В мире нет такой силы, которая могла бы победить советский народ... Севастопольцы! Поднимайтесь на борьбу за нашу Советскую Родину, за наш родной истерзанный город! Помогайте Красной Армии громить врага. Всеми силами ускоряйте час, когда Красное Знамя снова будет развеяться над нашим городом русской славы, Севастополем.*

Да здравствует Красная Армия! Смерть немецким оккупантам!»

– И смотри, – ткнул пальцем в листок Сибирский, – под воззванием подпись «КПОВТН» – это «Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев». Но такой организации еще не было. Представляешь, люди поверили в существование этой организации, стали объединяться в подпольные группы и искать связи с КПОВТН. И позже организация именно под этим названием была создана в Севастополе.

По словам Сибирского, к началу 1943 года в Крыму действовало более 100 подпольных групп и организаций, объединивших свыше 1300 человек. Это были уже в основном обстрелянные организации: они знали повадки врага, приспособились к противодействию условиям «нового порядка», были тесно связаны с партизанами, имели единый руководящий центр – областной подпольный комитет. Теперь они были способны к решению больших и сложных боевых и политических задач.

Такие рассказы Сибирского укрепляли и сознание Сони, что она не одна борется с врагом в таких жутких условиях оккупации. А «свыше 1300 человек»...

Не всех, конечно, она знала.

Не знала даже, что незадолго до оккупации в Кабурчак прибыл из Симферополя благообразный старичок – дядя Миша Бурлаков. Поступил он работать в колхоз сторожем на огороды. Осенью он жил в шалаше на огородах, питаясь тем, что там выросло. Изредка получал он на складе, пока было, подсолнечное масло, а позже – бараний жир, брынзу и свиное сало, из этих продуктов и готовил себе нехитрую еду. Труднее было с хлебом. Выдавали ему муку-размол, а потом и этого не стало, стал он получать зерно: пшеницу и кукурузу.

Гитлеровцы с еще большим остервенением начали насаждать кровавый «новый порядок». Была введена непо-

сильная система налогов. Например, с июля 1942 года введенным подушным налогом облагались все жители в возрасте с 16 до 60 лет. Размер его был очень высок – 1200 рублей с человека за полугодие. Ограбленное население было обречено на голод. Если в начале оккупации рабочий получал 200-300 граммов хлеба в день, то в дальнейшем – только 100 граммов, а иждивенцы – стали получать 50 граммов.

Дядя Миша так жил на огородах, ночуя в своем шалаше, почти до конца ноября. Потом решил – все убрано, стеречь нечего, – и поселился в заброшенной избушке неподалеку от домика цыганки Алмаски. Оборудовал эту хижину, иначе ее не назовешь, под жилье. Сложил печную плиту со щитом, замазывал щели в стенах, обмазал подслеповатое оконце и поселился там, притащив из шалаша свои пожитки. Постепенно натаскал сухих веток от растущих у речки тополей и верб, да кукурузных и подсолнечных будыльев и очищенных початков, и зажил одиноко, но не голодно.

Когда расквартировались в селе румыны, в его избушку квартирьеры никого не поставили. Так и остался дядя Миша жить один.

Днем, когда хорошая погода, ходил по полям соседней деревушки Катыши – собирать оставленные неубранные листья табака. Татары, жители этой деревушки, возделывавшие табак, его не прогоняли с убранных полей. Наоборот, иногда приглашали в дом обогреться, покурить и поговорить.

Дядя Миша довольно хорошо говорил по-татарски. Он долго не засиживался в гостях у татар. Спешил на поля, чтобы собрать побольше табаку. Так и ходил за табаком в каждый ясный день, пока не выпал первый снег.

Как-то вечером дядя Миша затопить на ночь свою плитку будыльями, поставил на нее чайник с водой, и задулся, наблюдая, как огонь, постепенно охватывает будылья и стреляет, далеко разбрасывая искры...

Вдруг кто-то осторожно постучал в дверь.

Дядя Миша встал и, не спрашивая, отодвинул дверной засов. Перед ним стояли три человека в кожухах, с поднятыми воротниками, в черных барашковых шапках. Что за люди – в темноте понять было нельзя. Ясно было одно, что это не немцы, но и не румыны.

– Входите, граждане! – пригласил дядя Миша. – Погрейтесь.

– Да мы и сами так думаем, – сказал один из них, по-видимому старший.

Оружия у них не было видно, но под кожухами сильно что-то оттопыривалось. Дядя Миша – старый кавалерист – подумал, что должно быть под кожухами кавалерийские винтовки. На автоматы, какие носят немцы, не похоже – те поменьше.

Расселись, двое – на табуретках, третий – на постели, рядом с хозяином. Лучи от плиты освещали гостей слабо, да и то ноги, а лица оставались в темноте.

– Угости, дядя Миша, табачком. Давно не курил, а курить хочется аж уши попухли, – пошутил старший. И добавил. – Называй меня «Степаном», и не пытайся меня узнать.

– Я тебя и не знаю! – схитрил дядя Миша. – Да если бы и узнал, зачем признавать, раз ты не хочешь. Вот, бери, закуривай, – протянул он увесистый кисет, в котором помещалось примерно полфунта табака. – Да бумага у меня плохая, как закуришь, вспыхивает пламенем, гляди, нос не обожги.

– Ну, бумага у нас есть, – сказал незнакомец, что сидел с дядей Мишей рядом, доставая из кармана три книжечки рисовой бумаги. – Возьми две себе, а одна у нас останется.

Дядя Миша не возражал, спрятал подарок под подушку.

Закурили все, кроме одного, который хмуро сидел на табуретке, и пока не проронил ни слова.

– Мы – партизаны, – признался «Степан».

– Вижу, не ослеп, – ответил дядя Миша. – Но я вас не знаю, и все!

– Вот что, дядя Миша, нам нужен один паренек. Зовут его, как и тебя. Сын расстрелянного немцами учителя. Мы заметили, что он к тебе часто приходит.

– Ну, что же! Раз нужно – значит нужно. Когда его привести?

– Приведи его завтра на Вакуф. Мы понаблюдаем за этим местом, чтоб «хвоста» за вами не было. Будет «хвост» – нас не будет!

– Да ты, что, «Степан», меня, старого коммуниста, обижаешь? Я же для того сюда, в Кабурчак, приехал, чтоб подпольную ячейку организовать, а ты – о «хвосте» предупреждаешь...

– Знаю, что ты, дядя Миша, коммунист, но теперь не всем коммунистам доверять можно, так что извини, – примирительно прервал хозяина ночной гость.

– Что правда, то правда, – вздохнул дядя Миша, – но и под вашего брата-партизана многие предатели подделываются. Вот, говорят, в Османчике был такой случай: ночью стук в окошко одного дома, где жили крестьяне, сочувствующие партизанам. Спрашивают: «Кто?» «Откройте, партизаны мы». Открыли. Входят пятеро. «Можно у вас переночевать?» – «Можно». Покормили их, пятерых гостей, положили спать. Утром ушли. А к обеду явились они с полицаями. Забрали хозяина, хозяйку, сына и дочку. Хорошо, хоть младшей дочери дома не было – уходила куда-то. Увезли семью в Карасубазар, и там всех расстреляли.

– Знаем мы, дядя Миша, этот случай. Знаем! Но ты не знаешь, что всех этих пять нелюдей – народные мстители уже уничтожили! – сказал «Степан», и обратился к своим товарищам: – Отдохнули, хлопцы? – Те кивнули головами. – Ну, тогда мы пошли, дядя Миша. Выйди, посмотри, как там во дворе?

Бурлаков вышел, огляделся по сторонам – было тихо. Подошел к воротам и глянул вдоль улицы – никого не было. Только сеял мелкий дождичек, было холодно, да иногда срывались порывы колючего ветра. В такую погоду хороший хозяин собаку во двор не выгонит. Вернулся Бурлаков в хижину и доложил, что на улице тихо...

Партизаны, молча, встали, поблагодарили за курево, вышли из хижины и растворились в темноте.

На следующий день к дяде Мише Бурлакову пришел Миша. Ни немцы, ни румыны, после расстрела отца, его не трогали. Туберкулез кости исказил его ногу, отчего передвигался он при помощи костыля.

У него были слегка припухлые серые глаза, высокий лоб с зачесанными назад русыми волосами. Но, глядя на его бледное, сероватое лицо, которое даже в летнее время не покрывалось загаром, сразу можно было сказать – это больной человек. Миша много читал, был очень развит. До прихода немцев был активным комсомольцем, а в оккупации вынужден был затаиться.

После обыска, проведенного у них в доме самим шефом полевой полиции Матовым, ареста отца и его расстрела, Миша испытывал неодолимое желание отомстить оккупантам, но как это сделать – не представлял. Мать его была еще молодой и здоровой женщиной, чтобы было им на что жить, пошла работать в «землячестве», как называли немцы бывшие колхозы. Местные крестьяне, помня, сколько добра им сделал ее муж, учитель их детей, помогли ей. Однако делали это с оглядкой, так как знали, что Тричев сводил давние счеты с семьей учителя. Отсюда и расстрел мужа, и частые штрафы, и реквизиция велосипеда и Мишиной собаки – прекрасной немецкой овчарки. Теперь Матов по вечерам разгуливал по улицам Карасубазара с этой собакой, названной Ингой.

Миша часто приходил к Бурлакову домой. Тут он мог отвести душу, не боясь, что его арестуют за недозволенные речи.

Оба они ненавидели оккупантов всеми фибрами души, и готовы были мстить фашистам.

И вот, такая удача! Миша потребовался партизанам. Они посидели с Бурлаковым у печки, попили душистый, чуть терпкий горячий настой трав вместо чая, потом свернули по сигарке прекрасного табака дяди Миши, который он собирал на Катышинских полях, и покурили на дороге.

Вышли из хижины Бурлакова и осторожно молча спустились к речке. Знали, что там возле колодца собирались женщины за водой с ведрами и коромыслами. С десяток женщин о чем-то оживленно разговаривали между собой. Но, когда Бурлаков и Миша поравнялись с колодцем, женщины замолчали, опасливо поглядывая друг на друга. Одни стали поднимать коромысла с ведрами на плечи, чтобы нести домой. Другие продолжали набирать воду из колодца.

– Какие новости, сегодня? – спросил у них Миша.

– А ты разве не слышал? Немцы пять человек наших расстреляли. Федора Янкова, что работал заведующим складом в колхозе, и семью Панаскина Ефима – пастуха нашего. Обещали сначала помиловать, но потом все равно расстреляли.

– Кто это вам сказал? – спросил Бурлаков.

Женщины замялись. Видимо, они знали от кого исходит весть, но не хотели говорить.

– Жена Федора Тричева, брата старосты, нам сказала...
– ответила соседка этого Федора.

– Ну, тогда, значит, верно, – нахмурился Миша.

– Господи, господи! – запричитала одна женщина. – И за что ты губишь столько людей! Бедные Янковы! Теперь сыновей его заберут в концлагерь, как забрали детей расстрелянных Беделевых. Что там с ними будет?

Миша и Бурлаков, постояли еще с плачущими женщинами, и, пожалев расстрелянных, пошли в сад, как бы за хво-

ростом. По саду направились к тупалице-сукновальне, собирая сухие ветки фруктовых деревьев, оставшиеся от осенней обрезки. В саду было тихо, только капли падали с мокрых, коренастых фруктовых деревьев. Видимость была хорошая, не смотря на пасмурную погоду, между рядов деревьев сад проглядывался по всей ширине. В это время ранней весны в садах, на огородах редко можно было кого-нибудь встретить – там еще не работали, так как земля была сырой, и почки на деревьях еще не набухли. Весенник работ в саду должен был начаться недели через две-три. Румынские солдаты здесь тоже не показывались, предпочитая нести караульную службу на задах села или возле переулков. Несли караул на буграх, откуда открывался вид на всю долину речки Кучук-Карасу, меловые осыпи со скал Тупой и Острой, сами скалы и опушки Азаматского леса.

Бурлаков и Миша собрали по объемистой, но не тяжелой вязанке сухих веток, и с этими вязанками прошли к тупалице, а потом за нею вышли на дорогу, огибающую сад, а дальше – и луг. Пройдя еще метров пятисот по дороге вверх, подошли к Вакуфу – условленному месту на стыке луга и сада. Здесь, возле криницы с чистой ключевой водой, за кряжистыми стволами верб и осокорей, они сбросили на землю вязанки дров, и, оглядевшись по сторонам, сели на них и закурили. Душистый табачный дымок относилось от них в сторону ветерком, распространяя приятный для курильщиков аромат. Так просидели они минут двадцать и хотели еще раз закурить, как перед ними внезапно появилась фигура «Степана».

– Здоровеньки буллы, хлопцы, – поприветствовал их «Степан». И сразу приступил к делу. – Миша, – обратился он к молодому человеку, – ты не знаешь, куда девать свою энергию. А ведь дел много! Найдутся и для тебя дела, причем важные! Ты часто бываешь в Карасубазаре, и ты бы нам помог в работе, как связник. На тебя, как на больного человека, немцы не обращают особого внимания. Костыль у тебя – как щит. Для

начала нам нужно, чтобы ты встретился с переводчицей полевой жандармерии немцев Соней Загорковой, и постарался получить у нее для нас бланки нужных нам пропусков полиции.

Миша слушал, затаив дыхание. Он не мог предполагать, что Соня не побоится помогать партизанам. Но сказать об этом сейчас не решался.

Бурлаков вытащил свой почти фунтовый кисет и предложил «Степану» закурить. Все свернули по сигарке. Но дядя Миша обратно свой кисет не взял:

– Это вам, – махнул он рукой «Степану».

Миша на предложение «Степана» ответил согласием. Радостно улыбался, он сразу почувствовал себя тоже нужным человеком.

– Я давно искал встречи с партизанами или подпольщиками, – признался он. – Но никак не мог найти пути для этого. В оккупацию люди стали очень осторожны. А у меня отец погиб, немцы его расстреляли, за распространение марксистской литературы. При обыске нашли у нас несколько книг Ленина и книгу Сталина «Вопросы Ленинизма». Я поклялся мстить, и мстить, и мстить за отца... – Со слезами на глазах взглянул он на «Степана»: – Кому же я должен отдать бланки, когда принесу их от Сони?

– Ни кому! – ответил «Степан». – Вон видишь тот крайний дуплистый осокорь? Будешь класть все, что получишь, в дупло с той стороны. Там в дупле совиное гнездо. Приподнимешь и положишь под него сверток. На земле следов не оставляй. Иди по камням. Да и здесь сейчас не следите. Земля, видите, сырая, и следы на ней видны. Всегда ходить придется по камням!

– Все понятно, – ответил Миша.

– Еще не все, – возразил партизан. – К этому месту старайся подходить каждый раз не с одной и той же стороны, чтобы не получилась тропинка, или протоптанный след. Вот сегодня вы пришли со стороны сукновальни, по огородам. В

следующий раз приходи сюда с другой стороны, по другой дороге. Пройдись по лугу, только далеко не удаляйся от дороги. А то румыны подумают, что идешь на связь с партизанами, и могут тебя догнать и обыскать. Всегда старайся приходить сюда незаметно, не вызывая подозрений. Или так, как сегодня, собирай хворост, или ищи какие-нибудь травы, а дальше цветы пойдут – собирай букеты... Каждый раз придумывай что-нибудь новое.

– Что, ты мне не мог поручить это, «Степан»? – ревниво спросил дядя Миша.

– Мог, но на тебя скорее обратят внимание оккупанты. И с Соней Миша знаком, вот я и хотел с ним познакомиться, посмотреть, что за человек, – объяснил партизан. – Что касается тебя, дядя Миша, тебе мы верим. Вон и пастуха Панаскина нельзя было ни в чем заподозрить, а поди ж ты, взяли да арестовали.

– И расстреляли, – добавил Миша.

– Как расстреляли? – воскликнул «Степан».

– Эту новость мы только что услышали от женщин возле колодца, – сказал Бурлаков.

– Как жаль, очень жаль, – расстроился «Степан», – все это были наши люди, партизанские помощники. Но больше всего помогала нам Женя – невестка Панаскина. Так вот, Миша, теперь у тебя будет псевдоним «Дубок». Что-нибудь будешь сообщать нам, подписывайся этой кличкой, и мы тебя так будем звать. С нами встречи не ищи. Вон твой почтовый ящик, – и показал он Мише на осокорь. – Если ты нам понадобишься – мы тебя найдем.

«Степан» встал с камня, высыпал из кисета почти весь табак себе в карман, отдал Бурлакову пустой кисет, и незаметно исчез за старыми коблами деревьев.

– Пошли до дому, – сказал дядя Миша, – свидание окончилось! – он легко забросил за плечи вязанку хвороста и пошел вперед.

Миша подхватил одной рукой свою вязанку и, опираясь на костыль, зашкандыбил за ним.

Домой шли той же дорогой, что и пришли сюда. По дороге два раза останавливались – отдыхали. Пока добирались до хижины, стало темнеть. Вошли во двор, и вдруг старик куда-то исчез. Миша подождал-подождал его во дворе и, решив, что дед забыл попрощаться, собрался было идти домой. Но старик снова появился, завел его в хижину, и, достав из-за пазухи сверток, вручил его Мише.

– Это – листовки, нужно их незаметно распространить... Потом будешь их сам получать, не через меня, а через тот «почтовый ящик»...

Уже затемно Миша зашел к своим знакомым – молодой паре городских жителей, перебравшихся из Карасубазара в Кабурчак. Жили они неподалеку от дома Миши.

Муж – Вася Черноморченко, молодой художник, работавший до оккупации в городе оформителем, не захотел работать художником у немцев и переехал с молодой женой к ее родственникам в село. Здесь нарисовал на пробу икону Николая-угодника. Икона имела у жителей Кабурчака необыкновенный успех, так как была прекрасно написана в старо-византийском стиле. В особенности ею восхищались старухи-долгожительницы: баба Калина Тупович, баба Палаица и другие богомолки. Такие иконы сохранялись у немногих крестьян, и были вывезены еще их пращурами в начале XIX века во время переселения из Болгарии.

В то тяжелое военное время, когда жизнь человека упала в цене, жители потянулись к богу, к вере. Слава о Васе Черноморченко как о художнике быстро распространилась по селу. Ему заказывали изготовление и новых икон, и каменных надгробий-крестов, и тумб, которые он расписывал и надписывал. Он стал не только художником, но и каменотесом.... Но, главное, в доме появились и хлеб, и мука, и многое другое.

Его молодая жена Таня – уроженка Кабурчака, родственница Сони, помогала ему.

Когда Миша зашел к ним, они сидели у очага, обсуждая взбудоражившее все село событие – расстрел немцами Янкова и семьи Панаскиных. Миша сел на табурет, вынул из-за пазухи пачку листовок и стал читать вслух.

В это время во дворе громко залаяла собака, и раздался топот ног нескольких человек. Вася, сидевший с зубилом у надгробного камня, выхватил у Миши пачку листовок и, приподняв камень, сунул под него. Только он успел это сделать, как дверь распахнулась, и в комнату ввалились четыре немецких солдата во главе с унтер-офицером.

– Кто хозяин? – спросил унтер-офицер на ломаном русском языке, обшаривая всех сидящих цепким взглядом.

– Я, – ткнул себя Вася пальцем в грудь.

– Кто-нибудь приходил к вам вечером? – спросил унтер-офицер.

– Вот этот молодой человек, – ответил Вася, показывая на Мишу; он здесь недалеко живет.

Немец уставился на Мишу, потом велел ему встать и подойти поближе, но увидев костыль, спросил:

– Совет зольдат?

– Найн, кранке, – ответил Миша и показал больную ногу.

Немец брезгливо поморщился и отвернулся от него. Затем глянул на неоконченный надгробный камень и, ткнув в него пальцем, спросил у Васи:

– Это ви делает?

– Да, могу сделать и для вас! – ответил Вася радостно.

Но немец не понял юмора и отрицательно замотал головой.

– Нет, нет, пока еще не надо, – замахал руками немец, – а дорого стоит? – поинтересовался он.

– Для вас, когда будет нужно, сделаю бесплатно, – ответил рисково Вася.

Сопровождавшие унтера солдаты заулыбались, поняв Васю.

– Партизанов нет? – спросил унтер-офицер.

– Откуда партизаны, здесь, в центре села? – спросила Таня.

– А вот это што? – показал унтер бумажку. Таня хотела ее взять, чтобы прочесть, но унтер отстранил ее руку, и все увидели такую же листовку, какую пять минут назад читал им Миша. Унтер-офицер вытащил пачку сигарет и предложил Васе закурить. Тот отрицательно покачал головой и указал на Мишу. Но унтер положил пачку в карман, чиркнул спичкой, прикурил и, повернувшись ко всем спиной, вышел.

За ним молча вышли и остальные. Только последний солдат махнул на прощанье рукой.

Вася вышел во двор проводить непрошенных гостей.

А Миша, приподняв камень, вытащил листовки и засунул их за пазуху.

Когда Вася вернулся со двора, они продолжили чтение листовки. На ней дана сводка Совинформбюро с одной стороны, на другой – напечатан призыв к гражданам Крыма саботировать мероприятия немецкой сельскохозяйственной организации ВИКО по проведению весенней посевной кампании.

В эту ночь партизанские листовки появились на воротах и стенах многих домов, в том числе на стене правления и на воротах старосты Картуфлея-Тричева.

Жители Кабурчака, читая утром листовки, удивлялись, как они могли появиться в центре села, если оккупанты несли очень бдительно патрулирование?

А через некоторое время такие же листовки появились в Бахче-Эли, Проломе, Васильевке и даже в Карасубазаре, причем никто не видел, кто их расклеивал или разбрасывал.

Миша часто находил в своем «почтовом ящике» пачки новых листовок, а потом весьма осторожно распространял по все новым и новым местам. Но на квартиру к Алешиным он приходил обычно освободившимся от листовок. Так Миша приобщился к тайному фронту борьбы подпольщиков и партизан.

Однако парню не давала покоя Соня, которую он уже давно безуспешно любил, страшно ревновал ко всем «кавалерам».

А Соня относилась к нему благосклонно, как к товарищу, и даже немного насмешливо. Они часто ссорились, но потом мирились. У Сони не оставалось в душе к нему зла, а у Миши после каждой ссоры оставался в душе неприятный осадок. Он писал ей страстные письма, упрекал ее в ветренности и непостоянстве. Соня отвечала ему тоже письмами, но чаще всего в спокойном и ироничном тоне. Мишу это особенно раздражало... Бывая в одиночестве, он мечтал о ней, строил воздушные замки, а при встречах у них неизменно возникали ссоры, часто до разрыва. Однако проходило время, ссоры забывались, и... все начиналось сначала.

Получив задание от «Степана», Миша надеялся привлечь Сою к тайной деятельности у немцев в качестве своего осведомителя. Он не знал, что Соня уже давно связана тайными нитями с партизанской разведкой через Сибирского, и прекрасно ведет эту роль, не вызывая ни у кого подозрений или догадок, даже у самых близких для нее людей. Однако просьбу Миши достать ему бланки документов, она выполнила, не посвящая его в свои дела, чтобы не нарушить уставовки Разведотдела крымских партизан.

Продолжение дневника Игоря Алешина

2 мая 1943 года

ОБ ОТЦЕ

В этом своем «романе» я выражаю почти все свои мысли. Цель этого дневника – самоанализ. Безусловно, эти записи попадут в свое время в чужие руки, но это должно случиться не скоро. На опасения есть основание: если бы эти тетради попали к теперешним властям – я был бы немедленно уничтожен, и, пожалуй, не только я...

Среди окружающих меня людей строятся разные догадки относительно того, что я пишу. Их невозможно скрыть. Но я терплю, не давая никому читать мой дневник. Лёка решил прямо, что я веду дневник. Элла прочитала кусочек первой страницы, но не догадалась, что это такое. Гути однажды при мне полезла в эту тетрадку, но я успел вовремя заметить и остановить ее, так что она не поняла, что здесь написано.

Скорее всего, до дневника доберется мама, потому что я сейчас часто бываю вне комнаты, а она, конечно, имеет власть над моими вещами. Лучше было бы, если бы все подождали, пока придет время прочесть все от начала до конца. В противном случае ничего не будет понято.

А теперь мне хотелось бы перейти к характеристике моего отца, такого, каким я его себе представляю.

Каждый отец бывает рад появлению на свет своего первого ребенка – в особенности сына. Это вполне естественно и человечно. Но вот я заболел, и этим оскорбил и разочаровал его до глубины души. Я в этом не виноват!

С этих позиций я и опишу характер папы, и его отношение ко мне.

Папа – человек образованный. Он прекрасно окончил до революции реальную гимназию.

Из энциклопедии я узнал, что реальная гимназия – это среднее общеобразовательное учебное заведение, в учебном плане которого ведущее место было отведено предметам естественно-математического цикла и вместо классических (греческий и латынь) изучались живые иностранные языки.

А потом отец окончил радиотехникум и электротехникум. В нем заложен богатый запас энергии и инициативы. Он трудолюбивый и деятельный, но настолько противоречивый, что его поступки и высказывания не всегда отражают целостность его характера. Он может быть добрым до того, что простит все и всем, но вместе с тем, в нем может вскипать такая бешеная злость, что к нему невозможно бывает обратиться, так как он нанесет незаслуженную обиду. Он может быть и ласковым. Его вежливость доходит до высоких пределов, но иногда он бывает до того нетактичен, что заставляет краснеть за себя. Временами ему противны все, кто бывает у нас в доме (в особенности немцы). Но иногда он неожиданно и, на мой взгляд, некстати назовет в дом полно разных людей, и сердится на маму, когда их нечем угостить (все это бывает с теми же немцами). А то он собирается экономить и отказывает нам во всем, даже в самом необходимом.

То есть он очень вспыльчив, но быстро остывает. В нем много гордости и самоуверенности. Его трудно в чем-нибудь переубедить, ибо он считает, что знает больше других (может быть, это так и есть). Большое упорство и самомнение подчас мешает ему признаться в совершенной им ошибке...

В последнее время для меня в его характере стали ощутимы только плохие стороны его противоречивости. Это сделало общение с ним для меня весьма тяжелым и едва терпимым.

Даже когда я подрост, и мне понадобилась помощь отца, как учителя, папа и тогда мало изменился. Он мне не подал никакого направления, ни в мыслях, ни в деятельности, ни в жизни вообще. Я сам искал все ответы на свои вопросы в тех книгах, которые мне добывала мама. Но она, при всем желании, не могла систематизировать мое самообразование, и потому я сам выбирал нужные зерна знаний из книг, даже из книжного мусора.

Может быть, он сам не мог получить «систематизацию» возрастных знаний от своего отца? Об отце он никогда ничего не говорил. И мать у него умерла очень рано. Он воспитывался в детском доме.

К тому же, все мои начинания и высказывания о жизни встречали со стороны папы сомнения, так что я боялся делиться с ним своими намерениями и желаниями. Он невольно принудил меня быть самостоятельным, независимым от него. Я перестал просить его помощи и объяснений. И старался не пользоваться тем, что принадлежит в доме ему. В этом я дошел до щепетильности.

Но в последнее время я чувствую, что папа стал ощущать те горькие плоды, которые и должны были вырасти на почве его безразличия ко мне.

Этими плодами питаться нам обоим теперь одинаково трудно. Он меня просто не понимает, и все что исходит от меня, встречает, как чужой, с удивлением. Я вижу его насквозь и чувствую несправедливость и нелогичность его упреков. Если бы я был здоров, он бы, думаю, постеснялся унижать меня пренебрежением к моему мнению, постоянно забывая, что я – взрослый, и требованием послушания в тех вопросах, которые касаются только моих интересов и потребностей, а не его. То есть, вечная проблема отцов и детей, в нашем случае с ним, из-за моей болезни, только обострилась.

Но я люблю и такого папу.

* * *

...Надо сказать, что, описывая характер своего отца, Игорь не знал еще о том, что Александр Иванович был вынужден вести, в условиях фашистской оккупации, двойную жизнь. Он играл роль немецкого прислужника, не имеющего самолюбия, старающегося изо всех сил услужить оккупантам, принимая у себя дома таких врагов, как Матов – начальник фельд-жандармерии, Вальтер – комендант города и ряд других представителей фашистской администрации. Принимать в доме такого представителя гражданской администрации, как его шеф – полуграмотный немец Штрик-Штрёк. А с другой стороны, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, поддерживать связь с советской разведкой, принимать связника у себя в подвале, и прятать его там до тех пор, пока не удавалось безопасно вывести его за пределы города.

Знала ли об этом его супруга? Видимо, знала.

ГЛАВА 50

Продолжение дневника Игоря Алешина

Если прочесть первые две части моего жизнеописания, то без труда можно заметить, что в них преобладают мысли, которые ясно выражают борьбу моей личности с миром, с самим собой и с людьми, меня окружающими. Я шарахался от сопротивления к покорности судьбе, но ни там, ни здесь не чувствовал себя спокойно...

...Недавно у меня мелькнула мысль, что, поскольку я не связан никакими интересами с материальной жизнью, я дол-

жен искать свою точку опоры не в окружающей меня обстановке, а в своем внутреннем мире, который для меня богаче, так как в нем заложен крепкий фундамент того, на чем должна покоиться предполагаемая человеческая душа.

По крайней мере, мне кажется, что эта «точка» существует. Такое заключение я сделал, читая произведения различных философов-идеалистов, и в особенности случайно попавшую мне книгу индийского философа Йога Рамачараки «Основы миросозерцания индийских йогов». В ней многие мысли перекликаются с моим настроением, вызванным болезнью.

Мысль эта может показаться нелепой, но не надо забывать, что люди живут жизнью, неотрывно связанной с деятельностью, сношениями, чувствами, а я живу только созерцательной жизнью... И я ничего не имею, кроме инстинкта самосохранения и развитого интеллекта. Но это позволяет мне созерцать все тонкости жизни, а видя их, понимать поступки и чувства людей, хотя мне не суждено самому всего этого испытать.

И вот у меня рождается смутная надежда, что в этом мое преимущество перед другими людьми, и там лежит моя точка опоры, на которой я могу стоять спокойно и, может случиться, полезно. Может быть, эта идея ложна, но пока она мне нравится, и меня успокаивает. Я решил искать, искать свою «точку» здесь, потому что признал многие мысли из философии Рамачараки созвучными с моими.

Хотите заключить из этого, что я становлюсь идолопоклонником или идеалистом? Пожалуйста! Это не меняет истинные законы природы. А мне поможет глубже проникнуть в тайны жизни.

Итак, отправляемся в путь на идеалистическом корабле, но возьмем с собой и весь наш материалистический багаж.

СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ И СТРАН

Необходимо описать международную обстановку.

Большой крик подняли немцы о «зверствах» русских. Немцы «нашли» около Смоленска несколько братских могил, в которых якобы находятся расстрелянные русскими в 1940 году 122 000 польских офицеров. То, что это офицеры, показывают найденные с трупами «документы».

Неужели это правда?

Сикорский – глава польского эмигрантского правительства поверил, что – правда. Из-за этого пошел на разрыв дипломатических отношений с Москвой. Главой Польского правительства в СССР стала революционная писательница Ванда Василевская.

В течение последних трех недель фюрер принял у себя всех премьеров Европейских стран. Ясно, что он рассматривал с ними, чем он располагает к усилению военных действий на Востоке, которые можно ожидать на днях.

Тотальную мобилизацию проводит Япония, готовясь «к мероприятиям крупного масштаба» к лету. Она готова, в случае угрозы Европе, оказать помощь державам оси.

Готов ли СССР к этому? Неизвестно.

Но Сталину теперь присвоено звание маршала, как Верховному главнокомандующему всеми вооруженными силами СССР...

...Сводки боев стали скудными.

Наступление Красной Армии на Кубани увенчалось взятием важной станицы – Крымской. Немцы находятся на Таманском полуострове. Красная Армия атакует южнее озера Ильмень. На остальных участках фронта – тишина.

Неожиданно быстро окончилась война в Африке. Сданы порты Бизерта и Тунис. Танковая армия Роммеля, вероятно, разбита. Все средиземноморское побережье Африки занято англо-американцами...

ГЛАВА 51

В мае 1943 года количество арестованных в фельдкомендатуре СД сильно уменьшилось. В работе переводчиков наступило некоторое облегчение, и Отто отпросился на несколько дней домой, в село. Соня осталась одна. Теперь она сидела не в кабинете шефа, как раньше, а в кабинете его помощника. Тому тоже сейчас нечего было делать, он вяло перебирал бумаги на столе, перечитывал уже прочитанное, вызывал к себе подчиненных для доклада...

Погоды во второй половине мая стояли жаркие, солнечные. Весна в Крыму вступала в свои права. После напряженной работы теперешнее безделье клонило помощника шефа полиции ко сну.

– Соня, – обратился помощник шефа, чтобы как-то убить время, – что, шеф перестал за вами ухаживать? Или он решил, что за подчиненными в одном учреждении неприлично ухаживать, а тем более их ревновать?

– Я удивляюсь, Франц, вашим вопросам, – ответила Соня, – вам ведь со стороны виднее. После тех конфликтов, которые были в недалеком прошлом, шеф как будто образумился и не устраивает мне сцен ревности, на которые, кстати, не имеет никаких прав. Возможно, он ожидает приезда своей супруги – фрау Инги...

– Он, как шеф нашего учреждения, оберегает вас от посягательств всяких румын и наших солдат...

– И сам становится в смешное положение, устраивая мне публичные скандалы, – ответила Соня.

– Но фрау Инга сюда не приедет, – сказал Франц. – Скорее шеф поедет домой, если его отпустят. Он мне недавно говорил, что ему нужно ехать домой – жена не управляется с восточными рабочими. – Помолчав, Франц улыбнулся и спросил: – Скажите, Соня, вам шеф нравится, как мужчина?

– О, нет, нет! – воскликнула Соня. – Как может нравиться пожилой человек с такой наружностью и... сердцем зверя, – сорвалось у нее с языка. – Я, глядя на него, содрогаюсь от страха! О-о, – протянула она, – я боюсь его!

– Зачем же вы служите в полевой полиции, если у нас такой плохой шеф? – спросил Франц, ехидно улыбаясь.

Соня поняла, что совершила оплошность, и решила несколько сгладить дурное впечатление, произведенное ее словами на помощника шефа.

– Я не сказала, что шеф – плохой начальник или незнающий офицер, но для меня он не подходит, он уже далеко не моего возраста и, пожалуй, годится мне в отцы... Кроме того, что и его жена будет такого же мнения... – Соня почувствовала, что с каждым словом она все больше и больше говорит не то, что нужно, но старалась выбраться из расставленной ловушки...

– А не кажется ли вам, фрейлейн Соня, что вы, как подчиненная, много взяли на себя, критикуя своего шефа? – сказал Франц. – Он заслуживает уважения не только, как начальник... Не надо забывать, что вы – гражданка покоренной страны и... пионерка. У шефа в столе лежит даже ваша фотография, где вы сняты в пионерском галстуке...

– Вы меня спросили, Франц, и я вам ответила, как думала. Я не представляла, что вы меня нарочно провоцируете, Франц, на такие ответы!

– Может быть, вы мне тоже нравитесь, фрейлейн Сонья! – воскликнул Франц. – Я вас вижу каждый день перед собой, и не могу до вас даже дотронуться, так как это вызовет гнев шефа. Как это говорится в классической басне: лисица видит виноград, но не может до него дотянуться. О, если бы вы мне обещали свою благосклонность!..

Соня замолчала... Прошло некоторое время и помощника вызвали к шефу. Соня осталась одна в кабинете и глубоко задумалась. Она проклинала себя за неумные ответы на провocationsные вопросы Франца. Она понимала, что ей нужно было сдержаться и говорить о Матове только хорошее. Но, что делать? Не только она срывается. Срываются и опытные люди. Хорошо еще, что сорвалось в этом вопросе. Это, в конце концов, ее личное дело. Если будут осложнения от ее невыдержанности, она будет просить увольнения, мотивируя это потребностью ухода за бабушкой, которая все время болеет...

... И тут ее вызвали к шефу.

Войдя в кабинет. Соня увидела, что шеф возбужден до крайности. Он шагал по кабинету из угла в угол и громко ругался. Кроме него в кабинете никого не было. Он подошел к Соне вплотную, вперил в нее взгляд своих серых со стеклянной неподвижностью глаз.

– Значит, это у меня внешность зверя, и я не гожусь, как мужчина? Вы не хотите со мной работать? – заорал он. – Неблагодарная девчонка! Я уже давно мог вас расстрелять за то, что вы были пионеркой и комсомолкой. – Матов открыл стол и достал Сонину фотографию в пионерском галстуке. – Вот! Полюбуйтесь! – Он бросил фотографию в ящик стола. – Но я вас не расстреляю, я вас буду бить палками и заставлю здесь работать. – И Матов правой рукой нанес ей пощечину, а левой рукой схватил Соню за горло и пытался сорвать кофту, но Соня вывернулась, и он только разорвал нитку бус. Соня закричала от неожиданности, и слезы брызнули у нее из глаз. Она схва-

тилась одной рукой за горящее от удара и насилия лицо, другой – сжала на груди разорванную кофту и рассыпающиеся бусы.

– После этого я не могу с вами работать! – крикнула она, выбежав из кабинета.

– Палками заставлю! – прокричал ей вслед Матов. – Расстреляю!

Забежав в кабинет помощника шефа, Соня бросилась на стул и в судорожных рыданиях склонилась к столу. В кабинете никого не было. Ниточка с остатками бусинок упала на настольное стекло. Соня машинально сгребла бусинки в бумажку и скомкала ее в кулаке, всхлипывая, вышла из кабинета, прикрыла дверь, заперла и отдала ключ дежурному. Все она делала машинально. И очнулась только у калитки дома Алешиных. Щека горела от удара, и ее ненависть к насильнику готова была прорваться неразумными действиями.

Соня решила постоять у калитки, чтобы придти в себя. В дом пошла немного успокоенной. Не говоря ни слова, она начала рыться у себя в чемодане. Нашла необходимые вещи и связала их в узелок.

Первой увидела, что с Соней что-то не ладное, Лидия Федоровна. Она заметила скомканную бумажку с разорванной ниткой бус, увидела, что Соня поменяла кофту, заметила на левой щеке у Сони красные пятна от пощечины, но ничего не сказала. Игорь, не обладая достаточной наблюдательностью, ничего не увидел. Лишь почувствовал необычное возбуждение Сони, но не придавал этому значения. Присутствующий в доме Лёка оказался более проницательным, он поднялся, чтобы уходить. Но в этот момент Игорь задал Соне вопрос:

– Ты, что, Гутя, с шефом поругалась?

Она посмотрела на Игоря уничтожающе и крикнула:

– И какого черта тебе надо? Что ты в душу лезешь?

Соне не хотелось здесь ничего говорить. Она проклинала себя за несдержанность. Обида ее душила. Забрав узелок с вещами, Соня вышла, не сказав никому не слова. Вслед за ней вышел и Лёка.

– Ты не заметил, что Соня без бус? Они у нее были завернуты в бумажку, и она их держала в руке, – сказала Игорю Лидия Федоровна. Игорь растерялся и прошептал:

– Неужели шеф ее изнасиловал?

С нетерпением они ожидали возвращения Лёки. Может быть, хоть он что-нибудь узнает, хотя прежде Соня с ним ничем серьезным не делилась.

Лёка пришел в восемь часов вечера. Он провожал Соню большую половину пути до Кабурчака, и выглядел усталым и осунувшимся.

– Я принес вам нехорошую весть – Соня убежала! И надо думать совсем, – сказал Лёка, – она очень расстроена. Шеф на нее напал и побил!

– Что с ней произошло? Почему она не сказала нам?.. Куда она пошла? – засыпал Игорь Лёку вопросами. Он медленно ответил:

– Передай Лидии Федоровне и Игорю, я больше не вернусь в полицию после того, что произошло. Она не хотела общаться дома о случившемся и о своем решении, так как вы стали бы ее отговаривать, сказали бы, что она делает глупости. Но ее решение окончательное.

Все очень расстроились из-за случившегося с Соней.

Однако не только Алешины подумали, что Соня делает глупость.

После того, как ее проводил Лёка, Соня, вместо того, чтобы идти в Кабурчак к бабушке и там выждать некоторое время, решила уйти в лес, к партизанам. Но она не знала, как это лучше сделать, так как партизаны могли посчитать ее за сланным провокатором. Всю дорогу от Карасубазара до Кабур-

чака думала она об этом, и решила, прежде чем идти к бабушке, пойти в Пролом к Сибирскому. Он ей посоветует, что делать. Соня обошла Кабурчак стороной и, хотя солнце уже клонилось к закату, пошла в Пролом.

К дому Ивана Федосеевича она подошла тогда, когда стало темнеть, и деревня потонула в сумерках. В деревне было тихо. Даже собаки почему-то молчали. Соня обошла дворы огородников деревни стороной, поближе к лесу. Выйдя на зады дворов, она пошла вдоль плетня, отделявшего их от огородов. Возле двора Федченко остановилась у калитки, и прислушалась – никого не слышно. Тогда она осторожно, чтобы не хлопнуть, отворила калитку и вошла во двор. Соня знала, что нарушает условие конспирации, так как ни под каким видом не должна была приходиться к Федченко, но она сейчас была готова идти скорее на расстрел, чем возвращаться в ненавистную фашистскую полицию, к этому кровожадному палачу Матову. Она надеялась, что Сибирский проводит ее к партизанам, и там она сумеет отомстить оккупантам за все...

Осторожно постучала Соня в кухонное оконце в доме Федченко, и сейчас же увидела, что кто-то отдернул занавесочку и оглядел ее. Вскоре тихо скрипнула дверь, и Иван Федосеевич позвал Сою.

– Заходи скорее, – приглушенно сказал Сибирский. – Никого с собой не привела? – В прихожей было почти темно, и только тусклый свет отбрасывался из оконца. Из полузакрытой дверцы печной плиты на пол падали отсветы пламени.

– Что случилось, Соня? – сердито спросил Сибирский. – Неужели нельзя было подождать меня?

– Иван Федосеевич, миленький! Он на меня напал, порвал блузку и бусы, избил и грозил расстрелять, и я убежала из города... – Соня заплакала. – Нет мочи работать у этих проклятых фашистов... Пусть лучше меня расстреляют, чем работать с

этими палачами и видеть замученные ими жертвы... Иван Федосеевич, дорогой, помогите мне уйти к партизанам. Я буду там делать все, что меня заставят...

Соня разрыдалась, не в силах больше сдерживать нервы. Иван Федосеевич молчал, обдумывая, что делать в такой ситуации. Вдруг занавеска позади них зашевелилась, и оттуда вышел немецкий армейский офицер в чине гауптмана. Соня в ужасе застыла. Она поняла, что офицер все слышал, и ее сейчас арестуют. Но «офицер» заговорил вполне дружелюбно:

– Полно, девочка, успокойся и расскажи спокойно, что у тебя случилось, что вызвало твой неожиданный приход сюда?

Соня по голосу узнала в немецком офицере начальника Разведотдела Крымских партизан Эдуарда Яновича Сизаса, и испуг сразу пропал.

Она вспомнила, как ее посылали Давыдкин и Сизас на работу в СД. Он за час до прихода Сони появился из леса у Ивана Федосеевича и переоделся в немецкую форму. Направлялся в Ички для какой-то смелой операции. У Сибирского для этих целей был приготовлен гардероб одежды для переодевания партизан, направляющихся на разведывательные или диверсионные операции.

– Расскажи, Сонечка, что у тебя стряслось – может быть, что-нибудь и посоветуем, – ласково сказал Сизас, усаживаясь на стул.

От ласкового голоса Сизаса Соня разрыдалась еще сильнее.

– Не могу... не могу... Эдуард Янович... больше с ними работать. Не могу все время быть не тем, кто я есть. – Соня начала успокаиваться. – Даже дома у бабушки на меня смотрят, как на предательницу. – И Соня рассказала все, как было.

Иван Федосеевич молчал. Он думал, что может выйти из того, что Соня не вернется в полицию. Матов, если не

найдет Соню в Кабурчаке, может арестовать и расстрелять Сонину бабушку и тетю. Он поймет и будет подозревать, что она работала в полиции по заданию партизанской разведки, и что неудача немцев в борьбе с партизанами во многом зависела от нее. Но немцы могут ликвидировать и Алешиных, тогда исчезнет еще один разведчик, действующий независимо от партизан. Да, потеря будет большая.

...– Но ведь он хочет, чтобы я стала его любовницей... – донеслось до Ивана Федосеевича.

«Ну и ситуация! – подумал он. – А девушку нужно уговорить вернуться в Карасубазар, или, по крайней мере, быть выдержанней и ожидать, что будет в Кабурчаке. Нелегко ей, конечно, но, надо думать, смерть ей не грозит. Ну, арестуют, подержат ее в камере и выпустят. А могут и отослать на рабство в Германию».

– Милая Сонечка, – вступил в разговор Иван Федосеевич, – тебе нужно работать в полиции. Ты – наши глаза и уши в этой проклятой организации оккупантов. Если бы ты только знала, сколько жизней советских граждан ты сберегла, ты бы действительно была более осмотрительна... Не нужно было тебе вступать в панибратские отношения с Матовым, приглашать его домой к Алешиным, устраивать ему именины... – Он многозначительно посмотрел ей прямо в глаза и спросил: – А, может быть, и кокетничать с ним?

– Что вы, Иван Федосеевич, – вспыхнула Соня. – Я...

– Не перебивай, не перебивай меня, а то забуду, что хотел тебе сказать, – Иван Федосеевич замахал на нее руками. – В этом и моя вина. Нужно было тебя предостеречь от всяких неожиданностей общения с немцами... А теперь что делать? Быть серьезнее и выдержаннее! Вернее, внешне будь такой же легкомысленной и капризной, как и сейчас, но, если все обойдется...

– Как обойдется? – всплеснула руками Соня. – Я еле убежала, а вы хотите, чтобы я вернулась на растерзание этим зверям? – опять заплакала Соня.

– И Матов не будет тебе мстить, – на вид невозмутимо продолжал Сибирский, – а тебе нужно теперь быть очень внимательной к себе и заранее обдумывать все свои шаги. Если же нам сейчас взять тебя в лес, то, подумай, что будет? Немцы уничтожат твою бабушку и тетю и, кроме того, возможно, и Алешиных.

– Нет, нет, этого делать нельзя! – воскликнула Соня, поняв катастрофу своего положения. – Лучше я пока пойду к бабушке, а потом буду просить его, чтобы он отпустил меня к ней, так как бабушка все время болеет.

– Ну, вот, Сонечка, ты и сама решила, как правильно нужно поступать Главное, держи себя в руках, – сказал Сизас. – Разведчику нужен ясный ум и исключительное хладнокровие, иначе загубишь и себя, и людей... Впрочем, тебе нельзя сразу отступить и смириться – это может показаться подозрительным со стороны. Сделай так, чтобы о тебе немного побеспокоились Алешины, твоя тетя и, может быть, кто-нибудь еще... Пока мы последим за тобой, если будет очень худо, возможно, поможем, но на авантюры не пойдем – это может повлечь гибель многих людей...

– Да, об этом я сразу не подумала, – призналась Соня. – Мне казалось, что если я убегу, то все плохое для меня кончится. Пойду домой, пока не очень поздно.

– Конечно, тебе здесь нельзя оставаться, – сказал Сизас, – Иван Федосеевич тебя проводит к бабушке.

* * *

Соня появилась в доме бабушки, когда там уже ложились спать. Баба Калина и тетя Аня всполошились из-за позднего появлению Сони.

– Что случилось, Соня! – воскликнула тетя Аня. – Почему ты так поздно пришла?

Бабушка вопросительно смотрела на Соню широко открытыми, удивленными глазами. Соня, потупясь, улыбалась с виноватым взглядом, но по ее лицу было видно, что она вот-вот расплачется.

– Я убежала с работы. На меня Матов напал, душил и ударил по лицу.

– Горкото дете! (Бедный ребенок!) – воскликнула бабушка, всплеснув руками. – Чтобы они пропали, эти разбойники! Не ходи больше туда!

– Подожди, мама, – спокойно возразила Анна Васильевна. – За что он тебя ударил? Наверно, ты ему нагрубила или оскорбила его! Расскажи, что случилось.

И Соне пришлось в третий раз, но более осторожно, рассказывать, что произошло у нее с Матовым.

Что делать? Анна Васильевна собралась пойти вместе с Соней к Матову и попросить его простить Соню за оскорбление. Соня запротестовала:

– Зачем мне просить простить его, когда я не совершила никакого проступка? Простить меня, что я не захотела стать его любовницей?..

Так они ни до чего не могли договориться. Бабушка молчала, вздыхала и не хотела, чтобы Соня от нее уходила.

Уходить нужно из полиции, но иным, менее скандальным образом, считала Анна Васильевна.

Утром в Кабурчак на велосипеде приехал Лёка с письмом к Соне от Игоря. Соня взяла письмо и стала читать, а Лёка отошел к Анне Васильевне, чтобы поговорить.

– Соня – невыдержанная девушка. Незачем ей было высказывать помощнику шефа свое мнение о Матове, – сказала Анна Васильевна Лёке. – С таким скандалом ей из полиции не уйти. Нужно уходит иначе. Повод для этого есть – болезнь бабушки. Завтра я с Соней пойду к Матову.

Соня читала письмо Игоря, но слышала критику в свой адрес. И сказала с вызовом, обращаясь ко всем:

– Я считаю, что теперь, после того, как он на меня напал и сорвал с шеи бусы, я могу поступить по своему усмотрению... И, вообще, – воскликнула она, – я ни за что не вернусь на работу в полицию – пусть меня хоть расстреляют!

Что это было – вызов Сибирскому и Сизасу, с которыми она договорилась, вроде, о покорности, ради служебного долга? Или она вела игру капризной барышни, чтобы ее все-таки вернули, после наказания, на службу?

– Но Александр Иванович считает, что положение твое опасное, – сказал Лёка. – Еще не было случая, чтобы твой шеф кому-нибудь и что-нибудь прощал. И тебя накажет, и, дай бог, чтобы наказание было полегче...

– Подожди, Лёка, немножко, – осадил его Соня, – я напишу Игорю ответ.

Лёка, расстроенный, вышел во двор.

Через несколько минут Соня вынесла ему обложку от школьной тетради, сложенную треугольником.

– Вот, передай Игорю, пусть они не беспокоятся. Сама заварила кашу, сама и буду расхлебывать ее, – сунула письмо ему в карман.

Лёка поехал в Карасубазар. По пути ему попали навстречу два полица Матова. «Едут за Соней», – подумал он.

Оказалось, пока он ездил в Кабурчак, в 8 часов 30 минут утра к Алешиным приходил от Матова полицейский, справляться, где Соня.

Лидия Федоровна сказала, что Соня, наверное, уехала к бабушке. Вот почему Лёке около 10 часов утра по дороге в Карасубазар встретились полицейские.

Лёка вручил Игорю Сонино письмо, и тот быстро раскрыл его, надеясь понять, что же произошло с нею.

Причину своего «бегства» Соня не раскрывала. Она писала Игорю: *«вижу, что ты меня все же не понимаешь... После того, что случилось, я по отношению к шефу могу поступить так, как кажется лучше... Бумагу в спешке не могла найти, и потому не распространяюсь... Будь спокоен, наша дружба не имеет ничего общего с моими переживаниями...»*

В 11 часов Лидию Федоровну вызвали в фельдкомендатуру к Матову.

Переводчиков не было, и ее разговор переводила кухарка полиции, немного умеющая говорит по-немецки.

– Я вызвал вас для того, чтобы сообщить вам, что я послал полицейских за Соней, и я ее посажу в карцер на трое суток, – заявил Матов.

Лидия Федоровна стала заступаться за Соню, говорить ему, что Соня еще девчонка, и такому солидному человеку нужно подумать об этом, и не обращать на нее внимания, лучше отпустить ее со службы, поскольку она не понимает своего начальника, и между ними возникают трения.

– И думать нечего, – ответил твердо Матов. – Она будет здесь работать, а не захочет – заставлю палками!

Затем последовали еще более страшные угрозы.

– Вот учтите, что я свои угрозы не бросаю на ветер, при всем уважении к вам, я вашу приемную дочь примерно накажу! У меня всегда найдутся для этого основания!

Лидия Федоровна поняла, что угрозы Матова правдоподобны. Он сейчас зол, и хотя действует из личных интересов, но может привлечь Соню по служебной линии, приписав ей саботаж, недисциплинированность и даже политическую

неблагонадежность. Кто будет разбираться в этом? Последнее слово всегда остается за шефом.

Соню посадили в карцер.

К вечеру Лидии Федоровне удалось попасть к ней на свидание, благодаря знакомому полицейскому.

Вначале Соня смутилась от встречи с Лидией Федоровной в таких условиях, но потом все рассказала откровенно и опять стала плакать. Лидия Федоровна пересказала ей угрозы Матова, но Соня продолжала упрямяться, хотя поняла, что ей нужно уступить. Она понимала и помнила слова Игоря и Александра Ивановича, что она – не единственная жертва нацистского издевательства. Люди постарше и посolidнее бывали оскорблены немцами еще хуже, и не раз, но они, стиснув зубы, благоразумно молчали и ожидали часа возмездия... А Соня продолжала повторять:

– Теперь уж он меня отпустит домой!

Лидия Федоровна опять предостерегла ее не делать необдуманных шагов. И отчаявшись, предложила вызвать тетю Аню в Карасубазар.

– Пусть тетя Аня уезжает в Керчь. Не надо ее звать сюда, – ответила упрямая Соня...

Придя домой, Лидия Федоровна все же попросила Лёку съездить на велосипеде в Кабурчак и сообщить Анне Васильевне, что Соня арестована, и что Матов угрожает с ней расправиться.

На следующий день в девять часов утра приехал Миша с намерением пробыть у Алешиных день и ночь. Он очень беспокоился о том, что будет с Соней. Они долго обсуждали с Игорем поведение Сони и отношение Миши к ней.

К двум часам дня пришла пешком из Кабурчака Сониная тетя – Анна Васильевна. На Алешиных она произвела очень хорошее впечатление, вызвав, как они сами признались, обоюдную симпатию. Алешины рассказали ей о противоречивом характере Сони и о ее поступках.

Анна Васильевна подтвердила, что и три года назад, когда Соня жила у нее в Керчи, она была такой же немного замкнутой и, в то же время, резвой, жизнерадостной и сострадательной к каждой букашке, милой девушкой-ребенком.

– Она ребенок, есть и будет им всегда, – говорила Анна Васильевна. – В этом отношении она, как две капли воды, похожа на своего отца.

– Да, – сказал Игорь, – я часто старался ей внушить, как следует себя вести с немцами, но она не могла поставить себя соответствующим образом в отношениях со своим шефом.

Правда, Игорь не знал, какую роль нужно было Соне играть с немецким руководством, выполняя задания партизанской разведки, и что ее несколько легкомысленное поведение было вызвано необходимостью маскировки.

– Соне, идя на службу, нужно оставлять свою чудесную, но опасную для себя натуру дома, – предположила Лидия Федоровна. – Мы всячески предостерегали ее об опасности, грозящей от немцев.

– Безусловно, вы правы в своих волнениях за нее, и я считаю, что вы поступили правильно, хотя это и нелегкий труд, – решила заступиться за Соню Анна Васильевна. – Все-таки Соня может быть вполне серьезной и рассудительной в больших и важных делах. Хотя простых вещей, житейских мелочей и условностей еще не всегда может уяснить, и поэтому оказывается в неловком положении. Предупреждать ее трудно – нужно постоянно находиться около нее, так как мелочей всех не предусмотреть.

– Вы удивительно правильно охарактеризовали характер Сони, – сказал Игорь, – но что делать? Как ей помочь?

– Попробуем с Анной Васильевной пойти к Матову, – сказала Лидия Федоровна, – но без переводчика с ним говорить трудно, да и вообще это – упрямый и надменный человек, не считающий русских людей за людей!

– Да, это так, – согласилась Анна Васильевна, и обратилась к Игорю: – Я много слышала о вас, и благодарю от себя и от мамы за то, что вы поняли Соню и стараетесь оградить ее от неприятностей.

ГЛАВА 52

Продолжение дневника Игоря Алешина

17 мая 1943 года

Сегодня Анна Васильевна с мамой ходили в полицию к Матову выяснять, что грозит Соне и как можно все уладить. Я и Анна Васильевна предлагали упросить его, чтобы он согласился временно освободить Соню от работы из-за плохого состояния бабушки.

– Соня раньше говорила, что Матова совершенно невозможно просить, – с опаской сказала Анна Васильевна.

– Нет, – возразила мама, – если он такой по отношению к Соне, то к вам он будет совершенно иным.

Так и вышло. Матов был довольно любезен к своим посетительницам. Анне Васильевне он пообещал продлить пропуск и потом посадить ее на керченскую машину. Но по отношению к Соне он остался при своем непоколебимом решении.

– Конечно, – сказал он, когда они просили отпустить Соню из полиции, – я отпущу ее по закону с 1-го июня из полиции, но тут же введу ее первой в список девушек для отправки в Германию, причем дам ей наихудшую характеристику. Пусть она даже не думает, что в деревне у бабушки найдет покой!

После возвращения из полиции домой мама показала, как им рассказывал шеф:

– «Если бы вы слышали, что она наговорила моему помощнику! Я чуть в обморок не упал, когда об этом узнал. Я не помнил себя от гнева, и ударил ее. Так могла сказать только русская женщина!», – сказал он. И разве после таких слов можно ждать чего-то положительного для наших людей?..

Беседа была долгой. Переводил приехавший из отпуска Отто. Ни к чему определенному переговоры не пришли. На истинную причину Сониного недовольства работой, и на то, что Матов намекал ей на свои «ухаживания», а она «оскорбила» его грубым отказом – указать ему было невозможно, так как доказательств его намерений нет. И все же, если Матов и был нескромен, то Гутя не должна была себя так вести. Но как?!..

– Он не хотел пускать меня в деревню, и я повела себя грубо, чтобы он, в конце концов, меня выгнал, – призналась мне Гутя.

Какое наивно-ребяческое решение!

Теперь вот и сказываются плоды этой необдуманности...

Увидеться маме и Анне Васильевне с Гутей Матов не позволил.

18 мая 1943 года

Анна Васильевна опять пришла из деревни, чтобы хлопотать о Соне и продлить свой пропуск.

Опять немало говорила о Гуте. Как она ее жалеет!

Но странное дело, при всем ее желании сделать для Гуты добро, стремясь вырвать ее из полиции, она также мало верит в это, как и Соня. Последствия ухода из полиции могут быть для Сони тяжелыми и опасными...

– Клянусь, клянусь того человека, который надоумил Соню там работать, – горестно воскликнула Анна Васильевна и заплакала.

Проклятие!.. Вот и я, получилось, в глаза проклят! Я ведь тоже советовал Соне пойти работать в фельдкомендатуру.

И хотя Анна Васильевна меня не подозревает, я готов был в этот миг от проклятия исчезнуть с ее глаз. Но это могло бы случиться только в том случае, если бы человеческие проклятия действительно имели силу.

Однако проклятье все-таки действует! Кто простит меня?.. Я?.. Я не могу, потому что считаю себя правым. Анне Васильевне покаяться? Глупо! Потому, что жертва не она. Жертва только – Гутя!

Несмотря на запрет Матова, мама все же после обеда пошла к Гуте. Ей удалось передать бутылку сколотины (больше ничего у нас не было) и удалось поговорить с Гутей. У нее до этого были шеф и представитель областного шефа полиции обер-лейтенант Клейн. Гутя сказала, что Матов отпускает ее с 1-го июня со службы. Мне не верится, что все пройдет гладко.

Завтра Анна Васильевна приезжает к нам с ночевкой, а потом поедет домой в Керчь.

19 мая 1943 года

Анна Васильевна приехала в 8 часов утра. В 12 часов вернулась домой Гутя, почерневшая и нечесаная. Сразу все бросились к ней с вопросами. Она рассказала, что, когда обер-лейтенант Клейн посетил ее, она подала ему заявление об уходе с работы, мотивируя тем, что должна вернуться к бабушке, которая теперь очень слаба и нуждается в ее помощи. Она объяснила, что многим обязана своей бабушке, которая ее воспитывала, и потому должна заботиться о ее старости. Клейн отнесся к этому внимательно и удовлетворил просьбу Гуты. Однако шеф рассвирепел и угрожал ей отправкой в Германию. И Гутя сама признает, что теперь нет смысла покидать

службу в полиции, коль из-за этого она может попасть в Германию. Во всяком случае, в следующий раз она хочет поговорить с Клейном и об этом...

Я с удовлетворением следил за каждым движением освободившейся из карцера Гути, хотя чувствовал себя неловко. Я искренне был рад, что она решила бросить неподходящее для нее занятие. Но честно признаюсь, мне было тоскливо думать, что скоро ее не будет у нас. Я так привык к ней! В тяжелые минуты мне достаточно было вспомнить, что около меня – она – как родная сестра, и мне становилось легче.

20 мая 1943 года

Соня начинает бояться, что, если она уйдет из полиции, на нее могут свалиться всевозможные беды. Но что делать? Бабушка для нее действительно самый дорогой человек. Даже тетя Аня (она уехала сегодня утром) выглядит рядом с Гутей больше наставником, чем родственницей. С изумлением заметил, что Гутя относится к нам с доверием, а к тете – лишь с послушанием.

Как все-таки она одинока на свете!

Ей бы нужно начинать жить, а она вынуждена возвращаться в деревню и проводить уходящее время около бабушки. А это, в конце концов, могли бы делать ее многочисленные родственники, которые уже устроили свою жизнь.

«Что я буду делать, когда умрет бабушка, я не представляю», – как-то призналась мне Соня.

Многочисленные бабушкины сватовства ее не прельщают – она сознает, что сейчас не время для этого.

– Ну, в случае чего, я буду держаться вас, – с благодарностью сказала она папе, когда он предложил ей, что в дальнейшем она так же может рассчитывать на нас.

– Все хорошо, успокаивала она себя и нас, – возвращаюсь к бабушке, чтобы помочь ей.

Но, если в дальнейшем с этим не посчитаются (а сейчас назревают нехорошие события), то ее отошлют в Германию, или, в лучшем случае, направят копать рвы укреплений в Крыму. Спрашивается, чего она добилась? Какая бабушке польза? Тем более, что Анна Васильевна вскоре рассчитывает переехать в Кабурчак. Тогда свобода Гути будет под угрозой... Какую безвыходную жизнь принесли нам варвары с Запада!..

...Конечно, Гуте можно было последовать примеру наших знакомых барышень, и окружить себя множеством местных и иностранных кавалеров, и тогда для нее наступила бы легкая и веселая жизнь. К счастью, она не такая, как наша соседка Аня, которая «вышла», при помощи родителей, замуж за румынского капитана. У нее, после этого, стало кавалеров, как нерезанных собак, а продукты и вещи поплыли в новую семью. Но потом почему-то произошел разрыв, и румынский капитан очернил Аню последними словами.

Другой пример – Вера Шмелева. Она так страстно привязалась к офицеру «Буби», что стала посмешищем у его товарищей. И что? Она плюет на это, так как после каждой встречи с милым, у нее все больше конфет, помады, чулок и пудры... Не лучше Лили Харитоновна, которая спуталась с румынским зенитчиком. Или Люда Желнова ...

Нет, наша Соня не такая. Но за ней нужен зоркий глаз, а то она, по своей наивности, когда-нибудь попадет в грязную историю...

23-27 мая 1943 года

Между тем, Соня эти дни ходила на службу в полицию. Матов перестал цепляться к ней, и она немного успокоилась.

Но неожиданно появилась опасность для Гуты с другой стороны.

24 мая у нас был неожиданный гость Даня Мациан, со своей невестой Марусей, которую Соня знает с самого детства. Я знаком с ним с 1939 года, когда он часто бывал у меня, но мы не были друзьями. За время моего вторичного проживания в Карасабузаре, он был у меня один раз, и сегодня появился во второй раз.

Лишь только он вошел, я сразу же понял, что он пришел к Гуте, с каким-то поручением от Коки.

Когда гости уходили, Гутя долго стояла с ними у калитки. Даня складно напевал ей о друге, как он переживает... Маруся пригласила ее к себе на свадьбу 30 мая.

– На этот раз я уж пойду, – заявила нам Соня.

25 мая 1943 года

Утром приехал Миша. Вот еще один навязчивый воздыхатель. Он ждет ответа на свое письмо к Гуте, в котором снова говорит о своей любви. Но он не получит положительного ответа, так как он ей противен. Напрасно она его дразнит...

26 мая 1943 года

Сегодня Гутя пришла на перерыв домой веселая. Надо было бы мне помолчать, чтобы не испортить ей настроение, но я не утерпел и рассказал ей о своем понимании жизни. Рассказал ей для ее же блага. И, к сожалению, был не понят.

– Ты из любопытства хочешь узнать все обо мне? – спросила она.

Почему-то не додумалась сказать, что я влюблен в нее, и следил за ней из ревности!..

Если она побоялась сказать мне это, то час спустя это мне сказала мама!

27 мая 1943 года

Вечером с трудом склонил Гютю к беседе.

– Как ты вела себя со мной? – начал я. – Если ты была добра и довольна – ты молчала, если же ты была зла и недовольна, то я узнавал для себя такое, что приводило меня в ужас... Ты, видя мои переживания, ни разу не догадалась либо опровергнуть все, что я предчувствовал, либо подтвердить, что все именно так, как я замечаю. И то, и это меня бы успокоило. Я или поверил бы, что ты плохого обо мне мнения, или убедился бы, что я для тебя не пустой звук.

Выпалив все это, я пообещал Гуте в следующий раз разрешить прочесть мой дневник. Пусть после этого она выскажет свое мнение обо мне. Плохое оно, или хорошее – мне знать дороже, чем неизвестность.

На этом и порешили.

28 мая 1943 года

В городе ночью прошли многочисленные аресты. Немцы делали повальные обыски среди населения, брали ни в чем неповинных людей, и тут же, почти без допросов, расстреливали у танкового рва...

Кто тот предатель, который обрек более ста человек на незаслуженную казнь?

Сегодня, когда Соня возвратилась из полиции домой, с ней случилась истерика. Она потеряла сознание, и мама два часа старалась привести ее в чувства. Ужасы не поддаются опи-

санию... Тех, кто не был расстрелян, били шомполами и обливали водой, а потом опять били. Среди них – Миша Лефаров. Его считали всегда полоумным, но он тоже попал...

За что, за что это несчастье свалилось на нас?

Кто придумал эту злую шутку над нашей страной и народами? Он заслужил за это жесточайшее возмездие, и оно настанет! Он будет стерт с лица земли, этот полоумный, заслуживающий геростратову славу. Но Герострат сжег храм, а этот изверг уничтожил миллионы людей!

29 мая 1943 года

В тот вечер, когда Даня приходил к нам, он сватал Соню от имени Коки. Гутя ответила ему, что это глупо со стороны Коки, если он делает это через третьих лиц. На следующий день вечером Соня встретила с Кокой. Она должным образом пробрала его за неуместную мысль о женитьбе. За все время беседы он был каким-то потерянным; ему было трудно с ней говорить, ибо она держала себя (как и в своих письмах) неожиданно для него разумной и многогранно развитой девушкой. Ему пришлось много оправдываться. Он просил верить ему, что он не такой, каким она его считает. Он просил не презирать его, не гнушаться им, она ему дорога. Он обещал, что не будет ее преследовать.

– Я решила относиться к нему так же, как и ко всем, – оправдывалась перед нами Соня.

С памятного посещения дома Сибирского и Пролома в день нападения на нее Матова, Соня не могла встретиться со своим партизанским руководителем, чтобы с ним поговорить. Связь с Сибирским внезапно прервалась, и не понятно, отчего это произошло. Что случилось? Неужели Сибирский попал в лапы фашистов? Но она бы узнала об этом в полиции. Значит, что-то другое!

Вдруг ее пронзила страшная мысль: не привела ли она, в паническом состоянии, «хвост» на квартиру Сибирского, не заметив слежки за собой? Но тогда бы арестовали и ее?

Большое количество информации, накапливающееся у нее, оставалось неотправленной партизанам. Много было срочного, не терпящего задержки в доставке. Каждое промедление в отправке важных сведений грозило большими жертвами партизанам и подпольщикам Карасубазара. Необходимо было самой восстановить связь. Но как это сделать, Соня долго не могла придумать.

А с другой стороны, боялась Соня, Сибирский и Сизас могли осудить ее поведение с Матовым, а решение уйти с работы по уходу за бабушкой посчитали дезертирством. И решили затаиться и «присматривать» за ней, как выразился Сибирский. Мысли одна другой страшнее не давали Соне уснуть по ночам.

Почтовые ящики-тайники, которыми она пользовалась, почему-то не действовали. Бумажки, которые она оставляла в них, никто не брал, от воды они размокали, чернила расплзались, разведданные становились непонятными и устаревшими.

Наконец, продолжала сомневаться Соня, ее и теперь могли выследить и проверить, что она кладет в тайники, так

как она беспокоилась и чаще обычного заглядывала в «почтовый ящик». Вся эта слежка могла быть вызвана и безумной ревностью шефа, заставлявшего шпионить за ней переводчика Отто.

Это очень беспокоило Соню. Она понимала, что все время находится под строгим наблюдением на службе. В коммандатуре за ней наблюдали шеф, его помощник, в кабинете которого она сидела, Отто, и ее давний воздыхатель завхоз Пауль. Дома она тоже находилась под не менее бдительным контролем Игоря и Лидии Федоровны. Посвящать их в ее вторую жизнь Соня не могла. Она не знала, что ее тайна Игорю известна. А однажды она сама чуть было не рассказала Игорю о своем «секрете», но потом ловко отвела его внимание на юношеские забавы и ухаживания сверстников в 1940 году. В этом отношении Игорь Алешин был очень доверчив. Она считала, что он больше думал о её кавалерах и собственных переживаниях.

Александр Иванович тоже знал, наверное, о ее скрытой деятельности, но молчал. Может быть, он за ней и «присматривал»?

Для Сони давно перестала быть секретом подпольная агентурная деятельность Александра Ивановича Алешина, не только из-за намека Федченко.

Соня была наблюдательной и несколько раз слышала ночью осторожный стук в окошко комнаты Алешиных, после чего Александр Иванович выходил во двор, звенело кольцо и тихо скрипела открываемая калитка, слышались осторожные шаги, ведущие в недостроенную часть дома, и все замолкало. В таких случаях пребывание Александра Ивановича во дворе было довольно длительным, а затем он возвращался в свою комнату, и еще долго слышалось за закрытой дверью перешептывание его с Лидией Федоровной.

Иногда Соня обнаруживала пребывание чужого человека у них во дворе по следам, оставленным в сарае, где находилась клетка с кроликами, и на дорожке, ведущей в сад.

Это приходил связник Александр Иванович.

Однако в свою деятельность он Соню не посвящал. Не знал о ней и Игорь, хотя, возможно, догадывался.

Использовать Мишу из Кабурчака в качестве связного с партизанами Соня не могла и не хотела, в силу своей антипатии к нему.

Миша настойчиво добивался ее любви, но действовал грубо и неделикатно, чем вызывал у нее неприязнь. Отсюда и возникали у них частые стычки, о которых она впоследствии, по доброте своего сердца, жалела. Но Миша, видимо, этого не понимал – и все начиналось снова. Лишь один случай был у нее для сближения с Мишей, когда он попросил у нее достать бланки пропусков. Она согласилась и принесла Мише несколько бланков, сделав вид, что стащила их, в знак дружбы, для него лично из-за частых разъездов.

Подпольщики, видимо поняли, что контакт Миши с Соней не надежный и опасный для нее, и получали необходимые бланк через секретный «почтовый ящик».

Трудно приходилось Соне играть роль наивной, несколько легкомысленной, кокетливой девушки. Это обманывало Матова, которому она в начале ее работы в фельдкомендатуре очень нравилась, а потом он просто влюбился в нее. Его возмущало, что Соню всегда окружает хоровод кавалеров – немцев, солдат и офицеров, и русских молодых людей, среди которых выделялся сын врача Кока Бедризов. Соня со всеми была мила и приветлива, но ей каким-то образом удавалось никому не отдавать предпочтения, и держать своих кавалеров на расстоянии, не допуская близости и интимности. Матов пытался добиться ее благосклонности, но Соня была не так доступна, как переводчицы других немецких учреждений. Ему казалось, что Соня с другими мужчинами, даже с немецкими

солдатами, ухаживающими за ней, ведет себя более доступно, чем с ним. Сцены ревности и скандалы даже на вечерах, устраиваемых в полиции, делали Матова посмешищем в глазах сослуживцев.

Он это понимал и еще больше нервничал.

Вот и сейчас в разыгравшемся конфликте с Соней, он видел косые взгляды служащих фельдкомендатуры, своего помощника Франца, сыгравшего неблагоприятную роль в его дикой сцене избиения подчиненной. Но Матов никак не мог примириться со своим поражением и замять конфликт. Приехавший из Симферополя представитель областного отдела СД обер-лейтенант Клейн сразу понял, что Матов себя скомпрометировал в лице представителей немецких и румынских властей. В беседе с Соней он понял всё, был очарован ею и хотел ей помочь. Он пожалел красивую девушку, так как понимал, что стоило ему отпустить ее из полиции домой, как Матов в отместку отошлет ее с первой же партией девушек на работы в Германию. Поговорив еще раз с Соней, Клейн избрал другой путь локализации конфликта. Он во время последнего разговора с Соней пообещал ее отпустить к бабушке, в действительности же твердо решил этого не делать.

Потом Клейн пришел в кабинет к Матову. Тот открыл ящик тумбы письменного стола, извлек оттуда бутылку французского коньяка, присланную недавно женой из Германии, достал две хрустальные рюмки, отсвечивающие в гранях цветами радуги.

– Присаживайтесь, обер-лейтенант, – произнес Матов, – что вы нашли при инспектировании нашей комендатуры?

– Пожалуй, у вас в комендатуре, господин штурмбанфюрер, больше порядка, чем в любой другой, хотя она находится в самом центре партизанского района, – присев к столу, ответил ему обер-лейтенант Клейн.

Матов удовлетворенно кивнул, и налил в рюмки коньяк, а затем, подняв свою рюмку на уровень глаз собеседника, пожелал ему здоровья.

– Прозит, – ответил Клейн и выпил. – Прежде всего, хочу отметить, что у вас арестованные в среднем больше трех суток не задерживаются. – Клейн рукой показал, – Или-или, – и он рубанул ладонью в воздухе. – В других комендатурах дело обстоит значительно хуже...

– Стараюсь, – промолвил Матов, и налил еще по рюмке коньяку. – Но, признаться, я очень устал от этих упрямых дикарей, и уж два года не был у себя в Померании. Жена собиралась приехать, но теперь положение на фронтах осложнилось...

– Что ж, я могу вам в этом быстро помочь. Завтра поеду в Симферополь, и сразу же доложу генералу, что вы заслужили отдых, – поймал Матова на слове Клейн. – Это нужно сделать быстро, пока есть в запасе у вас хороший заместитель.

– Мне бы хотелось все-таки привезти сюда жену на некоторое время, – возразил сообразительный Матов, – а отпуска я мог бы и подождать.

– Нет, нет, – воскликнул Клейн. – Зачем же себя надирать на работе? Вам нужно отдохнуть, повидать семью, и потом... – Клейн нагнулся к Матову, держа рюмку коньяка у рта, – и потом сами прекратятся эти разговоры о вашей страсти к симпатичной переводчице...

Матов вскочил со стула, расплескав при этом коньяк.

– Гром и молния! Я ее сотру в порошок, эту недоучившуюся болгарку. Дрянь!

– Вот именно, дорогой штурмбанфюрер, пусть все останется, как есть. Зачем лишние разговоры? Сейчас у вас все хорошо, а ведь горячностью можно многое попортить.

Матов бешено замотал головой, но Клейн не дал ему сказать и спокойно продолжал:

– Итак, я докладываю генералу, что вам необходим отпуск в ближайшие дни. И поедете на месяц к своей фрау Инге. Прозит! – обер-лейтенант высоко поднял рюмку коньяка и выцедил его сквозь зубы, наслаждаясь тонким вкусом и ароматом напитка.

– Прозит! – поддержал его Матов.

– Пишите рапорт, коллега, я его отвезу генералу. И верьте мне – это дело долго не протянется!

Матов снова налил рюмки. От выпитого коньяка он успокоился. Тепло разливалось по всему телу. Обер-лейтенант Клейн ему показался очень симпатичным, и не педантом, как другие контролеры. Вскоре в бутылке «Наполеона» показалось дно, и Матов полез в стол, чтобы достать белое венгерское вино, с множеством золотых и серебряных медалей на этикетке и наклейкой – возле плечиков бутылки. Коньяка у него больше не было. Но Клейн остановил его.

– Довольно, довольно, штурмбанфюрер, а то ваши подчиненные скажут, что вы меня спаиваете. Я получил истинное удовольствие от вашего гостеприимства.

На следующий день обер-лейтенант Клейн отбыл в Симферополь. Но не скоро еще уехал в отпуск Матов. Он хотел, прежде чем уйдет в отпуск, расчистить подвалы и камеры фельдкомендатуры от заключенных. Потянулись через улицы города печальные группы изможденных арестованных в сопровождении здоровенных, откормленных полицаев, или солдат-добровольцев.

Соне приходилось почти все время пребывания в полиции работать при допросах заключенных. Немецкие палачи и их пособники – татарские националисты затаскивали в комнату подвала полуживых советских людей, искалеченных и изуродованных пытками.

Нередко пытали даже детей в присутствии родителей, надеясь этим вырвать нужные показания. Однако почти всегда они натыкались или на незнание того, что им хотелось знать,

или на необыкновенную стойкость людей, готовых скорее умереть, чем выдать своих близких.

А Матов с каждым днем усиливал нагрузку переводчиков – допросы велись непрерывно, а путь арестованных после этого был большей частью один – расстрел на краю танкового рва.

Поэтому в последние дни после конфликта с Матовым Соня чувствовала нервную напряженность, вызывающую у нее частые слезы и нередко истерику. Правда, это с ней случалось дома, после прихода из комендатуры, но такое состояние для нее становилось опасным. Нервы были напряжены, как струны. Она могла не выдержать такого напряжения и сорваться прямо на допросе. И тогда... она понимала это – наступит конец.

Перед ее глазами стояли замученные дети партизан и подпольщиков. Какие муки пришлось перенести их матерям, на глазах которых немецкие садисты мучили их детей, пытаясь заставить предать отцов. Сколько раз они теряли сознание на допросах!

Стоило Соне закрыть глаза – и перед ней проплывали лица многих замученных фашистами людей. Кого-то из них она знала до войны лично ...

Вот земляки – три брата Беделевых, активисты колхоза в Кабурчаке. Они, после помилования, не ушли в лес к партизанам. Один из них – был больной, недавно перенесший операцию, еле передвигался... После пыток немцы их расстреляли.

Или недавно расстрелянный член подпольной комсомольской группы Карасубазара Леня Колосов, не успевший скрыться от облавы оккупантов. Как его пытали палачи Матова, стараясь узнать у него, куда делись остальные члены группы. А он твердил только одно: «Ничего не знаю, наверно, в лесу»!

Но Соня от Сибирского раньше узнала, где они были.

– Под руководством Генова, – говорил он, – подобрано и послано в города и районы Крыма тридцать четыре районных уполномоченных обкома партии. Они обходили села, устанавливали связи с оставшимися коммунистами и комсомольцами, создавали подпольные организации и группы. За два-три месяца благодаря этому подполье значительно расширилось, особенно в сельских районах. Уже летом действовали в Джанкойском районе шесть, в Колайском – четыре, в Сейтлерском – двенадцать, в Ичкинском – семь, в Карасубазарском – восемь, в Зуйском – восемь, в Симферопольском – пять, в Старокрымском – четыре подпольные группы. – Попыхивая самокруткой, Сибирский добавил: – Ты кого-нибудь из партизан подпольщиков этих районов, наверное, увидишь при допросах.

Вот Соня и увидела измученного пытками, но несломленного героя из комсомольской группы Карасубазара Лени Колосова.

Домой приходила Соня в эти дни усталая, опустошенная. Ей опять хотелось бежать в лес: и пусть будет, что будет!.. Но от такого нравственного и психологического напряжения, она все больше и больше понимала, что этого делать нельзя – слишком много будет тогда ненужных жертв.

* * *

Весной 1943 года в Карасубазаре появился приехавший в Крым штурмбанфюрер СС Курт Гарт. Матов о нем слышал в Германии, еще до войны. Курт Гарт в прошлом был сотрудником личной охраны Гитлера, одним из друзей и сподвижников Отто Скорцени. Он приехал в Крым, по заданию бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, инспектировать кара-

тельные части. В Карасубазаре Курт Гарт пробыл недолго, от туда отбыл в Феодосию, и прибыл туда, как раз тогда, когда там немецкое командование было потрясено результатом колоссальной диверсии на станции Сарыголь. Диверсия на станции Сарыголь была организована Сизасом. Взрывом было уничтожено несколько паровозов, горели товарные поезда, подготовленные к отправке в Рейх. Приехав на Сарыголь, Курт Гарт познакомился там со своим соотечественником, уроженцем Восточной Пруссии, оберштурбанфюрером СС доктором Адольфом Веккелем. Они оба инспектировали карательные органы немцев в Крыму, но от двух ведомств: доктор Веккель от ведомства Кальтенбруннера, в Курт Гарт – от ведомства бригаденфюрера СС Шелленберга. Оба занимались расследованием диверсии в Сарыголе, распекали руководителей Феодосийского СД и местной полиции, и быстро подружились.

Курт Гарт был безусловно человеком храбрым, хладнокровным и выдержанным. В отличие от других офицеров, боявшихся партизан, как огня, Гарт их не боялся, и передвигался по дорогам Крыма без охраны. Да, Курт Гарт был смел и, вместе с тем, любвеобилен. В Феодосии у него быстро завелась любовница – фольксдойче Эльза Кунт.

Гарту понравился доктор Веккель, когда после диверсии на станции Сыраголь, тот кричал на эсэсовцев на совещании, посвященном борьбе с бандитизмом:

– Негодяи! – кричал доктор Веккель, и Гарт видел, как в его глазах горела неукротимая ненависть. – Вешать вас надо, без жалости уничтожать! Прозевать у себя под носом такую диверсию!

Потом доктор Веккель сидел спокойно вместе с Куртом Гартом на квартире у миловидной фрейлейн Эльзы Кунт и пил крымское вино. К ним вскоре присоединилась шумная компания эсэсовских офицеров, и выпивка продолжилась с новой

силой. Кстати, Эльза Кунт работала медсестрой в феодосийской больнице, где главным врачом был советский разведчик Анисим Иустинович Сухарев.

Когда от выпитого вина у собеседников развязались языки, Курт Гарт признался доктору Веккелю, что давно лелеет мечту захватить командующего партизанским движением в Крыму и его штаб, сказав:

– Хочу посмотреть в глаза партизанскому генералу!

Доктор Веккель, глядя на него, задумался, а потом тихо предложил:

– А знаете, штурмбанфюрер, я так изучил все пути в горах и местоположение штаба партизан, что, пожалуй, я могу серьезно вам помочь в осуществлении вашей мечты.

Гарт сразу протрезвел:

– Говорите, я весь внимание.

– Нужно взять небольшой, но хорошо вооруженный отряд эсэсманов, посадить в машины и двинуться в лес, пока он не стал еще зеленым. Я постараюсь вам указать правильный путь, и мы захватим партизанский штаб врасплох...

– За встречу в штабе партизан, с его генералом! – провозгласил Курт и поднял бокал вина. Эсэсовцы вскочили и, стоя, приветствовали его.

На следующий день несколько машин с эсэсовцами отправилась в горы. Доктор Веккель ехал позади колонны, так как не хотел ни с кем делиться лаврами. У развилки дорог колонна Гарта пошла налево, а Веккель-Сизас, а это был он, свернул направо...

Партизаны достойно встретили карателей. Ни один из них не избежал возмездия. А Курт Гарт остался лежать мертвым вместе со своими офицерами в лесу, так и не посмотрев в глаза партизанскому генералу.

Через несколько дней, после неудачной попытки Гарта захватить партизанский штаб, доктор Веккель в форме оберштурмбанфюрера СС заехал к директору школы Синикиди в одном селе Карасабузарского района.

Этот Синикиди, по заданию СД, как раз завершил изготовление карты дислокации партизанских отрядов в Судакских и Карасубазарских лесах.

Доктор Веккель поблагодарил его за хорошую службу Великой Германии и сказал, глядя предателю в глаза:

– Можете не сомневаться! За свои труды вы получите достойное вознаграждение!

Довольный Синикиди расплылся в подобострастной улыбке.

Веккель предложил ему сесть в машину вместе с собой, и... отвез его в распоряжение штаба партизан.

Так Синикиди получил, как ему было обещано, за «свои труды»...

ГЛАВА 54

Какими мелкими, не заслуживающими внимания, даже кощунственными казались Соне ухаживания Коки Бедризова, Пети Бостанжиева, а также наиболее постоянного в своих притязаниях Миши. Эти молодые люди отличались между собой, конечно, по характеру и внешности. Некоторые из них, подобно Пете Бостанжиеву, были очень скромны, бережно ухаживали за Соней и смотрели на нее, как на икону или драгоценную картину, написанную известным художником, боясь коснуться ее руки...

Другое дело – Кока Бедризов. Он был агрессивен, хитер, подсылал к Соне своих друзей, назначал ей свидания, пы-

тался всячески завлечь в свои сети. Но с каждым днем он становился ей все более противен, из-за «побед» над доверчивыми девушками.

Миша был постоянен в своей влюбленности, но в последнее время его страсть к ней становилась слишком бурной и опасной...

Сегодня, когда Соня после обеда оказалась свободной и, попросив у Лёки велосипед, собралась покататься на нем и немного рассеяться, ее перехватил Кока...

– Почему вы, Соня, избегаете меня? – спросил он, схватив руль велосипеда. – К чему скрывать, я пытаю к вам самые серьезные намерения...

– Довольно признаний, – перебила его Соня. – Отпустите руль. Ваши действия противоречивы, Кока: признаетесь мне в любви и преданности, а потом от меня отправляетесь к другой девушке на квартиру и... и там остаетесь ночевать. Как понять такую вашу любовь?

Соня попала ему не в бровь, а в глаз. Смутившись, он не знал, как ему выйти из трудного положения. Хотя, среди своих товарищей он слыл таким сердцеедом, перед которым не могла устоять ни одна девушка. Соня знала, что людская молва, а в ней принял участие и Игорь Алешин, изображала Коку довольно-таки грязным типом, которого порядочные девушки сторонились. И ей было стыдно встречаться с ним.

– Это ложь, – стал выкручиваться Кока. – От вас тогда я пошел к моей давней знакомой и там не ночевал. Просто мы разговорились, и я поздно от нее ушел. – Кока привирал, но на этот раз был смущен и взволнован, то краснел, то бледнел, и от волнения даже стал немного заикаться.

– Не думаю, что это ложь, – смотрела на него Соня, – Зато думаю другое: за хорошее отношение к вам, я могу навлечь на себя гнев моих приемных родителей и кривотолки со стороны ваших друзей.

Соня дала понять Коке, что общение с ним для нее нежелательно.

Но Кока проявил настойчивость.

Через несколько дней он решительно явился вечером к Алешиным. На стук вышел к калитке Александр Иванович. Кока, не здороваясь, с раздражением обратился к нему:

– Не понимаю, чем я мог не угодить вашей семье, и почему вы запрещаете Соне встречаться со мной?

– А я не понимаю, кто вы такой! – спокойно ответил ему Александр Иванович. – Я вас вижу в первый раз. Вы, из вежливости, сначала бы отрекомендовались, молодой человек.

– Я – Константин, Кока, как меня называют. Здравствуйте! – с опозданием ответил Кока. – Я хотел бы поговорить с Соней.

– Ваше имя мне ничего не говорит. О вас я до сих пор ничего не слышал. Какое у вас общественное положение? – спросил Александр Иванович.

Кока справился со смущением, и гордо заявил:

– Я – сын доктора.

– Судя по поведению, – не похоже, – сказал Александр Иванович.

– Да, я сейчас не работаю, – признался Кока. – Но это не имеет значения! Я хочу установить с Соней дружеские отношения. Чтобы потом даже жениться...

– Молодой человек, – прервал его Александр Иванович, – свои отношения с Соней вы выясняйте сами. Но, учтите, что бы там ни случилось, мы ее в обиду не дадим...

Александр Иванович повернулся к Коке спиной, и шагнул, было, к дому, но раздумал, и сказал решительно:

– Впрочем, если хотите серьезного разговора, то приходите завтра к двенадцати часам и объясняйтесь с моей женой. Я в этом участвовать не хочу. Но повторяю, Соню в обиду не дам!

Войдя в дом, Алешин возмущенно проворчал:

– Хорошее дело! Всякие наглецы, вроде какого-то Коки, начинают приходиться сюда и требовать от меня объяснений.

Алешины мать и сын были поражены этим. Соня сидела, ни жива, ни мертва. Ей было крайне неудобно перед семьей людей, у которых она жила, что так все получилось.

– Все выяснится завтра в двенадцать часов, – сказал Александр Иванович. – Учти, ты будешь с ним объясняться! – обратился он к жене.

На следующий день в 12 часов Кока пришел на беседу. Он тихо появился у калитки дома Алешиных, чистенький, приглаженный, его красивое, смуглое лицо с темными волосами было выразительно. Он старался выглядеть интеллигентным человеком, но глаза почему-то во время беседы всё отводил в сторону.

– Если разговор будет идти о Соне, – сказала Лидия Федоровна, – то имейте в виду, что Соня нам не безразлична – она наша приемная дочь!

Кока, как громом, был поражен этим сообщением, и растерялся, поняв, как неприличны были его преследования Сони, которую считал беззащитной.

– Да, я не ожидал это услышать, – сказал он, – но что же делать?.. Я хочу услышать от вас объяснения и понять некоторые поступки Сони. Во вторник я получил от нее коротенькое письмо, в котором она пишет, что совершенно изменила мнение обо мне, и просит оставить ее в покое. Но меня удивляет то, что она в воскресенье призналась мне в любви, однако, сказала, что будем любить друг друга крепко, но тайно.

– Хорошо, мы выясним у нее, в чем дело, – сказала Лидия Федоровна, но отговаривать или уговаривать ее не будем.

– Первое, что вы должны сделать, – сказал Игорь, угрюмо молчавший до сих пор, – это прекратить все сплетни о себе и о ней, и второе, не приставайте больше к Соне.

Кока ушел от Алешиных неудовлетворенный. Ему самому вообще было не ясно, зачем он приходил? Мать Сони и

сын тоже не были удовлетворены разговором. Еще утром, на вопрос Лидии Федоровны, как говорить с Кокой, когда он придет, Соня просила избавить ее от этого наглеца, и ушла расстроенная на работу.

Вечером, когда Соня пришла домой, она начала подробно рассказывать о встречах с Кокой.

По ее лицу было видно, как она вообще измучена и что ей вовсе не хочется объяснять свой последний разговор с ним. Тогда Лидия Федоровна решила высказать свои сомнения.

– Не знаю, – сказала она, – наверно, нескромно разглашать чужие тайны, но это уже не тайна, коль знаю и я, и Игорь, и, надо думать, еще кто-то. Среди обвинений, которые Кока незаслуженно возвёл на нас, якобы мы его перед тобой стараемся очернить, сказал, что ты ему призналась в любви, и что просила его любить друг друга тайно. Я не хочу давать оценку такому признанию с твоей и его стороны, и думаю, что ты сумеешь оценить сама.

Соня вспыхнула, как пион, и, потупив глаза, сказала:

– Он вам еще не все сказал. Он мне заявил: «Ты, я вижу, такая девушка, от которой мягкостью ничего не добьешься. Поэтому я тебе обещаю, что я тебя не отпущу до тех пор, пока ты не дашь согласия быть моей женой». Маруся стала меня уговаривать уступить Коке. А мне было тяжело от того, что они меня не понимают, и я расплакалась. Я убедила их, что замуж я не могу выйти. А он хотел сохранить для себя надежду. Тогда я, видя, что он не отвяжется, сказала ему, что он мне нравится, но встречаться я с ним не буду.

А, на самом деле, мне он не нравится, и я его вообще боюсь!

– Гутя, – сказал Игорь, – наверно, будет лучше всего, если написать этому Коке письмо от маминого имени. Письмо сочиню я, мы все вместе его поправим, а мама перепишет его и отошлет. Постараюсь его составить деликатно и внушительно.

ГЛАВА 55

Продолжение дневника Игоря Алешина

7 июня 1943 года

Я составил письмо к Коке, и мама вчера его переписала. Днем Лёка вручил его Коке у дверей церкви. Венчались Даня Мациан с Марусей. Сони, конечно, не было, да она и занята была до полудня в полиции. Что чувствует Кока? Ему заявлено в письме, что если он и дальше будет нахалом, то это может привести к крупному скандалу...

...В Кабурчак Соню, по-видимому, из полиции не отпустят. На днях управление полиции переехало, но в обеденный перерыв Соня домой же не приходит, так как работы прибавилось. Вечером она возвращается поздно; решила оставаться там, чтобы учиться игре на пианино. Я вижу я ее мало, и искренне скучаю...

Несколько дней тому назад мама надоумила Лёку повезти меня куда-нибудь на прогулку, и он согласился. Я чувствовал себя по отношению к нему и к Соне довольно неловко. Соня, с присущей ей горячностью, ухватилась за эту идею. Я знал по опыту, что чувствуют те, кто сопровождает меня в таких прогулках. Они очень стесняются, видя, какое нездоровое любопытство проявляют люди к моей персоне. И потому раньше я очень редко просил маму, а тем более папу, повезти меня куда-нибудь, и это – несмотря на то, что мне очень хотелось погулять...

Я пытался отказаться, когда Гутя стала уговаривать меня согласиться на прогулку. Я же не вправе обременять ее теми мучениями, которые возникли бы у нее из-за нескрываемого

сострадания или праздного людского любопытства. «Слона водили напоказ...».

Гутя поняла причину моего отнекивания: я сам боюсь нескромных взглядов. Этого мне уж совсем не хотелось... Другой причины для отказа от прогулки у меня не было, и мы собрались на вылазку в почти забытый мною мир.

Около трех часов дня я, Лёка и Гутя отправились в путь. Они повезли меня через плодовый сад к речке около моста по дороге на Кабурчак.

Как приятно мне было после полуторогодового пребывания в комнате, снова ощутить природу, и устремлять свой взор в далекое пространство, не ограниченное надоевшими стенами моей комнаты. Взор с радостью останавливался на сверкавшей громадной скале Ак-Кая, купался в далекой синеве извилистой линии горизонта и жадно перебегал с дерева на дерево, с камешка на камешек, с былинки на былинку. Слух упивался ласкающими шорохами листьев, ветра, ручья. Я не в силах описать всего того, что пережил за два часа прогулки, так, чтобы это было понятно людям, не испытавшим этого лично. Но я уверен в одном твердо – люди к жизни вокруг настолько привыкли, что не думают о том, в чем основная ценность и радость жизни. Слезы и сейчас подступают к горлу.

Если бы кто-нибудь из полноценных и здоровых людей испытал хоть на время заточение, и затем на одну минуту получил волю своему взору и слуху, он постыдился бы своих переживаний, возникающих у него в повседневных невзгодах! Он обрадовался бы тогда сознанию, что он живет и дышит, а остальное – неудачи, несчастья, разочарования – посчитал бы за мелочи, с которыми можно и нужно бороться.

Меня могут упрекнуть, почему я, зная радость и ценность жизни, потерял силу для преодоления собственных переживаний. Но ведь мое состояние продолжается не день, не час, а столько, сколько я живу, а получаю я волю своему взору

и слуху, чтобы любоваться окружающим миром, микроскопически мало. Это позволяет мне лично лишь оценить жизнь, но не бороться с ее каверзами.

Берегите, люди, то, что вам дано природой, любите жизнь и цените ее!

У речки мы пробыли недолго, так как Гуте нужно было явиться к пяти часам в фельдкомендатуру. Домой мы возвращались по шоссе. По дороге все весело и много шутили, настроение было радостное. Трудно судить, была ли эта прогулка исключительно хорошей – может быть, случится лучшая.

Я благодарю Гутю и Лёку за все!

9 июня 1943 года

Поздно вечером приехал Миша. Он хочет получить пропуск на Украину.

Встретился с Гутей он неплохо. Но я заметил, что в последнее время она не знает, как себя с ним держать. Выбирает она обычно несерьезный, баловнический тон. Он получается у нее милым, как, впрочем, и все, что она делает, кокетничая. Однако, по-моему, этот тон Мишу мучительно режет, напоминающая о былых с ней отношениях, или даже злит.

Впрочем, мне кажется, он обижен и оскорблен, что отвергнут ею окончательно.

11 июня 1943 года

Вчера было получено на мамино имя письмо от Коки.

«Больше Соня не услышит не только от меня, но так же и обо мне ничего».

Гутя читала письмо, поражаясь его лживости и неджентльменству. Если и была она к нему раньше благосклонна, то теперь он предстал перед ней таким, каким он есть на самом деле...

...Сегодня, уже лежа в постелях, Соня попросила у меня совета в обстоятельстве, которое ее стало тревожить. Она спросила:

– Игорь, что мне делать, если умрет бабушка?

– Передать дом кому-нибудь из родственников, забрать вещи и вернуться к нам, продолжать работать, – поспешил я с ответом.

– А как ты думаешь, должна ли я жить вместе с тетей Аней? – спросила она.

– Извини меня, – покаялся я, что забыл про ее тетю. – Но, может быть, от нее ты уже отвыкла? Вы же не подходите друг другу. Мне кажется, что ты у нас чувствуешь себя свободней и уютней.

– Да, это так. С тетей Аней мне уже трудно будет жить, – согласилась Гутя.

– Ну, так вот, принуждать тебя никто не будет, но если захочешь, то останешься у нас, как настоящая дочь моих родителей.

Вероятно, ей это было приятно. Значит, она оценила нас. Со страхом она заявила, что не хотела бы возвращения своего отца. Он был на фронте и пропал без вести. Я вполне понимаю это. Раньше, под влиянием мачехи, он совершенно о ней не заботился, и если бы теперь, вдруг, проявил себя отцом, это было бы тяжело ей воспринять, да могло бы, наверное, ей и навредить.

13 июня 1943 года

Троица. С утра страшно болела голова. Соня вчера отправилась на велосипеде в Кабурчак и вернулась очень поздно.

Хочу привести несколько пропагандистских сообщений немцев, напечатанных в их газете.

В ночь на 4-е и 6-е немецкие солдаты бомбардировали автозавод им. Молотова в г. Горьком. В атаке участвовали свыше 1000 бомбардировщиков, которые сбросили свыше 1500 тон фугасных и более 200000 штук зажигательных бомб. Завод уничтожен полностью. В налете погибло только два самолета немцев.

Вождь немецкой компартии Эрнст Тельман работает сейчас в одном из городов Германии начальником почты. Он купил свободу признанием своих «преступлений».

Удивительно, как не покраснела бумага газет, в которых напечатаны эти сообщения!

20 июня 1943 года

Вчера Соня поздно вернулась домой. Она наслаждалась музыкой. На пианино играл один обер-ефрейтор – хороший пианист. Я пожурил ее, напомнив, что мы просили её не оставаться нигде позже 8 часов вечера, и предупредил, что из-за этого обер-ефрейтора может выйти неприятность. В полиции поставили новое пианино, но шефа не было, так как он уезжал в Судак пьянствовать. Нагрязнул он внезапно, и, хотя виду не подал, но чувствовалось, что он взбесился от ревности.

И действительно, сегодня утром он вызвал папу к себе. Папа вернулся возмущенный издевательствами над Гутей и бездушием шефа.

Матов заявил, что полиция – не дом свиданий, где его переводчица может флиртовать, что она стала хуже работать от этого, и что он из-за нее перестал нас посещать.

Гутя сидела при их разговоре здесь же и сгорала от оскорблений.

Днем родители с Лёкой пошли в кино и зашли за Соней, так как Лёка знал, что у нее есть билет. Но ни в полиции, ни в кино ее не было. Перед вечером мама с Лёкой опять были в полиции. Гутя исчезла...

(Из дневника вырваны шесть листов).

4 июля 1943 года

МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вчера мне исполнилось двадцать два года. Решено было, что этот день будет отпразднован, и готовились к этому задолго. Больше всех хлопотала Гутя. Это она достала продукты к ужину. Ей больше всех хотелось устроить этот праздник, отчасти, чтобы доставить удовольствие мне, отчасти самой рассеяться.

Уже задолго до вечера у моих друзей появились какие-то секреты, я чувствовал, что они – к моему празднику.

Но позавчера я совершил глупость. Утром, читая Белинского, я вздумал попросить Гутю, чтобы она подарила мне эту книгу. Я не утерпел и высказал это желание.

Соня подпрыгнула, воскликнув, и чуть не плача от досады.

– Ты лишил меня сюрприза, – возмутилась она. – Именно эту книгу я хотела подарить тебе завтра. При всем желании больше я не могу найти ничего другого.

– Это чудесно, что наши желания сошлись! – поспешил я, обрадованный, успокоить её, хотя чувствовал себя неловко.

На вечер были приглашены: Миша, Суворова, Штрик-Штрёк, Матов (Гутя очень не хотела, чтобы он присутствовал), Петер, Лёка с Ноной, Аня, Элла и тетя Маруся с дядей Мишей.

Много было подарков, которые мне доставили великое удовольствие. Девушки расцеловали меня.

Но Гутя снова начудила. Пришла, когда уже многие собрались. Взяла книгу Белинского и утащила ее в другую комнату. О чем-то шушукалась с девчатами и... все. Никакого поздравления я от нее не получил.

В 8 часов начался ужин. Молодежь ужинала в нашей комнате, а старики – на веранде. Большая комната была отведена для танцев. Матов не явился, сказавшись больным. Суворовы не приехали.

Вначале я был в приподнятом настроении и старался чудить за столом, но затем все встали из-за стола, чтобы танцевать, и мне оставалось только наблюдать за другими, и, как хозяину, радоваться общему веселью.

...Часов около десяти Лёка устроил гостям мой сюрприз. Он раздал отпечатанные на машинке карточки с такой надписью:

«От всего сердца.

Благодарю Вас за Ваше внимание, оказанное моей скромной личности в день моего 22-летия. Надеюсь, что Вам нескучно, и Вы с удовольствием вспомните сегодняшний вечер.

И. Алешин»

Должно быть, это всем понравилось. Еще позже Лёка попросил тишины и прочел мою «Балладу о моряке». Первый зааплодировал папа.

Позже Лёка мне сказал: «Если бы у меня было время, я бы написал тебе ответное стихотворение».

Я усмехнулся. Так, наверное, думает и Соня об ответе на мое письмо. «Да, друзья, благие у вас намерения, да только времени у вас нет, чтобы их исполнять».

Нечего сказать – приятное для меня утешение!

Через некоторое время ко мне подошел Лёка с просьбой сымпровизировать вступление к Сониной декламации детских стихотворений...

...Я начал разговор «Дяди Игоря с Лёличкой», свою «Маленьку Маню», а в заключение Соня спросила: «Прочешь мой стих «Как мне надо жить?»».

Лёка сказал, что она сочинила его в последнюю неделю сюрпризом для меня. Я развеселился. Стих был смешной и остроумный, хотя иногда нескладный.

Но откуда она узнала о моих размышлениях, как мне надо жить? Вряд ли, прочитала тайно мой дневник...

...Сегодня днем Гутя мне дала свой подарок: самотканый болгарский рушничок и книгу Белинского. На книге она написала следующий отрывок из элегии Батюшкова (незавершенный перевод IV песни Байрона «Странствования Чайльд Гарольда»):

*...Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге
И есть гармония в сём говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге,
Я ближнего люблю...*

На память Игреку в день рождения от друга – Сони З.».

Что она хотела сказать этим отрывком? Ответ на мое письмо она не написала, а это было бы гораздо яснее, чем отрывки из поэзии, понятные лишь ей...

Люди, люди! Зачем вы недовольны, когда я выражаю истины, противоположные вашим убеждениям. Если я говорю что-нибудь умное, и оно вам не по нутру, и вы хотите меня

одернуть – возьмите кусок зеркала и покажите мне мое изображение в этот момент. Язык и мысли мои застынут на полуслове, и вы успокоитесь.

На днях я разговаривал с Суворовой. Она – медик. Смущаясь, она рассказала, что перерыла всю медицинскую энциклопедию, ища объяснение моей болезни. Нигде не нашла случаев такого полного мышечного разрушения, как у меня. Имеются случаи у людей атрофии лишь немногих членов, причем обязательным спутником этого является (она выразилась мягко) умственная отсталость.

Значит, чтобы мне избавиться от парадоксальности, нужно сделаться идиотом.

О, господи, какая тоска! Как мне жутко!.. неужели я не найду выхода из этого положения...

Убейте меня!

ГЛАВА 56

В полиции, куда обратились Лидия Федоровна и Лёка после кино, ничего не знали об исчезновении Сони. О том, куда она делась, стало известно лишь в воскресенье к обеду.

После шумного скандала, учиненного шефом в пятницу утром Соне, в присутствии Алешина, Матову от помощника стало известно, что разрешение поиграть на пианино дал он – его помощник. Пианино это реквизировали у кого-то из арестованных местных жителей и установили его в зале полиции. Оно долго оставалось запыленным в углу зала. Никто на нем не играл. Да и фелькомендатура СД – не место для игры на фортепьяно.

Соня случайно узнала, что обер-ефрейтор ортскомендатуры Фридрих в прошлом пианист Военного оперного театра, и мог бы поиграть на пианино. В отсутствие Матова, уехавшего

в Судак, Соня попросила разрешения у помощника шефа поиграть обер-ефрейтору. Помощник, зная, что Фридрих – человек семейный, и к тому же очень скромный, и что за Соней ухаживать не собирается, разрешил ему поиграть на реквизированном инструменте.

Разобравшись в этом деле, Матов немного смягчился, и, желая загладить свой разнос, вызвал в кабинет Соню, и, отводя взгляд в сторону, сказал:

– Фрейлейн, вам записка от старосты Кабурчака господина Тричева. Я вскрыл ее, и Отто мне перевел. Ваша бабушка почти голодает и сейчас болеет. Я даю вам отпуск на три дня. Можете взять на складе то, что вам полагается из продовольственного пайка, и отвезти бабушке. Но только возвращайтесь в срок. Сейчас много работы. Предупреждаю вас: не опаздывайте.

Соня знала о деятельности пенсионного подотдела отдела общественной опеки городской управы. Знала, как цепко проходила регистрации пенсионеров и механизм выплаты им денег оккупантами. Было две группы распределения: пенсионеров и инвалидов.

Баба Калина подходила и к той, и к другой группе. Но ее зачислили в группу с меньшей пенсией. И сколько она денег получала? Размер пенсии был намного меньше прожиточного минимума периода оккупации. Так что Матов мог поверить, что баба Калина голодала.

– Благодарю вас, шеф, – ответила обеспокоенная Соня.

Она не ожидала, что после такого позорного разноса, какой ей устроил сегодня утром Матов, он вдруг сменит гнев на милость. Она готова была заплакать, рассматривая каракули бабушки, едва заметно нацарапанные карандашом на клочке тетрадной бумаги.

Соня невольно задержалась в кабинете Матова, решая попросить отпуск хотя бы на неделю.

Матов ее понял без слов и рявкнул:

– Только приезжайте без опозданий! А сейчас поторопитесь – через несколько минут пойдет машина в Пролом и вас подвезут. Я уже приказал захватить и вас.

Соня быстро вышла из кабинета Матова, и через сорок минут, благодаря машине, была уже в Кабурчаке у бабушки и нежно ее обнимала. Только теперь она вспомнила, что забыла предупредить Алешиных, куда уехала.

– Милая моя девочка, – говорила баба Калина, – мне приснился такой плохой сон, и я так беспокоилась за тебя, что решила еще раз написать такую записку, как в прошлый раз.

Баба Калина всплакнула, видя Соню здоровой, но несколько осунувшейся.

– А это, – она указала на привезенные продукты, – ела бы ты сама. Вон как похудела, бедная!

– Ко мне никто не приходил, бабушка?

– Приходили! Лена приходила, – вспомнила баба Калина. – Потом как-то вечером парень какой-то приходил, спрашивал, когда ты бываешь дома, а я сказала, что бываешь иногда в субботу вечером и в воскресенье днем. А кто такой – я не спросила. Старая становлюсь, сразу не соображаю, – показала она пальцем на висок, виновато улыбаясь.

Соня поняла, что это приходил кто-то из партизан установить с нею связь. Но кто?

«Очевидно, – решила она, – раз бабушка его не знала, это был не местный человек, однако хорошо знающий Кабурчак. Прежде всего, – размышляла Соня, – ей нужно показаться в нескольких местах, чтобы тот, кому она нужна, видел ее сам и искал с ней встречи».

Так она и сделала на следующий день.

Для отвода подозрений, Соня после завтрака сначала пошла на Степную улицу к подруге Лене. Потом вместе с ней,

прошла по Степной улице к дому возле проулка, где жил Миша. Достигли правления, где раньше был сельсовет, а теперь восседал староста села Тричев. Прошли мимо школы и церкви, и вошли во двор к Зине, родственнице Сони. У Зины раньше, в 1940 году Соня и познакомилась с семьей Алешиных. А сейчас шел обмолот хлеба, и все семейство было на гумне. Зина торопилась в поле и, поздоровавшись, обещала вечером придти в гости.

«Что делать? – размышляла Соня. – Ходить по селу, когда все работают, неудобно». И предложила подруге отправиться в сад, помочь собирать знаменитые в селе скороспелые груши, уже созревшие на двух высоченных деревьях. Стояли эти деревья, наверное, с самого основания Кабурчака. Под ними до войны молодежь устраивала иногда танцы. Эти два грушевых дерева были настолько высоки и раскидисты, что редко удавалось с них собрать весь урожай – некоторые плоды на самых верхних ветках так и оставались висеть до конца лета. Поспевая, они потом падали на землю и разбивались, и под деревом долгое время вились пчелы и осы, собирая с мякоти разбитых груш сладкий душистый сок.

Соня и Лена подошли к деревьям. Под ними копошились ребяташки. Стоя на земле, они растягивали брезент, а где-то наверху взобравшиеся на дерево мальчишки трясли ветки, с которых золотисто-зеленым градом падали на растянутый брезент груши, и не разбивались. Недалеко от деревьев стояли сложенные в штабель еще пустые ящики для плодов.

Соня и Лена помогли ребятам укладывать упавшие на брезент груши в ящики. Потом мальчишки перенесли брезент в другое место, и ребята наверху перебрались на новые суки, и оттуда трясли тяжелые ветки, усыпанные плодами. До вечера Соня, Лена и ребята собрали больше тридцати двух пудовых ящичков, сложили их в штабель и решили разойтись по домам, когда уже стемнело. Все участники сбора уносили домой за пазухой и в набитых карманах заработанные груши. Соня и

Лена тоже взяли с собой в платочки десятка по два спелых груш.

Девушки домой возвращались садом по дороге, идущей вдоль речки, и, когда дошли до колодца у садов дома Добровых, разделились, каждая в свою сторону. Лена прошла через переулочек на Речную улицу. Соня по тропинке поднялась на бугор. И заметила возле калитки своего двора темную фигуру мужчины. Подойдя ближе, как водится во всех селах, поздоровалась с этим незнакомым человеком, и... вместо ответа на приветствие, неожиданно услышала пароль. Она сказала секретный отзыв, тут же спохватилась – не провокация ли это? Потом взглядела в лицо стоящего во мраке человека и узнала в нем партизана-разведчика Васю, с которым встречалась давно, во время своего посещения горы Берлюк.

– А я вас вспомнила, Вася, – тихо сказала Соня. – Вы меня с Сибирским тогда в вашем лесном лагере провожали к Давыдкину и Сизасу.

– Да, Соня, это был – я, – ответил партизан. – Теперь я буду вашим связным, вместо Сибирского. Ваш тайник будет под той дикой грушей.

– Этот тайник, – поправила его Соня, – находится на видном месте, и мне будет затруднительно класть туда письма незаметно. Могут проследить! А ночью спускаться туда еще опаснее. Смотрите, вот где будет наш тайник, – и Соня прошла несколько шагов вдоль сложенной из дикого камня стены, подняла большой камень, со временем отделившийся наверху стены.

Под камнем была выемка, как будто специально приготовленная для этого схрона.

– И близко, и безопасно! Вы можете проходить вдоль стены и, почти не останавливаясь и не привлекая чужого внимания, проверить, есть ли здесь что-нибудь для вас. А чтобы вы заранее знали, что для вас что-то есть, я буду свою калитку, кроме запора, подпираю камнем.

– Хорошо. Там же я буду оставлять и для вас задания. А сейчас у вас есть что-нибудь для меня?

Соня вытащила из-за пояса небольшой сверток и подала ему.

– Вот возьмите это. Передайте Сизасу, что в Карасубазаре Матов опять готовит облаву на подпольщиков. Нужно, чтобы они немедленно исчезли из города. Все, я ухожу. Берегитесь! Возле колодца я видела румынский патруль. Уходите, Вася!

Связник пожал руку Соне и, пригнувшись, поспешил вдоль плетня к проулку.

Соня возвратилась домой радостная. Она напевала песенку. Потом, сняв со стены гитару, заиграла вальс. Бабушка тоже заулыбалась, морщины на ее лице разгладились...

– Потише играй, Сонечка, а то ведь нагрянут румынские солдаты. Не отвяжешься от них тогда... Эх, какой ты еще ребенок!

Но Соня продолжала играть, а про себя размышляла о ново связнике.

«Все же ненадежная у меня связь с партизанами, – думала она. – Появится какое-нибудь срочное сообщение, нужно его передать, как можно скорее, партизанам, а оно будет отлеживаться до субботы, когда я только смогу пойти в Кабурчак. Но меня могут и задержать в полиции, если будет много работы. Потом, сможет ли его извлечь Вася из стены своевременно? Ведь сюда ему не так легко добираться. Могут и в пути задержать по чистой случайности. И тогда важное сообщение потеряет свою ценность. Нужно думать, как наладить связь с Сизасом, сделать её более надежной и быстрой...».

Вот, например, она сообщила через Васю в Разведотдел, что на Карасубазарских подпольщиков готовится облава, но пока это дойдет до Сизаса, а потом от него – к подпольщикам, Матов, если проявит оперативность, может их всех переловить. А если бы сразу можно было сообщить им... Но этого

тоже нельзя сделать, – можно себя разоблачить... И все-таки сведения партизанам нужно передавать в Карасубазаре, твердо решила она.

Чем больше думала Соня, как сделать, чтобы ее связь с Разведцентром партизан была более надежной, тем больше приходила к выводу, что сейчас ее работа наполовину бесполезна – добываемые ею с большим трудом сведения пока достигают партизан – становятся устаревшими.

Она даже упрекала про себя Давыдкина и Сизаса за то, что они ее через чур засекретили. А теперь из трех единственных, кто знал, ради чего она работает в фельдкомендатуре СД, остался только один Сизас. Если не считать этого партизана Васю. Давыдкина перевели на Большую землю, Сибирский не приходит. (Как выяснилось позже, командование Северного соединения партизан в конце 1943 года отозвало Сибирского с разведработы и назначило его начальником штаба 1-го партизанского отряда).

А если что-то случится с Сизасом, то о ее секретной работе вообще никто знать не будет, и еще, пожалуй, привлекут к ответственности за работу у немцев. Она отгоняла эту мысль, думая о главной задаче – внеси свой вклад в изгнание с родной земли оккупантов. Она была уверена, что тех, кого она спасла в свое время от лап фашистов и верной смерти, ее в обиду не дадут, да и Алешины, если останутся живы, помогут ей, как своей приемной дочери. И все же иной раз ее охватывала смутная тревога...

Вот и сегодня, проходя по улицам села, Соня встречала ненавидящие взгляды односельчан. Мальчишки выкрикивали всякие обидные слова. Слезы выступали у нее на глазах от оскорблений. Но она понимала, что это все неизбежно, и роль, которую она исполняла, была опасной.

О том, что Соня находилась у бабушки, обеспокоенные ее пропажей Алешины узнали только в воскресенье после того, как из Кабурчака приехал Миша. Он собирался отправиться в понедельник в Симферополь, надеясь на то, что ему сделают там операцию – чистку бедренной кости. Миша привез Игорю портрет, который нарисовал с фотографии. По мнению собравшихся в этот день ребят – Лёки, Ноны и Эллы, – портрет на оригинал мало похож, но с фотографией сходство есть. Нона отметила, что у Игоря взгляд на портрете дикий...

На портрете Миша написал:

«Игрек! Ты давно уже стал иксом, и это тебе приятно...»

Игорь похвалил Мишу за то, что он не постеснялся сказать ему в глаза правду, которую, как он выразился, сам медлил признать.

– Я стал – ничто! – заявил Игорь.

Миша был удивлен этой реакцией друга. Но еще больше удивился, когда Игорь открыл ему свой взгляд на себя: что он – парадокс, и такие феномены природы не описываются ни в медицинской энциклопедии, ни в медицинских учебниках. Миша сильно расстроился, но понял, что в словах Игоря глупости нет. Он со всем сказанным согласился, и выразил сочувствие больному.

– Игрек, а Соне ты говорил обо всем этом? – спросил он.

– Нет, она еще многого и главного не знает, хотя кое-что о своем парадоксе я говорил. Мы часто с ней ночами о многом говорим, – признался Игорь.

– Она – глупая, и не понимает этого, – выпалил сочувственно Миша.

Но он был несправедлив к Соне, и Игорь вынужден был за нее заступиться:

– Миша, эта девушка совсем не глупая! То, что кажется нам ее непонятливостью, объясняется совсем другим. Она не хочет понимать некоторых вещей, но это и оправдывает ее в глазах тех, кто ею не понят.

– Почему же это оправдывает? – не соглашался Миша.

– Да потому, что ей это нужно для сохранения собственного душевного равновесия, – объяснил Игорь. – Но я знаю, что Соня очень сострадательна ко всем, кто страдает, несчастен или достигнут бедой.

– А мне кажется, что от работы в фельдкомендатуре она стала черствее, и чужую боль перестала понимать, – возразил Миша.

– Неправда! Ты так говоришь потому, что она тебя не любит, не отвечает на твою любовь, – решился высказать правду Игорь, и потом за это получил правду от Миши. – Видя чье-то страданье, Соня страдает с человеком больше, чем тот, кому она сочувствует. Она прекрасно знает, что такие моменты ей тяжелы, и старается, чтобы их у нее было меньше. Она не может не откликнуться сразу лишь при виде страданий животных, ввиду их бессилия. Но страдать за животных легче, чем за людей.

– Может быть, ты и прав, – подумав, согласился Миша, – но я в ней стал замечать больше черствости, чем раньше. Раньше мы поссоримся с ней, а на другой день она уже ничего не помнит.

– Соня после каждой нашей ссоры ужасно переживает, и старается избегать меня, чтобы ссору не повторить, – ответил Игорь. – Вот почему она не хочет лезть в чужую душу – чтобы не страдать вместе с ней. Для сострадания ей надо горячо и страстно любить этого человека, или быть его близким другом...

Долго еще беседовали Игорь и Миша на тему о любви, дружбе и сострадании. Стемнело. И вдруг появилась Соня,

усталая, но довольная. Ей пришлось идти пешком из Кабурчака. Хорошо, что были попутчики, и не пришлось идти одной. С Мишей она поздоровалась ровно, хотя они были в ссоре, сделала вид, что забыла обиду.

Соня сразу извинилась перед Алешиными за то, что не предупредила в спешке о своем отъезде в Кабурчак. Потом рассказала о том, что больной бабушке стало несколько лучше. Поделилась и тем, что в селе вообще хорошо. Сейчас появились уже фрукты и овощи. Миша пытался уехать в Симферополь, но ему не удалось, и он еще на сутки остался у Алешиных.

Они с Игорем продолжили непринужденную болтовню, но к вечеру неожиданно натолкнулись на вопрос, вызвавший жаркий спор, чуть ни окончившийся ссорой. Мнения разошлись в вопросе о возможности идеальной любви.

Игорь резко возразил на вульгарное Мишино понимание любви вообще. Они заспорили. Миша признавал то, что часто случается в жизни: «Роза сорвана. Увяла, а потом выброшена и растоптана».

– Это правильно, – кричал Миша, – и никакие ваши идеальные взгляды на любовь это не остановят! Так всегда было, есть и будет!

– Идеальная любовь существует, и будет существовать, – возразил Игорь. – Примером этому является любовь Ромео и Джульетты, и многих других. Знамя идеальной любви всегда было поднято высоко, а знамя «срывателей роз» не может торжествовать. Люди всегда относились к «срывателям» с презрением и негодованием.

В то время вошел Лёка, и, узнав, в чем дело, встал на сторону Миши. Однако Игорь успешно боролся с доводами обоих и назвал их высказывания не чем иным, как «бравადой мальчишек».

– Ты не можешь с нами согласиться, – раздосадовано заявил Миша, и тогда пустил стрелу мести: – потому что ты подобен слепому от рождения, который не может судить, что такое краски, знать, что такое цвета.

Эта стрела попала Игорю прямо в сердце. Он как-то сразу увял, и, опустив голову, сжался в небольшой комочек. От оскорбления у него выступили слезы, и он сказал Мише и Лёке:

– Это значит, по-вашему, что я не могу судить о жизни, ибо я не живу. Как горько это для меня, и как глупо для вас!

Игорь задумался и замолчал. Замолчали и Миша с Лёкой от того, что дискуссия приняла неожиданный оборот. Спор прекратился...

А Игорь горько подводил итог спору: «Итак, эти юнцы, отрицающие идеальное в любви только потому, что они сами затоптали его в грязь, задумали меня победить тем аргументом, что я – не человек, и потому не в состоянии судить о жизни людей».

Под его невеселую думу ребята, полные энергии и сил, дурачились друг перед другом...

Внезапно Игорь встрепенулся в своем кресле, как орел, расправляющий крылья, поднял голову, взгляд его загорелся от торжества. Он увидел возвратившуюся из полиции Соню, улыбающуюся, красивую, полную жизни, и с восторгом воскликнул:

– Друзья, а можете ли вы сейчас поднять свое знамя и провозгласить свои лозунги?

Миша и Лёка были застигнуты врасплох. Миша кричал, что он не ожидал такой подлости от Игоря, который пытается найти защиту у девушки.

Лёка петушился и говорил, что он все-таки поднимет свое знамя и в присутствии Сони. Та, ничего не понимая, просила разъяснить суть спора.

Но все молчали, только у Игоря поблескивали глаза – он был рад своей победе...

...Проснулся Игорь через час и невольно услышал разговор Миши с Соней. Постелили Мише постель на застекленной веранде, а Соня спала в комнате Игоря. Дверь на веранду была открыта, так что Мише, чтобы слышала Соня, приходилось говорить вполголоса.

...– Когда ты пришла, он, зная, что ты будешь на его стороне, решил продолжать спор, так как был обижен поражением. Горд! Я бы тебе об этом не рассказывал, но знаю, что он все равно тебе расскажет.

– И тебе не стыдно, Миша, что вы поступили нетактично. Ты и сейчас бессовестно чернишь передо мной человека, гостеприимством которого ты пользуешься и называешь его своим другом!

Миша замолчал, обиженный словами Сони. А Игорь подумал о том, что он вовсе не собирался рассказывать Соне об их споре. Мысленно он был сейчас благодарен ей за то, что она отстояла перед Мишей его честь и достоинство.

Лёка не понял, о чем шла речь, и потому поддерживал Мишу. Все это у него звучало путано, и плохо объясняло его горячность во время спора.

ГЛАВА 58

В середине июля из района приехали в Карасубазар двое сельских знакомых интеллигентов, до оккупации лояльных к советской власти, Евдокимов и Сканциретти. После оккупации Крыма Евдокимов «перевернулся» и стал рьяно восхвалять мероприятия гитлеровцев. Считал, все, что они делают –

даже, что в массовых масштабах уничтожают людей газом, – это хорошо. Он часто спорил с Игорем, и их политические споры могли привести к неприятным последствиям. Поэтому Александр Иванович прерывал их довольно грубо, и говорил Евдокимову, что сейчас мы живем не в такое время, чтобы дискутировать на политические темы... А нынче политические взгляды Евдокимова на немцев опять перевернулись до звериной ненависти, какую Игорю редко приходилось видеть.

Говоря о немцах, Евдокимов буквально скрежетал зубами.

– Если бы я где-нибудь раздобыл автомат с несколькими обоймами патронов, то, прежде чем самому отправиться на тот свет, увел бы с собой еще десяток-другой фашистов.

– Почему же вы не идете к партизанам? – спросил Игорь.

– Потому что я ярый контрреволюционер и монархист! – ответил гордо Евдокимов.

На этот раз спорить с ним Игорь не стал. И он, когда пришел к Алешиным, угрюмо сидел в углу на стуле и молчал, а потом надолго исчез из их дома.

Второй интеллигент – итальянец Сканциретти, бывший учитель сельской школы. Скромный, улыбающийся человек, в отличие от своих соотечественников-итальянцев, многословных и шумных, больше молчал и улыбался. На громкие тирады Евдокимова никак не реагировал, и нельзя было понять, сочувствует он ему или нет. Единственный раз Сканциретти оживился, заметил Игорь, когда узнал, что Муссолини в Италии арестован...

В этот приезд Сканциретти привез с собой прекрасную книгу аббата Прево «Манон Леско», на которую Игорь жадно набросился и прочитал ее за несколько часов. Она подтвердила его взгляды на идеальную любовь, и он делал из книги многочисленные выписки, чтобы потом их показать Мише.

Кстати, как Миша отправился в Симферополь на операцию, так от него не было никаких известий.

Сегодня вечером оба гостя Алешиных уехали восвояси, за сутки показав, что ярых сторонников оккупантов становится с каждым днем все меньше.

Настроение у Игоря ухудшалось с каждым днем. По-видимому, это было вызвано тем, что Соня, из-за занятости в полиции, не могла ответить ему на последнее письмо, которое он ей давно передал. Да и соответствующего настроения у нее пока не было, так как Матов перед отпуском спешил «освободить тюрьму» от арестантов.

Однако Игорь нашел в себе силы, чтобы написать своей ученице Ноне Ломакиной бодрое стихотворение в альбом:

НОНОЧКЕ

*Когда-нибудь, открыв альбом,
Ты вспомнишь, может быть, о том,
Что был на свете человек,
Отживший в юности свой век.*

*Но как ни мало прожил он –
Сумел понять, в чем жизни тон,
И, не учась – о многом знал,
Не видя – много увидал.*

*Во тьме старался видеть свет,
И в мрачном – яркий светлый цвет.
Чтил счастья цену высоко,
Хоть был несчастлив глубоко.*

*Хоть гнет ночами душу рвал, –
Он никогда не забывал –
Друзьям веселое сказать
И радость жизни передать.*

*Ты, верно, скажешь: «Вот чудак!
Зачем расхвастался он так?»
Затем, что в жизни не одни
Бывают радостные дни;*

*Так может и с тобой случится –
Беда в окошко постучится,
Мешая думать, есть и спать.
Что делать – будешь ли ты знать?*

*Тогда поймешь ты, что везде –
В несчастье, в горе иль в беде
Силен лишь только оптимист;
Вот почему я так речист!*

После отъезда Евдокимова и Скандиретти у Игоря наступили «пустые» дни. Соня была занята допоздна в комендатуре. Его ученицы Нона и Элла, которым было всего по 12 лет приходили к нему ненадолго и предпочитали играть где-нибудь там, где им было интереснее, чем сидеть возле него. Лёка был занят на работе и заходил только вечером. Кроме всего, в этом году лето было жаркое и все буквально изнывали по домам от жары.

Когда-то Игорь с Соней вынашивали идею составить цикл детских стихотворений о Лёле. Вспомнив об этой идее, Игорь взял Сонино стихотворение «Надо мне учиться жить», написанное ею к своему дню рождения, и решил его переделать. Он внес несколько небольших изменений – и стихотворение расцвело. Читалось легко и складно.

Вчера Соня вместе с Ноной и Эллой ходили в кино. Игорь до этого попросил Эллу передать Соне, что ее дома ждет сюрприз. В качестве сюрприза он собирался показать улучшенный вариант ее стихотворения.

В их отсутствии к Соне явился какой-то молодой немец. Оказалось, что его послали за ней, и он решил ее подождать.

– Вы откуда родом? – нарушил молчание Игорь.

– Я из Дюссельдорфа, – ответил немец. – Сейчас от моего города остались только руины – это результат англо-американских бомбежек. Беспokoюсь очень о моих родных – они мирные горожане, и им, как и мне, вовсе не нужна эта война!

Потом Игорь показал немцу свои рисунки. Оказалось, что он тоже акварелист. Рисунки Игоря ему понравились. В следующий свой приход немец обещал привести Игорю краски.

– Вы играете в шахматы? – спросил Игорь.

– Конечно, – ответил немец, – но я с русскими еще не играл.

Сели играть. Первую партию легко выиграл Игорь. Во второй партии он потерял качество, и ему бы пришлось плохо, если бы не приход Сони. Немец отвлекся, и попался на несложную матовую ловушку....

Немец передал Соне, что ему было приказано, и ушел.

– Что за сюрприз для меня? – осторожно спросила Соня у Игоря.

– Я хочу тебе что-то дать, – сказал Игорь, – но только не знаю, захочешь ли ты потом дать мне ответ?

– Дам! – ответила Соня. – В самом деле, ты долго ждешь ответа.

– И это правда, что я могу надеяться на ответ? – оживился Игорь, он понял, что Соня говорит о своем ответе на письмо Игоря, а не о сюрпризе.

– Я намерено задержала ответ, так как вижу, что с тобой что-то происходит непонятное, и потому я боялась, что мое письмо может на тебя как-то неприятно подействовать.

Соня вытащила из своего чемодана письмо Игоря и перечитала его.

– По-моему, – сказала она, – ты, Игорь, всему придаешь какое-то исключительное значение. А, между тем, на вещи и на мир, хотя он и сложен, нужно смотреть проще. У нас с тобой устанавливается дружба, и твои терзания напрасны.

Соня говорила серьезно, и в душе искренне жалела сомневающегося Игоря. Она была бессильна ему помочь, и отлично это понимала.

Потом Игорь прочел исправленное Сонино стихотворение «Надо мне учиться жить». От его исправлений и небольших дополнений, на ее взгляд, оно стало лучше. Соня осталась очень довольна этим, и тут же, став в позу, продекламировала его детским голоском. В декламации Сони была непосредственность – она перевоплощалась в ребенка, а ее слегка шепелявящий голосок невольно заставлял представлять перед собой пятилетнюю девочку.

«Как она мила, – думал Игорь, – это – настоящая жемчужина. Зачем я пытаюсь добиться от нее слов утешения в моей судьбе? Зачем я терзаю самого себя? Я буду с ней дружить не для себя, а для нее, и постараюсь с безразличием относиться к тому, что она думает обо мне».

Настроение Игоря улучшилось, и они с Соней весь вечер непринужденно болтали обо всем.

На другой день в обеденный перерыв Соня принесла домой немецкие газеты. Игорь с жадностью набросился на них и делал выписки.

«В газетах уже яснее звучит, что наступают русские, а не немцы. На среднем участке фронта между Орлом и Белгородом немцы ведут тяжелые оборонительные бои. От этого участка бои перекинулись также по всему южному фронту. Даже на севере оживилась боевая деятельность».

«На Сицилии идут тяжелые бои с превосходящими силами англо-американцев. Сдан город А.»

«Немцы признают, что русские танки лучше англо-американских. Лучший советский танк это Т-34».

Игорь остановился. Отодвинул газеты в сторону, и решил записать то, что узнал от немцев:

«Приезжающие из Германии, бывшие в отпуске немцы, говорят, что страна подвергается ужасным бомбардировкам с воздуха. Спать в домах отпускникам не приходилось – прятались в подвалах».

«В Карасабузарском районе было несколько смелых выступлений партизан. В Бахче-Эли нашли наклеенные на стенах домов написанные от руки воззвания, призывающие население к содействию партизанам, а татар – не позорить себя преступным содействием немцам. В двух деревнях появлялась машина с вооруженными людьми, которые на глазах у русских полицейских произвели обыск в нескольких домах, и арестовали бухгалтера и лесничего»...

ГЛАВА 59

Продолжение дневника Игоря Алешина

18 июля 1943 года

Шеф Гути – Матов уехал в отпуск на месяц, и у нее теперь новый начальник. Но не его заместитель, а другой офицер. Сегодня он был у нас. На вид симпатичный и благоразумный человек. Взгляд спокойный, не жадный до девичьей красоты. Вот если бы все немцы были такими, как Ганс Карлович, то никакой бы войны не было. Сейчас он сильно удручен. Два его брата ранены на фронтах. Одному из них 16 лет, а другому 18 лет. Вот, как немцы метут в армию, даже несовершеннолетних. Двое его детей умерли, не вынесли жизни в подвалах, где жителям приходится скрываться от бомбежек английской

авиации. А сегодня он получил письмо из своего Дортмунда о том, что его дом разрушен до основания английской бомбой, и на этой улице погибло уже 50 человек.

К чему бы все эти откровенности?

При знакомстве Ганс Карлович спросил у меня, не немец ли я? «Вы очень бегло говорите по-немецки», – сказал он.

Прощаясь, Ганс Карлович выразил желание бывать чаще – так ему понравилось у нас. Ну, что же, гость приятный, но несколько подозрительный. Этот не такой, как грубый, хотя и веселый простак Штрик-Штрёк.

19 июля 1943 года

От своих переживаний я уже третью ночь страдаю бессонницей. Чувствую себя очень скверно, но на душе несколько спокойнее. Я продолжаю наслаждаться каждым мигот жизни. С Соней стараюсь держаться так, как и прежде, потому что понял, что без маски я выгляжу через чур комичным со своими, никому непонятными переживаниями.

Мы распространяем слух, что Гутя официально принята в наше семейство, как приемная дочь. В полиции Сонины сослуживцы были рады за нее, в особенности Петер. Жаль, что это осуществить официально нельзя, потому что после восемнадцати лет не удочеряют.

Нона и Лёка приятно поражены. Нона слышала от прохожих, как народ говорит, что таких, как Соня, будут убивать на улице.

А Лека не понял, и добавил: люди считают, что в репрессиях виноваты партизаны и подпольщики, их и надо убивать.

Алешины на это промолчали. Они любят Соню и жалеют ее.

В нашем доме Соня забывает, что у нее есть родственники. Моего папу она называет по-болгарски напапа, а маму реже называет мамой, потому что привыкла называть ее по имени.

29 июля 1943 года

Соня приобрела двух поросят: себе и нам. Назвала она их – Кока и Лёка! Бедный Лёка обижен. И настаивает на том, чтобы Соня не звала поросенка Лёкой. А для нее это имеет особое значение...

А мир полон серьёзных решающих событий. Немцы уже не скрывают, что у них на Восточном фронте создается критическое положение. Русские войска непрерывно наступают. Русская авиация теперь бесспорно завладела воздухом в районе боев. Русские танки лучше немецких...

В Италии новое правительство после свержения и ареста Муссолини возглавил маршал Бадольо, близкий к королю Эммануилу III.

«По-видимому, Италия скоро выйдет из войны», – говорят местные итальянцы...

Но скоро ли кончится у нас период оккупации? О, хоть бы скорее!..

5 августа 1943 год

Какие-то подозрительные русские добровольцы приходили в воскресенье утром к нам и спрашивали Загоркову. Они в лицо ее не знают. И не могли толком объяснить, откуда они и зачем Соня им понадобилась.

Вечером, когда Соня пришла из Кабурчака, выяснилось, что она об этих «добровольцах» ничего не знает. Однако просила папу не ходить для выяснения в полицию или другую какую-нибудь комендатуру. Почему – она скрывает от нас...

А что – в мире? В ночь с четвертого на пятое августа немцы оставили Орел. Русские наступают! На Миусском фронте русские прорвали позиции немцев. Это уже близко от нас!

В Италии распущена фашистская партия. Власть передана королю.

Японцы объявили колонию Англии – Бирму независимой.

ГЛАВА 60

Двое русских добровольцев пришли опять к Алешиным. Соня как раз собиралась уходить на работу. На стук в калитку вышла Лидия Федоровна. Вернувшись в дом, она сообщила Соне, что ее на улице ждут двое русских добровольцев, наверное, это те, что уже приходили несколько дней назад. У них приличная внешность, но какие-то они угрюмые и неразговорчивые. Соня поспешила на улицу, а Игорь забеспокоился и крикнул ей вслед:

– Гутя, будь осторожней!

Возле ворот стояли два солдата в форме РОА. Один из них высокий brunet, с живыми, наглыми глазами, имел нашивки обер-ефрейтора. Второй, пониже ростом, коренастый, светловолосый, был рядовым. Он все время вел себя беспокойно и озирался по сторонам. В переулке никого не было.

– Здравствуйте, товарищ Загоркова, – тихо сказал старший, – не ожидали нас? Мы вас уже несколько дней разыскиваем...

Соня окинула взглядом обоих солдат. Она их никогда не видела. Были они хорошо упитаны, и только слабый загар коснулся их лиц. Соня сразу заподозрила провокацию, подготовленную немецкой полицией, или кем-то еще...

– Это, что такое? Я вас никогда не знала и вашим товарищем не была! Что вам нужно? – гневно сказала она и пошла на работу.

Но, отойдя к домам Ломакина и Пэфти, остановилась у их проулочка. «Добровольцы» следовали за ней. Младший солдат подтолкнул старшего и сказал:

– Не валяй дурака, и говори ей, что тебе нужно. Дальше мы не пойдем!

Старший слегка нагнулся к Соне и сказал ей тот пароль, который действовал среди партизан месяцев шесть тому назад – «Таврида». Из-за того, что немцы узнали его тогда, было арестовано несколько подпольщиков. Соня это знала, и удивилась грубой работе подосланных провокаторов.

Соня цепким взглядом уставилась на старшего немца, и засмеялась. Неслучайно ей эти солдаты сразу показались подозрительными... И то, что они днем, на виду у всех приходят к ней, и причем, не в первый раз, и наглый взгляд старшего, и бегающие, виноватые глаза младшего, и их упитанные, слабо загорелые физиономии, и применение устарелого партизанского пароля.

– Что, ребята, заработать захотели? А где же эта ваша ставрида? Мы дома давно хотим свежей рыбы? – спросила Соня.

Солдаты переглянулись. О какой это рыбе она вдруг заговорила? «А, – понял старший, и тоже решил засмеяться. – Это она перепутала Тавриду со ставридой».

– Нет, рыбы у нас нет никакой! – вздохнул старший, поняв, что операция провалилась, и решил признаться. – Это наш лейтенант послал нас к вам. Уж очень он хочет с вами познакомиться. А сам стесняется! Хотел с вами встретиться, поэтому вот так получилось...

– Глупо выглядите, господа! Да и ваш начальник тоже, – сказала Соня. – Пусть приходит в фельдкомендатуру, вот там и встретимся...

Солдаты стояли перед Соней, смущенные тем, что они не выполнили поручение лейтенанта.

А Соня быстро отошла от них, и по дороге в полицию стала анализировать свое поведение и думать, чем это она могла вызвать подозрение немцев. Она всегда помнила инструкции Давыдкина и Сизаса – никогда не оставлять отпечатков пальцев на тех документах, какие ей не давали. Она соблюдала осторожность, зная, что ее проверяют, в особенности Матов и Отто.

Войдя в помещение полиции и усаживаясь в кабинете шефа за свой стол, Соня, с озабоченным видом, как бы вскользь поздоровалась с заместителем шефа Гансом Шеффером.

Он сразу заметил дурное расположение духа у Сони и спросил:

– Чем вы, фрейлен Сонья, расстроены?

И Соня ему рассказала, что ей не привыкать находиться под наблюдением, Матов не однажды проверял содержание карманов ее пальто и сумочки, а также следил за ее знакомствами, читал адресованные ей письма, закатывая сцены ревности, скандалы, даже бил. Вот и сегодня к ней кто-то подослал провокаторов в одежде русских добровольцев...

Заместитель шефа, оторвавшись от бумаг, сказал:

– Я – порядочный человек, фройлен Сонья, и не веду за вами шпионажа. Я глубоко уважаю и ваших приемных родителей. А что касается методов работы Матова, я их не одобряю.

Обещаю вам сегодня же выяснить, кто подсылал к вам солдат-добровольцев, и с какой целью.

Соня поблагодарила Ганса Шеффера за беспокойство о ней, и заметила, что если бы он был шефом, многих бесполезных жертв можно было бы избежать. Шеффер только, молча, покачал головой, явно не желая уточнять – то ли он согласился с ней, то ли отрицал ее слова.

Уже к обеду выяснилось, что русских солдат-добровольцев подсылал к Соне некий Анатолий Николаев, бывший советский военнопленный, завербованный немцами лейтенант Российской Освободительной Армии (РОА). Он ухаживал за Аней Васиной, знакомой Алешиных, приходил к ней домой, но в действительности у него была другая цель – познакомиться с Соней. Он узнал устаревший пароль партизан, и решил им воспользоваться, чтобы проверить Соню на причастность к партизанам. Ему казалось, что Соня, может быть, связана с подпольем.

Все это Ганс Карлович рассказал Соне после обеда, когда они остались вдвоем в кабинете. И Соня вспомнила этого щеголеватого офицера РОА, которого часто встречала стоящим у ворот Ани и буквально пожирившего ее своими наглыми глазами.

«Подсылая ко мне солдат со старым паролем, – размышляла Соня, – он надеялся, в случае удачи, воспользоваться угрозой ареста, чтобы завоевать мою «уступчивость» ради спасения жизни? Мерзавец!».

Неожиданно Ганс Карлович оторвался от окна, куда долго и задумчиво смотрел, и снова заговорил:

– Фрейлейн Сонья, я думал сейчас о вас и о вашем друге Игоре, – сказал он, – и знаете, что надумал? Если бы Игорь был здоров, то более умного, чуткого и отзывчивого человека, вам в качестве мужа и не нужно было бы искать. Душевные качества и благородство этого человека очень высоки. – Ганс Карлович замолчал и вернулся к своему столу. Через некоторое

время он взглянул на Соню, которая сидела, низко нагнувшись над столом, и сказал: – Впрочем, если бы он был физически здоров, в нем бы не сосредоточилось столько высоких нравственных качеств.

Соня пригнула голову, и слезы у нее закапали на разложенную на столе бумагу. Она каждый день видела переживания Игоря, он писал ей письма, где изливал боль своего сердца. Она слышала, проснувшись среди ночи, как он плакал от горечи и физической боли, не умея повернуться на другой бок. Ей было жалко Игоря, его какой-то неземной любви к ней, его сурового отношения к жизни вообще и чуткого отношения к людям. Она боялась каким-нибудь неосторожным словом или действием осквернить его чувства, и растревожить струны его чуткой натуры. Вместе с тем, она понимала, что так бесконечно продолжаться не может – она физически здоровый человек, а он урод... Ведь рано или поздно им придется расстаться и тогда... Она боялась думать, что будет тогда... Будущее Игоря, его состояние и настроение вселяли в нее страх...

Дома Соня несколько рассеялась от печальных мыслей. Игорь снова начал настаивать, чтобы она изменила имя поросенка, названного Лёкой. Она засмеялась, вспоминая обиженное лицо Лёки, ее тайного воздыхателя, к которому она относилась несколько несерьезно, так как, по ее мнению, он был еще мальчиком – Лёка был моложе Сони на два года. У него при общении с Соней всегда появлялось немного обиженное выражение лица. И назвала она поросенка Лёкой именно потому, что взгляд поросенка ей чем-то напоминал обиженный взгляд Лёки. Игорь убеждал, что Лёка сильно переживает оттого, что у него появился поросенок-тезка. Наконец, Соня сказала, что, прежде чем изменить имя поросенка, она посмотрит на него и подумает, на кого из общих знакомых похож ее поросенок.

Игорь торжествовал. До этого Соня не шла навстречу просьбам изменить прозвище поросенка.

Через несколько минут Соня возвратилась вприпрыжку в комнату со двора, весело напевая немецкую песенку «Мой любимый Августин».

– Ну, как, Гутя, изменила прозвище? – спросил Игорь.

– Да, да, да, и вот угадай, на кого он похож? – улыбнулась Соня.

– Ну, откуда я могу знать – я ведь не физиономист! Хотя у некоторых людей видны на лице черты животных или птиц...

– И неправда, и неправда. Ты просто не хочешь подумывать. Он похож на одного немца...

– Вилли? – удивленно спросил Игорь.

– Ну, вот видишь, значит, похож наш поросенок на кого-то из людей. Пожалуй, он даже больше похож на Вилли, чем на Лёку. Хотя взгляд у Лёки больше похож на пороссячий. Но это, – Соня засмеялась, – потому, что он в меня влюблен. Перестанет быть влюбленным – и взгляд изменится. Итак, отныне наш поросенок – Вилли!

Игорь был удовлетворен заменой прозвища поросенка, и даже себе в дневник записал, что Соня это сделала благодаря его просьбе...

Месяц пролетел быстро.

Из отпуска возвратился Матов, и кончились дни блаженства Сони под начальством Ганса Шеффера.

С возвращением Матова предполагалось провести акцию по ликвидации Карасубазарского подполья. Снова зачастили в полицию какие-то темные личности, многих из которых Соня знала уже давно, как осведомителей. Ей теперь приходилось переводить Матову показания Тишкина, Синикиди и какого-то русского мужчины средних лет, назвавшегося Поляковым. Ее стол стоял опять в кабинете Матова, куда был поставлен, когда его замещал Шеффер. А теперь, когда завхоз спросил у Матова: нужно ли переставлять стол в кабинет заместителя, Матов отрицательно замахал рукой.

В первые дни после возвращения из отпуска, Матов с Соней обращался только официально. При Гансе Шеффере он не «прижимал» Соню, и ожидал, когда тот сдаст дела и уедет в Симферополь. В фельдкомендатуре ходили слухи, что Шеффера из Симферополя возвращают в Германию.

ГЛАВА 61

Прошло всего три или четыре дня, как отбыл в Симферополь Шеффер, а Матов все еще ходил с контролем по помещению полиции, жестко отчитывал подчиненных, всем был недоволен, во всем видел расхлябанность и падение дисциплины.

Он не говорил этого вслух, но служащие полиции чувствовали, что все его придирки направлены в адрес Шеффера.

Матов приказал Соне пригласить к нему в кабинет своего помощника, еще трех чинов немецкой полиции, начальника ВИКО и начальника русской полиции татарина Смольского.

Прежде, чем начать говорить о том, зачем он их собрал, Матов стал разносить присутствующих за падение дисциплины, пьянство, расхлябанность среди служащих полиции и за утечку информации. Он грозил собравшимся строгими наказаниями, вплоть до разжалования и отправки на фронт. Обращаясь особо к начальнику русской полиции Смольскому, Матов сказал, что сегодня же он позвонит его непосредственному начальству в Симферополь о примерном наказании за неспособность Смольского в организации борьбы с подпольщиками в селах района.

– Вот полюбуйтеесь, – и Матов вытащил из письменного стола листовки и помахал ими в воздухе. – Эта снята со стены дома в Бахче-Эли и доставлена нам. В ней дается победная

сводка Советского Информбюро о наступательных действиях красных, и дальше содержится призыв к татарам, чтобы они не позорили себя сотрудничеством с немцами. А вот эта снята с телефонного столба в Васильевке. Тон листовки такой же: победные реляции Советского Информбюро и призыв к населению сопротивляться немцам. – Матов повернулся к начальнику ВИКО, – а это прямо бьет по вашему адресу, господин доктор. Листовка призывает срывать сельскохозяйственные заготовки немцев. И обратите внимание, господа, шрифт в листовках один. Значит, где-то у нас действует подпольная типография! Вы здесь благодумствуете, господа, пьете вино, развлекаетесь с женщинами, а у вас под носом действуют красные бандиты и подпольщики с типографией! Скоро они будут вешать вам листовки на спину! Позор, позор! – Матов патетически вскинул руки вверх.

Начальник ВИКО попробовал возразить Матову.

– Господин штурмбанфюрер, но до вашего отъезда в отпуск было еще хуже. Вы, что же, забыли, что при вас партизаны объехали на машине несколько деревень, поймали и расстреляли наших лучших осведомителей и полицаев, а в одном из горных сел арестовали старосту и бухгалтера и увезли. А вы, господин Матов, ничего не слушали, и предпочли уехать в Судак пить хорошее вино!

Матов вскочил из-за стола и заорал:

– Молчать! – Он ударил по столешнице рукой так, что чернильница подпрыгнула и опрокинулась, чернила пролились по столу.

Соня бросилась спасать лежавшие на столе у Матова бумаги и вытирать пролившиеся чернила. Матов стоял побледневший и потирал ушибленные пальцы...

Все присутствующие вскочили со стульев, кроме начальника ВИКО, который остался сидеть, и, поблескивая очками, спокойно продолжал:

– Не нужно истерики, штурмбанфюрер, я вас не испугался. По своему служебному положению вы обязаны следить за безопасностью работы ВИКО, а вы этого не делаете! Не заставляйте меня обращаться к своему начальству с жалобой... А кричать и угрожать нечего!

Помощник Матова Франц сразу понял, что ничего хорошего от начальника ВИКО ждать нельзя, и, в случае его жалобы в верха, не поздоровится ни Матову, ни ему. Уж слишком много у них было служебных промахов, случаев пьянства, нераспорядительности.

– Господа, господа, успокойтесь! Мы все, здесь присутствующие, работаем на благо Великой Германии. Так зачем же ссориться? – призвал всех Франс.

– Если я чем-нибудь обидел доктора Брауна, – сказал Матов, делая широкий жест в сторону начальника ВИКО, – прошу прощения! Сейчас не время для споров. Собрал я вас сюда по очень важному вопросу. Нам нужно ликвидировать большевистской подполье в нашем районе одним взмахом руки. Нами подготовлены списки с адресами всех подпольщиков, которых нужно арестовать. – Матов достал из ящика стола листы. – Эти списки вам будут даны в день совершения акции. Нам должен помочь господин Смольский. Он – местный житель. – Матов достал теперь из ящика стола сложенную вчетверо карту города и разложил у себя на столе.

– Господин Смольский, подойдите поближе к столу. Вот вам красный карандаш, и прошу вас, отмечайте на карте точками, где живут господа большевики. Потом мы сообразуем наши силы, и определим, какое количество солдат нам нужно для захвата подпольщиков в разных районах города. Зачем же их посылать туда, где нет большевиков! Итак, начнем, господин Смольский. Первый по списку идет Игорь Мирошниченко. Ставьте на карте, где он живет, точку. Ого, это совсем недалеко от нас.

– Да, господин штурмбанфюрер, – ответил Смольский, поставив точку на карте.

– Следующий Иван Челухиди. Смотрите, где он живет и отмечайте. Так! Лихоманова Вера. Это не дочь того Лихоманова, что нами был расстрелян, как большевистский агент?

– Точно она, господин штурмбанфюрер. А живет она вот здесь, – Смольский указал на дом, стоявший в саду по дороге в Пролом.

– Да, далековато. Но для этого мы и собрались, чтобы наметить на карте – кто, где живет... Дальше, Челухиди Юрий. Ну, этот, наверное, живет там же, где и брат. Позвольте, господин Смольский, этот Юрий – не тот ли парень, что танцует под Чарли Чаплина?

– Так точно, это он, шеф, – ответил Смольский.

– Талант! – воскликнул, усмехаясь, Матов.

В таком духе собравшиеся руководители карательных органов отмечали на плане города дома, где жили подпольщики. Вскоре план города был расцвечен красными точками. В особенности их много было в восточной части города.

– День акции будет объявлен особо. Видимо, мы обойдемся своими силами, и к помощи румын прибегать не будем, – заявил Матов. – Полагаю, господа, что предупреждать вас об абсолютном молчании излишне?

– Конечно, раздалась голоса.

– Наше короткое совещание считаю закрытым, – сказал Матов. – Все могут разойтись. Вас, господин Смольский, прошу остаться.

Все встали и начали выходить из кабинета по одному. Шеф ВИКО доктор Браун вначале было направился к столу Матова, но раздумал и повернул к дверям. Вообще-то, его беспокоило то, что в районе Пролома-Кабурчака, скопилась большая партия овец, предназначенных для отсылки в Германию – более 800 голов. Между тем, охрана их была явно недостаточ-

ная, всего шесть немецких солдат и татарин-чабан с мальчиком. Близость леса и долгое ожидание отправки овец вызывали беспокойство у администрации ВИКО, но Брауну был настолько ненавистен заносчивый шеф полевой жандармерии эсэсовец Матов, что он вышел из его кабинета, не проронив ни слова. Он решил, что если что и случится с овцами, то виноват будет Матов, который не обеспечил их должной охраны своим аппаратом...

Между тем, Матов и Смольский остались одни в кабинете. Соня, хотя и находилась там, но сидела за своим столом, склонившись к бумагам, и работала. Матов не стал ее беспокоить и вызвал для перевода Отто. Речь шла все о той же предполагавшейся днём облаве подпольщиков. Кроме того, Матов оставил Смольского, чтобы с ним обсудить вопрос о местонахождении подпольной типографии. В последнее время листовки подпольщиков, действительно, стали появляться не только в городе, но и в селах. Сравнение шрифта листовок показывало, что этот шрифт похищен из Карасубазарской типографии, видимо, не сейчас, а давно, так как прошедший допрос оставшихся двух типографских рабочих ничего не дал. Да и вообще городская типография почти не работала, и лишь иногда печатала приказы и объявления коменданта города, и охрана исключала возможность похищения шрифта.

Матов предложил Смольскому усилить бдительность полицейских, в особенности ночью, и постараться задержать хоть одного из расклейщиков листовок...

ГЛАВА 62

Весть о том, что на днях состоится облава на подпольщиков, Соня смогла передать партизанам через свой Кабурчакский тайник. Но на другой день, после возвращения от бабушки, она увидела шедшего ей навстречу Сибирского, и условным знаком ему показала, что ей нужно с ним встретиться. Она прошла, как обычно, по узкому переулочку, ведущему к дому, где она жила. Обернулась и увидела, что Сибирский следует за ней, и повернула к разрушенному дому. Вскоре появилась в проеме дверей и фигура Сибирского.

– Здравствуй, Сонечка, – тихо сказал Федченко. – По твоему носу вижу, что хочешь мне сказать что-то важное.

– Я так беспокоилась, дядюшка, что долго вас не видела, а у меня было столько важных новостей... Думала, не случилось ли что с вами? Хотела со «Степенем» связаться в Кабурчаке, но побоялась и себя открыть, и его... По счастью, Вася меня встретил у бабушкиного двора, и мы условились с ним, что я буду оставлять ему информацию в тайнике каменной стены... на задах бабушкиного дома. Вот и в прошлую субботу я ему оставила там важное сообщение: ближайшими днями гитлеровцы должны организовать облаву на подпольщиков не только в Карасубазаре, но и во всем районе. Уже намечены подразделения немецких частей, которые будут приданы к полиции для участия в этой операции. Они сразу хотят схватить всех. Им помогают несколько осведомителей. Среди них – Тишкин, Долгих и какой-то Поляков. Есть еще и другие предатели, их фамилии сообщала в прошлый раз. Некоторых партизаны уже уничтожили... Дата облавы еще не установлена, но нужно поспешить оповестить подпольщиков, потому что даже их адреса отмечены на секретной карте города.

– Это я прочел по твоему донесению. Мне его доставил Вася. Эстафета уже действует. Думаю, что всех подпольщиков в городе сегодня к вечеру оповестят. Труднее будет – в селах...

– Имейте в виду, дядюшка, что мой шеф особенно встревожен появлением листовок в селах и городах. Шеф считает, что все листовки напечатаны одним шрифтом, и исходят из одного места. И, наконец, только что узнала совсем еще «горячую» новость. Мне вручили для Матова бумагу из ВИКО. В ней сообщается, что пониже Кабурчака сосредоточиваются реквизируемые из «землячеств» овцы для отправки в Германию, количеством около 800 голов. Охрана их слабая, и шеф ВИКО просит усилить охрану. У меня пока все! Не пропадите надолго, не заставляйте меня волноваться, дядюшка. Я уж, бог знает, о чем передумала, пока вас не было.

– Ладно, ладно. Ведь есть у меня еще дела важные. Обо мне ты не беспокойся. Наш с тобой старый тайник теперь начинает опять действовать. Будь здорова, девочка! Иди первой, а я за тобой послезу.

Соня пришла домой радостной. Наконец, она была уверена, что сведения, которыми снабдила Сибирского, теперь будут использованы быстро...

Она весело, вприпрыжку носилась по комнатам, закружила, смеясь, Лидию Федоровну. Но, заметив, что Игорь и Лёка о чем-то тихо беседуют, подошла к ним. И тут увидела у Лёки слезы на глазах, и ей стало очень жалко его, этого, в общем-то, хорошего парня. Так что сама чуть не расплакалась. Соня стала спрашивать у него:

– Лёкочка, скажи, что с тобой случилось? Объясни мне свою беду, а не то я тоже заплачу.

Но Лёка, промолчав и не выдержав бурной волны нежности, стал прощаться с Игорем:

– Ты узнаешь об этом не позже, чем послезавтра...

«Какую загадку Лёка задал Игорю?» – подумала Соня.

Надо признать, что она ухаживания Лёки не принимала всерьез. Сохраняла в общении с ним слегка покровительственный и насмешливый тон, относилась к нему, как к приятелю из младшего поколения. Такое отношение Сони к Лёке ранило его самолюбие. Но он находился еще в том возрасте, когда многие юноши влюбляются в девушку старше себя глубоко и безнадежно.

«Вообще многие зрелые люди, как Матов, и юноши, как Миша и Лёка, напрасно «страдают» по Соне, поддаваясь ее очарованию, – считал Игорь. – А она представляет собой необычное сочетание простоты натуры и завлекательного кокетства. Она, как жаркий огонек, блещет среди других девушек своей необычностью и чистотой, и горит, и опалает многим крылья... Сколько лежит пепла возле этого огонька, и сколько еще там будет!»

А, вместе с тем, Соня пока не встретила еще мужчину, который покорила бы ее сердце. Все, кто ухаживали за ней, иногда нравились ей, но это не было глубоким чувством любви. А бабушка Калина хотела поскорей выдать Соню замуж за кого-нибудь из своих односельчан, чтобы отвлечь ее от множества кавалеров, но это ей не удавалось.

Сама же Соня считала, что сейчас, в войну, не время свадеб. Замуж она выйдет только тогда, когда на территории Крыма не останется оккупантов. Об этом она обмолвилась как-то в разговоре с Сибирским.

Соне сейчас хотелось теплой дружбы с девушками своего возраста. Но, увы, те, с кем она встречалась по работе в полиции или знакомились на вечерах у немцев, были большей частью такие, каких не назовешь скромными...

Из других девушек, которые вели себя на людях скромно, не вызываясь, по вечерам нигде не гуляли, в бурных компаниях не участвовали, ей особенно понравилась Лида Ливанова. Ее семья жила неподалеку от Алешиных. Мать

воспитывала трех детей. Отец был в Красной Армии. Знакомство Сони с Лидой Ливановой состоялось случайно. Лиду пригласили к Алешиным в гости. Соня узнала, что Лида – давняя знакомая Лидии Федоровны, и та знала ее еще девочкой. Лиде 19 лет, но на вид ей можно было дать лет 16. У нее хорошенькое личико. Она мила и обладает естественной скромностью – часто краснеет и смущается. Глаза у нее карие, но не такие, меняющиеся по оттенкам и светящиеся изнутри, как у Сони. Лида – воспитанная, и в обществе приятная.

В одно из воскресений, конца августа, когда поле обеда в воздухе стало немного прохладнее, Лида пришла к Соне, чтобы пойти с нею в кино. Но Соня еще не вернулась из фельдкомендатуры. И Лида пошла в кино с Лёкой и Ноной. От этого посещения кино и от самой встречи друг с другом они остались весьма довольны. Вот из-за этого события и появился Лёка со страждущим видом возле Игоря. А по прошествии двух дней Лёка, как обещал, сказал Игорю:

– Мне очень понравилась Лида, но она тоже ко мне относится, как к мальчику. Почти так, как и Соня... А я не хочу быть лишним, и я убью эту появляющуюся любовь!

«Почему надо было ждать два дня, – размышлял Игорь, – может быть, хотел пересилить за этот срок свое увлечение Лидой?»

– Чудак ты, Лёка! Ведь Джек Лондон сказал: «Любить лучше и прекраснее, чем быть любимым. Это чувство дает человеку то, ради чего стоит жить и ради чего он готов умереть». Зачем же ты боишься любви и стараешься вырвать из себя это чувство? – ответил ему Игорь.

Лёка молчал. О чем он думал в этот момент?

Прошло несколько дней, и Игорь в один из вечеров заговорил с Соней о Лёке.

– Гутя, – сказал он, – хотела бы ты с Лёкой быть ближе, чем с другом?

Соня покачала головой отрицательно и, пристально глядя на Игоря, сказала, задумчиво растягивая слова:

– Ну, что в нем замечательного? Я хотела бы иметь такого друга, который относился бы ко мне просто, ничего при этом не думал дурного обо мне. Друга, на которого я в жизни могла бы опереться...

Игорь понял, что Лёка не мог Соню заинтересовать, и все же сказал ей:

– Вообрази, что он признался бы в любви не тебе, а другой. Как бы ты к этому отнеслась?

– Я думала об этом. И мне хотелось бы, чтобы Лёка сначала поделился со мной, и сказал мне, кого он любит. Я бы хотела стать ему в этом помощницей... Чтобы Лёка не чурался делиться со мной своими переживаниями, и тогда я могла чувствовать, что я ему тоже нужна. Вот такой я хотела бы с ним дружбы.

Игорь в эти дни, конца августа 1943 года, много занимался творчеством. Он сделал переводы двух болгарских стихотворений «Птичка» и «Марийка», а затем занялся большим своим произведением «Песня шута», являющимся вариантом к его сказке о дурачке.

Все эти стихотворения у него получились удачными, но он был недоволен. Первые два стихотворения он показал Соне, и получил от нее высокую похвалу, а вот третье, самое большое, оставил, чтобы потом его переработать.

Вечером из Кабурчака опять пришел Миша по каким-то своим делам. С его операцией на ноге в Симферополе ничего не получилось. Приходилось заниматься самолечением народными средствами.

Миша долго с Игорем беседовали во дворе, куда его на свежий воздух вывезла в коляске Лидия Федоровна. Вечер располагал к тихой беседе. Небо на западе было подернуто

легким багрянцем, предвещавшим на завтра ветреную погоду. Сейчас, после сухого и знойного дня, легкий ветер навевал прохладу.

– Какое впечатление на тебя произвело мое письмо? – спросил Мишу Игорь. – Я думал, что ты на меня обидишься за прямоту...

– Нет, Игрик, я на тебя не обиделся! Наоборот, твое письмо ко мне весьма кстати. Я сейчас много думал о себе, и письмо мне разъяснило то, что раньше не доходило до моего сознания...– Миша задумался и замолчал.

А Игорь, глядя на него, сегодня заметил, что его приятель уже не такой легкомысленный и неуравновешенный. Видимо, наступило время для Миши поделиться с другом о себе, и о той второй жизни, которую он вел скрытно от всех своих родных и близких знакомых.

– Ты, наверно, заметил, – сказал, подумав, Миша, – что я в последнее время изменился. Это – не от твоего письма или сочувственного разговора. В этом во всем другая причина... Скоро, очень скоро падет этот проклятый «новый порядок», унесший миллионы жизней, и мы с тобой, Игорь, снова станем советскими людьми... Я ведь прихожу сюда не к Соне, а скорее к твоему отцу...

«О, господи, – подумал Игорь, – а я думал, что это борется с собой еще один влюбленный, в надежде быть утешенным Соней. И как я раньше не догадался, что Миша так часто приходит в город не к Соне...»

Игорь слушал Мишу и не знал, как оценить эти слова: верить или не верить ему.

* * *

А, между тем, военные действия все ближе приближались к Крыму. Красная Армия непрерывно атаковала гитлеровцев на Центральном участке фронта возле Вязьмы, западнее Орла, у Изюма и на Миусе. Началось освобождение Таманского полуострова. А 16 сентября 1943 года освобожден советскими войсками упорно удерживаемый немцами Новоросийск. Вскоре был очищен и весь Таманский полуостров.

В Крыму гитлеровцы издали приказ: в каждом дворе вырыть бомбоубежище.

ГЛАВА 63

У Сони стали потихоньку налаживаться отношения с Матовым. Во всяком случае, он на нее перестал кричать. Теперь он вел себя с нею жестко, но более спокойно. Снова из Кубарчака принесли Соне письмо от бабушки.

В нем она едва нацарапала неразборчивым почерком, что чувствует себя плохо, ждет приезда тети Ани из Керчи, а пока просит Соню взять отпуск у начальника и прийти ей помочь.

С этим письмом бабушки Соня обратилась к Матову с просьбой, чтобы он ее отпустил в Кабурчак на несколько дней. Но шеф остался глух к ее просьбе и отказал, мотивируя тем, что в фельдкомендатуре много работы. Тогда к нему пошла Лидия Федоровна. Она вела себя с ним не заискивающе, а смело и независимо. Объяснила, что бабушка у Сони единственный родной человек, и она ее очень любит. Сейчас бабушка болеет, и ей нужно помочь. Она просила отпустить Соню хотя бы временно.

Но Матов ничего не хотел слушать. Он заявил Лидии Федоровне, что, так как Соня, хотя и исполняет все, что от нее требуется, и стала послушнее, но нельзя же все время приставать к нему, чтобы ее отпустили домой к бабушке. Поэтому он намерен отослать ее переводчицей в Сейтлер, тогда прекратятся ее каждодневные просьбы об отпуске.

Лидия Федоровна упрекнула Матова в несправедливости по отношению к девушке, у которой действительно больна бабушка, и заявила ему, что, если бы у него в семье было такое положение, то он, наверно, так бы не поступил.

Матов подумал и сказал, что он свое распоряжение об отправке Сони в Сейтлер отменит. Лидия Федоровна улыбнулась и выразила надежду, что он все же может сменить гнев на милость и отпускать Соню к бабушке на 2-3 дня до приезда тети Ани. После этих упреков Матов промолчал и показал Лидии Федоровне, что разговор окончен.

После Алешины придумали укрепить положение Сони иным способом: они решили удочерить Соню документально. Всем приходившим знакомым объявляли, что они ее удочерили. Лидия Федоровна пошла вместе с Соней к нотариусу. Но нотариус разъяснил, что «удочерение» нельзя оформить, так как Соня совершеннолетняя, ей уже 20 лет, и она может жить без опеки.

Однако когда Соня разъяснила нотариусу, что она одинока, а в военное время это может играть неприятную роль, так как она беззащитна, нотариус сказал, что Алешины вправе всем говорить, что Соня их дочь, и этого достаточно.

После этого и Соня, и Алешины не раз чувствовали пользу того, что стали одной семьей. Соня признавала, что нигде не видела столько внимания, ласки и заботы, как у Алешиных. В особенности был доволен этим Игорь. Соня относилась к нему заботливо и ласково, как родная сестра. Между ними наступил настоящий мир. Оба они избегали обострения отношений, и стали называть друг друга только ласкательными

именами. Игорь после этого стал более жизнерадостным, его лицо реже корчило от приступов боли, у него появилось больше сил. Пока Соня была на работе, Игорь стал много писать. Ко дню рождения Лёки он сочинил прелестную «Сказку о трех братцах, мудреце и золотом ларце». В этой сказке говорилось о том, что три брата, обуреваемые тоской, обратились к мудрецу за помощью – разобраться в причине их недуга.

*В жизни нам одно лишь лихо.
Почему-то все хотят,
Видеть в нас плохих ребят.*

Долго думал мудрец, чем помочь братцам, и наконец, вымолвил:

*Без сомненья вы красивы.
Но весьма самолюбивы.
Это чувство вам мешает,
Криво все изображает...*

*...Я согласен вам помочь,
Прогоню я горе прочь.
Только помните одно –
Разно в вас сидит оно.*

Далее мудрец говорит братцам, что быстрее может помочь лишь тому, кто более сметлив и менее самолюбив, кто может разгадать загадку и тогда «И счастье обретет, и преславно заживет».

*И, пред братьями мудрец
Положил златой ларец.*

Ларец откроется только тому, кто найдет правильную разгадку – как стать счастливым, озадачил братцев мудрец.

*Старший брат сказал:
«Был бы златом я богат,*

*Осчастливился безмерно,
Так как знаю уж, наверно, –
Положили б все старанья –
Мне отдать свое вниманье».*

Но ларчик не открылся ему и не осчастливил его. Тогда заговорил средний брат:

*«Если б я сильнее был,
Счастья б заслужил венец
Кровью вражеских сердец.
И в награду за сраженья
Получил бы уваженье.
Слава – счастья понужней,
Слава – злата поважней».*

Однако ларчик не открылся и после этих слов. А мудрец сказал среднему брату, что когда он постареет, выйдет новый богатырь и... его счастье лопнет, как пузырь.

И тогда вышел вперед меньший брат. Он застенчиво попытался разгадать загадку.

*«Сто хочу иметь друзей,
А не сотенку рублей.
И хотя б я стал седой,
Как живительной водой,
Други б старость оживляли,
В тяжком горе б помогли.
Сам бы я, хоть бедным был,
Никогда бы не забыл
Другу помощь оказать.
Что же лучшего желать?»*

И ларчик перед младшим братом открылся. И мудрец заулыбался перед такой ясной разгадкой. Меньший брат посмотрел в ларец и увидел чудесный ряд букв:

*«На земле не будет братства,
Коль захочет кто богатства.
Слава кинет в дни ненастья;
Дружба лишь важней для счастья!»*

Такими словами заканчивалась сказка.

Моральное содержание этой сказки заставило Лёку и многих слушателей задуматься и понять, что только дружба и взаимопомощь помогали людям в то тяжелое время бороться с ненавистными оккупантами...

Игорь не раз беседовал с Лёкой об отношении к людям, о дружбе и любви. И Лёка, под влиянием Игоря, стал чувствовать себя лучше. Исчезла обуревающая его тоска, вызванная безответной любовью к Соне.

К этим детским увлечениям Соня относилась снисходительно. По выражению Игоря, она и сама еще не созрела для любви, и ее отношение к ней было наивное.

Но это было не так.

А бывший преследователь Сони, предлагавший ей руку и сердце, Кока оказался неустойчивым в своих чувствах: не прошло и месяца после клятвы Соне в своей любви, он пошел к алтарю под ручку с другой девушкой под пение хора в церкви: «...Да прилепится жена к своему мужу...».

Но соседи могли осуждать не только Коку. Большинство из них ненавидели оккупантов. И осуждали дом Алешиных. Они же не могли знать, что советские структуры продуманно оформили это подпольное гнездо. Сюда приходил и шеф фельдкомендатуры СД Матов, и немецкие офицеры. В полиции работала переводчицей скромная девушка Соня, был подпольщиком тихий инженер электростанции Александр Иванович, прикрытием тайны служил достойный милосердия, изуродованный болезнью их сын Игорь, который периодически играл в шахматы с румынским капитаном Кудреану...

Что могли думать о нравственности семьи Алешиных оккупированные патриоты?

ГЛАВА 64

Крымским партизанам на протяжении всей фашистской оккупации почти всегда было голодно в лесах. В селах, которые располагались по опушкам лесов или внутри лесных массивов, стояли гарнизоны оккупантов – немцев или румын, а в татарских населенных пунктах – карательные татарские батальоны. Это не давало возможности Командованию партизанскими силами Крыма организовать регулярное продовольственное снабжение партизан. Продовольствие удавалось добыть ценой большого риска и нередко со значительными жертвами. Доставка самолетами продовольствия хотя и помогла партизанам, но не могла прокормить всех.

Поэтому сообщение Сони о скоплении в районе Кабурчак большого стада овец, подготовленного к отправке в Германию, было встречено партизанами с воодушевлением. Слабая охрана овец – всего шесть немецких солдат – сулила успех операции по захвату отары.

Как только Сибирский принес сведения о слабоохраняемой отаре овец, командованием партизанского соединения была снаряжена группа по их захвату. Эти партизаны выступили на операцию немедленно. Скрытно пробираясь вдоль опушек леса, к вечеру они добрались до Азаматского леса, откуда открылся вид на долину речки Малой Карасевки в районе Кабурчака. Было видно, как овцы разбрелись по лугу, а чабан-татарин со своим молодым помощником и двумя овчарками старался свести их в один гурт посредине луга. Шестеро немецких солдат развели костер на лугу, у подножья холма, на котором располагалось Кабурчакское кладбище.

Партизаны – их было десять человек – вышли из леса и незаметно по оврагу спустились к тому месту, где кабурчакцы на речке давно устроили плотину для отвода воды в поливную канаву. Они скрытно прошли вдоль зарослей верб, росших по обоим берегам Малой Карасевки, и близко подошли к тому месту, где сидели немецкие солдаты у костра.

Гортанная речь немцев была хорошо слышна засевающим в кустах разведчикам. Говорили немцы о чем-то веселом, размахивая руками, и смеялись. Солдаты явно не ожидали нападения из кустов, и оружие сложили в двух шагах от костра. Огонь в костре весело потрескивал, и искры разлетались от него в разные стороны.

Один из немцев разгреб костер, пододвинул к себе поближе груды горящих угольев и поставил на них котелок. Другой наломал сухих веток, лежащих у костра, и подбросил их в огонь. Пламя от костра вспыхнуло ярче, и озарило стоявших в нескольких шагах партизан с наведенными на немцев автоматами.

– Хенде хох! – раздался негромкий возглас одного из партизан, и руки у немцев медленно поползли вверх, а глаза наполнились ужасом.

– Собери оружие, Петя! – приказал старший разведгруппы. – А вы, Федя и Вася, свяжите им руки.

Партизаны быстро скрутили немцам руки за спину и связали их веревками.

– Посмотрим, что у них в котелке! – подошел к костру один из партизан.

– Отставить! – прикрикнул голодному старший.

– Вода. Видно, кашу собирались варить. Вот брикеты, – взял из раскрытого вещмешка другой партизан брикеты и быстро спрятал за пазуху.

– Забирай все и заливай костер! – скомандовал старший разведгруппы.

Все выполнялось быстро и четко. Через несколько минут место, где сидели немецкие солдаты, опустело, костер был погашен.

Старик-татарин с сыном успели нырнуть в кусты и стали отстреливаться. Сын помчался сообщать немцам об угоне стада, а старик залег на горе и вел беспорядочную стрельбу. Партизанские разведчики сделали несколько встречных выстрелов, не стали задерживаться, погнали отару овец и пленных немецких солдат в горы.

Далеко растянулась отара овец. Ведь их было более 800 голов. Продвижение отары было медленным, и только к рассвету удалось ее перегнать через Симферопольское шоссе. Здесь разведчиков встретил еще один отряд партизан. Это ускорило перегон овец. Но к полудню, когда стали подходить к деревушке Бешуй, партизаны, которые шли в арьергарде, заметили, что их догоняет несколько машин с вооруженными гитлеровскими солдатами, количеством около роты. Партизаны залегли на буграх по обеим сторонам дороги, и, когда машины с немецкими солдатами поравнялись с ними, закидали их гранатами и обстреляли из автоматов. Первая автомашина сразу остановилась, съехав передними колесам в кювет, а вторая наехала на нее. Остановились и остальные машины, и солдаты, спрыгивая на землю, сперва залегли, беспорядочно отстреливаясь, а потом повели наступление на партизан короткими перебежками. Возле первых двух машин на земле остались лежать более двадцати убитых гитлеровцев.

Партизаны, залегшие на буграх, вынуждены были отступать. Потому что гитлеровцы имели численное превосходство почти в три раза, и удерживать их натиск было трудно, и появились убитые и раненые среди партизан...

Между тем, головная часть отары – более трехсот голов – уже успела войти в лес. Назначенные чабанами двое партизан отделили эту часть отары и погнали ее дальше в горы. А

оставшуюся часть отары партизаны, с криками и гиканьем, повернули навстречу гитлеровцев. Овцы с диким бляением побежали вниз и расстроили цепи фашистов. Наступление немцев прекратилось. Один из транспортеров у них был подбит. И вообще, немцы подумали, что отбили всю отару, поэтому прекратили преследование...

А партизаны сумели оторваться от нецев, отгоняя все дальше и дальше в горы и в лес большую часть отары овец...

* * *

А в Карасубазар в этот день, часов около двенадцати прискакал на взмыленном коне один из служащих малопочтенной гитлеровской организации ВИКО, проживавший в Кабурчаке. Он привязал поводья коня к дереву и влетел на крыльцо. Один из служащих комендатуры пытался его остановить, но он ворвался в кабинет доктора Брауна, где тот сидел за столом и читал какую-то директиву.

– Господин Браун, овцы исчезли из Кабурчака!

Браун, сняв очки, поднял на вошедшего сердитый взгляд и недовольно спросил:

– Как это исчезли? Их ведь восемьсот голов! Это – не иголку потерять!

– Их нет, шеф! Ни в Проломе, ни в Катышах, ни в Бахче-Эли! – докладывал прискакавший Мюллер. – О, господи! Что с нами теперь будет? – И сам же ответил: – Нас расстреляют!

Браун вскочил со стула, и зашагал по кабинету.

«Как хорошо, что я предупредил этого осла Матова о необходимости охраны с таким трудом собранных овец», – подумал он, и схватился за телефонную трубку, но раздумал звонить, и положил обратно.

– Идемте, Мюллер, к Матову! Вот идиот! Занялся облавой на подневольных людей – и упустил из-под носа такое государственное богатство!

В кабинет Матова они вошли без стука и без доклада. Матов сидел за столом, и никак не мог прийти в себя после вчерашней попойки в ресторане ВИКО. Когда Браун и Мюллер с шумом вошли в кабинет, Матов сразу понял, что случилось что-то непоправимое.

– Господин Матов, я вас предупреждал, письменно предупреждал, что охрану имущества Германии нужно усилить! Овцы из Кабурчака исчезли! О, проклятие! И какой дурак вас назначил сюда шефом?

Матов вскочил из-за стола. Его лицо перекошилось от гнева и оскорбления Брауна, но он сразу понял, что с ним не шутят. Присутствие Мюллера подтверждало это.

– Успокойтесь, Браун, и скажите толком, что случилось? Сегодня выступают для охраны овец сорок солдат немецкой полиции.

– Поздно! Что охранять? Овцы исчезли! – патетически закричал Браун.

Матов понял, что с овцами, действительно, что-то произошло. Он позвонил в Бахче-Эли и спросил там, в полицейском участке, где Яблонский. Но ему ответили, что Яблонский уже три дня как уехал в Судак.

Тогда Матов спросил:

– Не прогоняли мимо Бахчи-Эли большую отару овец?

Ему ответили, что ничего не видели и не слышали.

Матов выругался и сел в кресло. Браун и Миллер тоже присели на стоящие в кабинете стулья. Первым нарушил воцарившееся молчание Мюллер:

– Что же мы будем делать? Ведь не улетели же овцы на советских самолетах?

– Нужно посадить на машины роту солдат и отправить в Кабурчак, а оттуда пусть по овечьим следам догоняют отару и отбивают овец у партизан, – посоветовал шеф ВИКО Браун.

– Пожалуй, это верно, – согласился Матов и вызвал своего помощника Франца.

Когда Франц вошел в кабинет, Матов приказал немедленно связаться с ортскомендатурой и отправить, как можно скорее, роту солдат на машинах в Кабурчак, а оттуда в Бахче-Эли и дальше вдогонку за овцами.

– Я, – закончил Матов, – свяжусь с полицейским участком в Бахче-Эли и прикажу им выступить вперед и разузнать, куда погнали овец.

* * *

Когда немецкие солдаты собрали разбегавшуюся в разные стороны отару и пригнали ее снова в Кабурчак, оказалось, что в ней не хватает более 300 овец.

Не нашли они и шестерых солдат, охранявших овец в Кабурчаке, и чабана с помощником....

...Матов и Браун получили по строгому взысканию за потерю овец, угнанных партизанами. Их обоих предупредили, чтобы между полевой полицией и ВИКО было больше контакта, в противном случае им не избежать лишения занимаемой должности.

ГЛАВА 65

Наконец, Матов отпустил Соню в Кабурчак.

По словам приезжающих в город односельчан, бабушка живет ужасно: часто болеет, почти голодает, хотя у нее много родственников. Соня жалела и любила бабушку, но все же у Алешиных ей жилось лучше – хорошее, дружеское, почти родственное отношение к ней, относительная свобода, общение с интересными людьми. Ничего этого она в Кабурчаке иметь не могла.

До Сони снова дошел слух, что ее отец жив, и занимается на юге Украины коммерцией, но она не верила.

«Если бы он был жив и находился на Украине, – думала она, – подал бы какую-нибудь весть своей жене – Доре Константиновне или бабе Калине. Но вестей нет. Значит, отец или погиб в боях где-то в Крыму, или находится в рядах советских войск, а письма на оккупированную территорию с нашей стороны не приходят».

О мачехе Соня вспоминала с глубоким возмущением за то, что она отвадила от нее родного отца. А об отце Соня вспоминала часто, хотя и с печальной обидой – все-таки он в прошлом мало о ней заботился. Думая о его возможном возвращении, Соня и радовалась, и боялась.

Втайне от других она возмущалась тем, что Сибирский и Сизас поддержали мнение о дезертирстве отца из Красной армии. Они порядочного человека готовы сделать предателем. Да, это мнение охраняло ее в подпольной работе. Но жалко было добрую память об отце, как бы он раньше к ней не относился.

Если бы появился сейчас отец и начал вмешиваться в Сонину жизнь – это для нее было бы нежелательно. Она уже привыкла к самостоятельности, и вмешательство отца снова привело бы их к конфликту... Вместе с тем, в девушке не угасло

родственное чувство к отцу, и ей хотелось бы его увидеть и поговорить с ним.

Не с кем Соне такими опасными мыслями поделиться. А они останавливали Соню и в мечтах о замужестве. Срок-то подошел. Но сейчас, у нее, работающей на виду у всех на оккупантов, мог появиться только кавалер-предатель, такой, как Кока. Поэтому Соня не однажды говорила и бабушке Калине, и Алешиным, что выйдет замуж лишь после изгнания оккупантов из Крыма. А когда прогонят немцев – обязательно прогонят! – как к ее жениху относиться? Еще неизвестно, как к ней самой будут относиться в Кабурчаке. От этой мысли Соню пробирала внутренняя дрожь, как от страха собственной смерти.

Поэтому всякие разговоры о женихах в войну Соня считала пустыми. Возможно, она об этом думала так еще и потому, что ей пока не встретился человек, которого она бы по-настоящему полюбила.

Правда, Соня приняла живое участие в судьбе хорошего парня Анатолия, мать которого немцы расстреляли, как советскую активистку, а его самого отослали на работы в Германию. Отец Анатолия вынужден был, после расстрела жены, оставить город и поселиться с двумя девочками в Кабурчаке. Когда Соня узнала, что Анатолия высылают в Германию, она в дождь и непогоду пошла его провожать. Прощание было трогательным, и они поклялись регулярно переписываться между собой.

Соня считала Анатолия своим лучшим другом. От него приходили из Германии тревожные, полные отчаяния письма. Соня волновалась за него, как за родного, читая его письма. Притом, Соня понимала, что все сообщить он не мог из-за немецкой цензуры. Удивительно еще, что эти письма приходили. Она делилась с Игорем этими переживаниями и даже давала ему читать то, что писал Анатолий.

Вот что сообщал он в одном письме из Германии:

«...Тон твоей открытки мне почему-то не нравится. Я прошу тебя еще раз: пиши мне все, и я буду тебе очень благодарен. Я хорошо помню твои слезы при моем отъезде, и напрасно ты их называешь глупыми. Этот случай дал понять впоследствии, что я сделал большую глупость, и не остановился вовремя... Ты, Соня, и мои сестренки ни на одну минуту не покидаете моей памяти. Цель возвращения, главным образом, в вас. До скорого свидания, Соня! Я уверен в тебе...».

Но Соня не была уверена, что Анатолию разрешат вернуться из Германии, ни немцы, ни наши, даже после окончания войны. И все же ждала.

И Анатолий возвратился из Германии, не скоро, но жизнь развела их с Соней в разные стороны.

Игорь считал, что из всех юношей, которых он видел рядом с Соней, ближе всего, в качестве близкого друга, ей подходил именно этот Анатолий. И жалел, что то, что более всего хорошо, то и менее всего доступно в жизни.

Игорю хотелось найти тоже доступное место участия в жизни. И он решил: во время посещения их дома влиятельными немцами извлекать из их слов полезную партизанам и подпольщикам информацию. Оставался для него только вопрос, как ее передать по назначению.

Первый раз он попробовал извлечь такую информацию во время игры в шахматы с Кудреану. И после его ухода попробовал, путем аналитических сопоставлений, проанализировать свой диалог с ним. Получилось интересное сообщение: артиллерийская часть, в которой служил Кудреану, через два дня должна была выступить для поддержки карателей в Зуйские леса. И это несмотря на то, что Кудреану ни словом об этом не обмолвился...

Соня удивилась, когда Игорь показал ей написанную им коротенькую записочку об этом. Она спросила Игоря, откуда ему это известно? Но Игорь только улыбался. Потом Игорь попробовал свой «метод» анализа и сопоставлений в разговорах

Матова, коменданта Вальтера и более мелких служащих полевой полиции и солдат ортскомендатуры. Получалось отлично. Игорь умел очень коротко описать то, что предполагали сделать немцы в ближайшие дни: была ли то облава на подпольщиков, наступление на партизан или мероприятия ВИКО по заготовке сельскохозяйственных продуктов. Игорь настолько научился расшифровывать, казалось бы, совершенно безобидные беседы с посещавшими их дом немцами, что даже из сумбурной болтовни шефа Алешина старшего Штрик-Штрёка мог извлекать «жемчужные зерна». Правда, его папа мог тоже целесообразно направлять разговор с этим руководителем электростанции.

Так незаметно Игорь вовлекся в сбор нужных для советских людей сведений. Иной раз Соня специально рассказывала Игорю о тех разговорах, которые слышала в полиции, и, если Игорь путем сопоставлений, излагал ей так, как она думала, Соня считала, что это мнение уже проверено и правильно, и о таких сведениях можно сообщать партизанам. Но иногда версия Игоря расходилась с ее собственной версией, и тогда им обоим приходилось вновь и вновь сопоставлять добытые сведения, пока они не решали, что будет правильнее.

Сведениями, которые они узнавали от немцев, нередко пользовался Александр Иванович. Таким образом, иногда к партизанам приходила разными путями одна и та же информация: от Сони через Сибирского и от Александра Ивановича через его связника.

Но открывать Игорю тайну своей службы партизанам разведчица не собиралась, и не имела права. Так же не открывал тайну своей подпольной работы и Александр Иванович. Они понимали, что Игорь чувствовал какие-то тайны в доме, и таким анализом старался хотя бы косвенно принять участие в борьбе с фашистами.

Такая работа Игорю нравилась. Он понимал, что он теперь не бесполезен, но не знал, как Соня может поддерживать

связь с советским сопротивлением немцам, и не пытался узнать об этом.

Игорь все еще считал Сою наивной девушкой, старался предостеречь ее от перекатов и порогов большой реки жизни.

В последнее время Александр Иванович поверил, что у сына многостороннее дарование, и что достиг он высокого развития собственными усилиями ума. Поговорить об этом с сыном Александра Ивановича подвигнул недавно прочитанный роман Джека Лондона «Мартин Иден».

– Замечательная книга! – показал он книгу Игорю. – Я читал ее в юношестве, но обращал внимание на сюжет, а не на мысли; впрочем, большинство юношей так читает.

– Не знаю, – ответил Игорь, – меня всегда интересуют книги с глубоким философским содержанием.

– Видишь ли, – подхватил разговор Алешин старший, – твоё формирование человека от мальчика до взрослого прошло гораздо быстрее, чем у других. Все увлечения, которые захватывают человека в этот период, прошли перед тобой, как в кинофильме. Они не могли захватить тебя полностью, и потому не задержали твоего развития.

– Жаль, папа, что ты не принял в этом участия, – обидчиво съязвил Игорь.

– Возможно, это даже к лучшему, – держал удар Александр Иванович, – хотя, впрочем, направлять тебя нужно было очень осторожно, чтобы не показаться навязчивым. Ты при самостоятельном воспитании опередил своих сверстников в мышлении. У тебя есть собственное мировоззрение, довольно многостороннее и верное. Правда, мне приходилось мало с тобой говорить, чтобы выяснить полностью твои мысли, – я как-то мало этим интересовался, – но я все же чувствую, что это так.

Отец и сын разговорились, и пожалели, что раньше мало общались друг с другом. Отец был вечно занят своей работой, своими переживаниями, но, к сожалению, слишком мало уделял внимания своему сыну, жаждавшему отцовской ласки и мужского утешения. Такой редкий разговор, наконец, сблизил немного отца с сыном. Во всяком случае, если бы он состоялся раньше, у Игоря меньше было бы переживаний о своей никчемности и о своем месте в жизни. А теперь он, сидя в своей коляске, думал: «Отцы! Не чуждайтесь серьезных бесед с сыновьями о жизни... пусть вы даже не любите их!..»

ГЛАВА 66

30 сентября – по православному календарю, – день Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. И Алешины решили отметить именины Сони. Были приглашены на обед Лёка с Ноной, Лида с Марой, Элла – ученица Игоря, и Миша. Однако именины эти устроили не 30 сентября, а 3 октября, когда Соня была свободна.

Собрались все приглашенные, а соседку Аню на этот раз не пригласили. Это был своего рода протест против ее брака с румынским офицером.

Праздник начался в два часа. Лидия Федоровна приготовила много угощений, по тому голодному времени это был отличный обед. Приглашенные преподнесли Соне несколько подарков – торт, много цветов и небольшой флакончик духов. Соня была очень рада и смущенно благодарила гостей за подарки.

Однако самое интересное случилось после обеда, когда за чаем, настоящим на цветах шалфея, разрезали торт. Торт был подарен Игорем и Эллой, и то, что было под тортом, явилось их общим сюрпризом. Под тортом Соня обнаружила

небольшой синий бархатный альбомчик, расшитый цветным бисером с кистями. В альбомчике были фотографии со стихотворениями от лица каждого из присутствующих. Все это было продумано и построено на стихотворениях и называлось «Созвездие Дружбы». Соня была выведена в роли астронома, а все ее друзья – в роли звезд: Первая звезда – Нона, Грустное светило – Миша, Златая звезда – Элла, Потомок Марса – Лёка, Звезда ясная – Лида, Затемненная звезда – Мара, Двойная звезда – Лидия Федоровна и Александр Иванович, и, наконец – ведущий дивертисмента – Игорь. Звезды горят к Соне дружескими чувствами, а она их не замечает и восклицает: «Как прав был русский наш поэт – знакомых тьма, а друга – нет».

«Созвездие Дружбы» было талантливым подражанием поэтам: Пушкину, Лермонтову, Апухтину и Шиллеру.

Игорю нравились стихи Апухтина, и Первая звезда – заговорила стихами А.Н. Апухтина:

*Я люблю тебя так оттого,
Что из пошлых и гордых собою
Не напомнишь ты мне никого
Откровенной и ясной душою.
Что с участием могла ты понять
Роковую борьбу человека,
Что в тебе уловила печать
Отдаленного, лучшего века!*

Потом заговорило Грустное светило. В его словах из III главы А.С. Пушкина слышалась грусть неразделенной любви:

*Вы совершенно недоступны,
Холодны, чисты, как зима,
Неумолимы, неподкупны,
Непостижимы для ума...*

*«...Но вы к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня...»*

...А вот – слова Затененной звезды – из переделанного стихотворения Пушкина «В ответ на стихи князя Вяземского»:

*Ты так мила всечасно с нами!..
Ты освежаешь, как роса,
И можно с южными звездами,
Сравнить, особенно стихами,
Твои чудесные глаза!*

Обращение к Соне от себя Игорь, как ведущий, поместил в конце альбома. Оно имело особое звучание и отражало те чувства, которые Игорь питал к Соне.

*Ты знаешь? – путник, по лесу скитаясь,
(Бесчувствием людей туда гоним)
Вскричит, и тайне эха поражаясь,
Услышит отзвук возгласам своим.*

*Так знай: моя душа подобна эху,
Чью тайну нелегко понять,
Чужим мучениям, слезам и смеху
Готова многократный отклик дать,*

*Уверен, – для тебя не ценно имя;
Оно в тебе ничто не возбудит,
И взор твой моего портрета мимо
С великим равнодушьем пробежит.*

*Но я не зол, и коль в себе заметишь
Прохладу равнодушия людей,
Ты лучше мне поведай все, и встретишь
Сочувствие себе в душе моей!*

Этот сувенир произвел на Соню большое впечатление. Она зарделась от удовольствия, и, прочитав сначала про себя, прочла его затем вслух участникам обеда. Они наградили и ее, и авторов альбома громкими, продолжительными аплодисментами.

Тайная, бессонная, почти недельная подготовка к этому подарку Игоря и Эллы были щедро вознаграждены общим вниманием к их произведению и большим одобрением.

В заключение, в Созвездии Дружбы было сказано:

*Итак, не думай, как поэт;
Тебя ласкает дружбы свет!
Свои мы чувства показали
Тебе. Иль попросту марали
Мы, хвастая, сии листы?..
Ну, что ж о звездах скажешь ты?*

После обеда принесли патефон и пластинки, и начались танцы. Молодежь веселилась, а Игорь сидел на своем кресле в углу и с белой завистью наблюдал за весельем...

К вечеру пришла еще одна девушка – Сонина подруга из Кабурчака Лена Деребеева. Всем Сониным знакомым она очень нравилась – была скромной и весьма развитой, окончила накануне войны Карасабузарскую среднюю школу.

Все были довольны «пиром».

Игорь снова и снова указывал Соне, что он дружен с ней, не для себя, а для нее. Надеялся, что его дружба доставляет ей больше пользы и удовольствия, чем ему.

Но Лидия Федоровна, как мать, видела, что Игорь был влюблен в Соню. Он это отрицал, и неоднократно высказывал и ей, и Соне, и на страницах своего дневника, что это у него братское чувство дружбы и платонической любви (иной любви у него ведь не могло быть!). И это чувство заставляет его переживать за нее. И если случится разлука, Соне будет не хватать

его. И за это он будет благодарен ей, и это докажет, что она не играла в дружбу.

Об этом говорили стихами уста ведущего.

ГЛАВА 67

Окончание дневника Игоря Алешина

19 сентября 1943 года

День был богат впечатлениями, и закончился тем, что мне захотелось, если бы я мог, высечь описание моей вечерней беседы с Соней на высочайшей горе, куда я карабкался за истиной, так как совершенно неожиданно, взобравшись в бесчисленный раз на вершину, я увидел не Луну, а сияние теплого, ласкового Солнца. Свет был несильным, и я не разобрал, что это было: утро, день или вечер. Я не хотел это разбирать, потому что я устал и задремал. Моя душа почувствовала необъяснимое блаженство и нашла нежный покой. Мне не хочется думать, что меня коснулись лишь последние лучи Солнца, склонившегося к горизонту. Меня пугала мысль, что я, быть может, слишком поздно увидел Солнце, но был рад, что оно, оказывается, постоянно мне светило, и только мой разум, настроенный критически, не разрешал мне это почувствовать. Разуму были нужны доказательства...

Но начну по порядку.

Утром разговаривал с приехавшей из района врачом Суворовой – она ночевала у нас. Приезжал и Миша. ...

Из разговоров о положении на фронтах дела обстояли для нас получше. Немцы отступили за Днепр. Русские стояли

на подступах к Крыму. В Керчи и Феодосии произошла поголовная эвакуация населения. А что если она начнется и здесь?

Куда мы? Я не выдержу ни одного километра продвижения в неизвестность. Я могу лишь остаться здесь, но это – смерть родителям, ибо их расстреляют немцы за отказ от эвакуации. Я всегда был связан с ними, но теперь я у них вроде петли на шее. Мне итак тяжело на них смотреть, потому что являюсь причиной их мучений.

Сейчас я твердо сказал себе: «Ты довольно пользовался вниманием родителей, теперь ты должен их отблагодарить. В тяжелую минуту ты сам сорвешься с вершины, на которую продолжаешь карабкаться, пожалуй, из принципа. Ты должен!»

Решив это, мне стало легче от собственной самоотверженности.

Вечером пришла из кино Гутя, сказав, что собирается поделиться со мной одной мыслью, но ей неловко. Но через минуту спросила меня:

– Знаешь, почему я хочу тебе сказать об этом?

– Нет, – ответил я в каком-то предчувствии.

В ответ Соня продекламировала последнее четверостишие из моего стихотворения «Созвездие Дружбы»:

*Но я не зол и коль к себе заметишь
Прохладу равнодушия людей,
Ты лучше мне поведай всё, и встретишь
Сочувствие себе в душе моей!..*

Мне было приятно, что хоть в этом я ей нужен...

– Я боюсь, – сказала она и после колебаний добавила, – что я влюблюсь.

Мне пришлось отгадывать, в кого.

Оказалось, что это – Коля! Я полюбопытствовал:

– А что из этого выйдет?

– Да, в общем, ничего, – ответила Гутя. – Он нравится мне внешностью, но я вовсе не хочу каких-либо встреч. Просто хочу страдать!

Мне это всегда казалось странным, и я старался ей объяснить, почему она не всем способна оказывать сострадание и утешение, и в качестве примеров привел случаи с Мишей, Толей и со мной.

– Ты страдаешь лишь тем, кого любишь сильно или к кому питаешь крепкую дружбу, – говорил я Соне. – Мишу тебе было просто жаль – поэтому ты его мучила, Толя тебе понравился – и ты пишешь ему ласковые, утешительные письма. Он и есть твой лучший друг, хотя ты говоришь, что лучший твой друг – это я. Вспомни, просил тебя написать твое мнение обо мне. Что ты мне ответила? Вместо утешения, я получил от тебя отпор: «Почему ты искал утешения у меня, а не написал мнения о себе у Миши или Лёки?».

Я, впрочем, пытался у них спросить. Но Миша был не в состоянии мне ответить, ибо плохо разбирался в характерах людей. А Лёка оказался настолько себялюбивым, что отказался обсуждать мой характер. Тогда я обратился к тебе, так как наши отношения так доверительны, что любой твой ответ был бы мне полезен. Но и от тебя ответа не получил.

Тогда я стал искать причину твоего отказа. И понял, что ты прекрасно видела мои переживания в течение многих недель ожидания ответа от тебя. Казалось бы, если ты действительно дружна со мной, то должна была хоть как-то мне помочь, но ты только усугубляла мою печаль, уходя от ответа. Я сумел побороть отчаяние, отказавшись от радостной мысли, что я – твой лучший друг. Только это объясняло, почему я тебе безразличен.

– Неправда! – тронула Гутя мою руку. – Я говорю всегда правду – ты мой лучший друг!

– Чем же ты объяснишь, что держишь меня в неведении?

– Я уже говорила тебе, Игрек, что я никогда не смогу написать так умно, как ты. – И Соня отошла от меня.

Мы долго молчали. Потом я спросил у нее:

– Скажи, как ты будешь вспоминать меня, если мы с тобой расстанемся?

После долгой паузы Соня неожиданно у меня спросила:

– Что бы ты делал, если бы я была в тебя влюблена?..

«Вот оно, – подумал я, – когда-то мне приходил в голову такой вопрос, и я собирался, в качестве предположения, продумать ответ, но так и не собрался... Зачем же ей это знать?»

– Я был бы очень счастлив, если бы это было так, – начал я. – Мне тогда казалось, что в моей жизни нет ничего мрачного. Это было бы чем-то таким большим, что заполнило бы всю мою душу, заставило бы разум стремиться к чему-то радостному, и он стал бы создавать что-то большое и хорошее, ибо я был бы горд твоей любовью. Вместе с тем, я мучился бы сознанием, что я не могу принести тебе удовольствия. Может быть, это и не так, но я всегда останавливал бы себя убеждением, что не достоин такого счастья.

– Я не подумала, что это могло возбудить в тебе так много эмоций, – проговорила она тихо. – А скажи, ты никогда не чувствовал, не казалось тебе, что я тебя люблю?

– Нет, Гутя, по той простой причине, что не разрешал себе представить этого никогда. А разве были основания, чтобы я мог чувствовать это, или, ты думаешь, что я способен это вообразить?

Соня задумалась. Я с нетерпением ждал от нее ответа, и не боялся обмана, так как мы разоткровенничались, как никогда, и, притом, говорили очень спокойно, а это не располагало к скрытности.

– На счет оснований скажу так, – заговорила Гутя, с трудом, – когда я познакомилась с тобой в Кабурчаке, я очень страдала. Меня тянуло к тебе, и я приходила к вам домой, хотя

чувствовала себя неловко перед подругами... Если бы ты знал, Игрик, как я тебя тогда любила!..

И для меня на миг разверзлись небеса!

О, нежное признание! Мечта всей моей жизни!..

В груди у меня что-то задрожало нежно, радостно, и глаза загорелись от волнения, захотелось заплакать.

Правда, от этого счастья я сначала не заметил, что признание сделано в форме прошедшего времени. И все-таки оно было, и всё во мне перевернуло.

Теперь я уверился, что лучшего друга у меня не было, нет и не будет! Я это чувствовал...

– Неужели, Гутя, – спросил я, немного успокоившись, – ты и сейчас играешь со мной?

– Нет, я говорю правду, – улыбнулась она. – Я очень мучилась в первое время нашего знакомства. Мне было тяжело, потому что я не могла поделиться своими переживаниями ни с одной подругой – меня бы засмеяли. А я очень часто плакала из-за тебя, жалела тебя и грустила, потому что переживала вместе с тобой твоё несчастье!

Так она и плакала из-за меня?! Если бы я в этот момент вспомнил свои аллегории, я бы закричал мысленно: «А, подлая Луна, ты хотела вечно торжествовать надо мной? Смотри, я нашел все-таки дорогу к Солнцу! Пусть оно освещает меня не всего, но его лучи любви меня согрели!..»

– В это время ко мне приходил Миша, а я гнала его, – продолжала Соня. – Я не хотела его видеть, мне было тяжело.

– И это тоже из-за меня? – спросил я.

– Да...

«Милая!.. – радостно билось сердце. – Но... это было раньше! А сейчас?.. Разве спросить?.. Нет, не буду...».

– Долго ты сохраняла в себе это чувство? – решил осторожнее задать я свой вопрос.

– Да, – склонилась надо мной моя любимая. – Помнишь, я приезжала к вам в Симферополь уже во время войны? Я и тогда мучилась!

– А что ты чувствовала, когда переехала к нам?

– Так же. Вскоре я задала тебе вопрос: кого ты любишь? А ты мне сказал, что ты не можешь любить, ибо это причиняет тебе беспокойство.

«Как?! Неужели у меня трагедия, в которой я сам виноват?» – укорял я сам себя.

О, как жутко, как холодно мне стало от этого! Ведь я запретил себе любить лишь потому, что любить без взаимности тяжело, так как вызвало бы насмешки, как со стороны моих близких, так и самой Гути. Никогда я не допускал мысли о возможной взаимности, и вдруг Гутя поколебала эту уверенность!..

А она, кажется, догадалась о смятении нахлынувших чувств, и сказала:

– Извини, может быть, не следовало бы всего этого говорить, тебе сейчас тяжело?!

– О, нет! Я очень рад. Я бесконечно благодарю тебя. Мысли у меня сейчас все яркие, и приносят мне глубокое удовлетворение!

У меня на языке вертелся вопрос: «А сейчас ты стала ко мне холодна, потому что я сказал тебе, что не в состоянии любить? Или ты осталась прежней, и я могу думать, что ты для меня не только любимая сестра, но и любящая?» Однако я задал Соне вопрос по-другому:

– Подумай, Гутя, что бы ты делала, если бы я был здоров?

– Я уже много думала об этом, и потому мне легко сказать, что, если бы ты был здоров, то я знала бы только тебя, потому что ты лучше всех других во всех отношениях!..

Как много я пережил в эту незабываемую ночь! Мне было одновременно и радостно, и весело, и грустно, и жаль

себя до слез. Я чувствовал себя счастливым и несчастным в одинаковой мере. Я нашел в себе силы не обольщаться надеждами на настоящее (а будущего у меня нет!)... Сейчас я с торжеством выбрасываю весь мусор из своей души, и на этом чистом месте ставлю вечный памятник девушке, чья жизнь предназначена была показать мне счастье, на которое я достоин посмотреть хотя бы издали, а если бы не болезнь, то и иметь его навсегда!

Так заговорило мое зеркало – единственное, в которое мне не страшно смотреться, и в котором я выгляжу, как Человек!

...Мне еще больше хочется жить! И это тогда, когда смерть стоит за моими плечами, и я поклялся отдаться ей в нужный момент.

Да, все это был смех со слезами.

Как это звучит невыразимо печально: жил человек без толку, ненужно страдал, и умер, и даже завещать ему нечего! Кто виноват? Кто виноват?

*Этими словами закончился
печальный дневник Игоря Алешина.*

ГЛАВА 68

Во второй половине октября 1943 года была блокирована 17-я немецкая армия генерал-полковника Рихарда Руоффа. Части 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина вышли к Перекопу, Сивашу и Геническу. Почти одновременно – 1 ноября 1943 года – под Керчью, в районе Эльтигена, был высажен десант 18 армии Северо-Кавказского фронта, которой командовал генерал-полковник К.Н. Леселидзе, начальником политотдела в ней был

Л.И. Брежнев. 3 ноября 1943 года на участке Еникале-Маяк начала высадку 56 армия.

В течение зимы 1943-1944 года шли упорные бои советских войск за расширение захваченных плацдармов.

В это время усилилась активность крымских партизан. Однако действия их сдерживались румынскими гарнизонами, расположенными в селах, прилегающих к лесам.

Вместе с тем, запертая в Крыму армия Руоффа представляла собой еще значительную силу. Она состояла из пяти немецких и семи румынских дивизий, насчитывала около 200 тысяч человек и располагала значительной техникой.

Чтобы уменьшить потери советских войск, было решено найти секретный способ заставить румынские войска прекратить сопротивление и не выступать против партизан Крыма и против советских войск, наступающих с севера и востока.

В Карсабузаре располагался штаб командующего румынскими войсками в Крыму генерала Захареску. Сам генерал жил в Карасубазаре на частной квартире, в особняке, расположенном между деревьев в глубине двора. Жил довольно обособленно, и румынских, и немецких чинов у себя дома не принимал. Единственно кто его обслуживал из румын – это денщик, невысокий, худой, чернявый парень.

В дом, где жил генерал Захареску, было проведено несколько телефонов, соединявших его непосредственно с командатурами немецкой и русской полиций, со штабом румынских войск и со штабом генерала Руоффа. В доме, кроме него и денщика, проживала хозяйка – необыкновенно красивая женщина около тридцати восьми лет с двумя дочерьми: одной из которых было четырнадцать лет, другой – около восьми. Поговаривали в городе, что хозяйка – неофициальная жена генерала, хотя внешне вела себя скромно и не посещала вечеров и балов, организуемых румынами.

Генерал Захареску в оккупированном городе и районе вел себя спокойно и с большим достоинством. Он инспектировал румынские войска, старался поддерживать в румынских частях дисциплину, что, впрочем, плохо удавалось, так как, по мере приближения фронта к Крыму, румыны все меньше испытывали желание воевать с русскими за чуждые им интересы. Сам генерал Захареску после разгрома немцев под Сталинградом считал войну проигранной. В особенности он переживал, когда узнал о пленении с румынскими дивизиями их командующего – своего друга, тоже генерала.

Часто генерал Захареску, лежа в постели, думал о будущих судьбах Европы, своей родины – Румынии. Он не придерживался каких-либо политических течений у себя на родине, многое ему казалось странным.

Он знал об антифашистском движении Сопротивления в Румынии, о румынских партизанах. Например, о партизанской группе «Карпаты», база которой находилась в горах Пятра-Маре вблизи реки Тимош-де-Сус. Эта группа препятствовала немцам везти в Германию по железной дороге продовольствие и материалы, награбленные в Румынии, и затрудняла снабжение гитлеровской армии нефтью, уничтожив 16-18 эшелонов с бензином.

Но Захареску никогда не высказывал своих политических взглядов, нес аккуратно службу и слыл среди военных думающим генералом...

* * *

К Александру Ивановичу Алешину в одну из темных, морозных ночей декабря 1943 года явился связной. Он прошел через калитку в полуразрушенную половину дома и притаился там. Вскоре к нему вышел Алешин, закрыл калитку, ведущую в Крымский переулок, на засов, прошел в заднюю часть

двора, посмотрел по сторонам и, убедившись, что ничего нет опасного, вошел в разрушенную половину дома. Связной стоял за раскрытой дверью и осторожно, в зажатом кулаке потягивал свою сигарку. От каждой затяжки пальцы, освещаясь, становились ярко-розовыми, а затем постепенно темнели.

Алешин подошел к клетке с кроликами и, отодвинув ее в сторону, открыл люк погреба и знаком показал связному, чтобы он спускался вниз. Тот полез осторожно, чтобы не оступиться, а за ним проследовал Алешин, опустил крышку, чиркнул спичку и зажег восковую церковную свечку. Он закрепил ее на край ящика, сам сел с другого края и, пододвинув к связному еще один ящик, пригласил садиться.

Связной достал из нагрудного кармана пальто сверток и вынул из него перевязанный веревочкой пакет. Сдернув веревочку, и развернув немецкую газету, связной показал два письма. Одно на румынском языке адресовано генералу Захареску. Почерк был размашистый, и внизу стояла неразборчивая фамилия отправителя. Письмо было запечатано. Второе – от Советского правительства, с пятью печатями, написано на русском и румынском языках, адресовано так же генералу Захареску.

– Вот эти конверты надо передать командующему румынскими войсками в Крыму генералу Захареску, – сказал связной. – Только передать скрытно от немцев. Это, – связной указал на меньший конверт, – письмо от его друга, взятого в плен в битве под Сталинградом. Он пишет, что война проиграна, и советует ему, как старому другу, послушать его и не оказывать сопротивления наступающим советским войскам. А вот это письмо – от советского правительства к генералу Захареску с предложением прекратить карательные акции по отношению к партизанам Крыма и не оказывать сопротивления при наступлении советских войск. В случае освобождения Крыма советскими войсками и сдачи румынской армии в плен, румынским генералам и офицерам будут сохранены жизни,

предоставят многие льготы и будут оказываться соответствующие почести. Ясно?

– Вполне ясно, – ответил Алешин.

– Еще раз подчеркиваю, что передачу писем надо организовать срочно и скрытно. Нужно сделать так, чтобы никого из немцев, в окружении Захареску в этот момент рядом не было. Даже его денщика!

– Хорошо! Все будет выполнено, – сказал Алешин и, чуть помедлив, добавил, – кстати, моя жена и, в особенности сын, беспокоятся, как бы всю нашу семью немцы не заставили эвакуироваться на запад. Ведь из Керчи и Феодосии немцы почти все гражданское население эвакуировали.

– Для нашего дела надо, чтобы и вы эвакуировались вместе с немцами, – сказал связной. – Нужно иметь своего человека среди них. К вам-то они хорошо относятся.

– Не могу, – решительно сказал Алешин. – Во-первых, у меня грудная жаба, я все время задыхаюсь и, видимо, недолго протяну; а во-вторых, у меня сын-калека. Он не может ходить, и вообще передвигаться. Так что прошу помочь мне избежать эвакуации, и где-то скрыться с семьей.

– Подумаем, – сказал связной. – Хорошо сделать так, чтобы немцы тебя не включали в списки на эвакуацию. Постарайся это сделать...

Александр Иванович встал с ящика:

– Ну, пойдём...

Приподняв крышку люка, они оба вылезли из погреба. Клетку с кроликами водворили на место. Александр Иванович первым вышел во двор, огляделся по сторонам – все тихо, прошел к калитке, ведущей в сад, а затем махнул на прощанье рукой растворившемуся в темноте связному....

* * *

На следующий день, это была суббота, шел препротивный морозящий дождь, Соня не пошла в Кабурчак. Вечером собрались за столом все Алешины, Соня, Миша, который пришел из Кабурчака по своим делам. Пили чай. Вдруг Александр Иванович посмотрел на Соню и Мишу и сказал:

– Мне нужно, ребята, чтобы кто-то из вас завтра передал письмо генералу Захареску. Пожалуй, нужны вы оба, но для передачи письма больше подходит Соня. О письме не должен знать ни один румын и ни один немец. Вручить его надо хозяйке Захареску. Но вот последить за квартирой Захареску придется тебе, Миша, сделать это надо незаметно. Потом подать знак Соне, а она уже подойдет к калитке в дом генерала, позвонит и вручит письмо хозяйке. Лида, – обратился он к жене, – у тебя, кажется, есть черная плотная вуаль, посмотри, где она? Также найди старую шляпку. Ты, Соня, наденешь шляпку и прикроешь лицо вуалью, но только тогда, когда подойдешь к дому, где живет генерал Захареску. Закрыться нужно, чтобы тебя никто не мог узнать. Подойдешь к воротам и позвонишь. К тебе должна выйти хозяйка. Если выйдет ее дочка, попроси, чтобы вышла ее мама. Когда выйдет хозяйка генерала, отдашь ей пакет и попросишь передать ему. После этого уходи побыстрее, шляпку сними на ходу и подвяжись платком. Ясно вам, ребята?

– Все ясно, – сказал Миша. – Вот только где найти место, чтобы спрятаться. Насколько я помню ту улицу, где живет генерал Захареску, там спрятаться негде ...

– Найдешь! – отмахнулся Александр Иванович. – Учтите, ребята, это очень важная операция – она может спасти тысячи жизней советских солдат. Выполнить ее нужно безукоризненно, – закончил просьбу Александр Иванович.

Игорь притих в своем кресле, продолжая пить чай.

На другой день, в воскресенье, после обеда, Соня и Миша отправились выполнять задание. На Соне было надето черное драповое пальто. Голову ей покрывала черная шляпка с небольшими полями и повязанной вокруг них вуалью. Миша был в своей обычной одежде: темно-серой куртке, черной смушковой ушанке и сапогах. Шел он, опираясь на костыль, недалеко от Сони, шагов на 100-150 впереди нее. Он прошел по левой, противоположной стороне улицы мимо дома, где проживал генерал Захареску, и не видел пока места, откуда можно было вести незаметное наблюдение за выходом из дома. В это время из калитки ворот вышел денщик и прошел в сторону румынского штаба, прошел мимо Миши, не обратив внимания на него. А примерно через пятнадцать минут вышел из дома и сам генерал Захареску. У калитки он задержался и разговаривал несколько минут с кем-то, невидимым за забором. После чего калитка захлопнулась, и Мише было слышно, как задвигали засов. Генерал медленно проследовал в ту же сторону, куда прошел его денщик. Шел, задумавшись, прямо глядя перед собой...

Соня подождала несколько минут, пока генерал не скрылся за углом улицы. Было уже больше четырех часов дня. Из-за пасмурной погоды небо быстро темнело, наступали зимние вечерние сумерки. На улице никого не было. Вдали, возле поворота улицы стоял Миша, опершись на костыль, что-то показывал румынскому часовому, и наблюдал за Соней, стараясь отвлечь его внимание. Соня быстро пошла по правой стороне улицы, поравнялась с домом генерала, и дернула за ручку звонка. Звонки задребезжал. Кто-то во дворе открыл двери дома и пошел по дорожке к воротам.

– Кто там? – спросил приятный женский голос.

– Генерал Захареску дома? – спросила Соня.

– Нет. Он только недавно ушел в комендатуру. А кто его спрашивает?

– Мне нужно передать ему письмо от его друга, – ответила Соня.

– Может быть, вам лучше пройти в комендатуру и там передать письмо ему? – спросил тот же женский голос.

– Не могу! Там военные формальности, а меня ожидают мои спутники, и я прошу вас передать ему это частное письмо.

Когда за калиткой застучали запором, Соня быстро опустила вуаль на лицо, и только калитка слегка приоткрылась, быстро протянула в образовавшуюся щель пакет.

– Прошу вас это передать ему, и не задерживать ответ.

Хозяйка взяла пакет, пристально посмотрела на Соню, но в сумерках ничего не смогла рассмотреть. А Соня быстро отступила назад и поспешно отошла от дома, туда, где вдали маячила Мишина фигура...

Позади ее захлопнулась калитка, стукнул засов. Письма для генерала были в руках хозяйки дома.

Через несколько дней румынские гарнизоны, расположенные в подлесных и прилесных селах, стали оттягиваться и переходить на новые квартиры в селах степной части Крыма. В лесу и в горах остались только немецкие гарнизоны, но они не решались прочесывать партизанские леса.

ГЛАВА 69

В Карасубазаре были сосредоточены румынский артиллерийский полк, зенитная часть и значительные по численности стрелковые подразделения. В Мариано располагался штаб румынской дивизии, который руководил борьбой с партизанами. Однако эту борьбу румыны вели вяло. Понеся в начале войны довольно значительные потери, румыны предпочитали отсиживаться в городе и окрестных селах по теплым квартирам, ведя сытую и праздную жизнь, устраивая «балы» и танцы.

В городе Карасубазаре и окрестных селах румынские войска пребывали постоянно, с начала оккупации, и не заменялись другими частями. А немцы долго здесь не засиживались: они менялись в зависимости от того, какая немецкая армия занимала Крым. Большею частью в Крыму оставались только немецкие картельные и хозяйственные части – фельдкомендатуры СД, гестапо, ВИКО. Румынские части от постоянного безделья до того разложились, что, потеряли свою боеспособность, при первом столкновении с советской армией предпочитали сдаваться в плен, а не погибать за немецкие интересы.

В 1943 году, из-за разгрома немцев под Сталинградом и на Кавказе, участились переходы румынских солдат к партизанам. Из них многие солдаты старались приобрести у местных жителей штатскую одежду. Большинство из перешедших румын к партизанам честно вели борьбу с немцами, бок о бок с партизанами. Однако находились и диверсанты, и те, кто хотел заработать себе политический багаж предательством.

Так, в феврале 1944 года в лес ушли пять румынских солдат. Все они утверждали, что им надоело быть немецкими прислужниками, что они ненавидят своих румынских офицеров и хотят сражаться на стороне партизан. Первое время этих солдат партизаны не допускали к боевым действиям.

Но случилось, что 1-ый отряд, в котором находился Сибирский, был атакован в районе горы Тирке, и пришлось дать оружие и пяти румынам. Все они отважно защищались, но когда отряд отступил к источнику Сулах-Оба, а затем оторвался от противника, партизаны обнаружили, что нет одного из румынских солдат. Двое из оставшихся были ранены, как и другие партизаны, но потерь, кроме пропавшего румына, не было. Решили, что он убит или тяжело ранен и попал в плен к карателям.

Прошло недели три после этой стычки с оккупантами. Отряд, в котором находился Иван Федосеевич, снова передвинулся поближе к Карасубазару, в район Молбайского леса.

Партизанам было необходимо восстановить связи с подпольщиками и получить свежие сведения о дислокации картелей и их намерениях на ближайшее время.

Иван Федосеевич с котомкой за плечами обошел Карасубазар с юга и востока, миновал деревню Карачёл, оставив ее справа. Дважды патрули проверяли у него документы, но они были в полном порядке и никаких подозрений не вызывали. Вошел Иван Федосеевич в город по Карачельской дороге, идущей в Каразбазар из Кабурчака. Все шло, как нельзя лучше. Он встретил знакомого инвалида и спросил у него – хорош ли базар? Тот ответил, что для базара всегда нужны деньги, а если деньги есть, так все достанешь.

В Карасубазаре в это время был базарный день, и Сибирский рассчитывал встретить там нужных ему людей. Когда он появился на базаре, торговля была в самом разгаре. Рынки в Каразубазаре всегда отличались шумом, криком и разнообразием различных товаров, кустарных изделий и сельскохозяйственных продуктов из окрестных сел. При немцах количество товаров и продуктов на базаре уменьшилось, но перекупщиков и спекулянтов стало значительно больше. Цены были невероятными. Торговали и меняли все и всё.

Изголодавшиеся горожане с разной одеждой, обувью и другими домашними вещами на руках ходили между рядами телег, предлагая свой товар в обмен на продукты, или называли свою цену. В толчее сновали подозрительные личности, которые стремились скупить наиболее ценное с тем, чтобы его продать потом втридорога. Много было там и румынских солдат, для которых посещение базара было своего рода развлечением.

Федченко подошел к давнему знакомому татарину-даульщику, который стоял со своим горячим даулом. Даул – это барабан, так назывался переносной в виде жестяного барабана подогреватель чебуреков, с ремнем через плечо.

Бросив на даул пятьдесят рублей, Федченко попросил завернуть ему горячие чебуреки. Даульщик снял крышку с даула, большой вилкой подцепил сначала один чебурек, а затем и второй, завернул и подал их Ивану Федосеевичу.

– Зачем пришел сюда, аркадаш? – назвал его по-татарски другом даульщик. – Сегодня облава будет. Который день партизан ищут.

– А мне-то что! Я – не партизан. Документы у меня в порядке, – ответил Иван Федосеевич.

– Это не важно... Берут людей – и всё! Лучше приходи в другой раз, – посоветовал даульщик.

Иван Федосеевич отошел в сторонку в тень от телеги и присел на корточки, чтобы съесть чебуреки не на виду у множества голодных людей. Но, не успев доесть второй чебурек, почувствовал на себе чей-то цепкий взгляд. Медленно поднялся с корточек и прислонился к телеге. И вдруг увидел того самого румынского солдата, который пропал в стычке у горы Тирке. Тот пристально смотрел на Федченко, и было видно, что он его узнал. Наконец румынский солдат и двое его сопровождавших, видимо, агентов в штатском, направились к Ивану Федосеевичу. Румын притворно приветливо ему улыбался, но в то же время что-то говорил двум спутникам и приближался к Федченко.

Иван Федосеевич доел чебурек, вытер жирные пальцы о штаны и оглянулся назад. А там, в шагах десяти от него, стояли двое полицейских и наблюдали за ним.

Иван Федосеевич понял, что солдат его выдал, и его с минуты на минуту схватят. Он решил действовать напролом, так как отступать было некуда. Партизан ринулся вперед к румынскому солдату, но его схватил за левую руку один из агентов. Федченко мгновенно решил покончить с собой, рванулся в сторону и, выхватив из кармана пистолет, ткнул себе его в грудь, надавив на спусковой крючок. Но в это время один из

полицаяев схватил его сзади за правую руку, и выстрел пришелся в левое плечо. Пуля зацепила ключицу и прошла насквозь, ранив второго полицая в руку. В одно мгновение окровавленного Федченко обезоружили и схватили румынские солдаты, а полицай пристегнул свою левую руку наручником к правой руке партизана. Его потащили к стоявшей возле базара грузовой машине полевой жандармерии.

Сразу по базару пронеслась весть: поймали партизана!

– Так им и надо! – крикнул какой-то бугай в толпе. – Из-за них людей расстреливают каждый день.

Выстрел взбудоражил всех. Многие из любопытства бросились вперед посмотреть, кого задержали румынские солдаты и полицай. Раненый полицай, которого задела пуля, выпущенная Иваном Федосеевичем, шел позади, поддерживая прострелянную руку. Помощь ни ему, ни Ивану Федосеевичу не оказали, торопясь быстро их довезти на машине до фельдкомендатуры СД.

Сначала влез на машину полицай, пристегнутый наручником к Федченко, затем подсадили Ивана Федосеевича, и он свалился через борт в кузов и застонал от боли.

– Подожди, старый бродяга, не то еще будет с тобой, как приедем в комендатуру, – крикнул полицай, пристегнутый к партизану наручниками. Федченко промолчал.

«Выхода нет! Как неожиданно попал в лапы оккупантов? Нужно было послушать даульщика и сразу же уйти с базара, – бились отчаянно мысли в его голове. – Всегда выходило хорошо, а сегодня – такая случайность. Хоть бы кто-нибудь из подпольщиков видел этот провал. Надо передать своим о предательстве этого румына. При посещении Карасабузара, он может опознать партизан, как опознал меня».

Все пятеро, задержавшие Ивана Федосеевича, влезли в кузов. Машина тронулась и, быстро, набирая скорость, понеслась к комендатуре немецкой полиции. Когда она выехала на прямую улицу, шофер прибавил газу, и машина понеслась еще

быстрее. Вдруг партизан вскочил со скамейки и головой вниз бросился с машины на камни мостовой. Полицая, прикованного к нему наручником, тотчас выбросило из машины на мостовую, и он очутился рядом с партизаном с вывернутой в суставах и сломанной рукой.

Машину остановили. Два румынских солдата и агент в штатском бросились к распростертым на мостовой партизану и полицая.

Голова у Федченко была разбита, и один глаз вышел из глазницы, второй глаз был полуприкрыт веком, и смотрел куда-то в сторону. Половина лица была изуродована, рубашка и пиджак залиты кровью, а рука, соединенная наручником с полицаем была вывернута неестественным образом и, наверное, сломана. Грудь порывисто вздымалась, но он был без сознания.

Полицейский, прикованный наручником к Федченко, лежал на мостовой, сильно ушибленный, и тоже без сознания. Агент полез к полицейскому в карман, извлек ключ от наручников и отстегнул его от партизана. Шофер вышел из кабины и открыл борт машины. Солдаты перенесли в кузов сначала полицая, а потом и Федченко. Возле машины начала собираться толпа зевак. На мостовой остались подтеки крови...

Через несколько минут грузовик остановился у подъезда комендатуры немецкой полиции. Сняли с машины партизана – он был по-прежнему без сознания, и двух раненых полицаяев. Федченко уложили на носилки и отнесли в комнату допросов.

Когда туда вошли Матов, немецкий врач и Соня, Федченко был уже мертв.

Стоявшая позади всех Соня сразу узнала Ивана Федосевича. Она с трудом удержалась от крика: так жестоко погиб дядюшка Сибирский, как она его называла, замечательный разведчик и партизан. Слезы подступили к ее горлу, ей хотелось разрыдаться от горя.

А Матов, оглядев лежащего на носилках партизана, начал разносить типа в штатском и румынских солдат.

– Болваны, – кричал он, – вам не солдатами быть, а... а ассенизаторами! – запинаясь, орал он. – Кто это? – обратился он к румыну по-немецки. Содат, не знающий немецкого языка, понял его.

– Начальник штаба партизанского отряда, – ответил он по-румынски.

Агент в штатском перевел его ответ Матову. Тот схватился за голову и взвыл от отчаяния:

– О... о! Идиоты! Доложи полковнику, – крикнул он агенту в штатском, – что я велел дать ему десять суток ареста!!

Агент перевел румынскому «дезертиру».

– Вы свободны, господа! – не сказал, а скорее рывкнул Матов сопровождавшим его лицам.

* * *

Соня была оглушена видимым. Она сидела в кабинете помощника шефа фельдкомендатуры Франца, низко пригнувшись к столу. Перед ней все плыло. Она едва сдерживалась от того, чтобы не разрыдаться. Ей не верилось, что этот покойник, лежавший на носилках, окровавленный, с разбитой головой и перекошенным глазом, как бы смотрящим на нее, – это милый Иван Федосеевич, дядюшка Сибирский, так заботливо к ней относившийся и не раз помогавший ей добрым советом.

Придя домой, Соня не выдержала напряжения и бросилась со слезами на кровать. Игорь и Лидия Федоровна пытались ее успокоить, но Соня продолжала плакать навзрыд тоненьким голоском маленькой девочки. Лидия Федоровна напоила ее холодной водой, и Соне стало немного лучше.

– Погиб хороший человек, – тихо, захлебываясь слезами, сказала Соня. – Вы ведь его тоже знаете. Он в Кабурчаке

мостил улицы, когда вы там жили. Его задержали, как партизана, на базаре, а он по дороге выпрыгнул на ходу из машины вниз головой и разбился. В комендатуру его доставили уже мертвы... и... ым! – опять расплакалась она.

– Неужели это Иван Федосеевич Федченко? – спросил потрясенный Игорь.

– Да, – ответила Соня. – Но его еще не опознали – по документам у него фамилия другая.

– Жаль человека, – вздохнула Лидия Федоровна, глядя плачущую Соню по голове. – Я теперь тоже его припоминаю. Симпатичный и общительный был человек, и видно было, что очень добрый. Всегда возле него была ребятня. Сколько хороших людей унесла война!

ГЛАВА 70

После смерти Сибирского Соня долго переживала его нелепую гибель. С Алешиными она не хотела делиться своими переживаниями о нем – это было ее собственное, неприкосновенное горе. Дядюшка Сибирский являлся, в ее представлении, самоотверженным борцом за правое дело, и человеческим разведчиком, прекрасным наставником молодых партизан. При одном воспоминании о Сибирском глаза Сони наполнялись слезами, и ей хотелось немедленно отомстить оккупантам, всем предателям и изменникам, каких она знала.

Матов несколько изменил отношение к Соне. Он был официален и прекратил свои придирки к ней, но не отказался от поползновений на нее. Часто Соня чувствовала на себе его долгий, пристальный взгляд, но он не показывал своих чувств теперь к ней ни наедине, ни перед подчиненными.

Внешне Соня не изменилась – она ходила по комендатуре своей легкой, казалось, невесомой походкой, одаривала

служащих полиции милой улыбкой, шутила и смеялась, и ее звонкий голосок разносился по помещениям полиции. Но даже в глубине глаз не было видно ни искры ненависти к оккупантам...

В последние дни оккупанты чувствовали себя в Крыму весьма беспокойно. Участились нападения партизан на гарнизоны немцев в селах, земля горела под ногами оккупантов. В Зуе был разгромлен крупный немецкий гарнизон. Потери немцев на этот раз были весьма велики, партизаны взяли большие трофеи. Для полевой полиции немцев в Карасабузаре наступили дни, полные тревог и волнений. Они уж не могли противостоять партизанам и подпольщикам, а их подручные румыны ушли из леса. Все операции немцев против партизан были доказательством того, что они вымещали свое бессилие на мирных жителях, хватая их без разбора, расстреливая не повинных людей, поджигая и уничтожая любые населенные пункты...

В один из свободных вечеров Соня зашла к своей троюродной сестре Тане. Ее мужа Васи не было дома. Таня хотела угостить Соню чем-нибудь вкусным, суетилась у плиты, а Соня рассказывала ей о своей работе в немецкой полиции.

– Знаешь, милая Таня, – это я тебе говорю только одной, – сколько мне хлебнуть пришлось горя, работая переводчицей фельдкомендатуры СД. С декабря 1941 года я работаю у немцев. Сколько нервов! Слава богу, скоро наступит час освобождения Крыма, и лишь тогда я смогу объяснить причину этой службы. Может быть, меня поймут...

– Сонька, что ты говоришь? Сколько раз ребята из нашего села хотели тебя уничтожить, я это знала и боялась за тебя, а ты замкнулась...

– Да, Танечка, я чувствовала и боялась. Боялась, как бы меня ни убили. А я ведь счастливая – ходила босой по горячим угольям – и не обожгла ноги.

– Какая же ты, Соня, молодец! Сколько выдержки нужно иметь, чтобы работать у немцев!

– Ну, ну, не сглазь меня, Танюша. Скоро, скоро придет освобождение. О, хоть бы скорее. Наверно, никто его так не ждет, как я. Я сплю, и мне снятся допросы, дикие стоны, и кровь, кровь невинных...

Утром 8 апреля 1944 года стало известно в Карасубазаре, что войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление. На Перекопе и Ишуньских позициях у немцев сразу создавалось напряженное положение. А уже на второй день наступления 2-я гвардейская армия прорвала Перекопское укрепление и овладела городом Армянском.

В Карасубазаре немцы срочно приступили к эвакуации своих учреждений и разных комендатур. В полевой полиции СД, руководимой Матовым, упаковывали дела. Соня с утра до поздней ночи находилась в комендатуре. Выворачивали содержимое шкафов и сейфов. Много бумаг жгли.

Матов ходил по помещениям фельдкомендатуры СД, покрикивал и поторапливал служащих. К нему по каким-то делам прибегали начальник татарских добровольцев Юнусов и начальник русской полиции Смольский. Они заперлись в кабинете Матова и долго о чем-то совещались. Переводил им Отто. Примерно через час эти Юнусов и Смольский вышли от Матова, обеспокоенно переговариваясь друг с другом по-татарски...

Первыми должны были эвакуироваться из города комендатуры ВИКО и гражданские немцы, в том числе небезызвестный директор электростанции Штрик-Штрёк, городской голова Метакса и некоторые другие. Все должны были эвакуироваться в Севастополь, а оттуда морем в порт Констанцу, в Румынию, уже к 10 апреля эвакуация немцев превратилась в повальное бегство.

Уезжая, Штрик-Штрёк зашел на электростанцию и сказал Алехину:

– Напрасно, коллега, вы решили остаться здесь. Русские не простят вам службу у нас. А таких людей, как вы, у нас ценят...

Александр Иванович сделал затяжку сигаркой, свернутой из газеты, и сильно закашлялся. Лицо его побагровело, потом посинело, и он схватился за грудь. В последнее время приступы грудной жабы стали сильно одолевать его. Штрик-Штрёк терпеливо ждал, когда пройдет приступ. Наконец, Алешин отдышался и ответил:

– Вот видите, шеф, как я болен. А потом, вы сами знаете, как тяжело мне подняться с сыном-калейкой. Нет, я останусь здесь!

– Не советую вам это делать. Подумайте хорошенько. На моей машине еще есть место.

– Нет! – твердо сказал Алешин. – Я остаюсь здесь.

– Тогда прощайте, – Штрик-Штрёк протянул руку....

Александр Иванович посмотрел на жалкое, сморщенное, сразу постаревшее лицо немца. И сам он, этот надменный завоеватель, стал на вид меньше, обыденнее и даже человечнее... Протянутая рука его повисла в воздухе... Штрик-Штрёк повернулся и, сгорбившись, пошел к выходу... Возле выхода из помещения электростанции он остановился, подумал о чем-то, и, повернув к большой куче обтирки в углу, стал разрывать ее. Нащупал что-то и вытащил ящичек с тикающим внутри него часовым механизмом. Резко оборвал идущие от ящика провода и вышел из помещения электростанции, унося с собой ящичек....

Александр Иванович и двое рабочих, стоявших рядом с ним, бросились к куче тряпья и обнаружили оборванные провода, ведущие под главный двигатель. А там они обнаружили аккуратно уложенные в небольшой штабель кирпичики взрывчатки...

* * *

А в комендатуре немецкой полевой полиции царил необыкновенный беспорядок: на полу валялись обрывки каких-то бумаг, дверцы шкафов были открыты, и там виднелись непакетованные папки, которые не успели связать. Ящики столов стояли тоже открытыми, повсюду была грязь, а возле печи лежала груда пепла, перемешанная с несгоревшими обрывками бумаг...

Служащие полиции спешили, выбиваясь из сил, бегали из помещений полиции к грузовикам, стоявшим у подъезда, вынося последние связки документов. Матов оставил наблюдать за погрузкой последней машины Франца и Отто, а сам направился к своей легковой машине Оппель-адмирал, в которой должен был ехать в Симферополь. И тут он увидел Соню, выносящую из комендатуры две связки бумаг.

– Фрейлейн Сонья! Где ваши вещи?

– Я не могла собраться, так как была занята все время, шеф, – ответила она испуганно.

– Идите домой, я вас подожду – поедете со мной, – сказал Матов. – Но собирайтесь быстрее! Жду полчаса...

– Благодарю вас, шеф! – ответила Соня и быстро пошла домой.

Дома она сказала вопросительно смотревшим на нее Игорю и Лидии Федоровне:

– Где бы мне спрятаться? Матов хочет, чтобы я ехала с ним, а мне это делать нельзя.

– Может быть, спрятать Соню у нас в подвале? – с готовностью согласилась Лидия Федоровна.

– Нет, мама, этого делать нельзя, – ответил Игорь, – немцы подождут и придут ее искать. И, если найдут ее здесь, то расстреляют на прощание и ее, и нас! Гутя, беги к доктору Ломакину, у него под домом подвал. Спрячься там и пересиди,

пока немцы не уедут. А если они придут за тобой сюда, мы скажем, что ты не приходила со службы.

Соня выскочила в переулок и бегом бросилась к дому Ломакина.

В голове билась мысль: Алешины боятся с ней связываться, они же не знают, что она – разведчица. «Не до поросят, когда самих палят», – вспомнилась пословица бабы Калины. – А что же руководители подполья ее бросили? Сибирский погиб. А о ней никто не подумал позаботиться. Служить – служи, а спасать некому.

Ей открыла супруга Ломакина – Лидия Ивановна.

Наскоро объяснив, в чем дело, Соня попросила укрыть ее в подвале. В это время уже доносились отдаленные выстрелы орудий. Советские войска были близко...

Лидия Ивановна, не раздумывая, повела Соню за угол дома, открыла подвал и спустилась в него по лестнице.

– Иди, Сонечка! Здесь будет тебе неплохо, – позвала она снизу.

Соня увидела на полу пустые ящики, по углам бочки из-под солений. Тусклый свет пробивался в узенькое оконце под потолком, но этот подвал показался Соне прекрасным убежищем.

– Сиди здесь! Когда все угомонится, мы тебя выпустим, – сказала Лидия Ивановна, закрыв дверцы подвала, и завалила их снаружи всем, что было под рукой.

В немецкой полиции погрузка документов и имущества была закончена. Прошел уже час с тех пор, как Соня побежала домой, и до сих пор не вернулась. Матов нервничал. Он ходил из угла в угол в своем бывшем кабинете. Отто сидел тут же на стуле и ждал с нетерпением приказа поскорее ехать, пока сюда не пришли советские солдаты.

– Отто, пойдите, скажите, пусть едут, мы их догоним, – сказал Матов, имея ввиду машины полиции.

Отто выскочил на улицу и передал распоряжение Францу. Машины заурчали и отъехали. А Сони все не было.

– Отто, сходите к Сонье домой, черт ее побери! Поторопите, ведь мы ее ждем. Какой неаккуратный человек! Ну и достанется ей опять от меня! – И Матов выругался по-русски. Отто бросился выполнять приказание Матова.

Он подбежал к дому Алешиных и постучал в калитку, но калитка от стука открылась – оказалась незапертой. Отто вошел во двор. Канонада стала явственней, и оконные стекла на веранде дребезжали при каждом залпе. Испуганная Лидия Федоровна стояла посредине комнаты, заложив руки под передник, и вопросительно глянула на вошедшего Отто.

Игорь сидел в своем кресле и тоже повернулся к нему.

– Где Соня? – скорее прокричал, чем проговорил Отто.
– Ее требует Матов.

– Как где? Она утром ушла в полицию и еще не возвращалась, – ответила Лидия Федоровна.

– Что с ней? Что с ней? – закричал Игорь. – Все вещи ее здесь. Она домой не приходила и не укладывалась.

– Соня ушла больше часа домой, чтобы улечься и ехать с нами, – тараторил Отто. – Шеф ее отпустил, а теперь ждет.

– Мама, пройди до полиции и посмотри, что с ней стало! – опять закричал Игорь. – Погубили девушку!

Лидия Федоровна накинула на плечи платок и вышла на улицу вслед за Отто, который явно спешил и боялся, что Матов может уехать, и его оставить врагам.

Выйдя на улицу, Лидия Федоровна поспешила вслед за Отто, но он скорее бросился бежать и исчез за углом. Дальше Лидия Федоровна пошла одна. В бывшей фельдкомендатуре двери и окна были настежь открыты. Возле комендатуры не было никого. На улицах города тоже не было ни души. А канонада становилась все громче. И трудно было понять, в какой

стороне стреляли: со стороны Феодосийского шоссе или старой Екатерининской дороги – залпы сливались в сплошной гул...

Лидия Федоровна поспешила домой. На пустынных гремящих улицах было жутко...

Проходя мимо дома Ломакиных, Алешина громко крикнула у калитки:

– Выходите, не бойтесь, немцы из города бежали!

ГЛАВА 71

13 апреля 1944 года утром, поблизости от Карасубазара, частями Отдельной Приморской армии была окружена отступавшая с востока группировка немецких войск, численностью более 5000 человек. Наступавшие советские части атаковали и ликвидировали окруженную немецкую группировку. Особенно отличились в ликвидации фашистской группировки части 19-го танкового корпуса: 202-я танковая бригада и 867-й самоходный артиллерийский полк. Остатки разбитой фашистской группировки вылавливались потом партизанами и населением.

Утром 14 апреля 1944 года части Отдельной Приморской армии соединились на западной окраине Карасубазара с наступавшими соединениями 4-го Украинского фронта.

Освобождение Карасубазара от оккупантов завершилось. Радостные жители обнимали спустившихся с гор партизан, помогали ловить запрятавшихся в укромных уголках и щелях потерявших наглый вид немцев и румын. Никто из «завоевателей» больше не мог сопротивляться. Так, пятнадцатилетний хромой Димка – сын учительницы, вооруженный автоматом, вел арестованного немца, который был выше его на две головы. Огромный немец понуро шагал, опустив голову, и

видно было, что он боится, как бы Димка его не пристрелил по дороге. А лицо Димки выражало сознание исполняемого долга и радость победы. Этот Димка во время захвата Карасубазара немцами в 1941 году попал под бомбежку, был ранен, да так и остался хромым...

12 апреля из Зуйских лесов вышли партизаны и создали прочный заслон отступающему врагу на шоссе Симферополь–Феодосия. Немцы, удиравшие из Карасубазара, оказались между двух огней: с одной стороны – партизан и с другой стороны – наступающего бокового отряда 19-го танкового корпуса. В результате колонна немцев была разгромлена, и значительная ее часть попала в плен. Только небольшой кучке фашистов удалось вырваться в Симферополь.

Среди немцев, взятых в плен под Зуей, оказался и Матов. Свою машину он бросил при первых выстрелах наступающих партизан. Отто и шофер сбежали от него и куда-то исчезли, а он быстро переоделся в грязную солдатскую армейскую форму. Эсесовский мундир и шинель с погонями штурмбанфюрера он скатал в сверток и выбросил в наполненный водой кювет у дороги. Матов надеялся прорваться вместе с какой-нибудь немецкой армейской частью в Симферополь. Ему удалось присоединиться к перебежавшему справа от шоссе Феодосия – Симферополь поредевшему пехотному батальону, но через сотню шагов залег в канаву – догонял советский танк, расстреливавший из пулемета убежавших немецких солдат. Боясь быть раздавленным танком, Матов уткнулся лицом в канаву, и слышал, как танк удалялся от нег. Он встал, страхнул с себя налипшую грязь, снял с плеча автомат, подержал его в руках и швырнул подальше от себя. Вокруг валялись трупы немецких солдат. Матов огляделся и побрел на запад, придерживаясь северной окраины поселка. Он рассчитывал, что при встрече с другими советскими танками, ему можно будет укрыться возле сложенных из дикого камня стен крестьянских домов.

Так, Матов обогнул поселок, и уже подумал, что сможет добраться отсюда до Симферополя, как рядом с ним просвистели пули, раздалась очередь из автомата, и он снова бросился на землю и замер. Но вскоре его кто-то грубо толкнул ногой и приказал подняться. Матов встал, и увидел направленное в него дуло автомата и советского солдата, с красной лентой на шапке. Партизан!

– Вставай, ставай, шнель! – приказал он и ткнул его в спину автоматом.

Матов встал, выпрямился и пошел в ту сторону, куда ему указывали. Когда они подошли к крестьянскому двору, там уже было около трехсот немцев из разных частей. Матов понял, что он попал в плен. Вокруг него были всё неизвестные ему солдаты и офицеры, ни одной знакомой физиономии он не увидел, и решил не открывать своего настоящего имени. Никаких документов у Матова с собой не было, и он надеялся, что удастся укрыться солдатской формой...

После освобождения от немцев Карасубазар представлял собой печальную картину: разрушены более ста жилых домов, все административные и общественные здания, промышленные предприятия и обе МТС, разбиты авиабомбами дом культуры и кинотеатр, больница и почти все школы. Все это требовало восстановления, и по возможности быстрее.

В первые дни освобождения от немцев в Карсабузаре стали восстанавливать органы Советской власти, партийные и комсомольские комитеты, профсоюзные организации.

В городе скрывалось еще много бывших пособников немцев, предателей Родины разных мастей и рангов, не успевших бежать на запад – так быстро развивалось наступление Красной Армии. Требовалось расчищать не только развалины и восстанавливать разрушенное хозяйство, но и воздать по заслугам этим предателям: всяким Смольским, Эльяшевичам,

Яблонским, Юсуповым, Тишкиным, Юнусовым, Эминовым и другим.

В первые дни трудно было определить, кто действительно изменник, а кто – нет. По чьему-то доносу советские карательные органы задержали и Соню Загоркову, как переводчицу, работавшую у немцев в таком страшном учреждении, как фельдкомендатура СД.

Опасение Сони сбылось. Она попала в тот же подвал, где видела пытки и допросы советских людей немецкими карателями. А теперь ей пришлось все это испытать на собственной шкуре. Все заявления, что она выполняла задание подпольной организации под кличкой «Венера», никакими документами она не могла подтвердить.

Ее пытали, били, морили бессонными допросами, требуя выдать своих сообщников. Но она боялась выдать людей, чтобы их также огульно не называли, как и ее, фашистской ищейкой. Больше всего она боялась не выдавать Алешиных. Они не знали, что Соня была секретной разведчицей. Поэтому Александр Иванович и Лидия Федоровна боялись заступиться за свою квартирантку, которая ради куска хлеба и поддержку своей больной бабушки пошла работать в полицию переводчицей. Зато обвинителей изменницы Софьи Загорковой, которые собирались убить эту прислужницу фашистов, которая меняла немецких поклонников, как перчатки, было предостаточно.

Только три человека знали, кто такая крымская «Венера». Но командир партизанского отряда Сибирский погиб. Разведчик Сизас давно не появлялся, потому что был отозван в Эстонию, как потом узнала Соня. Оставался третий – Давыдкин Иван Христофорович – начальник Разведотдела Крыма. И Соня называла его фамилию, но ей на слово не поверили, она могла знать эту фамилию по работе в фельдкомендатуре СД.

Однако этот ад обвинений Софьи Загорковой в измене Родине, который грозил расстрелом, прервался мгновенно,

когда Разведотдел Крыма подтвердил, что Соня – это и есть легендарная «Венера», – Соню освободили и привлекли к работе в органах госбезопасности.

Многих предателей и немецких осведомителей, благодаря Соне, удалось привлечь к ответственности за измену во время оккупации.

Однажды – это было в конце апреля 1944 года – группа чекистов выехала под Симферополь для проверки лагеря военнопленных немцев. Чекисты взяли с собой и Соню.

Когда решили просмотреть солдатские книжки военнопленных, набралось более двух десятков эсэсовцев. У части пленных не оказалось вообще никаких документов. Стали вызывать их для допроса. Соня оказалась опять в роли переводчицы. Вызывали по одному, задавали стандартные вопросы: фамилия, имя, год рождения, место рождения, в каком чине и с какого времени служил в немецкой армии?..

Некоторых из допрошенных отделяли для перевода в другой лагерь, более строгого режима. Это были матерые палачи, на совести которых был не один десяток загубленных жизней советских людей...

Вдруг Соня вздрогнула. Перед ней стоял пожилой солдат с давно не бритым лицом, поросшим рыжеватой щетиной. Это был двойник Матова, но более старый и неряшливый. Одет в грязный солдатский немецкий мундир, сгорблен, бесильно повисли руки, переминался с ноги на ногу и отводил глаза в сторону. От того Матова, у которого Соня работала в Карасубазаре, этот солдат отличался своим возрастом – на вид ему было более пятидесяти лет. Но в его взгляде она поймала что-то знакомое, хотя взгляд не такой гордый и надменный, как у шефа фельдкомендатуры СД, какой она видела каждый день в немецкой полиции на протяжении двух лет. Во взгляде стоявшего перед ней солдата была мольба, страх за свою жизнь. И удивление, одновременно. Он дольше, чем допу-

стимо, задержал на ней свое внимание и даже пропустил ответ на первый вопрос подполковника – председателя комиссии. Поэтому председатель снова повторил вопрос. И тогда солдат ответил охрипшим голосом Матова:

– Мое имя Курт Вейцман. Солдатскую книжку я потерял во время боя вместе с ранцем.

И тогда у Сони отпали все сомнения. Перед ней стоял не кто иной, как Матов, шеф фельдкомендатуры СД фашистских войск в Крыму, штурмбанфюрер СС, палач, уничтоживший более 2000 советских граждан. Перед Соней стали окровавленные лица замученных Лихомановых и Климовой, комсомольца Колосова и многих, многих других... Соня резко встала и, указывая на Матова, сказала:

– Товарищ подполковник, этот солдат не Курт Вейцман, это палач города Карасубазара, штурбаннфюрер СС Пауль Матов. Об этом свидетельствую я – его переводчица!

– Соня! – отчаянно воскликнул Матов и опустил голову на грудь.

– Увести его, – приказал подполковник.

И для многих немецких палачей и изменников Родины встреча с Соней неизменно оканчивалась справедливым возмездием... Она их прекрасно знала. Сколько раз она их видела в фельдкомендатуре, выходящими от Матова, улыбающимися, довольными... Во время оккупации все они продавали и предавали за «тридцать серебряников» коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов, партизан и подпольщиков города Карасубазара и его окрестных сел. Благодаря Соне чекистам удалось узнать имена многих изменников, действовавших не только в Карасубазаре, но и в Феодосии, Судаке, Старом Крыму и других городах. Сорваны были маски с многих провокаторов, рыскавших при оккупантах по селам и искавших сочувствовавших партизанам жителей. Все они должны понести наказание вместе с преступниками против че-

ловчества – Паулем Цаппом, Паулем Матовым, Куртом Кристманом и другими руководителями карательных органов Германии.

ГЛАВА 72

В начале мая 1944 года Соню вызвали в отдел кадров городского отделения НКГБ.

– Мы вас, Софья Петровна, хотим направить на учебу. Есть одно место в спецучилище на отделении иностранных языков. Окончите, будете специалистом-переводчиком. Так что, оформляйте документы.

– Устала я, Иван Петрович, от напряжения. Не знаю, смогу ли тянуть теперь учебу? – пыталась Соня отказаться от кабальной службы. – Да и со здоровьем что-то неважно стало, – вспомнила она допросы и пытки, которые на нее свалились с приходом советской власти в Крым...

– Нет, Софья Петровна, вы – наша, – погрозил Иван Петрович с улыбкой пальцем. Да, это – далеко не Сибирский. – За лето поправитесь, а осенью поедете на учебу. Вам же еще десятилетку надо суметь окончить. А там помогут, будете жить на всем готовом. После окончания училища вам присвоят звание лейтенанта, а за ваши заслуги перед Родиной, может быть, и старшего лейтенанта... Так что готовьтесь! Лучшего кандидата, чем вы, мы не нашли.

– Спасибо, Иван Петрович, за вашу заботу, – устало ответила Соня, подумав про себя: «От вас – не уйдешь!»

И действительно, ей стало не до отдыха. Буквально, через несколько дней, по заданию районного комитета партии, Соня уехала в составе Комиссии по заселению деревень, сожженных оккупантами, в командировку по освобожденной территории Крыма. Руководил бывший партизан Силантий

Овечкин. В составе комиссии были: бывший партизан Юра Челухиди, Соня Загоркова, Света Субрисенко и Аня Светлова.

Сначала комиссия поехала в деревню Александровку, разрушенную и сожженную гитлеровцами. Поэтому на жилье все вместе устроились в ближайшей уцелевшей деревне Эфендикой. Здесь воочию открылось выплеснувшееся через берега народное горе. Молодежь почти вся отправлена на работы в Германию, мужчин в деревне не осталось – часть сельчан ранее призвана в Советскую армию, а тех, кто оставался в деревне, гитлеровцы расстреляли или повесили. Коров и овец оккупанты реквизируют. Есть нечего. Оставшиеся жители питались борщом из крапивы и щавеля, да изредка удавалось сварить мамалыгу... Раньше, до войны здесь было изобилие, а теперь царили запустение и голод... Стало ясно, как безжалостно оккупанты грабили население.

У комиссии было много работы по подготовке таких деревень к приезду переселенцев из Курской, Тамбовской и других областей. Для ускорения этих дел члены комиссии решили распределиться по близлежащим деревням. Аня осталась в Эфендикое, Светлане достался Ени-Сарай, Юра и Соня перешли в Александровку, а Силантий только некоторое время побыв в Эфендикое, его мобилизовали в армию, – и комиссия осталась без руководителя.

В этой командировке к Соне, наконец, пришла любовь. Юра Челухиди был старше ее года на четыре. Их уже связали друг с другом общие интересы и общая борьба с оккупантами. Ко всему, Юра узнал, что был обязан Соне жизнью. Она вовремя предупредила его подпольную организацию об опасности нападения карателей и посоветовала исчезнуть из Карасубазра. И только позже Юра узнал, что Соня – это та разведчица «Венера», которая им спасла жизнь.

Их было три брата – Челухиди, из них младший – Юра. Все три брата до войны подражали Чарли Чаплину, особенно старший Иван, который ходил в черном костюме, шляпе и с

тросточкой. В черных костюмах и в шляпах они танцевали под музыку из кинофильмов, в которых участвовал Чаплин, и были любимцами публики в Карасубазаре.

Работа Сони и Юры в комиссии еще больше сблизила их, и они решили объявить родственникам, что скоро станут мужем и женой.

Во второй половине июня они возвратились в Белогорск – так теперь стал называться Карасабузар. В городе их ожидала напряженная работа, потому что стали уже прибывать переселенцы. Измученные люди ждали помощи, и ребята были так заняты, что не удавалось в эти дни даже видеть друг друга...

Наконец, когда Соня несколько освободилась, она решила пойти в Кабурчак проведать бабушку и тетю Аню. Она запомнила на всю жизнь этот день 26 июня 1944 года.

Стоял жаркий день. Уже на подходе к селу Соня почувствовала, что там произошло что-то тревожное: село опустело, не было видно ни одного жителя села.

Соня заволновалась – и чуть ли ни бегом бросилась к дому бабушки, но опять никого не встретила по пути. В селе людей не было. Тогда Соня поняла, что всех болгар выселили из Крыма, как это было сделано недавно с татарами.

Весной 1944 года, после освобождения Крыма от фашистов, в условиях продолжавшейся войны, татары, проживавшие в Крыму, были выселены на территории Узбекистана и других союзных республик. Факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части татар были отнесены ко всему татарскому населению Крыма. Это нельзя было обсуждать. И хотя при немцах Соня часто видела собственными глазами предателей-татар, ей было жалко всех ссыльных.

Добежав до бабушкиного дома, Соня увидела, что двери в дом открыты, и почти все мягкие вещи и продукты увезены. На столе лежала свернутая конвертом коротенькая записка. Соня взяла ее и прочла. Это писала тетя Аня.

«Милая Сонечка!

Нас переселяют на Урал. Нам зачитали постановление и велели взять все, что можем унести. Ты оставайся здесь, в Крыму. Тебя не вышлют. Ты потом к нам приедешь, когда мы устроимся на новом месте. Я позабочусь о бабушке, и потом тебе все напишу.

Целую тебя, тетя Аня.

25 июня 1944 года».

Что теперь делать ей, разведчице, болгарской патриотке Софье Загорковой? Соню всю трясло от горя и несправедливости. Забыть родную бабушку, как она забыла своего партизана-отца? Проклясть органы безопасности, которые из-за некоторых несчастных девчат-болгарок, которые гуляли с фашистами, обвинили в предательстве всех болгарских жителей Кабурчака?

Она выбежала из бабушкиного дома и побежала через мягдань мимо школы к сельсовету. Двери в сельсовет были открыты, и в комнате на месте председателя сидел ее воздыхатель Миша, озабоченно разговаривая с капитаном из органов безопасности.

Когда вошла Соня, оба оглянулись.

– Соня, – удивился Миша, – ты как здесь очутилась?

– Где моя бабушка и тетя Аня? – сорвавшимся голосом крикнула Соня. – Ты, что, теперь начальником сделался? Не мог объяснить, что я внучка бабы Калины, что ей нужен уход! Ведь ей восемьдесят шесть лет! – Она задохнулась от возмущения и закашлялась. – Миша, Миша! Как ты мог это сделать? Ты ведь председатель сельсовета!

– Соня, я ничего не знал! – забегал глазами подавленный Миша. – Мне вот капитан принес указ о выселении болгар, армян и греков из Крыма.

– Но и цыган в Кабурчаке нет? – вдруг вспомнила соседей Соня.

– Они уехали вместе с болгарами, – вставил слово капитан. Но, наверное, даже он не понимал, что малые национальные группы крымчан, такие, например, как крымские итальянцы, в указе не перечислены, названы одной фразой «и другие», и, значит, они и при будущей реабилитации не будут помилованы, они навечно лишены всех человеческих прав.

– С болгарами уехали, ты слышишь, Миша? – кричала, борясь с подступавшими к горлу слезами Соня.

Она знала, что болгары всю жизнь прожили с цыганами вместе, спасли их от уничтожения немцами, и цыгане не захотели с ними расставаться...

– Почему же тебя не выселяют вместе с ними? – вдруг жестко спросила Соня.

– Потому что я – албанец! – испуганно замешкался Миша.

– Какой же ты албанец? Вот не знала я об этом, хотя знала тебя больше семи лет... – Соня отвернулась и вышла из сельсовета. – Отвяжи скот, погибнет от жажды, албанец! – крикнула она, услышав мычание забытых коров, и быстро, почти бегом, устремилась по Карачольской дороге, искать подводу бесполезно, село опустошили.

Что должна теперь делать в этой жуткой несправедливости к приговоренным на поселение болгарам Соня? Она продолжала оставаться человеком. Рев погибающих коров и ощущаемый издали плач больной бабушки и всех сельчан, изгоняемых из родных мест на погибель, одинаково надрывали Соне душу.

Когда Соня дошла до электростанции, оттуда отходил последний грузовик с высылаемыми греками и армянами.

Возле грузовика стояли Сонины сослуживцы из органов безопасности и проверяли фамилии высылаемых по роковым спискам людей, с тощими мешочками продуктов и вещей на дорогу.

– Иван, возьмите и меня, – крикнула Соня, увидев в машине старшего брата Челухиди и его мать.

– Куда ты, Соня, тебя не высылают! – испугался Иван. – Ты потом к нам приедешь! А Юра уехал раньше нас.

– Я поеду с вами. Я должна быть там, где моя бабушка и тетя Аня, где мои односельчане! – кричала Соня, чтобы сослуживцы могли ее услышать.

– Соня, не поднимайте шума, вы должны здесь остаться, вас удочерили Алешины, и вас не высылают, – обратился к ней старший лейтенант НКГБ, руководивший отправкой выселяемых национальностей.

Но Соня не могла предать своих родных. Вспоминается, как ее характер пошел один раз вразрез с указанием Сибирского, и Соня, вместо того, чтобы смирится ради дела с избившим ее шефом Матовым, решила отстоять свое женское достоинство, и была за это посажена в карцер.

Вот и сейчас Соня пошла против воли органов безопасности, и, пытаясь спасти бабушку, фактически сама себя отправила в ссылку вместе со своей этнической группой болгар, неповинно, как она считала, наказанных.

Машина тронулась по Сейтлерской дороге, и Соня побежала за ней.

– Возьмите и меня! – махала руками и кричала Соня, побежав вслед за машиной, но машина уходила все дальше и дальше.

– В Сейтлер пойдет еще машина, – кто-то крикнул из толпы.

Обессиленная и оскорбленная, но не сдавшаяся, Соня возвратилась к тому месту, около электростанции, откуда от-

правлялись грузовики со спецпереселенцами. В толпе, провожавшей выселяемых, Соня увидела подружек Нону и Элли, с которыми провела долгие годы оккупации.

– Девочки, бегите домой и скажите маме, – велела им Соня, имея ввиду Лидию Федоровну, – что я уезжаю тоже на Урал! Пусть соберет мне мои вещи. Только побыстрее, говорят, в Сейтлер пойдет еще одна машина.

Девчонки ошалело помчались домой к Алешиным.

Наконец, прибежала Лидия Федоровна с Ноной и Элли. Ей удалось собрать маленький чемоданчик Сониных легких вещей, а из теплого, пригодного для сурового Урала, у нее ничего не нашлось. Не было даже денег, чтобы дать Соне на дорогу...

Подошла последняя машина. В кузове сидело около десяти человек. Снова к Соне подошел этот старший лейтенант НКГБ.

– Софья Петровна, не советую вам ехать вместе со спецпереселенцами, – пытался он ее вразумить, хотя мог и просто арестовать за непослушания органам госбезопасности. – Вас в Богородске ценят и уважают. Побудете некоторое время здесь, а потом, когда все успокоится, съездите туда. Может быть, вам удастся вернуть сюда своих родных... – закончил он нерешительно, сам не веря своим словам.

– Не говорите мне, Сергей Васильевич, это! Нет моего Сибирского, а кто теперь заступится за меня? Давыдкин уехал давно и далеко, а Сизас, наверно, еще дальше. Прощайте!

Соня обняла Лидию Федоровну, а потом девочек.

– Папе передайте привет! – сказала она со слезами на глазах Лидии Федоровне. – Игрика поцелуйте крепко за меня.

Потом поклонилась сослуживцу:

– Прощайте, Сергей Васильевич! – И, заплакав в голос, перемахнула через борт в кузов.

И машина тронулась в путь. Все провожающие махали на прощание руками, пока машина с плачущими выселенцами

не скрылась за поворотом шоссе. Плачущая Лидия Федоровна вслух кляла себя за то, что не сумела выполнить наказ Игоря и задержать Соню. Она не посмела предложить ей предать родную старую бабушку. Девочки Нона и Элла вели ее под руки и тоже плакали...

Соня сама фактически сослала себя на Урал. А за это ей придется отвечать. Будет в ее жизни еще более скорбная, чем война, страница. По своей несправедливости превосходящая для нее всю остальную боль.

ГЛАВА 73

Добралась Соня со спецпереселенцами до Джанкоя только на следующий день.

Там эшелоны с ссыльными людьми стояли на всех железнодорожных путях, и эти составы протянулись далеко за пределы Крыма, чуть ли не до самого Мелитополя.

Соня попыталась узнать в Джанкое, где эшелон с кабурчакскими болгарами, с которыми отправляли её бабушку и тетю Аню. Она еле узнала, что эшелон с болгарами уже ушел на север. И Соня оказалась одна, без земляков. Что делать? И вот здесь, среди толчеи и неразберихи, ее чудом отыскал Юра Челухиди.

Соня пошла за ним в тот вагон, в котором ехала вся семья Челухиди. Их отправлялся на Урал, в Нижний Тагил.

Составы двинулись медленно один за другим. Но все быстрее застучали колеса, заглушая слезы людей, которые неожиданно попали из огня – войны, да в полымя – репрессии. Природа заметно менялась по мере продвижения на Север, исчезали степи и крытые черепицей и железом белые домики, появлялись мазанки с соломенными крышами и лиственные

леса. По ночам заливались соловьи... Потом в бессонные ночи исчезло и это. Появились угрюмые сосны и ели и изредка деревянные, словно сказочные, игрушечные дома с раскрашенными резными наличниками. Неподалеку от них паслись на ярко-зеленых полях тоже, казавшиеся игрушечными, красные и рябые коровки.

В пути останавливались часто, но кормили на остановках редко. Люди хватали оловянные миски, торопились, давились дробленой пшеничной кашей – так хотелось есть. Меньяли, кто мог, носильные вещи на коротких станциях на молоко, картошку и другие продукты. Но хлеб переселенцам местные жители не предлагали – его не было и у них.

Шла война, еще много нужно было времени, чтобы добить гитлеровцев... Ссылные на каждой станции охраняемого пути ловили свежие газеты и говорили друг другу, по инерции, о победах Красной армии, но уже не так гордо, как пропагандисты, которые устраивали в вагонах коллективные читки последних военных сообщений. А про себя болгары надеялись – когда кончится война, власти разберутся и снимут позорное обвинение в их предательстве...

Соня, под многонедельный стук колес, всякое передумала. А главное – удивилась, когда вспомнила из своих разведанных, что Манштейн хотел очистить Крым и заселить его бургерами из Германии, а Сталин довел этот замысел до конца, но по своему, очистил Крым. И Соня сама участвовала в Комиссии по обустройству переселенцев из центральной России в селах Крыма...

Но вот на смену тепловозам и паровозам пришли электровагоны. Окружающая природа стала суровее, по вечерам стало холодно, но день удлинился.

На одной из приуральских станций Соня рискнула выйти из своего вагона и пробежать несколько десятков шагов вдоль поезда. Её как будто кто-то поднял, когда ей показалось, что в соседнем эшелоне послышалась болгарскую речь. Двери

от вагона этого параллельного эшелона со стороны Сониного поезда были закрыты. И Соня пролезла под вагонами на другую сторону стоявшего эшелона. Там двери были открыты, и она сразу узнала нескольких стариков-болгар из Желябовки. Они ее тоже узнали и поспешили сообщить, что в 12-м вагоне едет Сониная родная тетя Софья с сыном и другими родственниками, по линии ее мужа. Соня бегом бросилась к этому вагону – и увидела тетю, стоявшую в дверях.

– Соня! – закричала радостно тетя, сразу узнав ее. – Ты откуда здесь?

– Я оттуда, откуда и вы – из Крыма! – подбежала Соня к двери. – Наш эшелон стоит рядом с вашим и направляется в Нижний Тагил.

– А мы едем в Соликамск... С кем ты там? – спросила тетя Софья.

– С одной греческой семьей. Если бы ни они, я, наверное, пропала бы без денег и без продовольствия. С их младшим сыном – Юрой Челухиди мы помолвлены. Приедем на место, устроимся и там распишемся...

– Я тебя заберу с собой. Что ты – без роду, без племени, что ли? Ты же моя родная племянница! Иди сюда! – протянула она руки Соне. – Я тебя не могу оставить у них.

– А Юра? – остановилась, опешив, Соня.

– Устроимся, напишешь им, приедет к тебе твой Юра и заберет тебя к себе.

Тетя Софья обладала таким же крутым нравом, как и баба Калина, и перечить ей было бесполезно. Она слезла с вагона и обняла Соню.

– Идем к твоему поезду!

Эшелоны стояли на станции долго, и тете Софье удалось уладить все формальности и перевести Соню от Челухиди к себе. Сколько ни уговаривали братья и мать Челухиди этого не делать, тетя Софья была непреклонна. Она забрала скудные вещички Сони и унесла их к себе в вагон. С болью в сердце

Соня расставалась с семьей Челухиды, приютившей ее и ухаживающей за ней, как за родной...

Наконец, эшелоны разъехались. И больше Соне не удалось встретиться с Юрой.

Жизнь в Соликамске в семье у тети Софьи оказалась далеко не такой сладкой, как ей рисовалась сначала. Местные жители встретили спецпереселенцев, как врагов Родины: иначе, зачем бы их переселять из такого благодатного края, как Крым, на Север? Им так всю жизнь и не доверяли. Несколько раз Соня пыталась устроиться на работу, но когда узнавали, что она была переводчицей у немцев, ей отказывали в приеме на работу. И боялись органов власти водиться и общаться с ними.

Да и в семье тети, где почти каждый, кто мог работать, устроился, Соня чувствовала себя лишним ртом. Начались стычки, сначала из-за пустяков, а потом и всерьез. У болгар, живших в Соликамске, Соня тоже не находила сочувствия – все ее считали немецкой прислужницей и отворачивались от нее. Нашлись даже такие среди переселенцев, что заявили о Соне в органы госбезопасности, как о переводчице в полевой жандармерии немцев. При этом люди, по незнанию, не могли сообщить о ее разведывательной деятельности на партизан. Об этом имели право знать только органы госбезопасности. Но и они не вступались за разведчицу «Венеру». Надо было искать какую-то помощь свидетелей.

В Соликамске Соня обратила внимание на один красивый божий храм, что находился на восточной окраине Соликамска, неподалеку от Богоявленской церкви. И решила потихоньку сходить помолиться о своей пропавшей судьбе. Очень близко от стен этого бывшего Преображенского женского монастыря проходила как раз одна из магистралей города, по которой ссыльные в полutorке ехали в город с железнодорожного вокзала. Такая красивая пятиглавая Введенская церковь

удивила Соню тем, что ее колокольня была без головы, прикрытая новым деревянным шатром. Потом местные богомольные бабушки объяснили, что колокольня, по желанию солепромышленника Ростовщикова, была надстроена на три яруса, для устройства на ней башенных часов. Но неслучайно город называется Соликамск, здесь солончаки в земле – частое явление, а они проседают и затягивают, как омут в реке. И под лишнею тяжестью колокольню затянуло в землю. В связи с просадкой фундамента в 1938 году надстройка была разобрана. А в 1944 году был сделан этот деревянный шатер.

Соня, конечно, рискнула пойти в Введенский храм, ведь власти комсомольцев в церкви не пускали. В этой церкви Введения Пресвятой Богородицы во Храм Соню поразила красотой деревянный пятиярусный резной иконостас. От бабы Калины Соня знала только одну молитву «Отче наш», ее и прочитала потихоньку во спасение своей души перед иконой Николая Чудотворца. Прислушавшись к шепоту какой-то старой прихожанки за спиной, узнала, что эту икону, по преданию, послал соликамцам царь Иван Грозный, в ответ на их просьбу выделить войска для охраны города от вражеских набегов.

По прибытии в Соликамск, Соня сейчас же сообщила свой новый адрес Алешиным. А после посещения церкви, от них узнала адрес тети Ани и бабушки, живших в поселке Нагорная, Губахинского района. Бабушка была очень стара, ссылка и дальний переезд окончательно расстроил и без того ее плохое здоровье. Тетя Аня писала, что бабушка уже не встает с постели и, по-видимому, уже не поднимется. Очень беспокоясь о здоровье бабушки, Соня хотела уехать к тете Ане, но на это нужно было особое разрешение властей. Моральную поддержку Соне оказывали, конечно, Алешины, в особенности Игорь. Он писал ей, что случившееся недоразумение скоро рассеется, как дым, что нужно крепиться и ждать...

Вскоре пришло Соне радостное письмо от Игоря: ее наградили медалью «За отвагу». А через некоторое время пришло в Белогорск на Сонино имя известие о зачислении ее в спецучилище на отделение иностранных языков. Об этом также ей сообщил Игорь Алешин. Соня почувствовала, как у нее за плечами вырастают крылья.

Никому не сказав ни слова, потому что могли помешать, она собралась, купила билет на железнодорожной станции до Симферополя и выехала из Соликамска. Но ехать ей пришлось недолго. Доезжая до Казани, во время проверки документов у пассажиров, контролеры сняли ее с поезда и отправили в тюрьму.

Так, Загоркова София Петровна стала одной из миллионов жертв репрессированных во времена военного режима в СССР. Подробности о судьбе этого человека были засекречены в Пермском архиве. В них говорилось: *«Загоркова София Петровна родилась в 1925 г., д. Кабурчак, Карасубазарский р-н, Крымская АССР; болгарка; Проживала: п. Боровск, Соликамский р-н, Пермская обл. Арестована 22 сентября 1944 г.»*

Напрасно Соня показывала письма, где говорилось, что она награждена медалью, что ее зачислили в спецучилище – ничего это не помогало вырваться на свободу. А какую свободу? В ссылку. Соня бурно протестовала. Но как? Она признала, что добровольно отправилась со спецпереселенцами за бабушкой. А следователи считали, что София Загоркова собиралась бежать с места поселения, и скрыть свои «преступления» на службе переводчицы в фельдкомендатуре СД. Ее допрашивали, били, пытали, гнобили...

Пока дело предательницы Родины не попало в руки бывшему начальнику Разведотдела Крыма Давыдкину Ивану Христофоровичу. Тогда в деле появилась запись: «Приговор: Дело прекращено за недоказанностью состава преступления».

Соня пробыла в тюрьме два месяца. И вышла оттуда опустошенным больным человеком.

Ей разрешили поехать к тете Ане в Нагорную, но бабушку в живых она уже не застала. Тетя Аня попыталась устроить ее пионервожатой в школу, где она работала, но люди по-прежнему немецкой переводчице не верили, и на работу не взяли. Еле-еле Соня поступила в столовую официанткой. Стала учиться, оформилась на третий курс заочных курсов иностранных языков, поступила в вечернюю школу в 10-й класс, чтобы иметь законченное среднее образование. Здесь она встретила свою землячку – комсомолку Светлану Субрисенко, с которой вместе в Белогорске участвовала в комиссии по устройству переселенцев. И теперь они сидели в вечерней школе за одной партой, и обе с трудом вспоминали забытые за долгие годы оккупации и перерыва в учебе алгебру и тригонометрию.

А со здоровьем у Сони было плохо. Тяжелая работа в годы оккупации в полевой жандармерии требовали невероятного напряжения, большого мужества, необыкновенной выносливости и выдержки. Оптимистка по натуре, Соня надеялась, что преодолет физические недомогания, и снова станет такой же жизнерадостной и деятельной, как и раньше. Она участвовала в самодеятельности Нагорнской школы, талантливо исполняла поручаемые ей роли, задушевно по ходу пьес пела песенки, вызывавшие у зрителей слезы умиления и радости...

Но окружающая ненависть к предателям Родины не давала спокойной жизни бывшей разведчице Соне. И долго в школе она не проучилась. Досужие «доброжелатели», настаивали отказаться ей от иждивенческой помощи тети Ани и пойти работать.

И Соня уехала в Верхнюю Губаху. В это время в Губахе изменилось к лучшему отношение к Соне. Старания Алешиных и некоторых крымских партизан, спасенных ею от смерти во время оккупации Крыма немцами, дошли, наконец, и сюда.

2 ноября 1945 года Соня писала старшей сестре из Губахи: «Живу по-прежнему – работаю старшим табельщиком шахты, посещаю вечернюю школу и поступила на Государственные заочные курсы иностранных языков в Москве на 3-й курс факультета немецкого языка. Живу одна в квартирке неплохой, с паровым отоплением. Грустно и досадно одной, хотя дома бываю только поздно ночью, а в остальное время занята.

Приближается праздник Великого Октября. Так позволь же тебя, милая Оксаночка, поздравить с праздником и твою дочку Галочку тоже, и пожелать всего наилучшего, что может пожелать тебе твоя искренне любящая младшая сестра! За окном валит большой снег, холодно... Так больно сжимается сердце!

Получаю непрерывно письма от Алешиных. Недавно получила посылку от них с фруктами, чесноком и луком. Тетя Аня – в 12-и километрах от меня...

... Милая, из-за своего тщеславия приходится страдать и все невзгоды переживать за других. Не будь я тщеславна, была бы давно замужем, и уверена, что жила бы неплохо...».

Так поняла, наконец, Соня, что желание ее тетушек и Алешиных, отыскать среди ухаживающих за ней молодых людей идеального мужчину – и красивого, и умного, и образованного, и обладающего другими привлекательными качествами, привело к тому, что Соня так и не вышла замуж.

Конечно, не только поэтому, хотя ухаживавших за Соней молодых людей ее близкие высмеивали, находили в них всяческие недостатки, ей становилось неприятным принимать их ухаживания, и наступал разрыв с очередным кавалером. А результат? – Одиночество, болезнь!

Это все так, но главное препятствие – служба в органах госбезопасности. Люди в ней и сами сторонятся искренних друзей, и их избегают из-за опасной профессии. Только общая работа в органах могла не мешать сближению мужа и жены.

А со здоровьем у Сони становилось все хуже и хуже. Болезни она переносила на ногах, забывала о еде, а туберкулез все больше подтачивал ее организм. Соня все надеялась на авось, забывая о том, что еще в далеком Карасубазаре, во время тяжелейшей изнурительной работы в СД и постоянного нервного напряжения, ее здоровье было подорвано. Здесь, на Севере, ссыльных все равно считали врагами, и дружбы с ними боялись, чтобы не навлечь на себя подозрения властей. Соню больше всего угнетало отношение к ней людей, да и не только к ней... И, хотя она встретила в Губахе очень внимательное отношение к себе со стороны начальства шахты Клименко и его семьи, но чувствовала она себя весьма одиноко.

В своем письме к сестре от 16 марта 1946 года, полном уныния и пессимизма, Соня пишет: «одиночество убийственно. Не знаю, как переживаешь его ты, но мне тяжело. О материальной стороне я всегда молчу, мораль убивает. Поэтому я не посмотрела бы ни на что и приложила бы все усилия, чтобы быть с близкими людьми, не чувствовать одиночества, иметь возле себя человека, который понимал бы тебя и морально поддерживал...

...Очень хочется приехать к тебе, милая Оксаночка, быть с тобой. Только меня, наверно, вызвать не смогут. Не знаю».

Соня жила в Нагорной с тетей Аней.

Тетя Аня души в ней не чаяла. Соня для нее была дочерью любимого брата. Но раньше в Карасубазаре, живя у Алешиных, Соня привыкла к самостоятельным действиям. Возле нее всегда вращался хоровод кавалеров разных мастей, и, хотя она вела себя в высшей степени скромно, такое преклонение молодых людей перед ней, Соне нравилось. А вот у тети Ани этого делать было нельзя, без хора она почувствовала одиночество. Поэтому ей и понравилось предложение пойти работать, быть в коллективе, среди людей, и стать независимой.

Здоровье Сони все больше ухудшалось. Туберкулез прогрессировал. Рентгеновские снимки показывали большие затемнения в легких. Узнав об этом, Сонин двоюродный брат – сын тети Ани, прислал из Ижевска мед и перетопленный свиной жир. Но все это Соня есть не могла. Поев, она чувствовала сильную тошноту, ее рвало, а в желудке усиливались боли... А у больных людей обостряется чувство одиночества.

В своем письме к сестре Оксане Соня пишет в апреле 1946 года:

«После обеда не пошла на работу. Очень ослабла, похудела. Перестала посещать даже самое необходимое – кино. К развлечениям нет никакой тяги. Такому состоянию свойственна, разумеется, тоска, и она немилостиво гложет. С каждым днем становится все тяжелее и тяжелее.

Сейчас слушаю по радио романс: «Когда голубыми глазами...» Так досадно! Хочется кричать, плакать, хочется обратиться к своим родным, а их рядом нет никого, они очень далеко. Папа, вероятно, жив, но что-то молчит. Я все надеялась, что он отзовется, но теперь потеряла надежду. Я решила, и только сейчас поверила, и убедилась, что он был полностью под влиянием своей жены – Доры Константиновны, которая смогла настроить его не любить меня и даже ненавидеть, а любить только её...

До этого у меня была твердая, надежная опора – бабушка, а теперь ее не стало. Боже, как мне ее жаль! Как я плачу о ней, когда представляю себе ее грустные похороны, болотистую почву в лесу, где ее похоронили!.. И я ее не застала живой!..»

В Верхней Губахе Соня чувствовала себя особенно сиротливо. Поэтому ей разрешили с шахты увалиться и переехать в Пермь. «Разрешили – низкий вам поклон, – все кипело в ней от обиды. – Всю жизнь ее поломали, здоровья лишили, душу опустошили – кому пожаловаться? Она должна взорваться от

этого! Но молчи, бессловесная скотина. Хорошо, хоть обещали дать комнату».

Но в Перми Соня уже работать не смогла – болела, ходила в туберкулезный диспансер на поддувание. Жила за счет материальной поддержки тети Ани. Соня подала заявление, что бы разрешили тете Ане переехать к ней в Пермь. Ведь тетя Аня оставалась на поселении. Соня, будучи больной, больше ни от кого не могла получить помощи. Характер у нее заметно изменился – стал замкнутым и необщительным.

Конечно, больному человеку всегда не достает человеческого тепла, когда он чувствует себя плохо. А Соня, когда была здорова в детстве и юности, родительского тепла не знала. Таких полусирот и собирали на воспитание органы безопасности, начиная еще с Феликса Дзержинского, чтобы учить «делать жизнь с кого».

Письма к репрессированным задерживались властями.

«Я привязалась к Алешиным, как ребенок, почувствовавший настоящую родительскую любовь, и я была рада этому, – признавалась Соня в одном из своих писем сестре. – На расстоянии эта привязанность выросла; и я стараюсь ухватиться за немилостиво коварную неустойчивость отношений, прежде связанных с Алешиными. Алешины могли бы оказать мне здоровую моральную помощь. Эта помощь мне сейчас крайне необходима.

Непосредственно получать ее от них невозможно, поэтому у меня большая нужда в письмах. Все горе в том, что это не только от меня зависит. Задержка писем вызывает во мне сейчас же сомнения в их благородных ко мне чувствах. Вот уж месяц, как они не пишут, а это для меня камень на сердце. Душа становится все тоньше и тоньше и, наверное, недолго выдержит. Не жаль ничего – потеряла веру ко всему.

В переезде тети Ани ко мне отказали. Это значит, что с наступлением зимы мне придется лечь в больницу. О, боже, как все постыло и надоело!

Как резко постарела душа!

Тетя Аня изумлена моей весьма внезапной переменой с момента переезда сюда. Я стала молчалива – противоположность моей болтливости, все вокруг меня кажется слишком легкомысленным, не хочется общества, наоборот, радуюсь уединению, хочу быть подальше от подлости, нечисти...

...Я так не скучала дома, потому что было весело, а здесь я нуждаюсь в ласке, теплой, родительской. А другой ласки я боюсь и стараюсь избегать ее даже в том случае, если многое теряю. В связи с болезнью не стала надеяться на лучшее...»

Многое хотелось ей сказать сестре, но она знала, что письма читают...

«Может быть, ты еще будешь иметь счастье, если оно тебе подвернется, – продолжала она свою исповедь сестре, – Возможно, и я буду вспоминать со смехом эти свои рассуждения ...».

И Соня призналась сестре, что переписывается с одним замечательным парнем – Анатолием. Он – баянист, художник и механик. Она познакомилась с ним еще в Крыму. Его отец тоже хороший баянист. Мать расстреляли немцы – она была связана с партизанами... Письмами с Анатолием Соня связалась случайно. В прошлом году Игорь Алешин написал ей, что из всех её кавалеров Анатолий Куваников наиболее ее достоин. Немцы в начале 1942 года выслали его в Германию, а сейчас он находится в Австрии, и скоро должен возвратиться, как ссыльный болгарин в Пермскую область, где теперь живут его отец и сестры. В начале возобновившейся переписки Анатолий признавался даже в любви к Соне, но она, сохраняя дружеские отношения, своими письмами сумела его уверить, что сначала надо снова увидеться и понравиться друг другу.

После этого, Анатолий продолжал присылать ей умные, хорошие, теплые письма. И ее письмами был тоже доволен. И

осмелился в последнем письме все же признаться: «Встречались мне девушки, но серьезно о жизни я до сих пор не задумывался. Теперь решил, как только приеду, буду устраивать свою жизнь, как можно лучше и счастливее, и желал бы, чтобы ты заняла в ней должное место. Прости, но это сказано вполне искренне, без игры на твоих уже достаточно больных нервах. Согласна ли ты?».

Но даже такое предложение от человека, о котором Соня долго мечтала, ею было мягко отклонено: она считала, что об этом нельзя рассуждать заранее, так как разочарование со стороны каждого вполне возможно. «Когда ты уезжал в Германию, и я прибежала тебя провожать, мы были совсем другими», – убеждала она Анатолия, чувствуя робость перед предстоящей встречей с Анатолием Куванниковым. Их встреча через месяц все же состоялась, но в ней уж не было тепла. Соня оказалась права...

Но вот пришла весна. Соня почувствовала себя лучше, и поступила товароведом на военный завод, ей там обещали дать квартиру. Она продолжила занятие немецким языком, и выслала на курсы те контрольные работы, которые не успела сделать, когда была больна. Кроме того, с 1 августа Соня поступила на конструкторские курсы при заводе. Таким образом, достаточно было небольшого улучшения здоровья – и Соня снова полна деятельности.

Но её все же сверлила мысль, что, если бы отец не женился на Доре Константиновне, он всегда был бы с дочерью, никогда бы ее не оставлял. Соня считала мачеху самым неискренним человеком. Она часто писала об этом своей сестре, и высказывала это тете Ане. И у нее на это были веские основания...

Мачеха распространяла слухи среди болгар в Гурьеве, где она жила, тоже на поселении, что Соня ей не пишет. Знала ли она о гибели мужа Петра Загоркова, или до нее дошла весть о его торговле на Украине? Об этом Соня не знала. Письмо же,

посланное Соней к Доре Константиновне с просьбой о помощи еще в начале 1945 года, осталось без ответа. А Соне, при ее болезни в то время, безусловно, нужна была материальная помощь. Дошло ли это письмо до адресата, неясно. А если бы тогда Дора Константиновна оказала ей материальную помощь, возможно, Соне удалось бы побороть подтачивавший ее туберкулез. Но мачеха была глуха к своей падчерице...

Соня получила врачебное заключение, что ей необходимо переменить Уральский климат на климат Южного берега Крыма. Она подала заявление в органы госбезопасности с просьбой разрешить ей переехать в Крым, и ей пообещали добиться разрешения Москвы удовлетворить ее просьбу.

И снова Соня делает неверный шаг: прекращает ходить на поддувание. Но можно ли понять ее решение? Она боялась этой процедуры, и писала, что «худеет при виде иглы», а потому прекратила ходить к врачу. «Зачем ходить к врачу, – восклицала она в письмах, – когда нет питания!» Это скорее отчаяние от безвыходности, а не решение.

В ожидании скорого отъезда в Крым Соня бросила работу в Перми, упаковала вещи и уезжала к тете Ане в Нагорную. Что, снова неверный шаг? А жить на что больному неработающему человеку, вся надежда которого, получить разрешение уехать в Крым. Ее отпустили из тюрьмы, но не отпустили от сибирской ссылки.

С Алешиными снова завязывается оживленная переписка. Как и три года назад, Игорь от всех ее белогорских друзей прислал Соне к именинам сборник стихов «Созвездие дружбы» № 2. Сборник был красочно оформлен, и к стихам, тепло написанным друзьями, были приклеены их фотографии. Стихи призывали Соню не падать духом, бодриться в ожидании скорого свидания в Крыму.

Получив письмо Игоря и «Созвездие дружбы» № 2, Соня залилась слезами. Прошрое ярко всплыло перед ней: тайная борьба с немцами, встречи с Сибирским и Сизасом,

партизан Вася, туманная гора Берлюк, радость встречи победителей... Скорее, скорее в Крым! Но разрешение из Москвы на выезд в Крым задерживалось.

Соня нервничала. «Очень мучительно ожидание, – писала она, – да, и вообще, я сильно переживаю. Поеду к Алешиным, которые очень зовут меня и ждут, но мне это не по душе. Как мне тяжело, что я – обуза! Правда, тетя Аня будет каждый месяц помогать деньгами, но это далеко не всё!..»

В письме от 4 октября 1946 года Соня упоминает, что отправила мачехе «разоблачительное» послание. Это послание весьма поучительно для многих мачех и полно трагизма.

«О себе скажу: сижу в Нагорной у тети Ани и жду разрешения на отъезд. Алешины едят очень часто, зовут к себе. Они ведь очень много сделали для меня и раньше, и сейчас. Хлопотали без конца и, наконец, можно ехать.

... Это есть единственное светлое пятно в моей жизни. Не будь его, с моим настроением и переживаниями без надежд, туберкулез давно свалил бы меня. Между тем, я чувствую себя бодро, и живу надеждой. Как это много значит! На рентгене давно не была, но чувствую, что все левое легкое поражено, чувствую порой боли и в правом легком. Берегу себя, ем хорошо. Большое участие в этом принимает тетя Аня.

Если бы не она, не на что было бы надеяться. Аппетит у меня на славу, но желудок что-то шалит. Аппендицит тоже не дает покоя. В общем, болячек хоть отбавляй.

Мой двоюродный брат Зёзик еще не едет. Ждем приезда его каждый день. Я очень хочу его видеть...

... Береги себя. Ведь у тебя растёт ребенок! Меня никто не потеряет, и мне не так интересна жизнь, так как мои интересы ни на чем не сосредоточены, нет никакой заботы, как только о себе».

Тетя Аня считала, что переезд Сони в Крым не нужен, что лечиться от туберкулеза можно и на Урале, и что жить они должны вместе с Соней в Нагорной. Здесь тетя Аня могла бы

обеспечить ей нужный уход и питание. А в Крыму у Сони близких родственников никого не было. Алешины принимали Соню, как дочь, когда она была здорова, а сейчас она была больна, и работал только один Александр Иванович. Естественно они будут испытывать материальные затруднения, и плохое питание неизбежно, хотя тетя Аня и взяла на себя добровольное обязательство посылать ей половину своей заработной платы учительницы средней школы, то есть 500 рублей в месяц. Но Соня об этом всё не думала, и разговоры на эту тему и слышать не хотела. Она считала, что одного приезда в Крым ей будет достаточно, и ее здоровье сразу начнет улучшаться.

Наконец, в начале октября из Ижевска приехал в отпуск Зёзя. Соня и тетя Аня были очень рады его приезду. Соня не видела его с июня 1940 года, а Анна Васильевна рассталась с сыном 12 мая 1942 года, когда Зёзе чудом удалось одним из последних катеров покинуть оставляемую Красной Армией Керчь.

Целый день у них прошел в разговорах. Вспоминали они все, и даже мелочи им были милы и дороги. Вспоминали одно лето, когда у бабушки гостили Соня, Оксана и Зёзи. Баба Калина очень хорошо справлялась с этим и готовила им замечательно вкусные обеды. Особенно удивляло Соню, как Оксана ловко, быстро и красиво резала лапшу. Соне всё боялась, что Оксана во время резки лапши отхватит себе ножом пальцы... Соня после приезда Зёзи немного оживилась, но когда отошла от него к окну, не выдержала и воскликнула:

– Как тяжёлый для меня Урал! Сегодня 7 октября, а уже третий день валит снег бессовестно, не переставая! Если, не дай бог, мне откажут в Крыму, то весной мы с тетей, если я буду подвижна, уедем в Гурьев к Оксане на постоянное местожительство. Все-таки там тепло!

Незадолго до отъезда в Крым Соня отправила из Нагорной свое письмо мачехе Доре Константиновне.

ПИСЬМО СОНИ МАЧЕХЕ

Дора Константиновна, здравствуйте!

Несмотря на то, что очень часто я думаю о вас, мне не приходила мысль написать вам письмо. Теперь же пришла. Я решила написать и получить ответ.

За последние два тяжелых года моего пребывания на Урале я себе ярко уяснила, наконец, ЧТО вы собой представляете во всех отношениях, поняла, почему относился ко мне отец так холодно, но до сих пор не могу понять, любил ли он меня, как дочь, или нет. Не мудрено, что любил, но под такой пятой погаснет не только любовь, а и всякого рода иные чувства. И отец жил такой жизнью. Что вы интересного сделали для него? Когда он приходил с работы, находил ли он приятно накрытый стол, встретил ли на вашем лице добрую улыбку? Этого я ни разу не заметила.

Я вовсе не оправдываю отца. Может быть, он действительно был тяжел, но вы, в свою очередь, вы должны были создать ему то, что создает любящему мужу каждая жена. Вы «мучились» с ним, вам было «страшно тяжело», вы «старались» переделать его. Но «ум» в чужую голову не вставишь. Так, когда-то вы мне говорили.

Но это вздор, так как вы не позволили бы столько лет страдать из-за кого-то. Не добившись морального удовлетворения с ним, вы могли свободно отойти от него, чтобы не «мучиться» в дальнейшем. Это, во-первых. А во-вторых, решаясь на такой шаг, как выйти за него замуж, вы знали, что у него есть

ребенок. Вы знали, что для этого ребенка никого нет ближе отца. И вы смело пошли на такой подвиг. Я вас хвалю! Но не совсем приятны и похвальны последствия: отец, до этого любивший меня, вдруг изменился. Уехал с вами куда-то на целый год, и не было от вас никаких вестей, несмотря на неоднократные письма к вам. Мы год голодали с бабушкой, а вы ели мясо, масло и другие продукты. Не догадывался он нам помочь, вы должны были сказать: «Петя, надо сделать то-то и то-то...». Почему вы не почувствовали, хотя бы на расстоянии, какую святую обязанность вы взяли на себя, как вы ее изгадили, исковеркали, что не сделает простая, неграмотная деревенская баба!

Почему, когда отец приезжал один на лето к бабушке, он проводил все свободное время со мной, брал на руки, обнимал и целовал, и почему, когда приезжал с вами, не глядел даже в мою сторону, а, наоборот, ругал меня за то, что я съела ваш мед. Не стыдно вам?

Мне не стыдно, потому что я была ребенком, и никто не мог мне дать того самого маленького, хотя бы того, что нужно ребенку.

Бабушка – это простая деревенская старуха, не имевшая никаких средств к существованию, изредка давала мне 20 копеек на конфету. И я должна была смотреть на ваш мед! Не трогать его, потому что вы были «слишком бедны»!

А мы с бабушкой должны были хранить ваши вещи, и ни в коем случае не притрагиваться к ним, ибо вы со своим барахлом вообще неприкосновенность, сидящая вечно на тюках, как это было в Старом Крыму. Создали вы уют себе и мужу? Нет. Уверена, что и сейчас сидите на тюках и чемоданах, и ходите в одном и том же платье. Немудрено, что опустились даже, потому что вас хватит сердечный удар, если у вас что-нибудь пропадет. Вы – бездушная, кулацкая натура. И вы сделали так, что отец возненавидел меня и ушел на гибель, не вспомнив о дочери, оставив ее на произвол судьбы вместе со

старой матерью. Вы лишили меня отца, вы исковеркали мою жизнь, сделали меня жертвой самой злой судьбы, и вы довольны!

Вы во всем всегда правы и больше никто!

Я плачу! Знайте, я плачу, как ребенок! Душа разрывается на части. Я страдаю, я никчемна в данный момент! Я – обуза для чужих людей! Вы – все, все самое плохое!..

О, Дора Константиновна, я заболела туберкулезом, я извелась, таю. От меня и сотой доли не осталось!

Если бы вы знали, как я вас порой проклинаяю! Проклинаю безжалостно! И если только есть где-то бог, так как вы в него верите крепко, то он вам такое ни в чем несравнимое преступление не простит. Вы виноваты тысячу раз! Мне не жаль моей жизни, я желаю ее быстрого конца, но вас буду проклинять до тех пор, пока жизнь во мне будет теплиться.

Так почувствуете же все это, поплачьте! Я всей душой желаю, чтобы в вас шевельнулось чувство теплое, настоящее, человеческое. Хоть на мгновение! Но ничего, если сейчас не почувствуете, то настанет такое время. Слово «мать» для меня всё, нет для меня священнее слова. Я носила его еще ребенком, ношу и носить буду его бережно и нежно в душе своей. Вспомните ли вы с таким чувством о своей матери, и можете ли представить себя на месте любящей, как никто больше, матери?

Если я к будущему лету чудом воскресну, то... уж обязательно увижусь с вами. Этого вы не избежите!

Может быть, вы наберетесь нахальства и выгоните меня, как бессовестную?! – Да, я в данный момент невежественна, бессовестна, нетактична, груба, но, учтите, только с вами, больше ни с кем, потому что простить вам за судьбу чужого ребенка – значит быть дураком, и самым последним.

Жду ответа!»

Ответа Соня не получила.

* * *

И вот Софья Петровна Загоркова получила разрешение на жительство в Крыму. Это было сделано благодаря помощи Сониного руководителя Давыдкина. До Перми Соню провожал ее двоюродный брат Зёзя. Отпуск у него еще не кончился, но он спешил попасть скорее на свой завод, где был освобожденным комсоргом.

Вдвоем они походили по городу, побывали в кино, и Пермь перестала казаться Соне, как раньше, суровой. Хотя сейчас, 21 октября, город весь был покрыт глубоким снегом. Соня слегка дрожала.

– Что с тобой? – спросил ее Зёзя.

– Наверно, температура. У меня, ведь, каждый день, к вечеру, повышается температура. – И Соня дотронулась горячей рукой до руки брата. – Как я надеюсь на Крым!

– А что у тебя под демисезонным пальто? – спросил он.

– Шерстяное платье.

– И ты так ходишь все время? – удивился он. – Так же легко простыть! Почему ты не оделась теплее?

– Ну, не надену же я в дорогу стеганую фуфайку? Я ведь домой еду! А зимнего пальто у меня нет. В Крыму можно и без него...

Зёзя покачал головой, и тут же, на улице снял с себя пальто, под которым была меховая безрукавка, снял с себя эту безрукавку и протянул ее Соне.

– Сейчас же надень ее! А я обойдусь без безрукавки.

Соне действительно было очень холодно и, когда она надела меховую безрукавку, еще теплую от Зёзиного тела, ей стало приятно, и она улыбнулась брату с благодарностью, смахнув слезинки на глазах.

– Спасибо тебе, Зёзя! Не знаю, увидимся ли еще? Но, думаю, что в Крыму мне станет легче!

Они подошли к вокзалу. Начал порошить снежок. В вокзале было по-домашнему тепло и уютно. Они взяли Сонины вещи из камеры хранения и сели в уголок в ожидании поезда. До его отправления оставалось еще полтора часа. Говорить не хотелось. Зёзя смотрел на такое похудевшее и изможденное лицо Сони, и вспоминал, какой она была шесть лет назад в Керчи ученицей 9 класса. И, глядя на нее, подумал: «Отбили, наверное, все легкие у нее в тюрьме на допросах, – вот и туберкулез, и прогрессирующий. И сказать ни кому о пытках нельзя и пожаловаться некому. Можно только кратко сообщить: «Произошли бурные события!»

Какие эти «бурные события»?

Вспомнив о них, Соня встрепенулась.

– Знаешь, Зёзя, а ведь у меня был в последнее время еще один запасной псевдоним – «Бондаренко». Я боялась подписываться «Венерой». У Матова усилилась подозрительность ко мне, и меня все время проверяли и Отто, и Франц... Приедешь ко мне в Крым, я тебе покажу свои дневники. Несмотря на запреты, я все же их вела. Две тетрадки я показывала Игорю, но он их не оценил, а все искал в них мои переживания. Больше дневники я никому не показывала, а хранила их под черепицей в бабушкином доме...

– Пошли, Сонечка, подали поезд на посадку!.. – спохватился Зёзя.

Поезд тронулся. Соня прощалась с Пермью без сожаления – очень уж много тяжелого пришлось ей пережить за два года жизни на Урале. А Крым теперь рисовался ей какой-то сказочной страной.

В Белогорск Соня прибыла 25 октября. В пути она простудилась, и после приезда четыре дня хворала. Встретили ее Алешины так, как встречают хорошие родные.

Об этом 31 октября Соня написала Оксане:

«Наконец-то я дома. Очень благополучно доехала. Теперь села за письма. Написала тете Ане.

Представляешь, как я была рада, когда вступила на землю Крыма? Я успокоилась и даже поправилась до некоторой степени. Желудок, который меня мучил на нервной почве, сегодня совсем замолчал. Знакомый врач взялся меня лечить. Говорит, что туберкулез у меня в легкой и закрытой форме. Обещает мне через шесть месяцев выздоровление. У меня теперь здоровое самочувствие. Аппетит хороший. Все теперь так, как должно быть».

Это полное оптимизма письмо не отражало действительности. У Сони были поражены туберкулезом не только легкие, но и гортань, желудок и кишечник. Дни ее были сочтены. Болезнь была запущена, и даже в условиях санатория ее вряд ли было можно спасти.

А она писала так, как будто не понимала трагизма своего положения:

«В Крыму жизнь в этом году, в связи с засухой, безусловно, трудная. Хлеба мало. Огороды плохие. К весне совсем будет туго, тем более что врачи мне не разрешают работать, а мама и не думает меня куда-нибудь отпускать. Тетя Аня обещала, то есть взял на себя обязанность, помогать мне деньгами.

Буду продолжать заниматься немецким языком...

...Как там Дора Константиновна? Легко ли вкушает жизненные шероховатости. Прошу сообщить мне о ней все, что вы будете знать. Я, со своей мягкой, доброй, незлопамятной душой, обозлена на нее так, как вообще, казалось бы, я не могла злиться. Не дрогнула бы и сказала ей в глаза все то, что писала ей в письме.

Сейчас уже вечер. Только что поужинали. Мама, папа и Игорь сидят за обеденным столом, а я за письменным. Папа и Игорь курят свой табак после ужина, мама щелкает семечки, а я ем яблоко. В Кабурчаке не была и не буду, так как стоят холодные погоды, и меня никуда не пускают.

Привет от Игрика! У него нет пока никаких новостей. Горячий привет от папочки и мамочки, Оксаночка! Ты чувствуешь, что в жизни я была счастливее тебя!..»

Это счастье, подразумевает Соня, заключается в том, что она нашла названных родителей, и ее душа полна этим счастьем.

Снова Соне все кажется в розовом свете, но суровая действительность все же заставляет ее понять, что казавшееся улучшения здоровья не происходит. Скорее, наоборот, скудное питание и грубая пища в доме Алешиных заставляет Соню просить у Оксаны, которая живет в Гурьеве, прислать ей продуктовую посылку и денежную помощь. В то время положение в Крыму, из-за засухи, было гораздо хуже, чем в Гурьевской области Казахстана.

Побывав у врача, который ее лечил, Соня поняла: чтобы вылечиться, нужно питание, питание и еще раз питание. А у Алешиных все зачастую ложились спать голодными.

Отношение к ней с их стороны после приезда с Урала не изменилось, и они делали для нее все, что можно. Но все же Соня сознавала, что она у них является лишним ртом, и поэтому в ее письмах проскальзывало стремление внести свой вклад в семью.

Вот что она писала в своем письме к Оксане, дяде Ване и тете Глаше, родной тете по матери, 10 ноября 1946 года:

«Хотя тетя Аня и вызвалась помогать мне каждый месяц деньгами, я решила обратиться с этой просьбой и к вам, тем более что Оксаночка уже писала мне об этом. Придется отблагодарить когда-нибудь, если будем здоровы, то встретимся. Отношение Алешиных ко мне бесподобное. Я не замечаю ни капли разницы их отношений прежних и теперешних ко мне. Я себя чувствую абсолютно, как дома. Это огромное счастье. Собственно, они меня уже почти поставили на ноги. Я днем со-

вершенно не ложусь, пилю дрова, убираю дома, шью, готовлю, соблюдаю режим в еде, пью лекарства и рыбий жир. Вот все мое лечение.

Праздники провели очень весело, я себя чувствовала хорошо. Погода была прекрасная, и я съездила в Кабурчак. Проведала бабушкину хатку. Наплакалась вдоволь. Полезла на крышу достать под черепицей свои дневники, а они полностью уничтожены просочившейся из щели водой. Чернила расплылись, ничего не разобрать, и все страницы слиплись в сплошной ком. А жаль. Как много там было написано для истории!

Немного еще побаливает желудок, но это все еще нервы. Слегка покашливаю, кашель сухой. В общем, девка вылечилась лишь наполовину встречей с теми людьми, о которых думала и плакала день и ночь.

Это мои новые папа и мама.

В Крыму замечательно. Ни за что не поменяю его ни на какую богатую северную часть Союза. Никуда не выеду больше. А летом надо увидеться. Если буду здорова, и буду располагать ресурсами, то приеду, а, если нет, то приедешь ты, Оксаночка!»

Прошло полтора месяца после переезда Сони в Крым, а улучшения ее здоровья не произошло. Туберкулез подтачивал ее, как червь молодое деревце. Соня теперь быстро уставала и, не раздеваясь, ложилась в постель. В постели лежала, уставившись в одну точку, и о чем-то думала. Нередко на первый вопрос к ней даже не отвечала. Только потом, как бы пробуждаясь, переспрашивала, приходила в себя. В таких случаях Лидия Федоровна заставляла ее подниматься с постели и выходить во двор, что она делала с большой неохотой.

– Сонечка, поднимись. Погуляй! Посмотри, какая солнечная погода во дворе – сердце радуется!

– Не хочется мне, мама. Лучше побуду дома, – отвечала Соня.

– Нельзя так, Соня! Твое спасение – свежий воздух. Выйди, погуляй! Смотри, как болен Игорь, а он не потерял чувство борьбы за жизнь! Бери с него пример.

Соня нехотя поднималась. Надевала меховую безрукавку и пальто, укутывалась платком и выходила во двор. Однако она долго не гуляла, а шла к дому доктора Ломакина, стучалась в двери. Дверь, обычно, ей открывала Лидия Ивановна – жена доктора. Соня входила в квартиру, молча, садилась на кухне, перед плитой на табуретку и долго, часами, смотрела на огонь, подбрасывая дрова в печку. Лидия Ивановна старалась Соню накормить, приласкать, пригреть, но больная была ко всему безучастна и безразлична. Иногда Соня рассказывала о своем детстве, о сестре Оксане и матери, о бабушке Калине, об отце и мачехе. Плакали обе: и Лидия Ивановна, и Соня. Потом Соня подымалась с табуретки, извинялась, шла в коридор, одевалась и уходила домой. А дома у Сони тоже не было радости: холодно – нет дров, чтобы согреться; голодно – не хватало хлеба, его получали по иждивенческим карточкам. Игорь болел и лежал в постели, но бодрился и старался развлечь Соню.

Соня пишет в декабре 1946 года тете Ане и сестре Оксане письма уже далеко не оптимистического содержания.

«Недавно получила от тебя два письма и перевод на 150 рублей. Очень благодарна, но неужели эти 150 рублей ты оторвала от своей скудной зарплаты? Если так, то я категорически запрещаю тебе делать такие вещи. Приходится нам все благодарить кого-то, висеть на чьей-то шее. Как это неприятно, и до чего надоело! Неужели не придется пожить так, чтобы не чувствовать зависимость, знать, что я – хозяйка, что я могу помочь кому-либо, и делаю это с удовольствием...

...Кстати, о здоровье: желудок проходит, но я сильно похудела. В общем, чувствую себя неплохо. Ложусь только тогда, когда сильно устану, ну, а, чтобы устать, не требуется многих усилий.

Жизнь в Крыму, как я уже писала, сейчас трудная. Картошки, муки совсем нет. Яблок не едим, так как стоят дорого. С хлебом туго, тем более что я еще не работаю, поэтому я морально сильно переживаю. Доходит до того, что мама меня часто ругает за то, что я такая невеселая, вечно вне настроения, наверное, действую удручающе на них.

Погоды дня три стоят очень морозные, а то было все удивительно тепло. Вот сегодня был такой мороз, какой я переносила на Урале в глубокую зиму. Снега нет. Дует холодный ветер. Думаю ехать в Кабурчак устраиваться на работу, чтобы облегчить материальную сторону.

Очень хочется всех видеть. Как было хорошо в Ишуне. Всего в изобилии. Тетя Глаша, бывало, как наварит, напечет... а сейчас только вспоминать приходится...»

Через неделю, то есть 20 декабря 1946 года, Соня пишет сестре последнее короткое письмо. Она беспокоится, почему нет от Оксаны писем, и просит ее больше от себя деньги не отрывать, так как у нее – дети. А с помощью сестры уже ничего сделать нельзя. «Так что перестань особенно думать обо мне», – пишет Соня. Она уже понимает, что болезнь ее неизлечима.

«С желудком у меня плохо. Врач сегодня заявил мне, что я страдаю катаром. Требуется мягкая пища, которой дать мне нет возможности. Сегодня и вчера я буквально провалилась в постели с ужасными болями. Похудеть больше нельзя...»

Приезжал Миша из Кабурчака к Алешиным. Это уж его не первый визит после приезда Сони с Урала. Он ужаснулся, увидев Соню, и слезы навернулись у него на глаза. Что стало с девушкой, которую он любил на протяжении семи лет? Ехал он в город с твердым намерением взять Соню к себе. Поправится она, а потом он женится на ней. Мать тоже не возражала – она хорошо знала Соню.

Когда Соня и Миша остались одни, Миша сказал ей:

– Поедем, Соня, в Кабурчак. Там все-таки жизнь легче, чем здесь. Поживешь у меня, поправишься, а потом поженемся.

– Не знаю, что и сказать тебе, Миша? Ведь в Кабурчаке я не буду получать медицинской помощи. А потом, что скажут люди, что ты привезешь меня к себе? Я ведь девушка.

– Я тебя буду привозить на осмотр к врачу, когда буду приезжать в Белогорск. А на остальное наплевать – было бы здоровье!

– Пожалуй, я поеду с тобой! – решила Соня и крикнула в соседнюю комнату: – Игорь! Ты слышишь меня? Миша предлагает мне уехать в Кабурчак, пожить у него.

Игорь задумался, и Соня должна была повторить свой вопрос.

– Видишь ли, Гутя, я считаю, что, как нам ни трудно, в материальном отношении, но ты вместе с нами, и мы с тобой поделимся последним, а в искренность Миши, я почему-то не верю. Если он хочет тебе помочь, пусть привезет тебе продукты, мы к ним не притронемся. Впрочем, решай сама. А ты, Миша, на меня не обижайся за откровенность.

– Ну, что ж, я поеду с Мишей. Вот пусть придет мама, ей скажу, и мы отправимся в путь.

Соня стала собирать свои вещи в чемодан. Миша сидел и курил, а Игорь глубоко задумался, и изредка с сожалением посматривал на Соню. Наконец, Соня собралась. Сборы ее были недолгими.

– Милый Игрик, я еще в ноябре собиралась в Кабурчак на работу. Все надеялась, что мне станет легче. Но какая из меня сейчас работница? Я давно заметила, что при теперешней тяжелой жизни, являюсь для вас обузой, и отнимаю у вас те ничтожные крохи, какие у вас есть.

– Ты моя сестра и дочь моих родителей, и все, что у нас есть, это тоже твое, – сказал Игорь.

– Вот я это понимаю, и хочу вам облегчить жизнь, – ответила Соня.

Наконец, пришла Лидия Федоровна. Она сшила кому-то костюм и относила заказчику. Вошла она радостная. Кроме денег, которые ей заплатили за костюм, ей дали еще ведро картошки и килограмма три пшеницы. Она увидела Мишу, и сразу догадалась, что он приехал за Соней.

Когда ей объявили, что Миша забирает Соню в Кабурчак, и хочет там ее немного подкрепить, она сказала:

– Миша, если Соне станет там хуже, немедленно вези ее сюда. Мне кажется, что свежий воздух в деревне, молоко и масло ее скорее поднимут на ноги. А вообще ее надо привозить сюда к доктору каждую неделю.

Соня уехала в Кабурчак. Мать Миши – Анастасия Кирилловна встретила ее хорошо. Соня с удовольствием стала есть молочную пищу, но ей сразу же стало хуже. Не смотря на старания – облегчить страдания Сони домашними средствами не получилось. С каждым днем Соне становилось хуже. Она таяла, как восковая свеча, и большую часть дня лежала в постели и почти не вставала. Изредка, в солнечный день она выходила на открытую веранду, любовалась горами и... плакала. Плакала о бабушке, о своей неудавшейся жизни...

В конце концов, здоровье Сони настолько ухудшилось, что в середине января Миша привез ее в Белогорск, и хотел положить в больницу, но там «не оказалось свободных мест», так как больную с открытой формой туберкулеза не захотели класть в общую палату. А Алешин Игорь болел воспалением легких, и их дом не отапливался, не было дров. Александр Иванович работал в Симферополе, и Лидия Федоровна металась, как быть.

Приютила Соню ее троюродная сестра Таня. Но и у нее положение в доме было весьма затруднительное: муж давно лежал больной, а двое малолетних детей легко могли заболеть туберкулезом, общаясь с Соней.

Но Соня у нее долго не пробыла. 27 января 1947 года доктор Ломакин положил Соню в тубдиспансер.

Состояние ее очень ухудшилось: туберкулез разрушал кишечник, у Сони появились безумный боли, высокая температура. Она очень страдала, и в то же время беспокоилась, что от Оксаны нет писем.

Лидия Федоровна 31 января послала Оксане коротенькое письмецо, в котором сообщила, что Соню положили в больницу, и что она ежедневно ее посещает. Сообщила Оксане о необыкновенных морозах, стоящих в Крыму (до 30 градусов), об отсутствии дров, и о том, что Игорь тоже лежит больной. Она очень просила Оксану написать Соне письмо, так как она очень ждет и волнуется.

Приходили к Соне и Лидия Ивановна Ломакина, и Таня.

Все, посещающие Соню, приносили что-нибудь поесть, но это еда не помогала. Болезнь съедала девушку.

Соня все не верила в приход смерти. Она была полна оптимизма, и за три дня своей смерти говорила Тане:

– Если я к весне поправлюсь, и мне удастся заработать на дорогу, мы с тобой, Таня, еще попутешествуем. Поедем на Кавказ, в Грузию. Там, ведь, сейчас Оксана с госпиталем, в Теберде. Как там прекрасно! А я – глупенькая, не дооценивала Урал... Как там величественно! – И Соня горячей рукой взяла руку Тани, и слезы полились у нее из глаз. – не удалась у меня жизнь, Таня... А сколько раз я могла бы выйти замуж!

Таня сидела у Сониной кровати и украдкой вытирала слезы. Говорить она не могла – слезы сдавливали ей горло, и она едва удерживалась, чтобы не разрыдаться. А Соня продолжала:

– Где сейчас Юра Челухиди? Мы ведь любили друг друга, и я была его невестой. Зачем я осталась у тети Сони? – И Соня задумалась.

– Говорят, Соня, что Юра в Мелитополе, и тоже сильно болеет. Лежит в госпитале для инвалидов Отечественной войны, – сказала Таня.

– Да, были бы мы вместе – этого бы не было. Иди, Танечка, но только приходи ко мне каждый день. Что-то мамы нет уже несколько дней.

После прошедших с того времени десятилетий трудно судить, почему в последние дни перед смертью Сони Лидия Федоровна не стала ходить к ней в больницу. Она объясняет это в своих письмах тяжелой болезнью сына. Возможно, это и было так. Но когда Лидия Федоровна пришла 12 февраля утром к Соне и принесла ей поесть, то увидела, что Соня уже не жилец. Она не могла говорить и шепотом спросила:

– Как Игорь? – и, узнав, что ему плохо, сказала: – Скоро мы с ним там будем. – И улыбнулась своей милой улыбкой.

Лидия Федоровна не выдержала и заплакала.

– Не надо плакать, мама! Передайте привет Игрику. – Соня закрыла глаза и замолчала.

Лидия Федоровна поцеловала Соню в лоб, – он был необыкновенно горяч, – и вышла из палаты.

Придя домой, Лидия Федоровна увидела в глазах сына немой вопрос, но она промолчала. Все валилось у нее из рук. Наконец, Игорь спросил у нее:

– Что же ты не говоришь, как там Соня?

Вместо ответа Лидия Федоровна заплакала.

А 13 февраля Игоря не стало.

Когда Таня сказала о смерти Игоря, Соня прошептала:

– Ну, теперь и мне туда пора, – и отвернулась к стене.

На следующий день 14 февраля Соне вдруг захотелось что-то сказать Тане. Она знаком подозвала медсестру и прошептала ей, что хочет видеть Таню. Но пока бегали за Таней, Соня умерла. Так и осталось неизвестным, что хотела она сообщить ей перед смертью. Но, скорее всего, на одре человек

от страха смерти зовет самого близкого, как с детства от страха кричит: «Мама!»

Умерла Соня, как говорила палатная сестра, в полузабытьи, и на лице у нее застыла вопросительная улыбка. Смерть не изуродовала ее прекрасное, точно мраморное, лицо.

Тубдиспансер выдал Тане и Лидии Федоровне справку о смерти Сони, в которой указывалось: «У больной развился туберкулез кишечника, пищевода и гортани, и, кроме того, был открытый процесс туберкулеза легких». – Куда еще больше! Болезнь, видимо, у Сони была давно. Тяжелая работа в немецкой жандармерии СД, где на ее глазах истязали сотни людей, глубокие, нервные переживания в тюрьме и плохое питание в военное время подкосили здоровье разведчицы «Венеры»...

Хоронили Соню и Игоря 15 февраля.

Тане Черноморченко удалось раздобыть белого шелку для обивки Сониного гроба. Лидия Федоровна сшила Соне белое платье, голову ей украсили фатой и восковыми цветами, взятыми у Тани. Вырядили ее, как невесту, но только она была очень худа и мраморно бледна. Люди, знавшие Соню, несмотря на февраль, осыпали Соню цветами.

Гроб Игоря был оббит красной материей... На его лице застыло суровое, осуждающее и даже обиженное выражение.

Соню и Игоря похоронили рядом на Белгородском городском кладбище. Провожало их в последний путь много людей: были среди них и спасенные Соней партизаны и подпольщики, были и просто знакомые, знавшие Соню, Игоря, мать и отца Алешиных, много было школьников и пионеров из средней школы.

Так ушла из жизни легендарная «Венера» – отважная разведчица крымских партизан, переводчица немецкой комендатуры СД, спасшая многие сотни жизней советских людей...

Так ушел из жизни талантливый юноша-калека, чистый душой и сердцем, любивший Соню преданно и до конца... Ушел из жизни потому, что увидел – Сонины дни сочтены, а жизнь без нее для него уже не имела смысла. И нельзя разделять их – быть рядом – они стремились до конца жизни.

2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	42
Глава 11	48
Глава 12	58
Глава 13	61
Глава 14	64
Глава 15	71
Глава 16	77
Глава 17	82
Глава 18	85
Глава 19	89
Глава 20	94
Глава 21	96
Глава 22	100
Глава 23	103
Глава 24	109
Глава 25	116
Глава 26	122
Глава 27	128
Глава 28	151
Глава 29	173

Глава 30	183
Глава 31. Дневник Игоря	190
Глава 32	199
Глава 33	207
Глава 34	212
Глава 35. Из дневника Игоря Алешина	219
Глава 36	225
Глава 37. Продолжение дневника Игоря Алешина	233
Глава 38	243
Глава 39. Продолжение дневника Игоря Алешина	250
Глава 40	259
Глава 41	265
Глава 42. Продолжение дневника Игоря Алешина	273
Глава 43	284
Глава 44	291
Глава 45. Продолжение дневника Игоря Алешина	297
Глава 46	301
Глава 47. Продолжение дневника Игоря Алешина	305
Глава 48	314
Глава 49. Продолжение дневника Игоря Алешина	329
Глава 50. Продолжение дневника Игоря Алешина	332
Глава 51	335
Глава 52. Продолжение дневника Игоря Алешина	349
Глава 53	357
Глава 54	367
Глава 55. Продолжение дневника Игоря Алешина	372
Глава 56	380
Глава 57	387
Глава 58	391
Глава 59. Продолжение дневника Игоря Алешина	397
Глава 60	400
Глава 61	406
Глава 62	411
Глава 63	417
Глава 64	422
Глава 65	428
Глава 66	433
Глава 67. Окончание дневника Игоря Алешина	437
Глава 68	443
Глава 69	450
Глава 70	457
Глава 71	464
Глава 72	470
Глава 73	477
Глава 74	493
Об авторе	510

ОБ АВТОРЕ

Борис Константинович Рябухин — поэт, драматург, прозаик, критик. Член Союза писателей России, Союза журналистов, Академии российской литературы.

Родился в 1941 году в с. Зимник Фрунзенского района Волгоградской области. Жил в Астрахани.

Стихи начал писать с ранних лет. В 1959 году опубликовал первое свое литературное произведение — басню в газете "Волга".

В 1966 году переехал в Москву. Работал старшим редактором и ответственным секретарем — членом редколлегии журнала Минмонтажспецстроя СССР "Монтажные и специальные работы в строительстве" (в Стройиздате), научным редактором книжной редакции издательства "Молодая гвардия", разъездным корреспондентом журнала "Смена", литературным консультантом журнала "Москва", старшим редактором и редактором отдела — членом редколлегии журнала "Молодая гвардия", возглавлял библиотечку журнала "Молодая гвардия", работал обозревателем отдела русской литературы "Литературный газеты", менеджером и заведующим отделом газеты ИТАР-ТАСС "Двадцать четыре", заместителем заведующего книжной редакции — членом дирекции издательства "Современник", заместителем главного редактора журнала "Мир транспорта", членом редколлегии, заведующим отделом культуры и ответственным секретарем журнала "Юность", начальником отдела информационно-методических изданий в Московском доме общественных организаций Правительства Москвы, заведующим редакцией издательства "Художественная литература".

Более восьми лет Борис Рябухин был на государственной службе в Миннаце России.

Рябухин — автор тридцати книг поэзии, прозы и драматургии.

Международное сообщество писательских союзов присудило Борису Рябухину за исторические хроники в стихах "Кондрат Булавин", "Степан Разин" и сборник стихов "Мятежный круг" Международную литературную премию имени Николая Тихонова за 1999 год. За драматическую поэму "Император Иван" журнал "Юность" присудил литературную премию имени Владимира Максимова в 2005 году. За поэтические книги "Избранное" и "Силы весенние" Астраханский государственный технический университет присудил Борису Рябухину премию имени Бориса Шаховского в 2008 году.

Номинировался на государственную премию России, на премию А.Дельвига «Литературной газеты» (шорт-лист).

Государственный Донской казачий театр поставил спектакль по его драме в стихах «Кондрат Булавин» (г. Волгоград). Получил первую премию за поэму «Степан Разин» на международном конкурсе «О казаках замолвим слово». Награжден медалью «Литературный Олимп», знаком «Серебряный крест», за книги «Российские хроники», «Волжский царь», получил Диплом лауреата за книгу «Любовиада» в конкурсе МО Союза писателей России за лучшую книгу 2014-2016 гг. Награжден медалью «За трудовую доблесть» в 2016 г.

Живет в Москве.

Литературно-художественное издание

Рябухин Борис Константинович

КРЫМСКАЯ «ВЕНЕРА»

Роман

Книга выходит в авторской редакции

Компьютерная вёрстка – Викторова Л.А.

Подписано в печать 28.03.2017

Формат 90х60/16

Усл.печ.л. 20

Бумага офсетная

Отпечатано в типографии ООО «Литера М»